

Мирмухсин
ЗОДЧИЙ

РОМАН.

Издательство литературы
и искусства имени Гафура Гуляма
Ташкент — 1979

Перевод с узбекского
Н. ВЛАДИМИРОВОЙ

© Перевод на русский язык.
Издательство «Советский писатель», 1978 г.

© Оформленне. Издательство литературы и искусства имени
Гафура Гуляма, 1979 г.

ББК 84Уз7
М 63

М $\frac{70403-132}{352(06)-79}74-78$

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

ПОКУШЕНИЕ

Двадцать третьего дня месяца рабиуссани¹ в Герате было совершено покушение на Шахруха-мирзу, возвращавшегося с пятничного богослужения. Мюрид Фазлуллаха Астрабади, главы хуруфитов, некий Ахмад Лур, заверив стражу, что ему лично надо передать прошение государю, сумел приблизиться к нему и нанес ножевую рану.

Ахмада Лура схватили у соборной мечети Джаме и тут же умерщвили².

В тот же день весть об этом распространилась по всему Герату. Трое царских гонцов уже мчались в Самарканд к Улугбеку с сообщением о покушении на Шахруха-мирзу и другими тайными вестями. Трех гонцов спешно отрядили в Мешхед и Нишапур и еще троих, одного вслед за другим,— в Балх и Астрабад. Вскоре Хорасан и Мавераннахр узнали о тяжком ранении Шахруха.

Все помыслы людские занимал человек, отважившийся поднять меч против великого венценосца царства тимуридов, царства, приводящего в трепет весь мир. Все думали о человеке, заведомо шедшем на гибель.

Вот уже несколько лет, как столица царства была перенесена из Самарканда в Герат и все царевичи — сыновья Шахруха — были у него в повиновении.

¹ *Рабиуссани* — название четвертого месяца мусульманского лунного года.

² События излагаются по труду Абдураззака Самарканди «Место восхода двух счастливых созвездий и слияния двух морей».

А семь лет назад единомышленник Фазлуллаха поэт Саид Имадиддин Насими был заключен под стражу в городе Халебе и зверски замучен. В городе царил растерянность: значит, хуруфиты вновь подняли голову...

Герат раскинулся у подножия Кухисиёха — Черной горы. Устье реки Герируд пролегает у подножия другой горы, Кухисаф — Белой. Сама река тремя верстами ниже города.

В северной части Герата, недалеко от Иракских ворот, высится медресе Низамия. Там же расположился знаменитый Кандахарский базар, а за ним — крытые водоемы.

Мечеть Джаме — одно из красивейших зданий Герата — возвышается в восточной его части. Начали строить мечеть еще при владычестве династии гуридов в XII и XIII веках, но подлинным своим величием она обязана народным умельцам, чьи не знающие устали руки, по справедливости, возвели ее в первые ряды лучших памятников искусства. Постройка ее связана с именем устада Кавама, Наджмеддина Бухари, а позднее и с именем великого Алишера Навои, первым подавшего мысль о ее перестройке. Именно при Алишере здание засверкало изразцами и резным орнаментом, характерным для восточного зодчества.

Мост Пули Малан через реку Герируд также одна из достопримечательностей Герата. Его окрестности — место народных гуляний. Если верить преданию, этот древний кирпичный мост построен на деньги, собранные подвижницей Бибинур, всю жизнь торговавшей курами.

И за пределами города немало священных мест. Самое прославленное из них — это Газургох. Здесь, недалеко от Кухисиёха — Черной горы, покоится прах поэта Ансори. Город отсюда виден как на ладони.

После покушения на государя Герат, словно осажденная крепость, затаился в предчувствии неминуемой беды. Все городские ворота были наглухо запорты. Всюду сновали нукеры и царские стражники. Ворота открывались лишь посланцам и гонцам по особому разрешению. Должностные лица имели право покинуть пределы города лишь с согласия царевича Ибрагима Султана.

В северной части города тонкие башни минаретов, врезанные в небесную синь, ансамбль медресе Мусалло¹, сверкающий на солнце голубыми мозаичными изразцами, словно драгоценными камнями, и те глядели непривычно хмуро и уныло. Голуби, весело кружащие с утра до вечера над лазурными куполами, казалось, попрятались нынче в расселины каменных стен.

Напротив цитадели стройные минареты походили на вытянутую шею сказочного исполина, зорко оглядывающего улицы, базарные ряды, караван-сарай и крепостные стены, отбрасывающие густую тень. Словно безжалостные воины владыки, они держали под бдительным и неусыпным оком своим всех и вся, а над беспредельно ясными бирюзовыми сводами клубились свинцовые тучи. Куда-то сгнула извечная гармония: купола Мусалло, ребристые купола минаретов, купол неба, точно рассорившись, сердито взирали друг на друга.

На хлебном базаре и в лавках шла торговля, но не было слышно ни обычных возгласов, ни привычной веселой суеты, ни оживленной беседы молодых. Люди собирались кучками подальше от царских стражников и тихо шептались о покушении, об Ахмаде Луре, о хуруфитах. Они боялись соглядатаев, и, если поблизости появлялся незнакомец, все разговоры разом прекращались и люди поспешно расходились в разные стороны.

На Мешхедской дороге при выезде из города возвышалась крепость Ихтиёриддин. Уже одно ее название вызывало трепет ужаса: здесь томились узники, совершившие особо тяжкие преступления.

«Не приведи господь попасть в Ихтиёриддин», — шептали старики как заклинание после обычного «лоховла»². Еще никто на людской памяти не выходил на волю из крепости Ихтиёриддин. И еще одно наполняло страхом сердца жителей Герата: имя молодого царевича Ибрагима Султана. Подобно своему великому деду,

¹ *Мусалло* — ансамбль медресе, позднее названный именем Гаухаршодбегим. Эти строения (XV век) возведены зодчим Кавамиддином. В 1885 году они были взорваны англичанами майором Гольдигом и Пикоком.

² «Лоховла» — «нет бога, кроме бога».

он прославился суровым нравом, коварством и жестокостью.

Всякое говорили о покушении. Много вольнодумных мыслей о правах простого народа высказал в своей книге «Жаводони кабир»¹ один из основоположников хуруфизма Фазлуллах Астрабади, сосланный Амиром Тимуром в Ширван. Об этом знали и придворные и ученые, но кое-какие слухи просочились и до простого люда.

Согласно учению хуруфитов, мир вечен и человек есть основа вселенной. В каждом человеке живет бог, ибо человек создан по подобию божьему. Круговорот вселенной в теснейшей связи с историей человечества. В начале каждой эпохи — Адам, в конце — светопреставление. Вся эта мудрость становится очевидной в проповедях святых и канонах веры. В каждой арабской букве наличествует мистический знак превратности судьбы, в этих же буквах отражен божественный признак человеческого лика. Течение хуруфитов в короткий срок обернулось против феодалов и широко распространилось в народе. Его приверженцы называли царевича Мираншаха не иначе как дьяволом и вероотступником, а позднее, когда Мираншах погиб в битве с Джалаиром близ Сардруда, среди хуруфитов пошли разговоры о том, что вот теперь-то явится мессия — имам Махди и построит на земле государство справедливости. Они призывали простой народ поднять оружие против тирании, выступить под предводительством Махди.

Как стало известно впоследствии, в Герате существовала большая группа хуруфитов, продолжавших дело своих предшественников, и с нею были связаны племянники Фазлуллаха Ходжа Аздуддин и мавляна Тарик, а также Магмур, человек по имени Харун-ткач и несколько ученых.

Правительство Шахруха обвинило позднее и поэта Мир-Касыма Анвара в причастности к хуруфитам.

Ахмад Лур был родом из Луристана и проживал в каморке одного из гератских базаров. Этот человек средних лет ходил покрывшись куском войлочной кошмы, на удивление окружающим, и жил тем, что изго-

¹ «Жаводони кабир» — «Величие вечности».

товлял златотканые тюбетейки, сидя в крошечной своей каморке.

Подробнейшие сведения об Ахмаде Луре поступили во дворец и в течение недели, передаваясь из уст в уста, стали известны всему Хорасану.

Чрезвычайные события повлекли за собою и чрезвычайные меры во дворце: все переговоры с лекарями, бессменно дежурившими у постели государя, были поручены третьему сыну Шахруха Мирзе Байсункуру. При нем неотлучно находилась его мать Гаухаршодбегим — «украшение царства». Царевичу Ибрагим Султану надлежало обнаружить людей, причастных к покушению, взять их под стражу и бросить в крепость Ихтиёридин, где их ждала суровая кара. Младшие царевичи Суюрготмыш и Мухаммад Джуки были без промедления из провинции Джурджон отозваны в Герат.

Вся страна не могла опомниться от потрясения, — еще бы, ведь это было первое покушение на тимуридов.

Во внутренних покоях Баг-и-Заган — постоянной резиденции Шахруха, на ложе, устроенном из множества одеял, метался всю ночь раненый государь. Сознание не возвращалось, и, хотя рана была тщательно промыта и перевязана, хотя были даны лекарства, заглушающие боль, он громко стонал и не видел лекарей, окружавших его. Всюду стояли золотые тазы с водой и мылом, мумиё в золотой чашке, вокруг лежала мягкая белая материя, кровоостанавливающие средства, жженая тряпка и хирургические инструменты. Лекари сосредоточенно листали «Канон врачебной науки» Авиценны, а шейх-уль-ислам¹ и имам соборной мечети Джамае время от времени творили молитвы.

Среди заключенных под стражу и подозреваемых в сопричастности к покушению был сын известного зодчего Наджмеддина Бухари Низамеддин.

В тот же день эта весть, переданная Ибрагимом Султаном, достигла ушей Гаухаршодбегим — «украшения, целомудрия и ума эпохи». Она имела беседу с сыном Байсункуром-мирзой, вначале разгневалась, а затем даже высказала сожаление: «Как мог сын такого

¹ Шейх-уль-ислам — глава духовенства в ханствах Средней Азии.

мудрого человека, оказавшего столько услуг государству, удостоившегося милостей великого султана, быть замешанным в такое подлое преступление?»

А Байсункура-мирзу, не отлучающегося от матери, преследовало видение: он словно воочию лицезрел новое медресе и великий минарет Мусалла — подлинную гордость столицы. Эти жемчужины всего Хорасана были созданы руками устада Кавама и устада Бухари.

Деда и прадеды Наджмеддина происходили из Бухары, а он вел свою родословную от Хурдаки Бухари. После того как Тимур разгромил движение сарбадаров¹, оставшиеся в живых участники восстания рассеялись по всей стране. Так Наджмеддин оказался в Хорасане. Придворная знать была осведомлена об этом.

В сердце Байсункура-мирзы закралось тревожное подозрение: «Уж не скорпион ли под подушкой этот Наджмеддин Бухари?» Своей тревогой он поделился с матерью, но Гаухаршодбегим посоветовала сыну ждать, не выказывая недоверия к людям достойным, а тем паче не преследовать их до тех пор, пока все не станет ясным.

Но печальнее всего было то, что изгнание Мир-Касыма Анвара и заключение под стражу мавляны Маруфа Хатгота вселило тревогу в сердце Джафара Табризи, Юсуфа Андугани, устатов Кавама и Бухари.

Узнав об этом, Байсункур-мирза безмолвно склонил голову перед братом Ибрагимом Султаном. Брат прекрасно знал, что все эти «мавляны» пользовались не только покровительством Байсункура, но и особой его милостью. Недаром год тому назад Байсункуру, как покровителю зодчих и ученых, был присвоен сан «высшего правителя государственного совета».

Окинув беглым взглядом лекарей, толпившихся у постели отца, Байсункур удалился в свои покои во внутренней части дворца. Он шел и вспоминал тот день, когда брат Мирза Улугбек прислал к нему человека с просьбой отпустить Ходжу Юсуфа Андугани и

¹ *Сарбадары* — участники городского восстания против монгольского владычества в Хорасане (1445—1481).

он, Байсункур, отправил в ответ язвительное и надменное послание, вместившееся в два фарсидских бейта, что пришлось не по душе Мирзе Улугбеку.

Каждому было известно, что Улугбек-мирза в Мавераннахре, а Суюрготмыш в Адаке неустанно пеклись о благоустройстве областей и провинций, подчиненных их власти, но самой первой заботой были наука и искусства.

Байсункур-мирза выделялся среди братьев своей одаренностью, сметливостью и предприимчивостью. Позднее отец назначил его правителем Туса, Мешхеда, Астрабада, Джурджона, но он и не подумал двинуться с места и постоянно жил в Герате, под крылышком своей матери Гаухаршодбегим.

В пятницу среди ночи вооруженные нукеры ворвались в дом зодчего Наджмеддина Бухари. Они подняли с постели его сына Низамеддина, скрутили ему за спиной руки. Растерянному и дрожащему от ужаса старику отцу они сообщили, что выполняют, мол, приказ государя.

Сердце старого зодчего разрывалось на части. Сын, совсем еще мальчик, только что вернувшийся с Ферганского сражения, был бледен как полотно и в замешательстве поглядывал то на отца, то на рыдающую мать. Он не сопротивлялся. Сабля его висела во внутренней комнате на гвозде в нише, и он не мог до нее добраться.

На мольбы отца отпустить юношу, на все его вопросы, в чем виноват сын, ответа не последовало.

Не успели домашние опомниться, как стражники, грубо подталкивая Низамеддина, повели его по двору.

— Я буду жаловаться его величеству,— кричал зодчий, преграждая путь нукерам.

— Ваш сын арестован именем его величества. Если что не так, обращайтесь с жалобой к его светлости царевичу,— огрызнулся стражник, обнажая меч.

— Это роковая ошибка!— простонал зодчий, стоя босиком на пороге.— Низамеддин! Ты слышишь меня, я пойду к его величеству. Ведь ты ни в чем не виноват. Я все объясню. Не бойся, сынок.— Старик так и не успел обуться и шел по двору за стражниками босой.— Только не бейте его,— молил он,— это роковая

ошибка, ведь вы же мусульмане, нет на нем вины, не причиняйте же ему боли, дети мусульман. Как только рассветет, я пойду к его величеству.

— Безмозглый старикашка! «Не причиняйте боли!»— проворчал стражник, тот, что обнажил меч.— Знал бы ты, каков твой сын. Знал бы, так не молол чепухи. А ну, шагай быстрее,— он толкнул Низамеддина.

— Прощайте, отец, простите меня, мама,— негромко промолвил Низамеддин.

Перепуганная Бадия, дочь зодчего, сестра Низамеддина, широко открытыми глазами смотрела на стражников, уводящих брата. Она знала, что дамасская сабля Низамеддина висит в нише. И ждала только знака брата, чтобы сорвать ее со стены. Но он так и не успел подать знак. И она не успела ему помочь.

Стражники ушли, и над двором повисла пугающая тишина. Зодчий решил немедленно, не дожидаясь рассвета, отправиться во дворец.

Всю жизнь он верой и правдой служил своему повелителю. И что же? Его дом опустел, единственного его сына заключили под стражу. Где же справедливость? Не вернее было бы прийти к отцу и за беседой с ним выяснить все обстоятельства дела, если сын впрямь в чем-то и провинился. Но подняться среди ночи с постели мальчика, скрутить ему руки, увести... Да это же произвол. Насилие... Знает ли об этом великая госпожа? А Байсункур-мирза? Неужто дали они согласие на такое беззаконие, неужто усомнились в верности преданного им человека? За что же такая кара? За какие прегрешения? Быть может, между царевичами снова начался раздор? Он слышал, еще давно слышал, что раздоры между царевичами вносят смуту и держат в тревоге все государство. А страдает от этого простой народ.

Значит, снова неладили Байсункур-мирза и Ибразгим Султан? А может быть, покушение на государя разожгло вражду между братьями? Быть может, по этой же причине не отпустили в Самарканд к Улугбеку мавляну Юсуфа Андугани?

Босой старик неподвижно стоял посреди двора, бессмысленно глядя на распахнутую калитку. Перед его мысленным взором мелькали лица вельмож, воинов, стражников. Какое имеет отношение он к ним, к их ин-

тригам? Как можно было связать юноше руки и тащить его в крепость?

Наджмеддин оперся о посох, он так и стоял, словно каменное изваяние, и все глядел на распахнутую калитку, ту, через которую умели сына. Он не обращал внимания на причитания жены, вернее, просто не слышал их.

Бадия глядела на отца горящими глазами и все ждала, что он скажет хоть что-то и объяснится весь этот ужас. О, зачем она спала так крепко,— если бы она услышала шаги стражников, если бы успела подать брату саблю или сама бросилась на стражников с кинжалом. На худой конец, помогла бы брату бежать. Господи! Господи!

Наконец зодчий опомнился: бессмысленно стоять вот так посреди двора, нужно идти, нужно что-то делать. Идти во дворец? Но сейчас ночь, и кто знает, добредет ли он до дворца по темным гератским улицам и закоулкам?

Он вошел в дом. Калитка так и осталась распахнутой, он не стал закрывать ее. Поставив посох в уголок передней, зодчий повесил на гвоздь чекмень и молча сел. Бадия опустила на корточки рядом с отцом. Она глядела на него, умоляя взглядом утешить мать, сказать хоть слово. Собрав всю свою волю, старик погладил дочь по голове:

— Надо набраться терпения, иного выхода у нас нет... Я уверен, это недоразумение, страшное недоразумение, все выяснится. Если бог смилостивится над нами, Низамеддин вернется еще к рассвету. Может, его заподозрили в чем-то, а может, кто-то оклеветал его. Они допросят его, дознаются истины и отпустят. Он ни в чем не виноват. Да и что такое он мог сделать? Мой сын честный человек, он, как и я, предан престолу. А я верно служил еще его величеству Амиру Тимуру и его величеству Мирзе Шахруху. В чем могут упрекнуть старого мастера? И разве сын мой способен пойти против царской семьи? Я и сам уже ничего не понимаю. Здесь явная ошибка, и правда откроется. Низамеддина освободят.

— Мне говорили, что между Низамеддином и Худододбеком вышли какие-то неприятности,— рыдая проговорила Масума-бека.

— Не говори глупостей, жена. Худододбек друг твоего сына, он благородный юноша. И он сын моего бесценного друга устада Кавама. Не могут они совершить ничего дурного. Господин Кавам — мой учитель... Нет, нет, не мог Худододбек причинить нам такое зло. Если они и поссорились, так ведь за такой пустяк не бросают же в Ихтиёриндин. Пусть только рассветет, я тут же пойду к почтеннейшему Каваму, посоветуюсь с ним. Никогда не отказывал мне он в поддержке. И сейчас поможет. Его высоко ценят во дворце.

— Но устад Кавам здешний, гератский, а мы, а наш род...

— Ну и злой же у тебя язык, никогда не смей говорить так. Это грех, — гневно прервал жену Наджмеддин. — Хорасан и Мавсранияхр под одним знаменем, и мы всегда верно служили его величеству. В наши сердца, в сердца зодчих и творцов, никогда не закрадывалось даже тени сомнений. А уж устад Кавам и подавно не знал и не знает их.

Масума-бека замолчала.

— Конечно, то, что Фазлуллах не дал заглухнуть в сердцах своих приверженцев извечной ненависти и злобе и они с упорством добиваются своего, не может не разгневать сильных мира сего. Да сохранит всевышний великого владыку, поскорее бы затянулась его рана. Тогда воцарятся мир и спокойствие, тогда и горе развеется. Ну и пусть наши деды были связаны с Хурдаки Бухари, к нам это касательства не имеет. Я доказал это своей беспорочной службой, своей преданностью престолу. Устад Кавам это знает. Да и все знают.

Бадия, в просторном, длинном, до пят, платье, сидела рядом с отцом. О, если бы она могла облачиться в одежды брата, стать отважным воином, таким, как девушки из легенд, и рубиться в Катванской степи. Мчаться бы ей с обнаженным мечом, и уж не промахнулась бы она, опуская его на головы мучителей, забравших ее брата, ввергнувших в горе всю их семью. Ведь она уже не ребенок, ей семнадцатый год.

Как хотелось ей поддержать и одобрить несчастного отца. Почему, почему не родилась она мужчиной?

Гнев сжигал ее душу, гнев против тех, кто в мгновение ока превратил их дом в обитель печали, обездолил

отца и мать. Неотрывно глядела она на следы грязи, оставленные сапогами стражников на ковре.

Люди шаха увели ее брата. Как они грубо обращались с ним, как толкали его, скрутили ему руки. Безжалостные «войки» обращались с ним, как с животным.

А Низамеддин даже не сопротивлялся. Его связали, как связывают барана, когда волокут его на заклание.

Масума-бека сидела в передней и горько рыдала, не спуская глаз с распахнутой калитки. Раскрыв ладони, она горячо молилась: «Господи, облегчи мне горе мое. Сохрани, господи, мое дитя. Пусть оставшиеся мне дни не станут для меня мучением».

Бадия поднялась и направилась к калитке.

— Не ходи,— остановил ее отец,— пусть остается открытой. Им больше нечего здесь брать, они вырвали у нас сердце. Да там, наверно, бродят соглядатаи. Боже мой,— продолжал он,— ума не приложу, что такое он мог натворить. Это, конечно же, ошибка, нелепое недоумение.

Бадия подняла на отца покрасневшие от слез глаза. Она не могла простить себе, что не помогла брату — не протянула ему саблю, а он покорно стоял, не сопротивлялся. Нет, ее брат не трус. Он гордый, он бесстрашный, он смелый, и не так-то легко его запугать. Почему же вдруг он оробел, смирился? Почему покорился им? Или не счел возможным сопротивляться в присутствии отца, матери?

Бадия страдала — ее брат отступил перед стражниками, не защитил себя.

Ее прекрасные, хоть и заплаканные теперь глаза, нежные губы, вся ее тоненькая фигурка в длинном, до пят, платье выражала отчаяние. Улыбка, освещавшая все ее лицо, погасла, исчезла, на нем застыла маска скорби. Она делила горе с родителями и сидела притихшая и печальная среди ночной мглы, кое-где прорезанной редкими звездами.

Где же Худододбек, гарцующий на коне, кичащийся перед нею своей удалью? Если этот благородный джигит знает о том, что увели ее единственного брата, так почему же он безмолвствует?

Бывало, отец, понижая голос, говорил в их тесном домашнем кругу, что «сильные мира сего те же драконы, и к тем и к другим приближаться опасно».

Сейчас даже красавец Байсункур-мирза, который привлекал ее куда больше, чем Худододбек, сын устада Кавама, казался ей настоящим драконом. А Ибрагим-мирза — страшным сказочным Заххаком, на чьих плечах гнездятся змеи.

Цитадель с резиденцией правителя, возвышавшаяся на холме в южной части города, минареты Мусалло в его северной части были сейчас похожи на мрачные черные горы и вселяли ужас в сердце Бадии.

Вздыхающий о ней Худододбек представился ей холодным и расчетливым, а его чувство насквозь фальшивым.

А уstad Кавам, якобы считающийся близким другом отца... но ведь между ними — двумя прославленными зодчими — издавна идет тайное соперничество. Масумабека и прежде не раз намекала на это, но тогда Бадия не придавала значения ее словам. И вот теперь она поняла, что то были не пустые слова, и глубоко задумалась. А ведь по натуре уstad Кавам жизнерадостный и дружелюбный человек, ему вовсе не чуждо тщеславие. И честолюбие. Порою он мог не посчитаться с достоинством даже близкого друга. Но своим долголетним беспримерным трудом он заслужил известность и даже славу во всем Хорасане. Имя его гремит в Самарканде и Бухаре, в Мешхеде и Табризе.

Медресе Гаухаршодбегим, созданное по его замыслу, не должно было ни в чем уступить Бибиханым. Так оно и получилось. Это медресе славилось и в Индии, и в Багдаде.

Конечно, от чужих глаз не укрылось честолюбие зодчего Кавама. Для людей не было тайной, что он мог ради корысти пресмыкаться перед лицами царской фамилии, а ради своей выгоды даже навредить ближнему. Хорошо изучившие его люди говорили с насмешкой: «Уstad Кавам не зодчий зодчих, а зодчий царей».

Был он коренным гератцем, любил своих земляков и не слишком-то жаловал Бухари, Андугани, Самарканди. Он покровительствовал Ахмеду Чалаби по прозвищу «Мягкая Метелка», человеку, не имеющему никакого отношения к зодчеству и постоянно стремящемуся посеять раздор между Кавамом и Бухари. Однако люди, близкие к уstadу Каваму, его соратники, стара-

лись не замечать этих слабостей прославленного зодчего.

Разве не такому же «недугу» был подвержен и мавляна Шарафуддин Али Язди? Мало ли что разрешают себе порою эти мавляны. Ясно, простой смертный, дорожающий своим авторитетом, не может себе позволить подобных «слабостей», но ведь и на луне есть пятна, и из-за них никто от луны не отрекся. Тот, кто не замечает мусор и пену на глади морской, а умеет разглядеть в пучине моря жемчуг и драгоценные камни, лишь только тот может по-настоящему оценить талант устада Кавама и устада Бухари.

Правда, и в доме Наджмеддина, и в доме Юсуфа Андугани не раз поговаривали о том, что устад Кавам «лезет из кожи вон» и готов «засунуть все пять пальцев в рот», но дети, хоть и слышали об этом, серьезного значения таким речам не придавали.

Перед взором Бадии возникал то гордый славой своего отца, стройный и смуглый, как индус, Худододбек, то статный красавец Байсункур-мирза в вечной своей чалме, украшенной драгоценными камнями. Лишь в них видела она сейчас спасение, на них возлагала все свои надежды: неужто царевич или отец Худододбека не вмешаются и оставят их в беде? Нет, нет. Не может этого быть.

Возможно, Низамеддин где-нибудь и насвоевольничал, пожалуй, даже сцепился с кем-нибудь или нагрубил какому-нибудь чиновнику или вельможе. Такое могло случиться. Но ведь не бросают же из-за этого в Ихтиёридин. Тут и впрямь либо недоразумение, либо чья-то месть.

А ведь всем известно, что именно господин Кавам дал имя при рождении Низамеддину и что он собирался женить своего Худододбека на Бадие.

Не потому ли отец Бадии расстался с лучшим своим учеником Зульфикаром Шаши, заподозрив, что тот неравнодушен к его дочери?

Прежде отец говорил, что Зульфикар на редкость талантлив, что он лучший и надежнейший его помощник, что этот незаурядный юноша во многом превосходит его родного сына. Но, заметив склонность Зульфикара к дочери, услав его прочь из Герата. Огорчило зодчего и то,

что второй его ученик, Заврак Нишапури, вовремя не предупредил об этом.

Породниться с устатом Кавамом было заветной мечтой Бухари — пусть двое зодчих будут всегда рядом, как навечно стоят рядом Мусалло и Гаухаршодбегим.

И хотя Худододбек и Низамеддин не так уж рвались к знаниям, не так уж увлекало их искусство отцов, устат Бухари надеялся, что найдут они себе в конце концов занятие по душе.

И нельзя было не восхищаться усердием и мастерством Зульфикара Шаши; старого зодчего приводила в восторг его одаренность, подлинный его талант.

Устат Бухари написал отцу Зульфикара Шаши много добрых и лестных слов о его сыне, подарил Зульфикару красивые одежды и, наказав караванщику присматривать и заботиться о нем в пути, отправил в Бухару.

Как же не хотелось Зульфикару покидать успешный стать для него родным кровом дом. Он соглашался жить где угодно, лишь бы не уезжать из Герата, лишь бы работать под началом устада Бухари. С радостью он клал бы кирпичи, выполнял любую черную работу, но он знал, что зодчий догадался о его чувствах к Бадие, его сжигал стыд,— еще бы, как посмел он так высоко замахнуться.

«Приговор» об отъезде Зульфикара был вынесен как раз в тот день, когда устат Кавам устраивал пиршество.

Бадия сейчас вспоминала об этом. Ей чудилось, будто она летит куда-то в бездонную пропасть и сердце ее вот-вот перестанет биться.

Сколько горя сразу — единственного брата, опору отца, увели со связанными руками. Как пережить все это?

Словно большой и прочный корабль дал внезапную течь. Господи, как же заделать эту течь, как поступить, чтобы корабль не поглотила морская пучина?

Глава II

И СЛОН НЕ ВЫНЕС БЫ ТОЙ ТЯЖЕСТИ, ЧТО СВАЛИЛАСЬ НА ПЛЕЧО ЗОДЧЕГО НАДЖМЕДИНА

Порою в самые тяжкие минуты жизни приходят воспоминания о светлых днях. Нет лучше, вернее доказательства того, что человек создан для счастья, а отнюдь

не для горестей. Вдруг Бадие вспомнился тот званый вечер, который посетил знаменитый и удивительный музыкант Ходжа Юсуф Андугани — друг ее отца. Это как прекрасный цветок распускается внезапно среди снежных сугробов.

Как грустно, что ни в чем не виновного Зульфикара Шаши так неожиданно отправили к отцу. Ведь не по своей воле покинул он их дом. И Низамеддина увел тоже неожиданно.

Бадия все думала и думала, и не было конца ее печальным мыслям.

Зульфикар, который так терялся при встречах с ней... как он теперь далеко.

А вообще-то все в этом мире неожиданно.

Конечно, Зульфикар не такой щеголь, как Худододбек, и не так хорош собою, как царевич Байсункурмирза.

Ходил он неизменно в сапогах, в черной бухарской тюбетейке, повязанной чалмой. Никогда не кичился тем, что считается самым талантливым учеником ее отца и что сам он сын известного бухарского мастера Нусрата. В их доме Зульфикар был своим человеком, взял на себя хозяйственные заботы по дому, освободив от них Низамеддина, и с удовольствием брался за любую работу.

Недаром Наджмеддин Бухари твердил, что у него не один, а четверо сыновей, и кроме Низамеддина называл Заврака Нишапури, Зульфикара и Гавваса Мухаммада Хири. И вот теперь он лишился сразу двоих.

Вина Зульфикара, если можно только назвать виной его чувство к ней, была известна, а вот в чем же провинился Низамеддин?

Конечно же, Бадия вместе с отцом и матерью пойдет утром прямо к Байсункуру-мирзе, они расскажут ему обо всем обстоятельно, подробно. Он великодушен, он вызовет Низамеддина.

И зодчий верил, что недоразумение разрешится. Да не говоря уже о царевиче, одного слова устада Кавама достаточно, чтобы все стало по-прежнему. Бадия не сомневалась в этом. Непременно вмешается отважный Худододбек. Он благороден. Не допустит он, чтобы друг его Низамеддин томился в узилище.

Рассветало... Урудный на сей раз выдался рассвет.

Впервые в жизни пришлось зодчему так долго и так мучительно ждать наступления дня.

Всю ночь он молился и плакал, пошел было к новому, еще строящемуся медресе — своему детищу, обошел его вокруг, посмотрел на него при свете звезд, равнодушно скользнул взглядом по рожку нового месяца, висевшего над куполом.

Ему чудилось, будто все вокруг застыло в неподвижности, словно внезапно окаменело. Если бы сейчас в сердце его зажгли свечу, слабый ее огонек угас бы. А вернувшись домой, он прилег было, но сон не смежил его покрасневших от слез век. И еще не заалел край по-ночному серого, давящего неба, когда он, не выпив даже глотка чая, вновь ушел из дома.

Его ученик Заврак Нишапури, несмотря на ранний час, был уже здесь и разводил раствор из ганча. Встретивший несвоевременным приходом устада, Заврак поклонился, прижав руки к груди.

С того самого дня, как Зульфикара отправили в Бухару, Заврак, тоскуя о друге, охладел к работе, ходил печальный, словно потеряв что-то самое заветное, но старался скрывать свои чувства, ибо безгранично верил учителю. У него мелькнула было мысль уехать домой в Нишапур, но деликатность и благоразумие удержали его от опрометчивого шага.

Увидев искаженное горем лицо устада, Заврак откинул железную лопату и поспешил к нему. Не было для зодчего никого ближе его учеников среди работающих здесь, на строительстве медресе. Поэтому-то он и пришел сюда рассказать, что нынче ночью увели Низамедина, пришел сюда прежде, чем к уstadу Каваму и к царевичу.

Недобрая весть сразила Заврака. В последние дни он ночевал не в доме устада, а у одного из своих друзей. Сейчас он не мог вымолвить ни слова, с ним и прежде бывало такое — волнение перехватывало горло.

Наджмеддин велел Завраку сказать корфармо — смотрителю работ Ахмаду Чалаби, что он не сможет сегодня прийти сюда, а постарается попасть во дворец.

На кирпичи, только вчера доставленные из хумдана — печи для обжига, он даже не взглянул, хотя обычно всегда брал в руки кирпич, тщательно осматривал его, постукивал по боковине, проверяя на прочность, и со-

ветовал добавлять ганч в раствор понемногу, беречь его. Обычно зодчий не упускал случая втолковать своим ученикам, что, когда идет кладка свода, количество ганча необходимо увеличить за счет уменьшения доли глины. А сейчас он промолчал. Только велел передать Гаввасу Мухаммаду, что пришло время возить изразцовые плитки, и пусть гончары Абуталиб и Басиятиддин поскорее доставят лазуритную крошку, свинец, бентонитовую глину и ковыльный пух. Завтрак Нишапури заверил учителя, что все его распоряжения будут выполнены незамедлительно. Не задерживаясь более на стройке, Наджмеддин побрел к дому устада Кавама.

Невысокому, широкому в плечах Наджмеддину Бухари было уже за шестьдесят, но он был на редкость подвижен и энергичен для своих лет. Из-за опущенных книзу кончиков усов, густой темно-русой окладистой бороды, закрывающей всю нижнюю часть лица, полных губ лицо его казалось совсем круглым.

А уstad Кавам, напротив, был высок ростом, голова у него была большая, классически правильный нос, он носил бородку клинышком, что узило его и без того узкое лицо. Трудно было найти людей, столь непохожих внешне друг на друга, чем эти двое стариков зодчих. Густые, сросшиеся брови и широкие скулы Наджмеддина Бухари делали его похожим на монгола, но был он истинным бухарцем, происходил из тюркского племени юз и в молодости недолгое время жил в местечках Сарасиена — Байбури, Суфиен и Такчиен. Судьба забросила его в Хорасан. Обучался Наджмеддин в одном из медресе Бухары, сразу обратил на себя внимание блестящими способностями к математике и геометрии, считался по праву наиприлежнейшим среди воспитанников медресе, а любовь к чтению и полемике сохранил и по сей день, хотя с тех пор минуло уже сорок лет. Порою, погруженный в глубокое раздумье, он подолгу сидел в своей комнате с тростниковым карандашом в руках. В такие минуты он машинально грыз кончик карандаша, а на низеньком столике росла кипа исписанных листов бумаги, испещренных цифрами. А рядом лежали измерительные приборы, лекала, треугольники, проекты, вычерченные черным грифелем.

Случалось, он подолгу занимался геометрическими исчислениями, глубоко задумывался, отрешенный от

всего. Линейки, циркули и прочие приборы много лет верой и правдой служили ему, а вот карандаши не держались, их часто и помногу приходилось покупать на базаре.

Бывало, он по целым дням не выходил из своей комнаты, раздумывая над линиями, исправляя и переделывая чертежи. В такие дни ни дочь, ни сын не решались войти к нему, и лишь Зульфикар и Заврак под каким-нибудь предлогом отваживались нарушить его уединение, даже засиживались у него.

Ему подавали чай, но чай остывал, все мысли зодчего занимали расчеты, измерения, геометрические фигуры. Написанные его рукой цифры словно бы принимали человеческий облик, и он вел с ними беседу, передвигая их по листу бумаги, а иногда решительно перечеркивая. Так текли дни, дни, отданные творчеству.

Большое горе — заключение под стражу сына — смешало и отстранило все. Не он сам вычеркивал теперь ошибочные, неверные линии, а какая-то посторонняя сила вычеркивала его из жизни, будто ошибку.

Зодчий быстро шагал по обочине улицы. Никогда еще в городе никто не видел, чтобы он так спешил, люди дивились необычной этой торопливости, останавливались и глядели ему вслед. Но он ничего не замечал, он не смотрел по сторонам, он торопился к другу. Желая быстрее добраться до дома устада Кавама, он напрямик пересек базар, многолюдный, как всегда по утрам.

Гератский базар был сооружен по подобию самаркандского Большого базара. А громадный самаркандский базар не так-то легко обойти. Для того чтобы осмотреть его основательно, человеку понадобилось бы несколько дней.

Около лавок, выстроенных из жженого кирпича, были установлены скамьи из белого мрамора для покупателей и людей, пришедших сюда по делам.

Чайханы и харчевни бесперебойно обслуживали народ, лавки, почти все двухэтажные, находились под одним общим сводом, будто под единым сводчатым потолком. Свет туда проникал из решетчатых отверстий в виде окон. Внутри базара было на редкость чисто и красиво, ибо и улицы и базарные площади мостили здесь обтесанным камнем, привезенным с гор, он-то и

предохранял от грязи и пыли. Арыки, выложенные жженым кирпичом, пропускали любое количество воды через особые керамические трубы. Поэтому к обуви человека, приехавшего на базар, не пристанет ни пылинки.

В нишах дуканов — лавок были навалены штуки разноцветных тонких тканей — атласов, нежно-голубого бархата, златотканой парчи, так что у человека невольно разбегались глаза. Здесь можно было купить все, что душе угодно: от самых редкостных в мире товаров до любых мелочей...

Встреча зодчего Бухари с устатом Кавамом получилась не совсем обычной. У калитки Наджмеддина встретил Худододбек, почтительно поздоровался с ним, приложив руки к груди, и пригласил в дом. Приход друга отца, уважаемого человека, отца Бади, привел в замешательство этого беспечного юношу. Он проводил высокоцкого гостя в комнату для гостей.

Зодчий вошел в просторную и красиво убранную залу и, прочитав корсткую молитву, обратился к Худододбеку, и голос его не дрогнул:

— Прошу простить, что пришел так рано. Мне необходимо поговорить с устатом о важном и безотлагательном деле.

— Да что вы, что вы? Я сейчас позову отца.

Юноша поспешно поднялся с места и пошел во внутренний двор.

Через несколько минут явился сам устат Кавам с четками в руках, в накинутом на плечи халате и в кавушах на босу ногу. И его тоже, несомненно, удивило столь раннее посещение. Он поздоровался с гостем, пожав ему руку. Усадив Бухари на почетное место, хозяин велел сыну расстелить дастархан. Худододбек проворно удалился.

Снова прочли короткую молитву, и устат Кавам взглянул на друга:

— Добро пожаловать.

— Доброга вам здоровья и радости,— ответил Бухари, грустно вздохнув.

И устат Кавам сразу же понял, что огромное горе теснит сердце Наджмеддина... «Может быть, в строительстве медресе произошла какая-то путаница?— подумал он.— Или израсходованы все выделенные средства?»

Иногда ошибка обнаруживается в боковых башнях портала или в своде... или фундамент заложен неверно?». Все эти мысли в мгновение ока пролетели в голове устада Кавама. Он подумал о том, что, когда возводился минарет Мусалло, да и многие другие сооружения, его дорогой друг беззаветно помогал ему своими знаниями, мудростью и удивительной искренностью и, несмотря на то, что оба зодчих были равно уважаемы, пользовались равным влиянием и были равны в званиях, Наджмеддин всегда возвеличивал устада Кавама, всегда готов был оказать ему любую помощь и услугу.

Наконец Наджмеддин Бухари поднял опущенную голову.

— Устад, стряслось большое горе. Ночью увели Низамеддина в Ихтиёриддин...

— Как?— выкрикнул устад.— В Ихтиёриддин?

Задав этот вопрос, он внезапно умолк.

До него дошли слухи о том, что Ахмад Лур, имеющий отношение к группе хуруфитов, совершил покушение на государя и что сейчас разыскивают его сообщников и бросают их в Ихтиёриддин. Значит, Низамеддин связан с ними? Значит, он среди тех, кто покушался на жизнь его величества... А ведь сейчас хуруфиты — самые опасные внутренние враги государства, опаснее даже сарбадаров.

— Причины мне неизвестны...— произнес Наджмеддин Бухари, пристально глядя в лицо Кавама. Он словно вымаливал у него помощи и спасения. Он знал, что Байсункур-мирза никогда и ни в чем не отказывал устаду Каваму.

— Это действительно огромное горе,— протянул устад Кавам, вникнув в суть происшедшего. Он слышал, что отец его друга был некогда связан с Хурдаки Бухари, за что и был обезглавлен. Но чтобы сын такого уважаемого человека пошел против властей, как последний негодяй,— нет, это немыслимо. «Чего ему не хватало? Сын столь почитаемого зодчего! Ни в чем не было отказа! Эти проклятые хуруфиты — продолжатели злых деяний сгинувших сарбадаров — дошли до прямого злодейства, пристрастились к подлым делам»,— думал устад Кавам. Помолчав немного, он посмотрел на Бухари.— Устад,— сказал он,— да облегчит господь его страдания, да вразумит его! Если

вина его невелика, то скоро он будет освобожден...

— Но это же недоразумение, — проговорил Бухари, и на глаза его навернулись слезы. — Что он мог совершить такого, что его увели в Ихтиёриддин? Ведь туда бросают врагов государства, сквернейших людей, опаснейших преступников! Просто голова кругом идет!

— Молитесь богу, господь пошлет спасение и вашего сына освободят. Расследуют, и, если это недоразумение, его отпустят. Такое случалось, я сам слышал. Молитесь богу, нет у нас иного защитника и представителя.

— Я пришел просить вас поговорить с Мирзой, умолите его, пусть он простит грех моего сына, если он совершил грех.

— Что же, можно, но ведь нам пока еще неизвестно, в чем именно провинился Низамеддин. Может, вам известно?

— Нет.

— А подозрение какое-нибудь у вас есть?

— Нет. Я его ни в чем не подозреваю.

— Тогда необходимо набраться терпения. Да, да, терпения.

Худододбек внес и расстелил дастархан. Он опустился на пятки и протянул гостю, а затем отцу душистый индийский чай.

Устад Кавам разломил лепешку и пригласил гостя отведать сладостей. Но кусок не шел в горло Наджмеддина, он отхлебнул из пиалы чаю и посмотрел на устада Кавама молящими глазами.

Устад Кавам понимал, что дело плохо, он знал и о том, что царевич Ибрагим Султан перевероршил весь Герат, что обнаруживают и хватают не только врагов государства, но и лиц, подозреваемых в сопричастности, и что их жестоко наказывают. Этот дерзкий царевич не слишком-то жалуется служителей науки и искусства, он глубоко убежден, что именно от них все зло, от них — образованных, от них — поэтов. Бывало, и не раз, что он пропускал мимо ушей даже слова брата своего Байсункура-мирзы. «Мой дед завоевал Запад и Восток, Индию и Китай не газелями, а мечом», — говорил он. Подданные могли на деле убедиться, что этот царевич в своей жестокости в сотни раз превос-

ходил прославленного деда. Устад Кавам до тонкостей изучил нрав этого царевича. И сейчас в душе его росла тревога. Он поднялся, отозвал сына и тихонько зашептал ему на ухо:

— Ступай-ка скорее на улицу и осмотришься. Не привел ли господин зодчий за собою соглядатая. Ночью забрали его сына. Если за зодчим слежка, а он пришел к нам, могут выйти неприятности.

Худододбек вышел. Устад Кавам вернулся к гостю и снова стал угощать его.

Почувствовав, что устад Кавам встревожен, и поняв, что, кроме слов «молитесь богу и терпите», от него ничего не услышишь, Наджмеддин Бухари поднялся.

Устад Кавам только этого ждал.

— Смотрели ли вы по сторонам, когда шли сюда?— спросил он в волнении.— Не крался ли за вами кто? Сейчас ведь, сами знаете, все кишит доносчиками.

— Я как-то не придавал этому значения, устад, простите. Человек, попавший в воду, не боится промокнуть. Мне ведь все равно, приставлен ко мне соглядатый или нет.

Наджмеддин вышел в прихожую и надел кавуши. Он попрощался и зашагал по улице, а устад Кавам остался во дворе. Ему не хотелось, чтобы его видели вместе со старым его другом.

«Ну хорошо,— думал Наджмеддин Бухари, бредя по дороге,— на мою голову свалилась непоправимая беда, но не боюсь же я ничего. Так чего же боится мой друг устад Кавам? Бог мой, никому нет дела до чужой беды».

Чуть поодаль он увидел Худододбека. Тот боязливо озирался по сторонам, заглядывал в лица прохожих. Наджмеддин Бухари понял, что именно за этим и послал его отец.

Он шел по извилистым, вымощенным валунами улочкам, и из души его рвались слова: «Мне не дают спокойно работать. А я хочу работать, только работать. Хочу построить еще одно медресе, которое будет украшением Хорасана, в этом медресе будут набираться знаний дети хорасанцев. Хочу построить это здание на века... Не нужно мне ни денег, ни подарков. Я строю ведь для людей. Почему же мне не дают хотя бы душевного покоя. Даже пленному рабу и тому дают воз-

возможность работать спокойно. А мне нет. О боже, боже, тебя одного молю: дай мне хоть чуточку покоя, дабы успел я завершить труд мой. Верни мне сына, не сжигай в пламени отчаяния душу мою. Пусть не буду жалким перед другом и униженным перед врагом».

Глава III

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Пройдя по узким улочкам, зодчий вышел к кирпичному мосту Пули Малан. Остановившись на минуту на переброшенном через реку Герируд высоком мосту, он обратил взгляд в сторону цитадели.

Страшные стены крепости Ихтиёридин гневно взирали на него.

На противоположном берегу реки Герируд, петлявшей по низине, теснились, жались друг к другу крыши домов, словно осинные гнезда лепились вокруг цитадели и крепости, и отсюда, с вышины, и они и извилистые, узкие улицы казались угрюмыми и хмурыми, неподвижно застывшими, как рисунок.

Весь Герат словно отвернул от него лик свой.

В крепости Ихтиёридин, что на мешхедской дороге, на затхлом сыром полу лежит его сын Низамеддин, закованный в кандалы. В восточной стороне цитадели с самого утра многолюдно и, конечно, шумно. Ведь чуть поодаль Кандахарский и Маликский базары.

А дальше арык Инджиль. Все еще стоя на мосту, зодчий думал свою горькую думу. Встреча с устадом Кавамом только усугубила тоску и горе, поселившиеся в сердце его. Чего стоят хотя бы слова устада, пусть сказанные как бы невзначай, но пронзившие острой болью сердце старого отца, что вовсе это не ошибка, что бросают в крепость лишь тяжких преступников — «врагов государства», бунтарей. Неужели его Низамеддин — бунтарь и враг? Не может того быть. Ведь он еще совсем юнец, ведь он сын зодчего, заслужившего милость царской семьи. Ведь он участвовал в Ферганском сражении и удостоился личной похвалы и подарка самого Мирзы Улугбека. Может ли он, такой человек, стать врагом? Уму непостижимо. Не бывает такое! Не бывает! В моем роду нет преступников, и подозре-

ния господина Кавама не только неуместны, но и несовместительны.

Зодчий медленно брел по мосту Пули Малан, будто мерил его шагами. Идти прямо сейчас к царевичу Ибрагиму Султану? Или сначала к Байсункуру-мирзе? Байсункур-мирза относится с почтением к зодчему Бухари. Всегда у царевича находились лестные слова для старого мастера. Это неизменно доброе расположение царевича к Наджмеддину вызывало даже ревность устада Кавама. Да, нужно идти к Байсункуру-мирзе, рассказать ему все, плакать, вымолить его прощения грехам сына, ежели сын провинился в чем-то. Всю жизнь я служил царской семье верой и правдой и, если буду жив, делом докажу государю свою преданность. Он задумался. Перейти мост Пули Малан казалось во сто крат труднее, чем пересечь Мари-Марг — дорогу смерти в горах Саланг.

Горе снедает меня, думал он, сердце мое гложет тоска. Видимо, правду сказал Аристотель: «Когда мы не смеемся — мы не живем...» Разве я живу сейчас? Я плачу и, значит, не живу. Значит, я умер. Я двигаюсь, но я — тень.

Тяжело ступая, он все брел и брел по мосту, но еще тяжелее ему было спуститься в низину. Не мог он заставить себя подойти к крепости, попытаться проникнуть в покои царевичей. И вдруг до его слуха донеслась прекрасная сладостная мелодия. Они знакомы ему, и этот саз, и этот пленительный голос. Голос звучал призывно. Звуки лились из дома его знаменитого и столь ценимого им друга Ходжи Юсуфа Андугани. Зодчий пошел на голос. Этот известный во всем Хорасане и Мавераннахре музыкант славился своей удивительной скромностью и необыкновенной добротой. Царевичи звали его «непревзойденным музыкантом эпохи», а народ «золотым сазом».

Ни один пышный пир, называемый Джамшидовым пиром, не обходился без Андугани. И тогда уже говорили не «Джамшидов пир», а «пир Андугани».

За мостом Пули Малан петляли узкие улочки, и по ним зодчий добрался до дома Андугани. Как бы то ни было, думал зодчий, а уж Юсуф Андугани поддержит меня в горе. Зодчий вошел под купу деревьев. От их игольчатых, затейливо вырезанных листьев падала на

землю трепетная тень. Хоть еще совсем недавно встал над миром рассвет, он стучится в дверь уже ко второму другу.

Не входя во внутренние покои, он сказал Андугани, что пришел к нему за советом. Потом сел на айване, прочел короткую молитву и попросил не расстилать дастархан, так как ему придется скоро уйти. Музыкант смотрел на Наджмеддина, он понимал, он чувствовал, что у его гостя настоящее горе, что ему не по себе. В душе он уже жалел его, этого достойного и талантливого человека.

— Да,— сказал он,— дети наши приносят нам не только одни радости.

Сын Андугани, два года назад ввязавшись в какую-то ссору, зарубил мечом внука умершего полководца Амира Бирандыка. Сколько горя пережил тогда Андугани. В дело вмешался Байсункур-мирза, и только так едва удалось спасти сына Андугани от рук палача.

— Мы завоевываем авторитет по крупницам, а наши дети распыляют его пудами. Сейчас в стране спокойно. Ни походов, ни сражений. Ну почему бы им не жить тихо? А у них одно на уме — приносить горе родителям, сеять смуту, поддаваться искушению дьявола. Что сделал ваш сын, уstad, за что увели его в Ихтириддин?

— Не знаю, дорогой друг, в том-то и дело, что не знаю.

— Я слышал, что схватили несколько человек, подозреваемых в причастности к покушению на его величество. Не имеет ли ваш Низамеддин отношения к этому делу?

— Ничего не знаю.

— Если имеет, на нашу с вами долю выпадает участь Мир-Касыма Анвара. Как вы знаете, Ахмад Лур убит. Но их, говорят, там целая шайка, хуруфитов, мюридов Фазлуллаха Астрабади. Я слышал это от самого царевича. Слава господу, что его величество жив, что рана его не опасна. Уже не связан ли ваш Низамеддин с хуруфитами?

— Ничего не знаю.

— Не дай бог, если это так. Спасти его будет трудно, ужасно трудно!

— Господи! За что же мне такое испытание?

Зодчий сжал голову ладонями. Сын. Что, в сущности, он знает о своем мальчишке?

Вдруг он вспомнил, что слышал от него имя Ахмада Лура. Слышал, что в доме у этого Лура собирались какие-то неизвестные юнцы. И теперь он подумал, что Низамеддин не для щегольства, не зря постоянно носил с собой оружие. Да, он вспомнил, сын упоминал не только имя Ахмада Лура, но и Фазлуллаха, Харунаткача. Теперь он понял, что его Низамеддина оговорили. Оговорил кто-то, кто уже попал в лапы стражников. Да, это не «ошибка», на которую так надеялся зодчий. Сердце его болезненно сжалось. Он вздрогнул, словно очнулся у края оврага, и вскинул голову:

— Что же делать, что же теперь делать?

— Сначала мы должны точно узнать, в чем он виноват,— проговорил Андугани.— А потом пойдем вместе к царевичу просить милости. Сейчас во дворце царит дух жестокости. Государь еще не поднялся с постели. Как только он поправится, страсти, надеюсь, поутихнут. Нет такого дела, которое нельзя было бы поправить.

— Дай вам бог здоровья.

— По случаю покушения на государя по всей стране запрещено веселье, отменены пиры. Певцы безмолвствуют, ситары покоятся в чехлах,— задумчиво промолвил Андугани.

Зодчий попрощался с другом. Он направился к себе домой, рассказал обо всех событиях нынешнего утра жене и дочери и лег.

Тяжкий это был день. И на следующее утро он не поднялся с постели, знал, что сейчас бесполезно идти к Байсункуру-мирзе просить пощады и заступничества. Никуда он не пошел.

Уже к вечеру вернулся с работы Заврак Нишапури, сообщил, как идут дела на строительстве, и удалился в свою комнату. Зодчий почти не слышал слов Заврака.

И на завтра он не вышел из дома. И снова Заврак рассказывал ему о работе и, расспросив Масуму-бека о делах, жалел своего устада. В тот же день он написал своему другу Зульфикару. Первое письмо было отправлено с караваном, возвращавшимся из Герата в Бухару. Заврак писал о здоровье зодчего, о своих делах и кое-что о человеке, имя которого прямо не назы-

валось. Ведь Зульфикар признался другу, что полюбил дочь своего устада. Он ничего не скрывал от него и был счастлив, что во всем признался другу.

Целую неделю зодчий не выходил из дома. Он лежал в постели, словно больной. О делах на строительстве медресе он узнавал от своего верного ученика Заврака. И однажды, разговаривая с Завраком, пожалел о том, что был несправедлив к Зульфикару Шаши и отослал его в Бухару.

Заврак всячески старался успокоить устада, твердил, что вот, мол, бог даст, скоро отпустят Низамеддина и все у них уладится. Старик только вздыхал в ответ. Как ему хотелось поверить в немыслимое это счастье, которому нет равного на свете,— увидеть сына!

И прежде Бадия редко разговаривала с учениками отца, старалась не попадаться им на глаза и лишь изредка при встрече с Завраком скромно здоровалась. За последние дни она осунулась, ходила печальная. Она расспрашивала Заврака о делах, порою входила с ним к отцу, но не смела открыто спросить о Зульфикаре, хотя много и часто думала о нем, знала, что Заврак имеет от него вести. Теперь, когда Зульфикар был далеко от нее, он казался ей яркой, недоступной звездой.

И чем больше утекало времени, тем дороже становился он ей. Слишком много места он занимал в сердце ее, чтобы она могла решиться заговорить о нем с Завраком.

Заврак садился у постели устада, подолгу беседовал с ним, сообщал новости. Одной из них был отъезд устада Кавама в Балх. Там началась реставрация медресе Ходжи Мухаммада, Байсункур-мирза выделил на это значительные средства, и уstad Кавам возглавил работы.

— Да,— раздраженно отозвался Наджмеддин,— в одной руке царевич держит розу, в другой — обнаженную саблю. Не понимаю. Да, да, ничего не понимаю. Что происходит? Уж не близок ли конец света? Все смешалось — руины с цветниками, сабля с мастерком штукатурки, яд с медом, правда с несправедливостью. Конечно, мне не пристало произносить такие слова. За долгие годы я ничего худого от царского двора не видел, но за что разбили мне сердце, за что отняли мое-

го мальчика? Ходят разные худые слухи, господа, прости меня, раба твоего недостойного, грешного раба твоего.

Прошло две недели, и, не в силах выдержать неизвестности, зодчий пошел просить милости у царевича. Мирза выразил зодчему сочувствие и сожаление, но сказал, что сын его причастен к покушению на его величество, что связался он с «дурными людьми» и что вина его воистину велика.

На допросе он сознался, что входил в группу хуруфитов и что если бы Ахмаду Луру почему-либо не удалось привести в исполнение свой злодейский замысел, вместо него пошли бы на цареубийство Азу или Харун, уже готовые к этому. Ну, а если бы не удалось и им, то он, Низамеддин, должен был заменить их...

Сейчас ищут человека по имени Харун, но еще не нашли.

Услышав эти страшные вести, зодчий потерял сознание, а когда его наконец привели в чувство, царевич весьма красноречиво доказал ему, что отец не отвечает за тяжкое преступление сына, что только сын понесет заслуженную кару и это не коснется их семьи. А когда все утихнет и государь выздоровеет совсем, царевич сам будет предстательствовать перед отцом не числить зодчего в рядах врагов, вернуть ему уважение, дать возможность работать, как прежде. Словом, царевич заверил в этом зодчего.

Наджмеддин молча выслушал его слова, холодно попрощался и вышел.

Узнав об участии брата, Бадия пришла в отчаяние. Ах, как она жалела, что брат ее не скрылся, не исчез, как этот Харун.

Но ведь не все эти люди, думала она, которые, жертвуя жизнью, открыто выступили против власти тимуридов, обнаружены и заточены в крепость. Остались же, должны остаться на свободе сторонники хуруфитов. Так почему же они сидят сложа руки, почему ничего не делают, чтобы освободить своих попавших в беду товарищей? Где же их верность? Неужто всех их уже переловили? Неужто ни одного не осталось на свободе?

Крепость Ихтиериддин охраняют не менее тридцати воинов. Известно, что те, кто приставлен к зинданам,

ленивы, бродят взад-вперед, как сонные мухи. Бадия как-то слышала об этом. Только и дела у них, что покручивать усы да пожирать большую часть того, что приносят заключенным. Так неужели десяток отважных юношей не могут ворваться в крепость и перебить этих ничтожных скотов? Неужели в душу отважных джигитов закралась трусость? Или им так дороги их жизни? Когда с мавляны Насими заживо сдирали кожу, он и в смертных пытках оставался верен своим убеждениям. Он не отступился от них. Труссы! Неужели Худододбек ничего не может сделать? Вот если бы Зульфикар был здесь, он-то наверняка взял бы в руки саблю.

В пятницу утром Бадия сложила в глиняную чашку приготовленную матерью еду, завернула чашку в скатерку и водрузила на голову. Плетеную корзинку с высушенными на солнце лепешками и слоеными пирогами, а также с сушеным урюком взял Заврак, и они вдвоем отправились к крепости Ихтиёриддин.

Поверх длинного платья Бадия надела безрукавку, а на голову повязала большой темный платок матери. Из-под платка виднелись только глаза и тоненькие, словно кистью мастера нарисованные брови вразлет. Ее прелестное личико — рот, нос, щеки — плотно прикрывала черная ткань платка. Заврак шел позади, и они лишь изредка перебрасывались короткими фразами.

Все помыслы Бадии были заняты Худододбеком: почему он исчез, почему не показывался уже много дней. С горечью думала она и о брате, перед мысленным ее взором вставал темный и затхлый зиндан, ставший отныне его обиталищем. И как некстати отец повел себя столь сурово и, блюдя честь семьи, отправил Зульфикара так далеко.

Немилосердно припекало солнце. Мешхедская дорога пустынна, лишь изредка им попадался одинокий всадник. Далекий темный силуэт крепости Ихтиёриддин наводил тоску, сжимавшую сердце. Наконец Бадия и Заврак добрались до ворот, где стояли стражники.

— Что принесла? — грубо спросил стражник с огромными усами.

— Хлеб, урюк... — ответила Бадия.

- У тебя здесь отец?
— Брат.
— А с тобой это кто?
— И это брат.
— Что-то многовато у тебя братьев.
— Сколько есть,— ответила Бадия.
— Замужем?

Бадия промолчала. Ее душил гнев, хотя она знала, что грубое обращение с родственниками узников вошло здесь в привычку.

Второй стражник, помоложе, не спускавший глаз с Бадии, вдруг закричал на своего товарища:

— Чего ты запугиваешь девчонку?

Он подошел к Бадие, снова поглядел на нее и снова повернулся к товарищу:

— Не приставай ты к ней с вопросами. У нее же здесь брат и сердце не на месте. Ну-ка, скажи мне, как зовут твоего брата?

— Низамеддин.

— Ага, понятно,— молодой стражник сочувственно покачал головой.— Сын почтенного Наджмеддина Бухари, у него еще родинка на щеке, да?

— Да.

— Хорошая ты девочка. Хочешь, провожу тебя к брату?

— Хочу!— слезы блеснули в глазах Бадии.— Я буду благословлять вас всю жизнь. Да сохранит вас господь...

Бадия с умыслом надела золотые браслеты, в тайной надежде, что вдруг они смогут пригодиться. Она сняла браслеты с белоснежного запястья, от этого движения платок чуть сполз в сторону, приоткрыв лицо, и молодой стражник снова впился в нее взглядом.

— Возьмите!

— Вот повидаешься с братом, тогда и возьму, не снимай пока. Ну-ка, бери свои припасы, идем за мной. Эй, есаул, а ты стой здесь. Могут подойти еще люди.— По его властному тону Бадия догадалась, что именно он здесь старший. Усатый покорно остался у ворот.

Бадия взяла из рук Заврака плетенку, попросила подождать ее здесь и пошла вслед за стражником в крепость.

Они прошли под воротами, попали в какой-то темный промозглый проход, очутились в комнате, расположенной с левой стороны здания. Не останавливаясь, стражник вывел Бадю на открытую террасу, а из нее снова в мрачное помещение.

Бадя молча следовала за своим провожатым, и в сердце ее невольно закрадывался смутный страх. Но предстоящая встреча с братом, мысль о том, что он скажет ей что-то самое нужное, тайное, что необходимо срочно передать отцу, вселяли в нее храбрость, и она смело шагала за стражником по сырым и темным переходам. Наконец стражник остановился, отпер дверь каморки и приказал Бадие:

— Войди сюда и жди брата.

Бадя вошла. Маленькая и темная каморка напоминала келью медресе. В потолке чуть виднелось отверстие, двери были сколочены из прочного арчового дерева. Запоры огромные и, наверно, крепкие.

На кирпичный пол было брошено несколько камышовых подстилок, прикрытых старой, истрепанной бурой кошмой. В углу этой мрачной каморки валялось несколько тюфяков, овчина и подушка. Бадя оглянулась вокруг и, в ожидании брата, осталась стоять посреди комнаты.

Прошло несколько томительных минут, дверь за скрипела, отворилась. Появился все тот же молодой стражник. Ни слова не говоря, он снял с пояса саблю и расстегнул верхние пуговицы рубашки у шеи. У Бадии испуганно сжалось сердце, когда он плотно затворил дверь и накинул цепочку.

— Где мой брат?— спросила она тревожно.

Она сорвала с руки браслеты и протянула стражнику. Он взял их и, крепко сжав запястья Бадии, притянул к себе, пытаясь обнять. Бадия схватила плетенку и с силой ударила его по лицу. Стражник отшатнулся и выпустил ее руки. Браслеты полетели на кошму.

— Не упрямясь,— проговорил стражник,— послушай меня, если ты потерпишь минутку... Я приведу к тебе брата.

— Не подходи!— закричала Бадия, дрожа всем телом, не зная, на что решиться.

Она догадалась, что этот негодяй обманул ее — привел сюда не для встречи с братом. Как же ей было обид-

но, как досадовала она на себя, что оказалась такой глупой, такой доверчивой.

— Только одну минуточку,— твердил тюремщик, снова приближаясь к Бадие.— Здесь никого нет, можешь кричать, все равно никто не услышит. Только одну минуточку... Чего ты боишься, я ведь не волк. Ничего я тебе не сделаю, обниму, и все. Потерпи минуточку, и ты увидишь брата. Верь мне, ну, красавица, послушай меня! Не упрямься и не сопротивляйся, ничего тебе не поможет. Все равно я тебя сломаю. Лучше сама иди в мои объятия. Я не стану тебя мучить. Я осторожно... Никто не узнает. Ну, иди!

Тюремщик расстегнул пояс трясущимися руками.

Бадия забилась в темный угол комнаты. Она не отрывала глаз от этого страшного зверя, который вот-вот бросится на нее. И плетенка и поднос валялись на полу. Она сунула руку в карман безрукавки, ее била дрожь. Тюремщик словно тигр, готовящийся напасть на беззащитную лань, впился в Бадью — свою жертву — налитыми кровью похотливыми глазами и медленно подступал к ней. Но тут Бадия выхватила из кармана безрукавки небольшой острый кинжал. Как вспышка молнии сверкнул он при тусклом свете, падавшем из отверстия в крыше. Тюремщик взглядом проследил за этой вспышкой и вдруг застыл на месте, как каменное изваяние.

Глаза Бадии горели презрением, гневом, кинжал сверкал в ее теперь уже не дрожавшей руке...

Глава IV

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

Знайте же, счастья путь
постигается в знаниях.

Ахмад Югнаки

Не по своей воле Зульфикар Шаши вернулся из Герата в родную Бухару. У него и в мыслях не было покинуть Герат. Узнав о чувствах Зульфикара к дочери, зодчий огорчился, более того, разгневался. После долгих и мучительных раздумий он решил отправить Зульфикара назад в Бухару. И хотя Зульфикар от души радовался встрече с отцом и матерью, друзьями и родственниками, хотя было ему хорошо с ними, уже через

неделю он затосковал, чувствуя, как его засасывает недоброе и мрачное одиночество.

Подумать только, затосковать в родном своем городе. Он понять не мог, что это с ним происходит.

Он улыбался людям, родным и знакомым, был внимателен и любезен с каждым, но сердце его раздирала печаль. Мало-помалу он разучился улыбаться, ходил хмурый и подавленный, радость его рассеялась, словно утренний туман, и начались дни, полные грусти и невыносимой тоски. Сердце его терзала горечь разлуки.

Вначале отец Зульфикара считал, что все обстоит благополучно, что сын многое постиг даже за такой недолгий срок, многому научился у прославленного зодчего и теперь он будет работать на родине, в родном своем городе. Но прошло немного времени, и мастер Нусрат призадумался: что-то творится с сыном, сердце его не на месте,— не иначе, здесь скрыта какая-то тайна...

Зульфикар ходил растерянный и напряженно о чем-то думал, ночами он стонал во сне, ничто ему не было мило, а когда встревоженные родители приступали к нему с расспросами, он кратко отвечал, что просто чувствует себя не совсем здоровым.

Сын не сказал ни одного худого слова о зодчем. И вообще ни на кого и ни на что не жаловался, и это несколько успокаивало отца, однако его беспокоила задумчивость и молчаливость сына. Откуда бы это? Почему он не нашел спокойствия и утешения под отчим кровом? Почему он, как бывало прежде, с радостью не помогает отцу в его делах? Почему, вместо того чтобы, поплевав на руки, подхватить носилки, или развести ганч, или принять участие в кладке кирпичей, он только тяжело вздыхает? В чем дело?

Что-то здесь не так, неладное творится с сыном. Кажется, он что-то скрывает...

Порою Зульфикар часами просиживал в задумчивости, перед глазами его вставала столица Хорасана. Величественные, уходящие в лазурное небо минареты, купола медресе, мечеть Джаме, Кандахарский базар, дворец Джахан-аро, мост Пули Малан, шумные, многолюдные улицы Герата. Он вспоминал день за днем свою тамошнюю жизнь. Там, в этом большом городе, в махалле Дарул Хуфо, что недалеко от реки Герируд, в

той стороне, где восходит солнце, живет его учитель — старый зодчий Наджмеддин Бухари с семьей. Живет в почете и уважении. Нет человека в городе, который не знал бы зодчего. Заслуги его велики — скоро будет построено медресе Байсункура-мирзы, и где-то, в скрытом от глаз уголке каменной стены этой великой сокровищницы просвещения, будет начертано: «Строил Наджмеддин Бухари». Здание медресе простоит века, и память о создателе его с гордостью будут хранить потомки.

Это медресе станет украшением города так же, как и Мусалло. Устад Наджмеддин, мавляна Лютфи, мавляна Шарафуддин Али Язди, мавляна Давлятшах Самарканди, Мухаммад Авфи, устад Кавам, устад Андугани — вот кто придает своеобразие облику Герата.

А в доме у самого Наджмеддина Бухари есть вечно сверкающая звездочка, и имя ее — Бадия. В мыслях Зульфикар обходил весь Герат, не забыв ни одной улицы.

Три года назад он пришел с отцом туда не для того, чтобы служить отпрыску великой династии, пришел не к Шахруху, перенесшему столицу из Самарканда в Герат, а пришел в город зодчих, строителей, плотников, каменотесов, поэтов...

Кроме того, по словам отца, они пустились в путь еще и для того, чтобы искать покровительства бухарского зодчего Наджмеддина Бухари. Шли они с караваном почти месяц, миновали множество живописных перевалов и селений и достигли наконец «земного» рая — Герата. Устроившись в караван-сараяе, в одной из комнатушек для приезжих, отец и сын переоделись во все новое и отправились на Кандахарский базар.

У мастера Нусрата в складки пояса было зашито сто золотых, да и в кармане имелось кое-что, у Зульфикара тоже в поясе монеты помельче — «кибла» и «шахрухия». Недолго побродив по базару, они направились к мечети Джаме, боясь пропустить пятничную молитву. Среди тысячи гератцев, собравшихся сюда, стояли отец и сын из Бухары.

И только после окончания молитвы мастер Нусрат с сыном отправились на строительство медресе Мирзо. У проворного смотрителя работ Ахмада Чалаби они спросили, где можно видеть зодчего Наджмеддина Бухари. Тот ответил, что зодчий не совсем здоров, не вы-

ходит из дома, но что живет он в махалле Дарул Хуфо и что можно навестить его, тем более что путники приехали из самой Бухары.

Без труда и излишних расспросов отец с сыном отыскали дом Наджмеддина Бухари. На стук вышел сам зодчий, занятый чем-то во дворе.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте,— ответил Наджмеддин, разглядывая гостей. Он тут же понял, что это отец и сын, понял даже, зачем они пожаловали к нему. Когда речь шла о поступлении в ученики, обычно отцы сопровождали сыновей. И, увидев на голове юноши круглую тюбетейку, прославленный зодчий догадался, что они не гератцы.

— Мы пришли выразить вам свое почтение,— начал мастер Нусрат.

— Проходите, пожалуйста,— хозяин пошел впереди, указывая посетителям дорогу.

Они вошли в гостиную во внешнем дворе, зодчий усадил их, прочел короткую молитву и, кликнув Низамеддина, велел накрыть дастархан.

— Здоровы ли вы?

— Благодарствую.

— Мы приехали сюда из Бухары. Это сын мой — Зульфикар,— сказал мастер Нусрат.

— Добро пожаловать!

Наджмеддин был не слишком доволен тем, что эти неожиданные гости оторвали его от работы, но, услышав, что они из Бухары, сразу повеселел.

— Я ведь тоже из Бухары,— с улыбкой промолвил он.— Ну как благословенная Бухара? Наверно, стала еще прекраснее?

— Ой, как она похорошела,— подхватил мастер Нусрат, ответно улыбаясь.— Появилось множество новых зданий. Мы знаем, что вы родом из Бухары. И поэтому, уstad, мы ищем вашего покровительства. Если вы возьмете моего сына в ученики, он будет верой и правдой служить вам. Сам я плотник, занимаюсь иногда и резьбой по камню... Простите великодушно, я не хотел бы, чтобы сын мой стал тоже плотником. Мне хочется, чтобы он научился зодчеству. Ваше имя славно и в Бухаре. Вся наша надежда на вас.

Мастер Нусрат вытащил шелковый мешочек с золотом и положил рядом с зодчим.

Наджмеддин на миг задумался, затем поднял удивленные глаза на мастера Нусрата.

— Верно, у меня есть ученики. Могу принять и вашего сына. Но с одним условием. Денег я не беру,— он протянул мешочек с золотыми Нусрату.— Устрою ему экзамен. Ежели ваш сын выдержит испытание, я вознаграждать не стану. Если нет, тогда уж не обессудьте.

Мастер Нусрат поглядел на сына и понял, что тот согласен. Сутулившийся от смущения Зульфикар заметно повеселел.

— Мы согласны, устэд.

— Испытание не совсем обычное и, я бы сказал, даже опасное. И если ваш сын потерпит поражение, не будьте на меня в обиде. Я ведь не всех беру в ученики. Вы из благословенной Бухары... Но в общем-то я сейчас в учениках не нуждаюсь.

— Спасибо, устэд... Прикажите ему класть кирпичи на самом высоком минарете, мы и от этого не откажемся.

— Угощайтесь, отведайте сладостей. Я знаю, в Бухаре много прекрасных кондитеров.

— Да, устэд.

— Как, впрочем, и ювелиров, портных, любителей книг... там всегда шумно илюдно.

Не желая отнимать у зодчего драгоценного времени, отец и сын, прочтя благодарственную молитву, откланялись. Зодчий проводил их до калитки.

— Пусть юноша придет завтра,— бросил он на прощанье.

Радостные и окрыленные вернулись Зульфикар с отцом в караван-сарай, и после скромной трапезы Зульфикар, не теряя времени, достав карандаш и бумагу, принялся решать задачи из геометрии. А потом долго разглядывал листы, на которые были перенесены проекты Магоки Аттори, Масжиди Намазгох, Минораи Калан и других медресе, и все время советовался с отцом. Они еще долго беседовали об устройстве гробниц святого Сайфиддина Бухорзи, Буёна Кулиджана, Исмаила Самани. Не забыли они и декоративную и орнаментную облицовку, густоту ганчевого раствора для этой облицовки, геометрические рисунки орнамента, единицы измерения, устойчивого равновесия, отделку изразцовых плиток для облицовки порталов и верхней части

резных дверок. В тот день Зульфикар повторил все, что знал о строительстве, а потом пошел к недостроенным минаретам недалеко от цитадели и долго бродил вокруг них.

На небе уже вырисовывался серпик молодого месяца, и при свете его сверкала, блистала и сказочно переливалась мозаика Мусалло, купола и своды, казалось, во весь голос подтверждали всю ценность этого беспримерно прекрасного творения человеческих рук. Спору нет, они умножали славу хорасанской столицы. Бродил он и вокруг недостроенного медресе Мирзо.

Когда он вернулся в караван-сарай, отец его уже крепко спал. Он тоже лег, но долго не мог уснуть, он думал о завтрашнем испытании, и целый поток мыслей зажестнул его, унес вдаль. Ему чудилось, будто он ничего не помнит, не знает. Все, что он учил в школе, те навыки, которые он приобрел, строя вместе с отцом новую городскую баню и крышу базара, его хоть и небольшой опыт и подлинная страсть к зодчеству привели его сейчас сюда, в столицу, в надежде стать учеником прославленного зодчего Наджмеддина Бухари. Как же ему хотелось учиться у этого человека, самому стать зодчим.

До рассвета он так и пролежал без сна. Все ему чудилось, будто перед ним сидит знаменитый учитель — зодчий Наджмеддин Бухари — и задает ему вопросы из математики, геометрии, спрашивает о всех тонкостях искусства зодчества и смотрит на него, ожидает ответа. А Зульфикар растерянно молчит и от волнения не может ответить ни на один вопрос. Устав от всех этих мыслей и картин, под самое утро он забылся сном. Но вскоре его разбудил отец. Позавтракав, Зульфикар взял под мышку несколько книг и отправился к зодчему.

Наджмеддин встретил его приветливо, пригласил в ту самую комнату, где они с отцом уже были, сел, кинул пронизательный взгляд на красивого юношу, прибывшего из Бухары, и пригласил его сесть напротив. Зульфикар опустился на пятки и положил рядом с собой книги. Он с напряженным вниманием ждал первого вопроса, но зодчий спросил о здоровье отца, о его настроении, осведомился, по душе ли им город, и только.

— Отец просил передать вам поклон. Герат — чу-

десный город... Настроение у отца хорошее. Он отправился на базар...— растерянно бормотал Зульфикар.

Зодчий снова взглянул на него.

— Не можете ли вы прочитать мне газель?— вдруг спросил он.

Зульфикар, ожидавший вопросов из математики или геометрии, невольно смутился.

— Могу,— улыбнулся он наконец.

— Ну вот и прочтите.

Зульфикар на минуту задумался и, глядя на небольшие расписные ниши ганчевых стен, начал:

Расцветшей розе так сказал однажды соловей:

«О, не гордись! Не ты одна меж розовых ветвей».

Но, рассмеявшись, та в ответ: «Ты прав. Но под луной Никто не скажет горьких слов возлюбленной своей...»¹

— Прекрасно,— сказал зодчий.— Это Хафиз Ширази.

— У отца,— застенчиво пояснил Зульфикар,— есть сборник избранных стихов Хафиза «Мунтахаби девони Хофиз», я люблю читать его и вот запомнил некоторые...

— Вот вам перо и бумага. Запишите стихи. Я хочу видеть ваш почерк.

— Сейчас!— Зульфикар записал стихи.

— Хорошо.— Зодчий залюбовался красивым, четким почерком Зульфикара.

— А шейха Саади вы тоже знаете наизусть?

— Знаю.

— И тюркские газели?

— Знаю и тюркские. Тюркский — мой родной язык. Дома мы говорим по-тюркски. Ведь мы родом из Шаша.

— А ну-ка, прочтите.

Зульфикар снова обратил взгляд на расписные ниши:

Сердце мое, виночерпий, трепещет от боли давно,

Чашу вина поднеси мне, чтоб горе забыло оно!

Если в вине заблестят отраженья сияющих рук,

Станет серебряной влагой пурпурное это вино.

Лжет на меня мухтасиб, и моих он не ценит услуг,—

Низкой душе оставаться навеки в грязи суждено.

Пусть эта чаша уста целовала, царица, твои,

¹ Перевод И. Сельвинского.

Горечь и ревность я выпью сегодня, чтобы высохло дно.
Поймано локоном, смотрит на родинку сердце Лутфи,—
Крепок силоч, и не вырваться птичке, нашедшей зерно.¹

— Эта газель из «Дивана Лутфи».

— Превосходно!

— Учителем мавляны Лутфи был Шахобиддин Хиябани. Мавляна служит при дворце и удостоился милостивого покровительства его величества государя.

— Верно,— подтвердил зодчий, глядя в задумчивые глаза Зульфикара.— А скажите-ка, дитя мое, вы видели Мусалло? Кто его строил?

— Как же, видел, уstad. Я издавна мечтал увидеть эти три ни с чем не сравнимые медресе. А строил их уstad Кавам.

— Молодец! Ну, отпускаю вас. Вот мы и познакомились! Приходите вечером после захода солнца, а пока прощайте.

Зульфикар поднялся, почтительно поклонился зодчему и вышел во двор.

Низамеддин пошел проводить его до калитки. Во дворе им попалась Бадия, она бросила взгляд на «этого бухарца» и, словно бы не заметив его, прошла мимо. Зульфикар попрощался с Низамеддином и отправился в караван-сарай, где, как он знал, его с нетерпением ждет отец...

Еще не переступив порога, Зульфикар начал рассказ о происшедшем. Особенно удивило отца то, что Наджмеддин Бухари заставил сына читать газели.

— А настоящий экзамен состоится вечером,— пояснил Зульфикар.

Но мастер Нусрат все дивился.

— Наверно, времени не было, поэтому и перенес разговор на вечер,— решил он.

— Я останусь там ночевать,— сообщил Зульфикар.

— Ну, что ж, ладно,— согласился отец.

Как бы то ни было, пусть даже разговор шел только о поэзии, уstad не отказал, он согласился испытать Зульфикара, прежде чем взять его к себе. Значит, он требователен и строг. Недаром ученики его пользовались уважением и почетом бухарских зодчих.

¹ Перевод Н. Заболоцкого.

Самадкандская и гератская школа зодчества была создана в Хорасане и Мавераннахре устатом Самарканди, устатом Кавамом и устатом Наджмеддином Бухари; постепенно она стала главенствующей и получила окончательное свое развитие в Лахоре, Багдаде, Дамаске, а также в Бухаре, Мешхеде и Хиве. То было время, когда со сказочной быстротой вырастали красивейшие здания — медресе, минареты, — мосты, бани. Правда, богатые горожане, беки и амиры охотнее пускали своих сыновей по военной, нежели духовной, линии, посылая их учиться в военные школы Самарканда, школы Амира Сулеймана Хаша или Амира Бирандыка.

Иные же стремились обучить юношей строительному делу и зодчеству, ибо ремесла эти высоко цтились в народе. Зодчество ставилось даже выше торговли и медицины...

Вечером, когда уже совсем стемнело, Зульфикар надел теплый халат, натянул на ноги сапоги, взял стопку книг и тетрадей и снова отправился к зодчему.

Наджмеддин Бухари встретил его во дворе и первым делом осведомился, предупредил ли Зульфикар отца о том, что заночует здесь. Зульфикар утвердительно кивнул. Устат пригласил Зульфикара отужинать вместе, а после ужина повел его в дальний конец двора и предложил спуститься в какое-то помещение, скорее всего напоминающее погреб, промозглое и сырое. Это оказалась просторная комната, где было очень холодно, земляной пол не застлан ровно ничем — ни кошмы, ни циновки. По-видимому, пол совсем недавно полили водой, так как то здесь, то там поблескивали ломкие тонкие корочки льда. Посреди этой нелепо огромной комнаты торчал большой и круглый то ли пень, то ли чурбан. При свете свечи, тускло мерцавшей в нише, Зульфикар все же сумел разглядеть, что это пень орешины.

Около горящей свечи лежали еще две новые, непочатые. Двери были крепкие, а грязное оконце выходило на пустырь. В углу лежали различные инструменты — измерители вперемешку с плотничьими инструментами и даже деревянная лопата. Пустота, грозящая поглотить человека.

— Вот здесь вы и будете ночевать, а утром поговорим, — сказал зодчий, пристально вглядываясь в лицо

Зульфикара.— Если случайно не сможете заснуть или, чего доброго, замерзнете, потяните вот за ту бечеву, зазвенит звоночек, я приду и вызволю вас.

Зодчий Наджмеддин, оставив гостя одного, запер дверь и удалился.

А Зульфикар все стоял в той же позе. Сердце невольно сжалось от страха. Он подошел к двери и рванул ее. Заперта! Подошел к высокому окну, этому единственному отверстию, откуда, очевидно, днем проникает сюда свет. Пустота! Посреди комнаты пень. Что это значит? Да уж не тюрьма ли это? Попасть в чужом городе под замок, да еще в доме прославленного зодчего Наджмеддина Бухари... Как все это непонятно, как странно! Ни за что ни про что оказаться в заточении. А может быть, его приняли за шпиона, за человека, подосланного царевичом Султаном Абу-Саидом?

Зульфикару доводилось слышать о том, что господин Наджмеддин Бухари близок его величеству, что он так же, как и Лутфи, Андугани, удостоен царских даров и милостей. А что, если в караван-сарай этой ночью явятся нукеры и отца Зульфикара тоже возьмут под стражу?

Но что общего между зодчим и воинами? Как может зодчий взять в руки меч воина? Нет, просто невысказано, чтобы он внезапно превратился в палача. Неужели их — Зульфикара и отца — в чем-то заподозрили? Зульфикар вспомнил Самаркандскую смуту, самый разгар этой смуты.

Дворцовая знать, амиры, полководцы скинули с трона и заключили под стражу Халила Султана. Государь с большим войском двинулся на Самарканд, освободил Халила, отвез его в Хорасан, а правителем Самарканда назначил своего сына Мухаммада Тарагая Улугбека.

После этих событий черные дни наступили и для Самарканда и для Герата. Повсюду рыскали лазутчики и наветчики, жестоко преследовались не только сарбандары и хуруфиты, но и те, кто был на стороне Амира Сарибуга и Амира Сулеймана Хаша.

Зульфикар почувствовал, как у него леденеют ноги. Он подошел к нише, потрогал свечи. В этой огромной пустой комнате он, оказывается, не один: около свечи кружили мотыльки. Маленькие беззащитные создания, они летели прямо на огонь, сжигали крылышки и гибли,

Потянуть бечеву, пусть зазвенит колокольчик. Кто знает, может, как и обещал, явится старый зодчий. Что ж, не полюбилось здесь, не выдержал? Ничего не поделаешь. Зульфикар попробовал постоять на правой ноге, согнув в коленке левую. Все равно холодно — слишком сырая земля. Разложить книги и тетради и встать на них? Нет. Книжки не подпирают ногами. А в его тетрадях — записки и чертежи и описания Муссало и моста через Герируд, зубцов крепостной стены и порталов, рисунки и описания мечети Джаме — словом, там все, что так восхитило Зульфикара здесь, в Герате. Там и записи высоты зданий, их названия, даже набросано изображение нескольких медресе Бухары. В последнее время он не расставался с этими тетрадями, носил их повсюду с собой и дорожил ими больше всего на свете.

Он медленно подошел к пеньку, стоявшему в середине комнаты, и сел на него.

Так хоть ноги не касаются земли. Может ли он просидеть в таком неудобном положении до утра? Надо бы найти местечко где-нибудь в уголке и прилечь. Может быть, разложить инструменты, накрыть их халатом и лечь? Нет! Здесь кроется какая-то тайна, нельзя же ни за что ни про что засадить человека в сырой погреб?

Не за верность же преподносят такой сюрприз, здесь что-то не то, не то! — думал Зульфикар.

Еще раз обошел он пустой и холодный погреб. Большой пень, свеча, инструменты — ничего больше. Зульфикар снова подошел к двери и прислушался. Тишина. Лишь изредка доносится звук далеких шагов да еще где-то на потолке скребется мышь. И снова его мысли обратились к Наджмеддину Бухари.

От устада Наджмеддина он слышал историю о том, как монголы не оставили камня на камне от городов Уtrar, Зернук и Нур на берегах Сырдарьи, как племена этих язычников и шаманов уничтожили десятки бесценных памятников архитектуры, превратили их в руины.

И такой великодушный человек, как зодчий, вдруг взял и засадил в холодный погреб приезжего из Бухары юношу, полного самых радужных надежд. Зульфикар подумал, что и он подобен вот этим мотылькам, что опрометчиво лезут в огонь, он тоже прилетел на огонь зодчего. Значит, и он сгорит и упадет возле подсвеч-

ника? Зульфикар тяжело задумался. И стыдно, и страшно...

Он посмотрел в дальний угол комнаты. Ему чудилось, будто там что-то шевелится и вдруг это «что-то» подняло голову. Зульфикар вздрогнул. Кто это? Бес? Злой дух?

Кутаясь в саван, поднял с земли голову мертвец и устался на Зульфикара. Были видны его ребра и огромные горящие глаза. Зульфикар быстро зажмурился, но не утерпел и снова глянул в угол. Мертвец вроде бы исчез, но уже через минуту снова начал медленно шевелиться. Однако страшнее всех мертвецов был холод. Зульфикар дрожал всем телом, ноги совсем застыли, начали ныть.

В ранней юности, когда он тяжело болел, ему также мерещились мертвецы и ведьмы. Он постоял около свечи, прочел молитву «ёсин», отгоняющую злых духов. Этот странный пень, освещенный трепетным светом свечи, снова привлек его внимание. Ради чего он торчит здесь, посреди комнаты? Зачем его принесли в подвал? Кому охота была тащить сюда этот круглый пень орешины? Он снова подошел к пню, надеясь отвлечься, и стал внимательно разглядывать его. Здесь, безусловно, есть какая-то тайна, конечно же, есть. Он попробовал стронуть его с места. Какой тяжелый!

С новой силой заныли ноги. Эх, топор бы сейчас, разрубил бы он этот пень на мелкие кусочки. Он оглядел полутемную комнату — ни топора, ни пилы. А на сердце тяжелым гнетом лежали страх и тревога. Что же это происходит? Он с силой пнул ногой пень, и вдруг тот неожиданно легко покатился по полу. И тут Зульфикар начал катать обрубок дерева по всей комнате. Потом выпрямился и передохнул. Он чувствовал, как начинают согреваться ноги. И видения куда-то пропали. Снова Зульфикар принялся катать свой пень. Может быть, вся тайна в нем? Вот оно и началось, испытание, которое задал ему этот мудрый старец. Стало быть, чтобы не превратиться в ледышку, нужно катать пень. Нужно двигаться! Движение — тепло, а тепло — это сама жизнь.

Движение и усердие — залог удачи. Что же, философия неплохая. Отец с детства твердил ему это.

Зульфикар катал пень по всей комнате, не минуя самых темных углов, даже того, где еще недавно шеве-

лился мертвец. Нигде никого. Значит, ничего и не было. Теперь Зульфикар уже ни о чем и не думал, он и на свечу не глядел — все катал и катал пень по комнате. Какое там мерзнуть, он даже вспотел. Изредка Зульфикар останавливался передохнуть и снова продолжал свое занятие. Наступила полночь. Свеча догорела, и Зульфикар зажег новую. Он устал и прислонился к стене. Захотелось вздремнуть. Но нет! Спать нельзя. Закоченеешь. Он снова принялся катать пень. И снова согрелся, и снова забыл о сне. Мудрые люди, выходит, обретают сокровенный смысл не только в геометрии, математике или в науке исцеления, они обретают его и в самых, казалось бы, обычных вещах: порою больного излечивают не с помощью мумиё, а простой водой или добрым, вовремя сказанным словом.

Этой ночью Зульфикар вспомнил Айниддина Алама, которому выкололи глаза. По словам отца, Айниддин Алам, который вычерчивал проект медресе Пирмухаммада, пристрастился к вину и допустил ошибку в расчетах и чертежах. А когда рухнули арки мечети в западной ее стороне, Айниддину Аламу по приказу государя выкололи глаза.

Несчастный дожил до старости, так он и умер слепым. А вот изобретшему «измеритель времени» Ходже Мухаммаду Тимур подарил целый хурджун золота. Вот так оно и бывает: одному птица счастья Хумо опускается прямо на голову, другой — попадает в руки Азраила. Таковы превратности судьбы, говаривал отец, обтесывая камень.

«А этот старик,— думал Зульфикар,— запер меня в погребе и даже не намекнул, что нужно катать этот проклятый пень. Ведь иначе я бы совсем закоченел». Он вдруг рассердился на старого зодчего: вот взять сейчас и потянуть бечеву, позвать его.

Нельзя же так безнаказанно издеваться над безвинным. Он подошел к свече и снова оглядел погреб: никого, только этот нелепый пень. Ночь. Тишина. Слышен лишь далекий лай собак, да снова на потолке скребется мышь. Слышны даже удары собственного сердца.

Нередко мастер Нусрат выговаривал сыну, упрекая его за излишнюю суетливость и вспыльчивость. Отца коробило, когда Зульфикар начинал суетиться по пустякам. «И тот, кто идет медленно, и тот, кто мчится

как угорелый,— оба живут на свете. Так зачем же суетиться?»— добавлял отец. Но Зульфикар в душе не соглашался с ним.

Наджмеддин Бухари тоже спокоен, сдержан, немногословен. И вот поди ж ты, оказал «любезность» человеку, пожелавшему поступить к нему в ученики. А Зульфикару так хотелось побродить по городу, полюбоваться Баг-и-Сафид — Белым садом, Баг-и-Джахан-аро — Садом, украшающим мир, постройками Мусалло, мечетью Джаме. До чего же жаль.

Перевалило за полночь. Зульфикар снова принялся за свой пень. Пришлось зажечь новую свечу. Спать расхотелось.

Все люди спят. Один лишь Зульфикар в непрерывном движении. Ведь Дервиш Мухаммад написал знаменитые свои книги «Фазо илул хатут» и «Рисолаи кавонди хатут» («Достоинства оттиска» и «Трактат о правилах каллиграфии») в сыром подzemелье, да и вообще этот знаменитый каллиграф создал в подzemелье все свои произведения.

И Давлятшах Самарканди, и Нишапурн, и изобретатель часов Ходжа Мухаммал Садр работали где-то на краю света в полной тишине...

Перед самым рассветом раздалися шаги на лестнице, потом скрипнул ключ в замочной скважине. Зульфикар, в одной рубашке, вспотевший, остановился посреди комнаты.

В распахнувшуюся дверь проскользнул первый ранний луч. На пороге стоял зодчий и внимательно глядел на юношу.

Зульфикар вежливо поздоровался.

Старик поглядел на следы, оставленные обручком орешника на земляном полу, на чапан и войлочный колпак Зульфикара, висевшие на гвозде, и понял, что юноша всю ночь катал пень. Сам Наджмеддин Бухари тоже не спал. Целую ночь он провел в комнате над подzemельем, листая книги.

— Наденьте чапан,— посоветовал зодчий,— и идите за мной.

Зульфикар надел колпак, набросил на плечи чапан, подобрал книги и задул свечу. Вслед за Наджмеддином он медленно поднялся во двор.

— Испытание вы выдержали, господин Шаши,—

сказал зодчий, оглядываясь на Зульфикара с улыбкой.— Не спорю, испытание не совсем обычное, даже просто странное. Не ожидали такого? Но что ж поделаешь? Мне нужно было, дитя мое, проверить вашу рассудительность и упорство. И мои учителя были когда-то безжалостны ко мне, зато научили многому. Должен вам сказать, что и юный Амир Хайдар, и внук его величества Аллаудавла, и два внука полководца Амира Бирандыка, и еще несколько «жаждущих знаний» не сумели выдержать этого испытания. У них не хватило ума догадаться, что именно следует делать, дабы не замерзнуть, и они звонили в колокольчик, просили их выпустить. Кое-кто обиделся на меня, но я твердо стоял на своем, сказал, что не нарушу своих правил и не возьму в ученики человека недогадливого, невыносливого и нетерпеливого. Вот вы увидите, бог даст, моих учеников Заврака Ниптапури, Гавваса Мухаммада Хири. Я считаю их своими родными сыновьями. Положите книги в нишу, умойтесь, позавтракаем вместе. Погем поспите и — к отцу. Мне нужно поговорить с моим земляком.

Зульфикар умылся и позавтракал с Наджмеддином. Его распирала радость, и, несмотря на бессонную ночь, спать совсем не хотелось, а хотелось бежать к отцу, поделиться своим счастьем.

От глаз зодчего не укрылось волнение юноши, он понял, как не терпится тому поскорее обрадовать отца. И он не стал его задерживать. Попрощавшись, Зульфикар бросился в караван-сарай. Отец ждал его с нетерпением и внимательно выслушал рассказ сына. Вначале он удивился, затем расхохотался, ударяя себя по коленям:

— Вот так старик, я слышал кое-что о его нраве. Даже сам Байсункур-мирза прощает ему строптивость. А уж в знаниях, говорят, он, конечно, много выше устада Кавама. Когда строили Мусалло, Наджмеддин работал вместе с устатом Кавамом. Хотя наша благословенная Бухара и далеко отсюда, все-таки слухи нет-нет да и доходят до нас. Тогда ты еще на свет не родился...

Итак, пробыв в Герате полтора месяца, мастер Нусрат устроил сына в ученики к прославленному зодчему — своему земляку Наджмеддину Бухари, купил подарков ребятишкам и жене и, радостный и довольный, направился с караваном обратно в Бухару.

Глава V

СТРАННИК

Стойла люгая зима, и в один из самых холодных ее дней, уже ближе к вечеру, в дом Наджмеддина Бухари постучал незнакомец. Заврак Нишапури, отворивший дверь, увидел на пороге худого, продрогшего человека в жалких лохмотьях. Незнакомец поздоровался и тут же сказал, что ему необходимо повидать зодчего. Он попросил позвать Наджмеддина Бухари. Заврак оглядел незнакомца с головы до ног и сразу заподозрил недоброе.

— Если у вас неотложное дело, то я, конечно, позову его. Если же нет, то лучше не беспокоить старого человека. Если вы пришли просить помощи, изложите вашу просьбу мне.

— Именно так,— подтвердил незнакомец, не спуская глаз с Заврака.— Я чужеземец, я приехал издалека и дошел, как вы сами видите, до самого жалкого состояния. Я немало наслышан о щедрости и благородстве господина зодчего. Поэтому-то я пришел к вам. Я не нищий.

Заврак вновь оглядел незнакомца. А что, если в руке у него припрятан нож? Несколько месяцев назад в соседнем квартале какой-то незнакомец убил знатного бека, и эта весть быстро распространилась по всему городу.

Завраку стало не по себе.

— Тогда приходите утром,— посоветовал он.

— Меня выгнали из караван-сарая, у меня нет денег... я голоден...

— Подождите-ка минуту, я сейчас.

Заврак предупредил Зульф리카ра о пришельце и пошел во внутренний двор. Он рассказал о просьбе незнакомца Низамеддину, потом Бадие. Зодчий, сидевший у сандала, услышал обрывки их разговора и подозвал Заврака. Заврак и ему рассказал все сначала и добавил, что пришелец внушает ему подозрение. Пришел в махаллю Дарул Хуфо искать господина зодчего.

— Странный какой-то,— добавил Заврак.

— Ну так я выйду к нему,— заявил зодчий.— А ты погоди,— обратится он к Низамеддину.— Нехорошо подозревать без причины. Грех.

— Не нужно пускать в дом подозрительного человека, отец,— вмешалась рассудительная Бадия.— В городе множество обманщиков и мошенников. И каждый норовит воспользоваться вашей добротой. Уже привыкли. Сколько раз приходили разные люди просить денег. Пусть работают. Лентяи.

— Осмотрительность никогда не мешает,— поддержала дочь Масума-бека.

— Он замерз?— спросил Наджмеддин у Заврака.— Небось и одет-то кое-как.

— Весь дрожит.

— Веди его сюда. Пусть согреется у сандала. Накормите его. Если ему негде ночевать, пусть переночует здесь. А утром я с ним поговорю.

Услышав эти слова, и Низамеддин, и Бадия, и Масума-бека, и Заврак смутились, но не в их правилах было перечить старшему в семье. Заврак вышел к калитке, где Зульфикар уже разговаривал с незнакомцем. Он тоже не мог отделаться от чувства смутной тревоги, и ему не хотелось впускать этого человека в дом.

С удивлением выслушав приказание зодчего, Заврак пригласил незнакомца войти. Во дворе стояли Низамеддин и Бадия.

Незнакомец снял свои чарыки на ступеньках крыльца и вошел в комнату. Зульфикар шепнул Низамеддину: «Не нравится мне его взгляд».

— Низам-ака,— сказала Бадия взволнованно,— нужно бы с ним поговорить, выведать у него все. И не стоит сегодня спать. Возьмите кинжалы.

Наконец-то нашлось дело для молодых, а то они совсем заскучали, шутка ли сидеть дома в эти холодные зимние дни.

Бадия порывалась войти в комнату, ей ужасно хотелось задать незнакомцу несколько, на ее взгляд, важных вопросов, но Низамеддин не разрешил. Обиженная Бадия удалилась во внутренний двор к родителям.

Незнакомца усадили к теплому сандалу, и трое юношей устроились тут же рядом, как бы невзначай окружив его. Незнакомец поел и согрелся, обстоятельно ответил на все заданные ему вопросы, непрерывно благословляя доброту зодчего. От сытости глаза его стали слипаться. Так он и уснул, сидя. А трое юношей с кинжалами за поясом не сомкнули глаз до самого утра.

Рассвело. Незнакомец проснулся рано, умылся и стал ждать зодчего.

Завтрак приготовил трапезу и передал зодчему, что незнакомец его ждет.

При входе Наджмеддина Бухари чужестранец встал и низко ему поклонился.

— Добро пожаловать,— проговорил зодчий.

Впервые со дня прибытия в Герат чужеземец услышал эти слова, он вздрогнул и начал благословлять зодчего. Во время завтрака он снова стал рассказывать о себе: имя его Али, родом он из города Сабзавар, отец его — сабзаварский мастер-плотник. Все лето Али работал водоносом, но, не сумев заработать на жизнь, оказался в бедственном положении. Сейчас он прибыл в Герат с надеждой устроиться на строительстве медресе, но его постигла неудача, и он задолжал в караван-сараяе.

— Вот если бы мне работу...— добавил он, опуская глаза.

— Хорошо,— сказал зодчий, выслушав его.— Идите на строительство, отыщите мастера Хасанбека, скажите ему, что виделись и говорили со мной. Думаю, что Хасанбек найдет вам работу. Сколько вы задолжали?

— Двадцать динаров.

Зодчий вынул кошелек и отсчитал пятьдесят динаров. По его знаку Низамеддин прошел во внутреннюю половину дома и вынес оттуда старый отцовский чапан, сапоги и рубашку. По обычаю, эти вещи зодчий каждую зиму раздавал беднякам. На сей раз бедняк сам, по собственному почину явился в их дом. Чужеземец не знал, как и благодарить зодчего. Как ни старался он взять себя в руки, но по лицу его покатались слезы.

— Успокойтесь,— обратился к нему Наджмеддин Бухари.— Увы, всем обездоленным помочь я не могу, но по мере сил...

— Господи,— сказал чужеземец, проводя ладонями по мокрому щекам,— пусть воздастся вам во сто крат за вашу доброту, дай вам бог увидеть счастье ваших детей.

Надев теплый чапан, он снова поблагодарил зодчего и удалился.

Вошедшая в комнату Масума-бека, увидев просветленные лица учеников, заметила как бы про себя:

— Даже ходже, вернувшемуся из Мекки, не оказывают столько почестей.

— Вспомни-ка, на прошлой неделе,— сказал зодчий,— ты ровно на пятьдесят динаров накупила подарков к свадьбе Насриддинбека. Для них это — капля в море. А тут перед нами настоящий бедняк, да и сколько их — таких горемык. Это не твой мерзкий бек. Чем быть соучастниками их пошлых торжеств, не лучше ли стать вязанкой дров и согреть чай хоть одному бедняку. Вот это и есть благодеяние.

Все в комнате притихли. Общее молчание нарушила Бадия.

— А этот чужеземец действительно пойдет к Хасанбеку или исчезнет бесследно? Вот что хотелось бы мне знать.

— Слишком многое тебе хочется знать. Думаешь, я не догадался, что вы все четверо взяли кинжалы и не спали всю ночь? Этот несчастный шел сюда утолить голод, а вы навывдумывали невесть что, вообразили, будто он разбойник. Молодцы же вы у меня! Вот увидите, сегодня же он пойдет к Хасанбеку.

И в самом деле, в этот же день, к вечеру, в доме зодчего стало известно, что Али-водонос встретился с мастером Хасанбеком и получил работу.

Глава VI

ПРЕКРАСНАЯ БАДИЯ

Проводив отца, Зульфикар Шаши совсем затосковал. Особенно тяжелы были первые дни в этом шумном городе. И хотя у него почти совсем не оставалось свободного времени и некогда ему было скучать, он никак не мог привыкнуть к чужому дому. Первый, кто тепло и по-дружески отнесся к нему, был Заврак Нишапури, юноша небольшого росточка, чернявый, с толстыми губами и бельмом на левом глазу. Был он подвижный, энергичный, деятельный и, что называется, остер на язык. Когда ему приходилось разговаривать с Бадией, он норовил повернуться к ней боком, чтобы не видно было его изуродованного левого глаза. Он находчиво и метко отвечал на шуточки этой шаловливой девушки,

которая порою, не щадя его самолюбия, подсмеивалась над ним, даже над его физическим недостатком, и все равно ему хотелось почаще видеть ее, подольше беседовать с ней.

Прибытие Зульфикара и обрадовало и в то же время насторожило его. Конечно, хорошо, что рядом с тобой теперь находился славный и работающий юноша, который так интересно рассказывает о своей родной Бухаре и может стать верным другом, но не надо забывать, что Зульфикар очень хорош собою — высокий и стройный, да к тому же догадливый и смысленый — ведь выдержал же он с честью испытание, которое устроил ему зодчий, чем расположил к себе не только самого Наджмеддина Бухари, но и всех его домочадцев. Не то что бы ревность, а какое-то смутное, тревожное чувство пробуждалось порой в душе Заврака.

В первые дни Бадия вообще не обращала внимания на нового отцовского ученика, да и старалась не выходить из внутреннего двора во внешний, где жили ученики. Казалось, будто никто из них вообще ее не интересуется. Лишь порою она звала Заврака и поручала ему кое-какие домашние дела, а обрадованный Заврак, словно получив приказание учителя, неизменно отвечал: «Будет исполнено, моя госпожа» — и действительно со всех ног мчался исполнять просьбу Бадии. А Бадия, словно бы и не замечая остальных юношей, величаво шествовала во внутренний двор. На самом-то деле она хорошо знала всех учеников отца — недаром она была единственной дочерью зодчего Наджмеддина Бухари — одного из известнейших людей Герата. Эта смысленая, неприступная и гордая девушка знала и то, что очень красива, но ведь великие и мудрые люди скромны, незыскательны и добросердечны, и в этом их главное украшение. Вот младшая дочь государя Гульгун Ако во всем Хорасане славится своей необыкновенной красотой, но красота — это еще не все. А дочь зодчего нарекли Бадия, что означает прекрасная, совершенная. И нарекли потому, что как раз в тот день, когда она появилась на свет, мавляна Лутфи, которого сам великий Алишер назвал «властелином поэтического слова» или «шахом красноречия», глядя на медресе, которое возводил Наджмеддин Бухари, промолвил: «...И величественно и прекрасно».

Семья устада Кавама поднесла Масуме-бека по случаю рождения дочери нитку жемчуга. И когда Бадия подросла, она часто надевала на шею этот драгоценный жемчуг. И при всей любви ее к украшениям красота ее сочеталась со скромностью и послушанием.

Порою Заврак Нишапури рассказывал ей смешные истории, и она от души хохотала, но вдруг лицо ее омрачала тень печали. И в минуту беззаветного веселья она вдруг вспоминала, что ее участь уже решена, что ей предстоит выйти замуж за Худододбека, вечно слонявшегося где-то поблизости. Что бы то ни было, она будет женой этого молодого человека со статью воина.

Устад Кавам, этот «властелин зодчих», и Наджмеддин Бухари лелеяли мечту породниться между собой. Бадие было известно, что устад Кавам сватает ее за своего сына.

Высокий, стройный, прекрасный наездник Худододбек, рассчитывавший стать военачальником в войсках его величества, загорелся было желанием жениться на дочери визиря Шуджи Аргуна и просил мать заслать в дом Аргуна сватов. Но устад Кавам, проведав, что Шуджи Аргун собирается стать сватом другого визиря, мудро решил: «Ровня с ровней. Мы породнимся с Наджмеддином Бухари. Они, в сущности, тоже мавераннахрские, из племени мангит».

Худододбек не возражал, ему нравилась Бадия.

Порою, принарядившись и нацепив исфаганский кинжал на золотой пояс, он появлялся на строительстве и заводил беседу о том, что происходило в мире. Но больше всего он любил распространяться о высокой государственной политике: например, сообщал, что Мухаммад-мирза зарится на Хорасан, что он спит и во сне видит свои походы на Самарканд, а затем на Балх, а Шахрух подумывает о походе на Мангит. Иногда он так увлекался разговором и так откровенно хвастал своей осведомленностью в делах государства, что не замечал, как отец, искоса поглядывая на сына, хмурится, кусает губы. И наконец, уловив подходящую минуту, устад Кавам выговаривал юноше, что не следует так распускать язык, особенно когда речь идет о государственной тайне, дескать, разные есть на свете люди.

— Ты и мне-то не говори об этом,— такими словами заканчивал свою отповедь уstad Кавам,— ведь и стены имеют уши. Попридержи язык.

И напомнил сыну историю Хусайна Дамагани, который за одно неосторожное слово лишился головы.

Худододбек поступил в медресе, но, проучившись ровно два месяца, сбежал оттуда. И отец и мать оправдывали сына: не будет ученым, так будет воином.

И впрямь Худододбек не проявил никаких способностей ни к математике, ни к другим наукам. Все его помыслы занимало другое: пиры, верховая езда, фехтование на саблях.

— Красавицы любят смелых, а не маменькиных сынков,— говаривал он.— Если ты родился мужчиной, то и будь мужчиной — дерзким, смелым. Выживает сильный, а побежденный, проигравший в борьбе, погибает. Мир прекрасен лишь для сильного.

Правда всегда на стороне сильного. Науки всегда служили, служат и будут служить сильным. Красота, развлечения, слава — все для сильных. Слабый! вечно зависим и должен служить сильному. Такова была его жизненная мудрость.

Слушая эти речи, Заврак Нишапури лишь улыбался. Потом и Зульфикар Шаши тоже понял, что спорить с Худододбеком бесполезно. А поначалу он затеял было спор с сыном устата, но Заврак незаметно сделал ему знак, призывая «спуститься на землю».

— Держите себя в руках, друг Шаши,— сказал Заврак, когда они остались одни,— все равно его вы не переубедите, такова уж его философия. И не только его, но и военачальников и солдафонов. Да и государь наш придерживается, полагаю, такого же мнения,— так зачем же спорить и доказывать?

Но Зульфикар горячился:

— Нет, вы слышали, что говорит этот глупец? Наука должна служить власти имущему! Значит, мудрец должен служить глупцу?

Заврак рассмеялся:

— Иногда бывает и так. Друг мой, я прошу вас лишь об одном: не горячитесь вы и не вступайте в спор с Худододбеком, ну сдержитесь, что ли, пересильте себя. Наш уstad любит его, и вообще... Худододбек будет его зятем.

Пораженный этой вестью, Зульфикар умолк. С этого дня он старался даже не глядеть на дочь своего устада, не слушать ее шуточные и озорные словечки, а уж отвечать ей почитал за великий грех. Да и о чем им говорить? Ведь зодчий Наджмеддин Бухари и устак Кавам — знатные люди Герата, его опора, а Зульфикар и Заврак обязаны помнить, что они только ученики, и у них одна цель — набираться знаний, научиться ремеслу. Для того они и приехали сюда. Эта мысль угнетала, более того, печалила Зульфикара. С первой же встречи, с первого же взгляда Бадия как полновластная хозяйка вошла в его сердце.

Приглядывался Зульфикар и к сыну зодчего Низамеддину. Между Низамеддином и Худододбеком существовало несомненное сходство: один — настоящий сарбаз — воин, второй, хотя и не служил в войсках государя, был страстным любителем военной премудрости и безукоризненно владел саблём. И Низамеддин и Худододбек считали себя личностями незаурядными, а к ученикам своих отцов относились как к людям второстепенным, не способным на «великие подвиги». Наши «зубрилки» слишком миролюбивы и неповоротливы, считали они. Вот эти-то общие взгляды на жизнь и дела их похожими друг на друга. Но почему-то они встречались довольно редко и, по-видимому, не дружили. У Низамеддина были совсем иные приятели. Много времени проводил он в Баг-и-Джахан-аро («Саду, украшающем мир») и в районе Кандахарского базара.

Но больше всего поражало Зульфикара равнодушие Низамеддина к ремеслу отца. Как может сын не воспользоваться такой редкой удачей — учиться у собственного отца? Низамеддин похож на человека, умирающего от жажды на берегу реки, думал Зульфикар. Неужто нет у него желания испить хоть каплю из этого чудесного источника? Солнечные лучи равно озаряют и обогревают землю, но, на нашу беду, бок о бок вырастают прекрасный цветок и горькая полынь.

Вскоре Бадия заметила, что новый ученик отца не обращает на нее никакого внимания. Однажды она вышла в наружный двор, где находились комнаты учеников, и встала на пути возвращавшегося с работы Зульфикара. Она оглядела его с головы до ног. Внезапное появление прелестной девушки, которая обычно

не обращала внимания на живущих в доме учеников, поразило Зульфикара. «Очевидно, юная госпожа желает поручить мне какое-то дело»,— подумалось ему. Он смущенно поклонился ей и густо покраснел. Потом, увидев, что поблизости никого нет, обратился к ней:

— У уважаемой госпожи есть поручения?

— Нет.

— Тогда разрешите мне пройти в свою комнату.

— Нет! Я хочу хорошенько вас разглядеть.

— Пожалуйста!— Зульфикар уже оправился от смущения и посмотрел прямо в ее прекрасные глаза.— Ну как, не очень плохая картина?

— Нарисовано неплохо... но вот содержание...

— Не интересуйтесь, уважаемая госпожа, содержанием этой картины. Она не стоит вашего внимания,— осторожно заметил Зульфикар.

— Очень может быть...

Зульфикар не ответил и опустил голову.

— Простите,— сказала она через минуту,— я задержала вас.

— Не стоит просить прощения. Вы оказали мне милость, удостоив разговора, и я счастлив.

— А если так, то почему же от вас я не слышала ни слова, хотя вы уже давно живете здесь?

— Есть в вас некая непреодолимая сила, и стоит вам лишь появиться, как я теряюсь. Началось это с первого же дня моего приезда. Человек не может смотреть на солнце, вот так и я...

— А вы, оказывается, красноречивы...— И, словно решив, что на сегодня достаточно, Бадия заговорила о другом:— Проголодались? Принести еду?

— Нет, госпожа, я сыт.

— Когда явится Завтрак Нишапури, пусть придет ко мне во внутренний двор, я дам еду...

Бадия повернулась и ушла.

«Разговорилась-таки,— подумал Зульфикар,— а я целый месяц боялся рот открыть».

Еще в Бухаре приятель не раз внушал ему, что когда разговариваешь с девушкой, главное — смелость, только смелость, иначе останешься навсегда в тени.

С этого первого разговора, можно сказать, и началось знакомство Зульфикара с Бадией.

Событие это Зульфикар держал в тайне от Заврака и Гавваса Мухаммада, но огонь, вспыхнувший в сердце его, был источником безграничного счастья. Он сам дивился, как и чем мог он обратить на себя внимание этой несравненной девушки. Казалось бы, и не красив, и не знатен, и не чета Худододбеку. Более того — чужеземец. А на прелестную дочь зодчего заглядывается не только Худододбек, но и дорогой гость этого дома царевич Байсункур-мирза. Когда кто-то сказал, что такая девушка достойна украсить дворец одного из царевичей, Масума-бека возразила:

— Вовсе нет. Не будет моя дочь служанкой царевича, а будет царицей простого смертного.

Уставший после работы Зульфикар лежал в своей комнате и думал о Бадие. «А может, она только от скуки или забавы ради удостоила меня своим вниманием? Или она просто неискренна?»

Он слышал, что гератские девушки общительны и приветливы. Наверно, нет на свете другого такого города, как Бухара, где женщины закрывают лицо и руки и не смеют при мужчине поднять голос.

Прошло больше часа. Бадия снова появилась во дворе и, повернувшись к окнам комнат учеников, позвала:

— Ага Заврак!

Заврак пользовался особым ее доверием, он беспрепятственно входил во внутренний двор и выполнял все работы, которые полагалось бы делать Низамеддину — старшему и единственному сыну зодчего.

Бадия относилась к Завраку как к родному брату, называла его «ага» — брат и, не задумываясь, давала ему поручения. Сейчас Заврак Нишапури, только что вернувшийся домой и что-то весело рассказывавший Зульфикару и Гаввасу, прервал беседу на полуслове и выскочил из комнаты на зов Бадии. Он боялся показаться в ее глазах нерасторопным или медлительным и не желал, чтобы Бадия, единственная и любимая дочь его учителя, недовольно хмурила бровки.

— Я здесь, госпожа Бадия.

Бадие нравилось, когда ее величали госпожой — бека, ведь к имени младшей дочери государя, красавицы Гульгун-Ако, тоже добавлялось слово «бека» — госпожа.

— Возьмите еду,— сказала Бадия,— устала держать. Что же мне теперь, прикажете кормить вас, как маленьких? Уговаривать, уламывать?

— Простите, я не сразу услышал, госпожа,— оправдывался Заврак.

— Что это ваш бухарец так мало ест?— продолжала Бадия.— Ему не по вкусу, видно, наша еда. Скажите, что придется все-таки есть нашу невкусную гератскую пищу.

Зульфикар прислушивался к словам Бадии, сидя у себя в комнате.

— Нет, нет, что вы, госпожа Бадия, еда, приготовленная вашими руками, не может быть невкусной, наоборот, это такая прекрасная, необыкновенная еда, что, если я когда-нибудь уеду в Нишапур, я просто пропаду без нее. Я ведь привык к вашей стряпне, совсем разбаловался. Конечно, никогда я не покину своего учителя, но если вдруг мою сказочно прекрасную госпожу похитит какой-либо бек или принц, то я буду плакать и взывать к господу богу и, словно верный пес, пойду искать мою госпожу, рано или поздно найду ее и лягу стражем у ее порога...

— Вот и камень наконец заговорил,— засмеялась в ответ Бадия.— Ах, Нишапури, ведь я думала, что вы подлинно бесчувственный камень. Странно, с появлением этого бухарца и у вас прорезался голос.

— Уважаемая госпожа, ведь и ваши предки тоже родом из Бухары. Родились вы, конечно, в Герате, но ваши деды и прадеды исконные бухарцы.

— Спасибо за разъяснение. Не очень старайтесь, брат Нишапури, не хочу я знать никаких беков. Я дочь своего отца. Человек тянется к солнечному лучу, так вот и меня привлекает мудрость, искренность, храбрость.

— Все эти качества воплощены в вас,— заметил Заврак Нишапури.

— Ну вот вы и прежний Нишапури. Ступайте и несите еду, а то остынет.

Бадия направилась во внутренний двор. Она не шла, а плыла, плечи ее чуть покачивались в такт ходьбе. Трое юношей проводили ее восхищенным взглядом — Заврак так и застыл посреди двора, а Зульфикар и

Гаввас — у окна комнаты. А она не торопилась, чувствуя на себе их взгляды. Да и все, что говорила она сейчас, было обращено вовсе не к Завраку, а к тому, кто сидел в своей комнате и не смел выйти.

Зульфикар часто задумывался и старался по-своему истолковать слова Бадии. Многого он еще не понимал в ее словах, в ее поступках.

Глава VII

СТРОЯТ МЕДРЕСЕ

Проснувшись на рассвете, зодчий позавтракал со своими учениками во внешнем дворе. Выйдя из дома, они первым делом зашли по дороге за смотрителем работ и отправились прямо в махаллю гончаров.

Смотритель работ Ахмад Чалаби пожаловался зодчему, что в последнее время мастера, изготавливающие изразец и мозаиковые плиты для облицовки здания, стали поставлять материал с изъяном, а роспись из лазурита и раствора желтого свинца и вовсе поступает с запозданием. В общем, происходит нечто странное и малоприятное. По всей вероятности, мастера чем-то недовольны. И впрямь, изразцовые плитки и все необходимое гончары обычно доставляли без лишних напоминаний и промедления, а теперь по какой-то непонятной причине вдруг стали тянуть.

Зодчий велел Ахмаду Чалаби прихватить с собою побольше денег и по дороге поведал своим ученикам, что мастер Абуталиб — человек вспыльчивый, но зато умелец, что называется, милостью божьей. Говорить лишнего ему не следует, и беседовать с ним будет он сам, Наджмеддин.

Поведал зодчий также, что Абуталиб был лет на десять моложе его и родом тоже из Бухары. Еще в Бухаре он поступил в ученики к Наджмеддину, и даже тогда, в те времена, учитель беседовал со своим учеником уважительно, старался ненароком не вызвать гнева Абуталиба, ничем не задеть его болезненного самолюбия. Но было у Абуталиба одно прекрасное качество: стоило ему привязаться к кому-нибудь — он душу готов был отдать, работал так, что все вокруг ахали и

оxали от восхищения. Кроме того, был он человеком набожным до фанатичности.

Увидав входившего в калитку Наджмеддина Бухари, гончар, сидевший в середине просторного двора среди изразцовых плит и глиняной посуды и разводивший бентонит, буквально онемел от удивления. Обычно сюда заглядывал лишь распорядитель работ, платил деньги и, погрузив готовые плиты на арбу, уезжал.

Абуталиб поспешно вскочил с места и бросился навстречу дорожному гостю.

— Как поживаете, мастер, все ли благополучно в этом доме?

— Слава всевышнему! Как ваше здоровье?— Абуталиб вытер ладонь о полу одежды и протянул руку зодчему. Затем поздоровался с учениками. А вот на распорядителя работ, солидного Ахмада Чалаби, стоящего чуть поодаль, он взглянул хмуро и буркнул холодное «салам».— Проходите, пожалуйста, на айван,— пригласил хозяин.

Один за другим гости прошли на айван. После короткой молитвы Абуталиб приказал своим ученикам, разрисовывавшим посуду, принести чай и расстелить дастархан.

Зодчий сел, скрестив ноги, и помянул добрым словом дедов и прадедов гончара, но особенно тепло вспомнил он старшего брата Абуталиба, умершего год назад Абу Шахбаза. Он прочел в его честь молитву и не спеша заговорил о том, какой то был замечательный мастер, редкостного таланта человек. Растроганный до слез гончар с благодарностью взирал на зодчего.

— Всевышний создал человека непохожим на все другие создания свои, поставил его над всем живым в мире и наделил чудесными свойствами. Всем прочим своим созданиям — животным и насекомым — он даровал кому четыре ноги, кому восемь ног, а кому даже сорок. Но человеку кроме ног он даровал еще и руки. В этом видна его великая мудрость, в этом главное благодеяние. Человек ходит, распрямив стан, и гордо несет голову,— закончил зодчий среди благоговейного молчания слушателей.

Гончар Абуталиб замер. Он любил легенды и предания и с детским любопытством ждал продолжения.

— Если в руки только что научившегося ходить

младенца дать поводья целого каравана верблюдов,— продолжал зодчий,— он поведет их, и они пойдут за ним. Животные созданы для человека; созданы во имя его. Правда, мы их режем, едим, но они на нас не в обиде... Чего только не способны создать человеческие руки! А все потому, что всевышний создал его сильным и могущественным.

И ученики, и гончар, и смотритель работ затаив дыхание внимали речам зодчего.

— Не Авиценна вовсе «Аристотель эпохи»,— говорил Заврак Нишапури.— «Аристотель эпохи»— это наш зодчий Наджмеддин Бухари.

Ученики Абуталиба расстелили дастархан и подали чай. И прихлебывая горячий душистый чай, зодчий и гончар вспоминали прошлое. Но особенно обоих развеселил один случай, который они для краткости называли «дунь-ка разок».

...Было это давным-давно, еще в Бухаре было. Отец Абуталиба и Абу Шахбаз привел своих сыновей к Наджмеддину Бухари, занимавшемуся тогда обжигом изразцовых плиток, и отдал их ему в ученики. Оба подростка, толстогубые и черные, точно негрятя, работали и учились у Наджмеддина целых три года. А когда прошли эти три года, нетерпеливый и упрямый Абуталиб, не испросив на то благословения учителя построил у себя во дворе печь для обжига и открыл собственное дело: начал мастерить посуду и изразцовые плитки.

И всего-то за месяц с лишним работавший и проворный юноша намастерил огромное множество и посуды и изразцовых плиток.

Брат же его, Абу Шахбаз, остался у зодчего и продолжал учение. С восхищением и восторгом глядел он на предприимчивого брата и верил, что тот в самом недалеком будущем прославит свое имя, разбогатеет.

Наджмеддин Бухари ничего не сказал Абуталибу, ни словом не попрекнул его. Теперь он и сам превосходный мастер, великолепно справляется с работой. Он полон сил и молодого задора — вон сколько товара смастерил. Плохо ли? Для такого прекрасного и большого города и сотни отменных гончаров мало. Пусть же на всех базарах Бухары будет больше посуды, пусть все новые здания будут сплошь украшены изразцовыми плитами с глазурью. И Наджмеддин Бухари по-прежнему ласково

относился к Абу-Шахбазу и не препятствовал начинанию младшего брата его Абуталиба. «Что может быть прекрасней, когда птенец, набравшись сил и смелости, вылетает из родного гнезда?» — говаривал он.

Однако любому мастеру, занимающемуся столь тонким делом, потребуется сырье — карнаб — особо размельченная земля, белый песок, ангобская глина, ковыльный пух, медные и свинцовые опилки и еще много-много всего — все это тщательно размешивают, и тогда можно и к работе приступать. И если Абуталибу трудно было достать глину, или опилки, или еще что из пужных ему материалов, Наджмеддин Бухари неизменно приходил на помощь бывшему своему ученику.

И все же дело не ладилось.

Уже через месяц Абуталиб явился к своему учителю и хмуро положил перед ним горку лазуритовых плиток: «Вот такого добра у меня два хумдана. Дважды я закладывал плитки в печь для обжига, как и положено, наполнив ее до отказа, и оба раза все плитки мои вышли щербатые и блеску у них нет. Почитай, три года работал я с вами и сотни, если не тысячи раз сам обжигал плитки — выходило же! Я и сейчас делаю все в точности, как и здесь. Так почему же у меня ничего не получается? Вот поглядите, поглядите же, лазурит и позолота вся в пупырышках, корявое все, шершавое. Весь труд на ветер пошел. То ли я в последнюю минуту усомнился в успехе, то ли это потому, что я неблагодарный человек в отношении вас... А ведь чего я хотел? Только поскорее помочь старухе матери, младшим моим братьям... Вот больше тысячи щербатых плиток, не по-тащу же я их на базар».

«А вы внимательно прислушивались ко всему, чему я учил вас?» — спросил Наджмеддин.

«Ну конечно», — ответил Абуталиб.

«А вот мне кажется, вы зря поспешили. Ушли, не просив благословения учителя, стали работать одни, не пригласив других мастеров, знающих все тайны обжига. Забыли о том, что подлинный мастер не только накладывает мозаику. А когда вы уже провели свинцовой краской по плитке, вы, конечно, не догадались дунуть на нее, сдуть пыль, осадок? Этого-то главного секрета гончаров вы так и не усвоили. А сдули бы пыль — и плитка вышла бы из печи гладкой и блестящей. А ваши, кто ж спо-

рит, и впрямь щербатые. Видно, не успел я вам преподать святое правило гончара: «дунь-ка разок».

— Потом уж Абуталиб сделал все как полагалось, по правилам, и изразцы его засияли, засверкали на солнце и стали еще лучше наших. На радостях Абуталиб принес в жертву духам петуха и устроил угощение—пир горой. Вот такое событие произошло когда-то в Бухаре,— заключил зодчий, глядя на внимавших ему Зульфикара и Заврака. А Абуталиб, тоже с наслаждением слушавший рассказ, довольно улыбался—приход гостей его обрадовал.

Напившись чаю, зодчий перешел к главному.

— Ну вот, дорогой мой,—сказал он,—по какой такой причине вы в последнее время подводите нас? Мастера на кладке арок сидят без дела. Вот и господин Чалаби жалуется. Вы, наверно, знаете, что Мирза сам хочет прийти в начале месяца рабиульавваль посмотреть на работы. Надеюсь, что нам отпустят еще денег...

— Верно, верно, уstad,—подхватил Абуталиб, пристально глядя на зодчего.— Мы же понимаем, для изразцовой кладки вам нужны лазуритовые плитки, и это для нас дороже и труднее, чем изготавливать посуду. Вы сами знаете, что тут нужны дорогие материалы—и свинцовые, и прочие краски, лазурит,—в общем, вам это лучше меня известно. И мы все делали, уstad, ради вас делали. Вот уже два месяца господин Чалаби не выдает нам ни таньги. Приходится покупать на базаре еще и ковыльный пух, и дрова. А у нас пусто не только в карманах...

— Я ведь ясно объяснил гончару,—начал было Ахмад Чалаби, побагровев,— что...

Но зодчий остановил его движением руки. Смотритель работ пробормотал что-то, смешался и умолк.

— Совершенно справедливо,—сказал зодчий,— без денег много не наработаешь, гончар прав. Виноваты мы. Большую часть средств пришлось отдать рабочим, обжигающим кирпич, много ушло на ганч, на подсобных рабочих. Смотритель работ не рассчитал, он думал, что с изразцовыми плитками спешки нет, отрицать это мы не будем. Ну-ка, господин Чалаби, выдajte, пожалуйста, деньги.

Смотритель работ вытащил из кармана мешочки с золотом и серебряными монетами.

— Здесь триста шахрухия,— проговорил зодчий, принимая из рук Чалаби мешочки и протягивая их Абу-талибу.— Тратьте их смело. В ближайшие дни, если господь будет к нам благосклонен, я принесу еще денег.

— Благодарствуем,— радостно отозвался гончар.— Послушайте, уstad, уж вы не утруждайте себя. Пусть кто-нибудь из ваших учеников даст мне знать, и я сам приду. Мы вовсе не желаем беспокоить вас.

— Следите хорошенько за глянцем, прочностью,— сказал зодчий.

— Это уж как водится.

— Ну, встали,— зодчий провел ладонями по лицу.

— Может, останетесь пообедать?— учтиво предложил хозяин.

— Время дорого, спасибо вам, прошу вас, пожалуйста, ускорьте работы.

— Если бог будет милосердным.

— От уstadа Кавама тоже есть заказы?

— Нет. Они пользуются услугами гончаров Васия-тиддина и Насреддина. А лазуритовые краски для наших плиток делает сам Мухаммад Сабзавари — химик. Да вы его хорошо знаете, он из рода Шахабиддина Дулдая...

— Вот это большая удача, нам, можно сказать, повезло,— заметил зодчий, направляясь к калитке.— Счастливо вам оставаться, да ниспошлет господь благополучия вам и вашим детям. Успеха вам в работе.

— И вам того же, уstad.

Зодчий распрощался с гончаром. Они отправились на стройку: зодчий и смотритель работ Ахмад Чалаби шли рядом, ученики—чуть поодаль.

Порталы нового медресе уже поднимались в небо. Изю дня в день все краше и величественнее становилась столица государства, а медресе Мирзо, который строил Наджмеддин Бухари, радовало глаз не только дворцовой знати, но и простых горожан.

Договорившись с гончарами и убедившись в том, что теперь-то уж лазуритовые плитки будут доставляться вовремя, зодчий пришел в хорошее расположение духа и сейчас беседовал без неприязни, почти приветливо даже с Ахмадом Чалаби, которого недолюбливал, считая карьеристом, человеком не слишком честным. Он шел рядом с Чалаби и думал о том, что вот Улугбек Мирза

пригласил этого известного астронома Алауддина-ибн-Мухаммада аль-Кошчи и оказал ему великие почести. Приехавший из Кеша друг зодчего рассказал ему об этом во всех подробностях. Да и вообще весть о том, что Улугбек Мирза неустанно печется о служителях науки, что он далек даже от мысли преследовать зодчих, астрономов и звездочетов, строителей и врачей, что он жалует их своей милостью, весть эта распространилась по всему Мавераннахру и Хорасану, проникла даже в Ирак.

Астроном Али Кошчи родился в кишлаке Кутчи, что неподалеку от городов Кеш и Китаб. В южной части Самарканда, у подножия горы Кухак, у него была крошечная обсерватория. Отец его Фазыл Кошчи, человек, преданный науке, служил у Мирзы Улугбека. Прослышав о том, что сын Фазыла учился у Салахиддина Руми и увлекается астрономией и алгеброй, Улугбек призвал Алауддина в Самарканд, ввел его в круг ученых, дал ему жилье и постоянно держал при себе. Слава Али Кошчи как ученого астронома росла день ото дня, так что вскоре сравнялась со славой великого Лутфи. Зодчий восхищался Али Кошчи, думал о том, что когда-нибудь и он, Наджмеддин Бухари, будет окружен таким же уважением и завоеует такую же известность. До него доходили слухи, что Али Кошчи даже прослыл «Пифагором эпохи». Думал зодчий и о том, как взволнованно говорил когда-то Улугбек о Субутаяе. Субутай полагал, что жители Хорасана и Мавераннахра употребляют в пищу слишком много зелени и посему они не люди, а скорее уж животные. Великий султан Субутай созвал ханов монгольских племен и вместе с ними смел с лица земли множество городов и сел. «Мы не едим травы, мы питаемся скотом, потребляющим эту траву. А вот эти племена едят не тех, кто потребляет траву и ботву, а жрут саму ботву. Значит, они не люди. Животные они. Поэтому долг наш истребить сих двуногих животных и тем сберечь корм для наших лошадей». Вот какие речи держал Субутай перед своим свирепым полудиким воинством.

Никогда не сеяли и не жали племена монголов, и питались они лишь мясом, молоком да маслом. В глаза они не видели того, что родит земля, неведом им был вкус груши, персика, винограда, граната, кнжира. Слов-

но Гог и Магог из библейских пророчеств, сея вокруг ужас, налетали они, как стаи ненасытной саранчи, и истребляли все на своем пути. Прекрасные наездники, ловко и мастерски владеющие мечом, не знали они поражений, и, как ни прочны были крепостные стены Хорасана и Мавераннахра, как ни стойки и сметливы были полководцы и военачальники, как ни героически сражались защитники, орды кочевников захватывали и уничтожали все вокруг. После вражеских наездов в руинах остались лежать не только крепости и цитадели, но даже мечети и медресе. Сколько величественных зданий и построек погибло от их руки. А потом настала година, когда повергнутые города Хорасана и Мавераннахра Самарканд и Герат, Бухара и Мешхед вновь возродились к жизни. По словам Наджмеддина Бухари, эпоха эта началась с восшествием на престол Самарканда Амира Улугбека. Началась с того времени, когда сарбадары в битве с беспощадным воинством монгола Ильяса отстояли Самарканд. И вот тогда-то пришла пора созидания и расцвета: вновь подымались из груды развалин уничтоженные врагом города. Канули в вечность и Дарий, и Искандер, и Чингис, и Угудай, и Субудай, и Чигатай, и Мункер. И Тимур тоже. Уходят цари, а здания, воздвигнутые нами, стоят вечно. Нам, зодчим, неведома смерть. Словно недреманные зрачки глаз сверкают вечно лазуритовые узоры и резьба на портале медресе, и нам дано видеть наших потомков поколенне за поколением...

Вот такие мысли порою одолевали зодчего.

Глава VIII

ПЛЕННЫЙ МАСТЕР ДЖОРДЖИ

На следующий день рано утром зодчий, как обычно, пришел на строительство медресе с тремя своими учениками. Не обнаружив в маленькой служебной комнатке Ахмада Чалаби, он спустился во двор медресе, а затем по лесам добрался до угловых башен, стоявших по бокам портала. Там работали мастера по облицовке. Одеты они были в незатейливые матерчатые халаты, перепоясаны ремнями, все — в сапогах, и в рыжих выгорев-

ших чалмах. Увидав зодчего, они на миг прервали работу и приветствовали его вежливым кивком.

Юноши, перетаскивавшие кирпичи, проходя мимо зодчего, почтительно здоровались с ним, называли устатком; впрочем, мягкий, обходительный зодчий с открытым добродушным лицом сам торопился поздороваться с людьми первым и ласково им улыбался. Около своих сверстников он задерживался, расспрашивая, здоровы ли они, как их дети; засунув под мышку свернутые трубки и листы бумаги, здоровался с друзьями за руку, интересовался, нет ли каких затруднений в работе, предлагал свою помощь, буде в ней нужда. Твердил о том, что нет ничего важнее здоровья, что по лесам следует ходить с осторожностью и что надо бы выполнить обещание, данное Мирзе, — закончить стройку к сроку.

Рабочие, лишь недавно поступившие сюда, с любопытством разглядывали зодчего, уступали ему дорогу и останавливались в сторонке, почтительно сложив руки. А кое-кто поспешно подбирал с его пути обломки кирпича и камней.

Нет, не духовники придумали изречение, гласящее: «Сердце живо любовью, а руки — работой», — его придумали зодчие. «Трудись и обретешь счастье», — говорит народ. Еще отец Наджмеддина учил сына тому, что только труд дает человеку удовлетворение, а лень, равнодушие и небрежность губят его, доводят до нужды и нищеты. Зодчий вспомнил отца, вспомнил, как тот радовался деятельным и ловким людям, как восхищался ими, как восторженно хвалил их.

Зодчий ходил по крыше строящегося здания, наблюдал за работами, останавливался около рабочих, размешивающих ганчевый раствор и клавших кирпичи, остановился он и около братьев Хасанбека и Хусанбека, трудившихся здесь с первых дней, сначала на земляных работах, а теперь на самом верху, поздоровался с ними и от души пожелал удачи этим искусным и умелым труженикам.

— Пусть господь ниспошлет вам удачу, — проговорил он, — я не нарадуюсь на вашу старательность и добросовестность. Мы с распорядителем работ говорили о вас самому Мирзе, и надеюсь, сей достойный и щедрый муж не обойдет вас своею милостью.

— Благодарствуем,— отозвался Хасанбек,— пока гессподь дает нам здоровье, мы будем трудиться не покладая рук. А доброе ваше участие и забота о нас, дорогой устэд, придадут нам еще больше сил. Сердце живет любовью, руки — работой...

— Вовремя получаете заработанные деньги?

— Получаем...

— Лучше сказать всю правду,— вмешался Хасанбек,— нам уже давно ничего не платят, устэд.

— Не беспокойтесь,— подхватил Хасанбек,— мы сами поговорим с господином Чалаби, он подсчитает и выдаст деньги.

— Нет, поговорю с ним я,— сказал зодчий.— Заработанное следует платить вовремя. Нет никакой причины задерживать деньги, из казны они поступают в срок.

Внимательно прислушивавшийся к этому разговору Заврак Нишапури пометил что-то в своей тетрадке. Это сам зодчий просил его делать заметки и после напомнить о них.

Попрощавшись с братьями, зодчий снова по лесам поднялся еще выше — почти на самый верх.

«Ах ты изверг», — раздраженно думал он об Ахмаде Чалаби. Позади зодчего шагали его ученики, Заврак, Зульфикар и Гаввас.

— Работнику одну денежку, болтуну — тысячу,— вот как оно получается,— проговорил он, оглянувшись на Зульфикара и Заврака.— Трудно понять, что за человек этот господин смотритель работ.

У самого края крыши стоял высокий, стройный и кудрявый юноша и вытягивал веревкой ведра с водой, которые ему подавали снизу. Он обернулся к старику, сидевшему поодаль и обтесывающему кирпичи, и что-то сказал ему на незнакомом языке. Старик обернулся и поглядел на медленно поднимающегося по лесам зодчего. Поглядел, но позы своей не изменил. И бросил короткую фразу юноше. Зодчий догадался, что старик попросил сына быть поосторожнее, повнимательнее. Два дня назад один из рабочих свалился с крыши и в тот же миг скончался, даже не успев издать стога.

— Здравствуйте, мастер Джорджи! — начал зодчий, подходя к старику. Настоящее имя старика было Георгий, но здесь, на постройке, все звали его Джорджи.

— Здравствуйте, зодчий,— ответил старик, медленно

поднимаясь с присущей кавказцам степенностью и достоинством.

То был один из тысяч и тысяч пленных, взятых когда-то Амиром Тимуром в дни его походов на Кавказ. Шли годы, многие из пленных кавказцев стремились вернуться на родину, но что ни делали они, как ни бились, пришлось жить на чужбине. Остался в Герате и мастер Джорджи. Старшего его сына звали Иосифом, но здесь, в городе, этого красивого и ловкого юношу окрестили Юсуфбеком. И отец и сын свободно говорили по-тюркски, и, хотя жили на положении полурабов, держались достойно и благородно, трудились старательно и не подвергались унижительным преследованиям. Они свято придерживались своей веры, в домашнем кругу говорили только по-грузински и строго исполняли свои религиозные обряды, не забывая родных обычаев. Много пленных из Грузии было в Хорасане. Жили они в разных городах, и использовали их обычно на тяжелых работах. Особенно много их насчитывалось в Мавераннахре. В Самарканде кавказцы поселились в построенном ими «христианском квартале».

— Пришел узнать, как вы здесь,— сказал зодчий,— здоровы ли, бодры ли?

— Здоровы, зодчий. И дела идут неплохо,— ответил мастер Джорджи, стоя против Наджмеддина и глядя ему прямо в глаза.— Мы, грузины, не отчаиваемся никогда. Такова, видно, воля божья. Но вы, зодчий, вы хороший человек, вы мне по сердцу. Когда я вас вижу, у меня на душе становится легче, светлее. Вот и медресе уже достраиваем.

— Те же чувства и у меня, мастер. Судьба забросила вас сюда. Значит, суждено вам было здесь найти свой хлеб насущный. Знаю, вы человек честный и благородный. А ну-ка скажите, деньги вам выплачивают?

— Выплатят, зодчий. Кто посягнет на деньги бедняков-чужеземцев? Разве мусульманин позарится на чужое? Вы не забыли, что обещали мне поговорить с царевичем?

— Не забыл, мастер.

— Мне уже за семьдесят. Хочется увидеть родную Грузию, там уснуть вечным сном. И сын Иосиф тоже должен жить на родной земле. Разве можно верить словам человека, лишённого родины, как бы ни уверял он,

что здоров, что ему, мол, хорошо живется. Даже когда уста наши смеются, сердце наше плачет. Вы умный человек, зодчий, и все понимаете сами. Явите божескую милость, скажите его светлости Байсункуру-мирзе несколько добрых слов о нас, попросите его, пусть, когда завершим строительство вот этого медресе, разрешит нам уехать на родину.

— Не огорчайтесь, друг мой Джорджи. Непременно поговорю с Мирзой.

— Благослови вас бог. Вы счастливый человек. С вашей чуткой душой вы понимаете наши чувства. Что может быть страшнее терзаний и горечи разлуки с родным краем? Разве поймут это правители, воины, начальники? Что сгубило нас? Правители наши враждовали между собой, не поддерживали друг друга и поэтому не смогли объединиться и противостоять захватчику. Даже самые прочные крепости, возведенные на вершинах гор, не выдержали неприятельского натиска. Наших жен и дочерей угнали в плен. Есть ли, зодчий, большее оскорбление, унижение, беда? А грузинский народ — народ мудрый и талантливый. Мы ценим добро, у нас богатая и древняя история, вы знаете это не хуже меня. Не дай господь никому пережить муки и страдания пленения.

— Я понимаю ваше горе, ваши тревоги, мастер Джорджи, мои ученики тоже всей душой сочувствуют вам. Дай вам господь осуществить сокровенные ваши мечты. Аминь!

Зодчий провел по лицу ладонями. Старый грузин перекрестился, на глазах его выступили слезы.

— Такова жизнь,— грустно произнес зодчий.— Таков сей бренный мир. Вот мы, мавераннахрские и хорасанские, словно бы победители, а вы — побежденные. На неравенстве зиждется мир. При дворе завоевавшего вас Амира Тимура был один человек, вроде бы посол или посланник по имени Клавихо. Так вот он написал: «Жителей этой новой, открытой нами земли, не принадлежащих к европейской расе, мы именуем инками». Выходит, что и мы с вами степные инки, другими словами, люди второго сорта. Помню, слова эти привели в уныние и удручили Байсункура-мирзу, да и устада Кавама. Вы считаете себя побежденными, а нас победителями. Но есть люди, которые не признают ни нас, ни вас. Такова жизнь, мастер Джорджи. Не огорчайтесь, наберитесь тер-

пения. Кедаром говорится: «Милосердие — на самом дне терпения».

— Благодарствуйте! Да благословит вас господь за вашу доброту.

Зодчий попрощался со старым мастером и двинулся дальше. «А ведь мастер Джорджи прежде работал с устатом Кавамом, — подумалось ему. — Да и сын его тоже. Грузины невзлюбили мастера Кавама за его высокомерие, за то, что ни на минуту не забывал он, что принадлежит к высшей знати. Он без дальних слов прогнал старика грузина, посмеявшегося в глаза возразить прославленному зодчему, но не решился расправиться с ним, опасаясь гнева других пленников».

Да, устат Кавам знал цену своим заслугам, упивался тем, что причислен к узкому кругу знатнейших людей Герата, да, устат Кавам не щадил тех, кто становился на пути его, а пуще всего боялся, что чья-то тень упадет на него. Наджмеддину Бухари был слишком хорошо известен характер устада Кавама, и он старался держаться подальше от него, а когда все же приходилось бывать вместе, зодчий чувствовал себя весьма и весьма неудобно, словно человек, знающий, что где-то совсем рядом рыщет хищник.

Глава IX

МОЖЕШЬ НЕ ДАТЬ МНЕ РОСТ ВЕРБЛЮДА, НО НЕ ЛИШИ УМА ХОТЬ С ПРОСЯНОЕ ЗЕРНЫШКО

Зависть по праву числится среди самых недостойных человека чувств. Подобна она заржавевшему кинжалу, и от удара таким кинжалом рана непременно загноится.

Трудно постичь человека, тем более по внешнему его виду, думал порою зодчий, пусть лучше рассеется в прах и золото и слава, ежели в погоне за ними становишься завистником, лицемером и в оголтелой борьбе за свое благополучие превращаешься в зверя.

Благосклонность Байсункура-мирзы к Наджмеддину лишила покоя и сна устада Кавама: это он постарался, чтобы до слуха царевича дошла весть о том, будто Наджмеддин Бухари человек вспыльчивый, раздражитель-

ный, будто предстательствует он и за пленников и за врагов государства, держит их сторону.

Клевета достигла цели — долгое время царевич ко-сился на зодчего Бухари. Но тут в дело вмешался мавля-на Лутфи: он убедил Байсункура в том, что не следует относиться к зодчему с недоверием. Мало того, он предподнес в дар царевичу собственноручно переписан-ную книгу «Калила и Димна», почтительно обратив его внимание на главу «О великом визире», и дал совет с осо-бым тщанием прочитать притчу о том, как поссорились Бык и Барс и что из этого вышло. Но Наджмеддин узнал об этом позднее.

Однако гораздо хуже было другое: уstad Кавам распространил слух, будто замечательная мысль, к ко-торой пришел зодчий во всеоружии сорокалетнего опы-та, после многих проверок и раздумий, принадлежит вовсе не зодчему Наджмеддину. Речь шла о том, чтобы после тщательных предварительных расчетов выбрать наиболее подходящее для постройки место, создать наи-более удачную планировку, так чтобы здание было об-ращено к солнцу в любое время дня и радовало глаз созерцающего его.

Уstad Кавам намекал, что и он-де причастен к этому. Будто чудесное это открытие было издревле известно зодчим всего света. Будто зодчие Самарканда, Бухары, Герата, Хивы давным-давно пришли к этой мысли. Буд-то еще в эпоху караханидов и греков эта идея главенст-вовала в зодчестве.

Услышав это из уст устада Кавاما, покровитель ис-кусств Байсункур-мирза сразу охладел к замыслам Наджмеддина Бухари. Оказывается, зодчий печется вовсе не о том, чтобы обширный двор, все пространство вокруг здания, а также худжры — кельи внутри — были лишены солнечных лучей. Наоборот, он задумал другое. По его мысли, через ограду, через дверцы худжр должно проникать солнце. Правда, уверяет он, даже в самое жаркое время года — летний месяц саратан — в них бу-дет прохладно. На самом же деле Бухари стремился к тому, чтобы и ранним утром, на рассвете, и ближе к су-меркам здание медресе выглядело сказочно прекрасным, в радостном сиянии солнечных лучей. С помощью точ-нейших геометрических расчетов при закладке фунда-мента он добивался того, чтобы здание было обращено

не к узким улочкам, а к солнцу, и, лишь строго определив и уточнив пропорциональность, соразмерность и гармонию крупных зданий, приступал к строительству.

Он считал, что к высокому зданию непременно должен прилежать обширный двор.

Когда Мирза Улугбек вззошел на престол и Наджмеддин Бухари прослышал о его намерении строить медресе в своих владениях — в Самарканде и Бухаре, он разослал пространные послания своим друзьям — зодчим, жившим в других городах, призывая их поддержать этот благороднейший почин, а также строить медресе невдалеке от мечети Джаме и минарета Калан, помня при закладке фундамента о его идее «солнечной стороны», которую он справедливо считал плодом своего многолетнего опыта. Связь Наджмеддина с зодчими из других городов, а особенно из его родного города Бухары, была не по душе устаду Каваму, считавшемуся другом Наджмеддина Бухари без малого сорок лет. Но и это все были лишь цветочки. Вспыльчивость, а порою и излишняя горячность зодчего, его упорство, когда речь шла о качестве и красоте, его горячие споры с мастерами, его нетерпимость к расточительству, к растрачиванию без толку средств, выделенных для работ, — все это в глазах устада Кавама было равносильно чуть ли не бунту, мятежу.

Наджмеддина Бухари угнетала (и устад Кавам отлично знал это) причастность его предков к сарбадарам, и порой ему думалось, что это чувство какой-то подспудной тяжести на душе продлится, пожалуй, до самого судного дня. И стоило ему погорячиться либо сделать, на взгляд устада Кавама, что-то не так, как тот не упускал случая напомнить другу о его прошлом.

Самым великим своим счастьем, самым главным своим богатством зодчий Наджмеддин считал сына и дочь и по праву гордился ими. Особенно же баловал он дочку — красавицу Вадию, которая походила на отца смышленостью, умением быстро и остро ответить на любой вопрос. И хотя из девочки она превратилась в прекрасную девушку, она все еще казалась отцу ребенком.

Часто зодчий думал о родной своей Бухаре, об истории и трагедии этого прекрасного города, которую он услышал от своих дедов и прадедов, о страданиях и бедах, выпавших на долю его жителей.

Ворвавшись в город, Чингисхан проскакал на коне до минарета Калан и замер в изумлении перед сим величественным сооружением, перед вытянувшейся в небо башней. Он долго оставался там, покусывая пальцы и так задрал голову, что даже малахай его свалился на землю. Потом промчался мимо стоявших с опущенными головами старцев и вошел в мечеть Джаме. Тут он схватил за бороду имама мечети и стал осыпать его оскорблениями.

«Мы сдали тебе город, мы склонили перед тобой седые головы лишь для того, чтобы не разрушил ты прекрасные наши здания и не истребил жителей. Ты же оскорбил и осквернил всех и вся. Ты грабитель и захватчик», — изрек имам. И в мгновение ока монголы отрубили ему голову, и вслед за ней слетело еще более сотни голов. Все они были сброшены в колодец во дворе мечети Джаме. Жены и дочери бухарцев были обесцелены, многих монголы увезли с собой. О несчастный, о прекрасный город, сколько же пришлось тебе пережить, перенести! И хотя зодчий Наджмеддин поселился далеко от своего родного города, он помнил до мелочей все мэдесе, все минареты. Думал он и о руинах Шахри Хайбару Варзанза и Варахша вокруг великого города несравненной красоты, города, вечно испытывающего жажду. Он тосковал о родной земле.

Возившаяся во дворе Бадия не догадывалась о думах отца. Он глядел на дочь, но мысли его были далеко — в родной Бухаре, он вспоминал дни своей юности.

Вечером того дня Наджмеддин Бухари вернулся домой опечаленный. Бадия решила, что отец устал за день, и поставила ему еду на низенький столик. Зодчий не стал, как обычно, разговаривать с дочерью, не вышел во внешний двор беседовать с учениками о делах, о планах на завтра. Он лег и забылся тревожным сном. Да и вообще он был не похож на себя в последние дни. И дочь и жена зодчего считали, что это либо устал Кавам, либо Ахмад Чалаби портят ему настроение новыми своими кознями. Либо что-нибудь не ладится на строительстве. Разные причины старались отыскать мать и дочь. Одного лишь Низамеддина, казалось, не тревожило состояние отца.

Лишь наутро, во время завтрака, зодчий поведал о

трагедии, разыгравшейся в семье одного из бедных поденщиков, работающих на стройке.

Одиннадцатилетняя дочка этого многодетного бедняка гуляла с младшими братишками на берегу анхора¹ Инджиль, расположенного напротив их жилья. Двухлетний ее братишка, играя, упал в воду. Девочка кричала, звала на помощь, но тщетно — вокруг не было никого, и ребенок утонул. Тогда, решив, что ее все равно убьют, она кинулась в воду. Труп двухлетнего ребенка нашли лишь сегодня, а труп девочки так и не обнаружили...

Зодчий все никак не мог успокоиться. Когда в прошлом году с верхнего минарета свалился и разбился насмерть один из облицовщиков, уstad Наджмеддин Бухари пережил это как личное свое горе. Тогда он велел Ахмаду Чалаби отнести семье рабочего денег. Но что деньги? Пока возводится здание, сколько жизней уходит, сколько тут трагедий. «Множество трагедий», — думал он, а сердце все не давало покоя. Он роптал и сетовал на превратности судьбы. Огорчился тем, как много приходится страдать и терпеть беднякам.

«Все горести мира в вашей душе, отец, — твердила Масума-бека, желая утешить мужа. — На все воля божья. Что может сделать человек, раз он только раб божий? А вы в последнее время совсем извелись. Возьмите себя в руки, поберегите себя». Вслед за матерью и Бадия тоже повторяла слова утешения.

Смотритель работ Ахмад Чалаби, толстый человек лет сорока с низким лбом и бегающими глазками, был на редкость болтлив, необыкновенно услужлив, изысканно любезен с чиновными людьми, порою даже суетлив. Хотя он был круглым невеждой и далек от наук, тем не менее он считал себя вправе осуждать деятельность Улугбека Мирзы. Когда-то он учился в медресе, но не смог одолеть премудростей наук и, оставив учение, стал торговать в лавке отца на Кандахарском базаре. Ахмад Чалаби был сыном мелкого торговца и менялы — ростовщика Чалаби Ходжи. Неизвестно, как и когда обратил он на себя внимание устада Кавама, но, так или иначе, по его протекции получил работу у Мирзы. Случилось так, что Байсункур-мирза,

¹ Анхор — речка.

вместе со своей свитой, был в гостях у кого-то за городом. Решив сотворить молитву, он стал искать укромное местечко и присел за пеньком, намереваясь здесь же совершить ритуальное омовение перед молитвой. Это заметил находившийся поблизости Ахмад Чалаби и, стыдливо отведя взгляд в сторону, подал царевичу комок сухой глины. С той самой минуты он уверился, что совершил дело весьма важное, и был чрезвычайно доволен собой. Вот после этого случая он с помощью устада Кавама и стал смотрителем работ на строительстве нового медресе.

Хотя строительство шло под непосредственным руководством зодчего Наджмеддина и по его проекту, все материальные ценности, да и вообще вся материальная сторона дела — выплата заработанных денег, доставка кирпичей, ганча, леса — находилась в ведении смотрителя работ. В подчинении у смотрителя работ, таким образом, было около ста наемных рабочих и поденщиков, мастеров и арбакешей-возчиков.

Рядом со строительством находилось крошечное служебное помещение, всего две комнатки — тут-то помещалась контора смотрителя работ.

Порою зодчий Наджмеддин, разложив здесь бумаги и проекты, просматривал чертежи и вместе с мастерами и учениками обсуждал их. Сюда же приносили образцы жженого кирпича, лазуритовых плиток, проверяли их прочность. На таких совещаниях и беседах Ахмад Чалаби — хозяин этой небольшой конторы, но человек далекий от обсуждаемых вопросов — сидел где-нибудь в уголке и беспрерывно зевал. Он наблюдал, как зодчий вместе со своими помощниками вычисляет угол высоты стен и сводов, геометрический треугольник купола, правит чертежи. Но ни в одном вопросе не разбирался, да и разбираться не желал. «Источник всех расчетов, их отец и мать — деньги, — думал он про себя. — А деньги-то в моем кармане. Пока есть деньги, пускай их рисуют разные геометрические фигуры и возводят стены. А вот не станет денег, так и стены застынут на том самом месте, где кончились денежки. Ох и велика сила золота».

Присутствие на таких совещаниях Чалаби считал своей обязанностью, такой же, как, скажем, доставка кирпича из печей для обжига. Он почему-то решил, что воздвигнуть медресе Мирза поручил именно ему, а всякие

там зодчие и мастера — это те же рабочие и поденщики, которых он нанимает и рассчитывает. Отлично понимая, что мысли зодчего заняты отнюдь не золотом, а работой, он нередко оставлял часть денег в своем кармане, другими словами, попросту грабил рабочих и мастеров. Зодчий догадывался о неприглядных делишках смотрителя работ, но оградить себя от этого человека, избавиться от него было ему не под силу. Порою, словно нарочно ожидая минуты, когда зодчий собирается к Байсункуру-мирзе с неотложными и важными вопросами, он, Ахмад Чалаби, опережая зодчего, отправлялся во дворец, шел на прием к царевичу и затем сообщал об этом Наджмеддину Вухари, у которого просто руки опускались. «Но ведь у меня же должен был состояться крайне важный разговор с царевичем, почему же вы своевольничаете?» На что смотритель работ чважливо, словно важный вельможа, отвечал, нагло уставившись на зодчего: «Высокочитимый царевич сказал, что у него сейчас есть дела поважнее, чем строительство медресе».

Не однажды у зодчего пропадали чертежи, проекты и другие важные бумаги, поэтому-то он бережно хранил теперь все эти документы.

Как-то утром в четверг, чуть поодаль от работающих на стройке, зодчий столкнулся лицом к лицу с Ахмадом Чалаби. Люди издали слышали, что между ними завязался крупный разговор. Зодчий раздраженно отчитывал Ахмада Чалаби:

— Оставьте ваше жульничество, иначе вас придется освободить от должности смотрителя работ! Вы человек невежественный, вы далеки от творчества и творите грязные дела. Такого не позволяют себе даже игроки в азартные игры. Вы нечисты на руку, а за это следует положить ваши пальцы на пень и отсечь их топором.

— А где доказательства?— закричал Ахмад Чалаби, тараща глаза на зодчего.

— Доказательства есть,— резко ответил зодчий.— Это подтвердит каждый, работающий здесь. Вы утаиваете часть денег, прикарманиваете их, недоплачиваете людям.

— Я буду жаловаться на вас его величеству и царевичу Ибрагиму Султану!— завопил во весь голос Ахмад Чалаби.

— Жалуйтесь. Его величество установит истину и накажет того, кто крадет деньги из государственной казны. Я не боюсь ваших угроз, я — зодчий. А вы занимались и занимаетесь мошенничеством,— отрезал Наджмеддин.

Бледный как полотно Ахмад Чалаби, поняв, что его загнали в тупик, вдруг рухнул на землю и завопил: «Ох, сердце, сердце...» В углах губ выступила пена.

Зодчий отлично понимал, что этот мошенник притворяется.

Сбежался народ. Сверху, с лесов, башен и порталов, начали спускаться рабочие. Завтрак и Зульфикар увели зодчего подальше, попытались его успокоить.

— Не огорчайтесь, вы же видите, что это просто притворство, хитрость, да к тому же грубая! Такой человек способен на любую низость. Он нарочно разыгрывает комедию, чтобы взять над вами верх. Ни для кого это не тайна...

Но зодчий не мог отделаться от чувства страха. Он стоял, опустив руки, стыдясь этой гнусной сцены. Стоял в окружении своих учеников. Кое-кто из присутствующих, не разобрав, что здесь произошло, винил зодчего, жалел распорядителя работ, бессильно распростертого на земле. А тот время от времени судорожно, как рыба на суше, раскрывал рот, таращил глаза, хватался за сердце и вопил: «Умираю, умираю... Ох, умираю».

Зодчий растерянно глядел на него, затем подошел и негромко проговорил:

— Встаньте, зачем же так, что с вами?

— Уйдите, уйдите от меня,— еще громче закричал распорядитель работ, отворачиваясь от зодчего.— Немедленно пошлите гонца во дворец, привезите сюда Байсункура-мирзу!— крикнул он окружавшим его людям.— Скорее! Сообщите его величеству, что я умираю... Вот этот бухарец довел меня, ах, ох...

Все застыли в недоумении. Кто-то сообразил принести воды, подал Ахмаду Чалаби, побрызгал ему в лицо.

Завтрак Нишапури решительно взял зодчего под руку.

— Пора уходить,— сказал он,— при вас он никогда не кончит своих фокусов. Зульфикар и Гаввас отвезут его домой.

— Правильно, пусть отвезут, вон арба,— чуть

оживился Наджмеддин.— И скажите Зульфикару, пускай вызовет табиба.

Гаввас подогнал арбу, Ахмада Чалаби осторожно подняли и положили на подстилку. Рядом сели Зульфикар и Гаввас, и арба медленно тронулась. Распорядителя работ повезли домой.

Вконец расстроенный зодчий тоже отправился к себе, опираясь на руку Заврака. Люди вновь вернулись к работе, а остальные разбрелись кто куда, но мастера, работающие на самом верху — на куполах, так и не спустились вниз. Во-первых, нельзя допустить, чтобы застыл раствор ганча, а во-вторых, они уже не раз видели «художества» Ахмада Чалаби.

Оставив Заврака во внешнем дворе, зодчий прошел в свою комнату и лег, уткнувшись лицом в подушку. Прибежала Бадия, затем жена. Увидев, что отец совсем болен, Бадия бегом принесла крепкого чая, потом снова выбежала и вернулась с тазом, узкогорлым кувшином и мылом. Зодчий сидя вымыл лицо, руки и снова лег... Заврак на минутку заглянул к себе в комнату и снова отправился к медресе.

Глава X

ПОХОД НА ФЕРГАНУ

После смерти Тимура царевичи, правящие в различных областях и провинциях, оказались в повиновении у Шахруха, должны были покориться ему. Столица государства была поэтому перенесена из Самарканда в Герат.

Желая сохранить целостность страны и окружить себя верными людьми, Шахрух, не особенно доверявший племянникам, назначил правителями многих областей и краев своих сыновей. Вот тогда-то и началась борьба с наследниками братьев Шахруха, сыновей Тимура Джахангира, Умаршейха и Мираншаха. Шахрух отдал Самарканд старшему своему сыну Улугбеку, Шираз — Ибрагиму Султану, Кабул, Газну и Кандахар — Суюрготмышу-мирзе, а Астрабад — Байсункуру. Однако это, казалось бы, мудрое решение не принесло ожидаемых плодов. Много позднее внук Шахруха, сын Байсуи-

кура Султан Мухаммад отказался подчиниться деду, укрепился в Иране и стал править самостоятельно. Шахрух двинулся было на Иран с огромным войском, но не одолел внука и вернулся ни с чем. Итак, до конца своей жизни Шахруху не удалось подчинить Западный Иран Герату. А еще задолго до этих событий, боясь ослабления своей власти, опасаясь раздробления страны, Шахрух в 816 году хиджры (1413 год по христианскому летосчислению) послал Улугбека-мирзу на Фергану. То был первый поход молодого царевича — правителя Самарканда. Мухаммад Тарагай Улугбек был сызмальства отдан на воспитание Сарай-мулькханым — своей прославленной бабушке — супруге Тимура. С Гаухаршодбегим, своей мачехой, он виделся редко. Обычно Тимура в походах сопровождала так называемая «семейная» арба, и в этой-то арбе малолетний царевич вместе со своей бабушкой следовал за войском. Так побывал он в Хазаре, на Амударье, в Кабуле.

Когда Улугбеку исполнилось десять лет, его женили на дочери Мухаммада Султана — юной Акобегим. По материнской линии она принадлежала к роду Узбекхана — правителя Золотой орды — и принесла мужу титул «Курагани», такой же титул носил и его дед.

Слишком молод был царевич, назначенный правителем Самарканда, и отец дал ему в советчики и защитники Шаха Малика-тархана — одного из самых верных своих соратников.

В те же дни ранней весны в сердцах людей вновь поселилась тревога. С отвращением и страхом взирали мирные жители на военные приготовления, зная, что на их долю падут все ужасы осады, что им придется пережить все беды, связанные с войной.

Хотя приготовления к походу тщательно скрывались, тем не менее жители столицы в скором времени передали обо всем. В один теплый весенний день большое войско выступило из северных ворот Герата и через Балх и Кеш двинулось на Самарканд. Возглавил войско Давуд Барлас, готовившийся к этому выступлению уже целых три месяца. Это он должен был поддержать молодого царевича и вместе с ним идти на Фергану.

Улугбек-мирза был готов к жестокой схватке с Амираком Ахмадом, сыном своего родного дяди Умаршейха. Лишить жизни Амирака Ахмада, не желавшего поко-

ряться Герату и проводившего независимую политику, посадить на его место одного из своих сыновей, подчинить ферганские земли — таков был замысел Шахруха, боровшегося за престиж государства. Вот почему молодой царевич — правитель Самарканда, под чьим командованием находились мощные военные силы, возглавил этот поход. Улугбек знал, что незадолго до этого Амирака Ахмада, под предлогом участия в Совете, пытались заманить в Герат и уничтожить.

Надеясь оградить неопытного молодого царевича от необходимости самому решать вопросы, которые неожиданно могли возникнуть в ходе военных действий, отец приставил к нему верного человека, Шаха Малика, носящего главный титул «тархан».

Ни один указ, имеющий отношение к делам государства, не издавался без участия Шаха Малика. Не имел он касательства лишь к сугубо личным делам государя.

Итак, два тимурида — два двоюродных брата готовились к схватке не на живот, а на смерть. И с той и с другой стороны стояли наготове вооруженные до зубов многие тысячи воинов. Сердца самаркандских сарбазов пылали желанием разграбить Фергану, захватить побольше добычи и, с победой вернувшись в Самарканд, удостоиться даров и милостей правителя, государева сына — получить земли, поместья за верную свою службу. И снова Катванская степь станет свидетелем ужасной, невиданной еще битвы, — такое бывает, пожалуй, лишь в судный день, — бешеная скачка, громкое ржание коней, отсеченные головы, стоны раненых, распростертых на голой земле, выжженной солнцем.

В походе Улугбека участвовал и сын Наджмеддина Бухари Низамеддин. Был он весь увешан оружием, под ним играл быстрый иноходец.

Здесь же находился Амир Давуд Барлас, и Амир Сарибуга, и Амир Сулейман Хаш — бывшие полководцы и военачальники Тимура. Отрекшись от Халила Султана, они, несмотря на свой преклонный возраст, служили теперь Шахруху.

Каждую весну семья зодчего совершала традиционную прогулку к подножию горы Кухисиёх, но сейчас, из-за военного похода, пришлось ее отложить. Вся семья была занята сборами Низамеддина на войну. Своевольная Бадия, словно мальчишка, нацепив шаровары и за-

тянув их ремнем, увешанным дамасским оружием брата, попыталась было вскочить на коня, привязанного во дворе, но, поймав укоризненный взгляд матери, устыдилась и отошла прочь. Эта красавица девушка, с юной, но уже четко вырисовывающейся под платьем грудью, носилась по двору, словно бы уже почуяла хмельной запах победы. Вся ее энергия, порывистость, свойственная, пожалуй, лишь воинам, так и рвалась наружу. Рубить мечом, отсекав головы противников, словно незрелые дыни, торжествовать победу, возвращаться с добычей, как солдаты Тимура, — все это вошло в плоть и кровь воинов Хорасана и Мавераннахра.

Когда-то Тимур изрек: «Ремень для того, чтобы препоясывать чресла, язык для того, чтобы возносить хвалу. Убить врага — благодеяние».

Бадия ужасно гордилась тем, что отец ее пользовался уважением и влиянием при дворе государя. О, будь она юношей, она тут же пошла бы в бой, участвовала бы в походах, в битвах. За родину она готова была не раздумывая отдать свою жизнь. Она с детских лет слыхала, что человек, погибший за правое дело, обретает в раю вечное блаженство, что его причисляют к лику святых.

Как часто в девичьих грезах виделся ей будущий молодой супруг — отважный полководец. Она не скрывала своих мечтаний от родителей, а те, зная твердый нрав Бадии, только вздыхали потихоньку.

А вот Низамеддин, единственный их сын, не рвался на поле брани. Мыслил он независимо, держался непринужденно и пошел в поход лишь ради того, чтобы не уронить честь семьи, чтобы не повредить отцу, пользующемуся при дворе всеобщим уважением. Но на самом-то деле этот своенравный юноша не испытывал ни к государю, ни к царевичам ни малейшего уважения, любил при случае обвинить их в кровожадности и нередко позволял себе говорить о них весьма и весьма не лестные слова.

Зодчего пугали речи сына, он умолял его держать язык за зубами, не навлекать беды на их дом.

Всю жизнь предки Мухаммада Аргуна, называвшегося Мехтарбади Ялдан Самарканди-второй, были лазутчиками и проводчиками. А сейчас сам он со своими

людьми проник в Кучкак и Канибадам, пройдя Рабат, Куркат, Нав, а затем и Ходжент. Тщательно обшаривал он окрестности, обследовал дороги, горные перевалы, мосты и все, что удавалось ему заметить, узнать, заносил в неразлучную свою тетрадку.

И хотя военачальникам, готовящимся к походу, многое, если не все, было уже известно, царевич дал Мухаммаду Аргуну личное поручение проверить и точно определить местоположение колодцев, попадающихся на пути, установить расстояние между реками, предусмотреть возможность вражеской засады в окрестностях и приглядеть пастбище для коней.

То в облике чабана, то купца или торговца, то местного дехканина Мухаммад Аргун шел, «мол, к брату в Уратюбе» и в которой раз зорко осматривал все пути следования войска. И он, важный вельможа, не гнушался натянуть на голову шапку дервиша и лично добывать нужные сведения. Сам Мирза вместе с Шахом Маликом-тарханом, Амиром Давудом Барласом дали Мухаммаду Аргуну три недели срока.

Десять верных нукеров, предводительствуемых Мухаммадом Аргуном, вооруженные острыми саблями, снабженные золотыми монетами, усыпляющим снадобьем, фальшивыми бородами и всем необходимым в таком щекотливом и рискованном деле, проехали на конях и ослах до самого Нава и, разделившись на три отряда, взялись за работу — они старательно обследовали дороги Ферганы.

Толкались они на базарах, выдавая себя кто за скупщика, кто за приезжего, а то и за странника, вступали с жителями в беседы, выведывали все тайны, все секреты.

Готовящийся поход держался в строжайшей тайне, и Ахмад Амирак не только ничего не знал о нем, но даже и не подозревал о близкой беде. А люди Мухаммада Аргуна время от времени слали в Самарканд и Герат важные сведения. Были к этому причастны и кое-кто из должностных лиц при дворе Ахмада Амирака, затаивших на него обиду. Подосланный к Ахмаду гератец Шарифтин Мургаби сообщал о политике Ахмада, направленной против Герата и Самарканда. Так стало известно государю из достоверных источников о том, что Ахмад Амирак завидует ему, непочтительно к нему

относится и позволяет себе держать — и о ком же? о родном дяде и государе,— самые неместные речи.

Мухаммад Аргун на славу потрудился — его донесения, где сообщил он о недружелюбном и даже чреватом угрозами поведении Ахмада Амирака, встревожили и Шахруха и Улугбека. Ежели в самый краткий срок не положить этому конец, не заткнуть рот нечестивцу и подстрекателю, то будет нанесен ущерб государству, и ущерб непоправимый. По меткому слову Шаха Малика-тархана, это была воистину «трещина на востоке страны».

Однако Ахмад Амирак все же пронюхал о вражеских лазутчиках, шатающихся в окрестностях Канибадама, Кучкака и Исфары; а открылось это из-за одного слишком рьяного нукера, который забрел в помещение судилища в Канибадаме и там, в разговоре, невольно выдал себя. Присутствующие догадались, что он самаркандец. И тут же лазутчики Ахмада Амирака донесли во дворец о том, что на исконных своих землях обнаружили они самаркандцев. Решено было не трогать пришельцев, а лишь тщательно следить за каждым их шагом. В ту же ночь об этом стало известно Мухаммаду Аргуну, находившемуся в Наве, и, отказавшись от первоначального своего замысла — проникнуть в Хоканд через Яйпан,— он со своими людьми поспешил повернуть назад. По их мнению, все и так было ясно, войскам, выступившим в поход, не грозили большие опасности. К такому решению пришел не только Мухаммад Аргун, но и его лазутчики. Ну и пусть один из нукеров невольно выдал себя в Исфаре, не имеет это особого значения. Противники, несомненно, думают, что это просто люди из овражистой местности Хушдала и Актепа вблизи от Самарканда, люди из Кипчакской степи, связанные с Барак-ханом и Пирмухамедом. Они ведь тоже начали рыскать. Но при чем же тут поход? Да и сам Ахмад Амирак отнесся к этой вести безразлично,— еще бы, ну какой же правитель откажется послать в соседнее государство своих лазутчиков? А ферганцы тем более по натуре своей люди беспечные, в себе уверенные, высокомерные до глупости, каждый сам себе и хан и бек, подумаешь, велико горе, если тайна и разглашена. Вот что решил Мухаммад Аргун, проведший немало времени и в Хоканде, и в Ахсикенте, и в Маргелане.

Но и по следу Мухаммада Аргуна царевич Ибрагим Султан пустил некоего Караилана, прозванного Черным Змеем. О нем ходили слухи, что человек этот ловко владеет кинжалом и под началом его стоит отряд преданных телохранителей Мирзы Шахруха. Строгой тайной были покрыты и деяния его, знали лишь, что наделен он правом проверять лазутчиков и гонцов, а при случае самолично карать их.

Мухаммад Аргун тоже слышал о существовании этого человека, только не знал его в лицо, и все попытки увидеть его не вели ни к чему.

Караилан прознал о том, что Мухаммад Аргун ищет с ним встречи. И вот однажды в походе он ухитрился подсыпая в еду Мухаммада Аргуна снотворное и, когда тот забылся сном в своем шатре, беспрепятственно вошел туда, отрезал дерзкому один ус и исчез, начертив на прощанье несколько слов: «Эй ты, предводитель лазутчиков, Мухаммад Аргун, ты хотел увидеть меня, Караилана, так вот и я. Я пришел в твой шатер. А ты, вместо того чтобы приветить гостя, ты дрыхнешь, раскинувшись словно недорезанный бык. Не снеся такого неуважения к себе, я на сей раз отрезал тебе лишь один ус. Но ежели и впредь ты посмеешь соваться в дела Караилана или пожелаешь опознать его, как бы не расстаться с головой. А пока — с совершеннейшим почтением и полным уважением. Караилан».

Лишь поздним утром, проснувшись в своем шатре, Мухаммад Аргун прочел записку и подивился коварству Караилана. Ни словом не обмолвился он об этом происшествии ни царевичу, ни своим людям. Опасался он лишь одного: Караилана, должно быть, осведомили о событии в Исфаре. Теперь, отправляясь в путь, Мухаммад Аргун, человек, наделенный почти неограниченной властью, боялся не только козней вражеских лазутчиков, но и бдительного ока Черного Змея. И хотя Черный Змей был известен лишь по имени — никто никогда не видел Караилана, — все доподлинно знали, что находится он среди войск, одет точно так же, как все прочие, ничем не отличается от рядового воина, и тем не менее этот невидимка наводил ужас не только на воинов и полководцев, но и на самого Амира Давуда Барласа.

Лишь два человека — сам Мирза и Шах Малик-тархан — знали Караилана в лицо. Царевич, ведущий свое войско на Фергану, миновал Джизак и по Заминской дороге направился в сторону Уратюбе.

Ближе к ночи разбились привал на Баландчакирской равнине. Однако люди Мухаммада Аргуна тщательно осмотрели окрестности Уратюбе и Ганча и даже обшарили местность в двух-трех верстах от дороги.

Сведения, поступившие от Мухаммада Аргуна о том, что путь свободен, и все прочие его сообщения были доставлены Мирзе Улугбеку после повторной проверки Караиланом. Царевич уверился в том, что лазутчики славно знают свое дело, спокойно вел войска и наказал Амиру Давуду Барласу поднять дух своего воинства — пусть старец уверит их, что и этот поход, как и походы деда Улугбека, великого Тимура, кончится удачно, увенчается славной победой.

Но и Ахмад Амирак проведал о том, что Улугбек выступил со своими войсками из Самарканда, что сейчас они стоят привалом близ Баландчакира. Не мешкая, ферганский правитель вместе с андижанскими и маргеланскими беками, собрал войска и повел их из Ахсикента в Хоканд. И затем быстрым маршем войска направились в сторону Яйпана и Шурсува.

По мысли Ахмада Амирака, сражение должно было произойти в степях Рафкана и Шурсува, и поэтому он стал лагерем в Рафканской долине. Как ни страшился Ахмад своего дяди, двинувшего против него несметные свои полчища, он же желал находиться в зависимости от двоюродного своего брата Мухаммада Тарагая Улугбека, который к тому же был моложе его.

Но и это еще не все. Недавно посмели убрать из Самарканда и силком увезли в Хорасан Халила Султана, тоже его двоюродного брата...

Итак, Самаркандское войско разбило лагерь на Баландчакирской равнине, заняв несколько фарсангов земли, и уже те, кому было поручено продовольствовать людей, подвесили котлы над ярко горевшими кострами.

Трое юношей, одновременно выехавшие из Герата, сдружившиеся в дороге и весь путь державшиеся вместе, — сын зодчего Низамеддин, сын гончара Абуали и Шадманбек, сын мастера Хасанбека, — тоже расседлали

коней и пустили их пастись. А потом прошли к саю¹ мимо поваров, закладывавших в котлы мясо, напоили коней и снова пустили их на поляну, где зеленели сочные степные травы. А сами присели рядом, дожидаясь часа трапезы. Низамеддин, раскинувшись на душистом зеленом ковре, рассказывал друзьям о некой красавице, в которую он недавно влюбился.

Прошло уже два месяца, как они выступили из Герата, а он, Низамеддин, все никак не позабудет ту красавицу. Она ему даже по ночам снится.

Вернуться бы из похода целым и невредимым и увидеть ее вновь,— ах, как бы он был счастлив. Ну, а если не суждено уцелеть в бою, если сложит он в битве голову, хотя и жаль, да ничего не поделаешь,— с улыбкой добавил Низамеддин. Но тут же забыл о своей красавице.

— Вот говорят, ферганцы изменили исламу и стали еретиками, все это выдумки и ложь,— вдруг заговорил Низамеддин,— на самом же деле просто ссорятся два двоюродных брата..

— Не говори так, друг Низамеддин! Ферганцы и впрямь изменили своей вере. Мы должны повиноваться государю беспрекословно. И мы не смеем, не можем подвергать сомнению слова его,— перебил Низамеддина Шадманбек — он сидел скрестив и поджав под себя ноги.

Стоявший рядом Абуали, выхватив из ножен саблю, осторожно потрогал ногтем ее лезвие, затем раз за два с силой рассек воздух, словно враг уже был близок.

Военачальники и командиры особенно ценили тех своих подчиненных, которые любовно относились к оружию, умело замахивались саблей и, натыв в землю прутьев, рубили их сплеча на всем скаку. И презирали тех, у кого сабли ржавели в ножнах,— «из тебя выйдет не сарбаз — воин, а кимарбаз — игрок в ащички», — насмешливо говорили они.

— И сейчас Абуали у всех на виду размахивал саблей — пусть видят и сотники и пятидесятники, пусть смотрят, пусть любят. И сердце сына гончара, не

¹ Саю — горная река.

державшего доселе оружия в руках, закипало, рвалось к ратным подвигам, к победе.

— Друзья,— сказал Абуали,— нет, я не успокоюсь, пока не снесу разом десять вражеских голов. Мы высоко поднимем знамя государя и прогоним врага.

— Если будет на то воля аллаха,— степенно заметил Шадманбек, подражая старикам. И как-то странно было слышать такие слова из уст этого совсем еще зеленого юнца.

— И я тоже хочу сражения и победы,— вмешался Низамеддин,— а иначе как же вернусь и как увижу любимую свою? Я ведь единственный сын в семье. И я еще никогда не видел его величества государя. И даже его светлости Шаха Малика-тархана. Только вот нашего Амира Давуда Барласа и видел. Бон, сраженья, кровопролитие и пиры, погоня за славой — все это царское дело,— продолжал он.— Отец называет Мирзу Улугбека великим просветителем и ученым. А Байсункур-мирза, младший брат его высочества Улугбека, взял под свое покровительство устада Кавама и моего отца. Но все равно царевичи пока еще молоды, а вот возмужают и станут тиранами и убийцами, как были тиранами и убийцами их отцы и деды. Господин Фазлуллах Наими говорил, что все тимуриды — тираны, что они разорили не одну страну, донныне лежащую в руинах.

— А кто это Фазлуллах?— спросил Абуали.

— О, то был великий мыслитель, настоящий провидец... Его казнили еще при Мираншахе,— ответил Низамеддин.— Сейчас у нас есть своя группа. Вот вернемся,— если захочешь, я представлю тебя нашему руководителю.

— Представь. Я очень хочу увидеть человека мудрого, необыкновенного,— сказала Абуали.

Низамеддин довольно улыбнулся. Он поднялся и тоже, выхватив саблю, стал рассекать ею воздух. Пусть пятидесятники думают, что и он жаждет битвы.

— Отец говорил,— продолжал Низамеддин,— что его высочество Улугбек-мирза приблизил к себе двух человек — вельможу Шаха Малика-тархана и Хазрата Исамеддина. Так вот господин Исамеддин — потомок создателя книги «Хидоя», да и сам крупный просветитель. Почтеннейший господин Исамеддин ратует за

расцвет науки. А сколько он делает для того, чтобы строились медресе, чтобы больше было образованных людей! И Улугбека-мирзу не устаёт убеждать в том, что нельзя отмахнуться вот так запросто от просвещения или ослабить заботу о нем. Так говорит мой отец... Но, в отличие от Исамеддина, Шах Малик-тархан — воляка и кровожадный волк. И я не удивлюсь, если хуруфиты однажды лишат его туловище головы...

— Слушай, друг, не произноси ты таких слов, — испуганно произнес Шадманбек. — Не стоит так говорить. А если поблизости бродит Караилан?

— Да что ты! Что здесь делать Караилану? Если он здесь, то это либо я, либо ты. Кто-нибудь из нас двоих.

Юноши рассмеялись. Рассмеялись, но, словно испуганные птицы, тревожно огляделись по сторонам.

Вокруг ни души. Значит, Караилана здесь тоже нет.

Три месяца назад одного воина ни с того ни с сего выволокли из рядов на веревке, всадили в грудь кинжал и сбросили в яму, вырытую еще накануне. Тут, конечно, не обошлось без Караилана...

Наутро войско снова двинулось в путь и, обойдя Уратюбе, направилось к Наву. Еще через день миновали Ганч, и на берегу реки Аксув снова раскинули бивак.

Как всегда, справа — нарядный, весь пестрый шатер Улугбека-мирзы. На самом же деле в этом тщательно охраняемом шатре остановился Амир Давуд Барлас со своими людьми, а Мирза Улугбек отдыхал в другом, стоявшем поодаль, совсем неприглядном на вид. Его тоже надежно охраняли, и вокруг сновали люди Караилана. Рядом с шатром царевича был разбит шатер шейх уль-ислама Исамеддина, но взоры воинов приковывал пестрый шатер — все считали, что царевич там.

Трое друзей пустили коней пастись, а сами расположились на отдых чуть поодаль от других — на самом берегу реки Аксув. Низамеддин, в качестве сына золчего, считал себя образованнее других и держался куда свободнее, нежели Абуали и Шадманбек. Но эта его «образованность» не слишком-то была по душе Абуали. Однако Низамеддин жаждал не столько блеснуть своей «просвещенностью», сколько привлечь внимание новых друзей к «правдивым, защищающим ин-

тересы народа» идеям хуруфитов, пусть запомнят слова наставника хуруфитов о том, что «цари — палачи народа», что «каждая буква корана имеет свой божественный смысл, но что государь не руководствуется всем этим». Открыто говорить об этом Низамеддин все же боялся: гератские друзья наказывали ему строго-настрого не пересказывать эти идеи первому встречному — ведь если Ибрагим Султан проведает об этом, их всех вздернут на виселице.

— Помни, — говорили они, — Караилан вездесущ, а тем паче в походе. Среди воинов он невидимка, он рядом с каждым из нас, в лицо его знает один лишь царевич. Это он сообщает царю о всех подозрительных и свободомыслящих людях и отдает их в руки палачей.

В душе Низамеддин смертельно боялся Караилана и поэтому, говоря своим новым друзьям о хуруфитах, вел туманные речи. Правда, он подробно рассказал им о наставнике Мирзы Улугбека Исамеддине, с которым ему однажды удалось поздороваться за руку, сообщив о том, что Улугбек чуть ли не наизусть знает произведение Джалалидина Руми «Маснави — магнавий» и считает его, автора этой великой книги, своим учителем, что он с интересом изучает «Хиндистон» Абу-Райхана Бируни и «Канон медицинской науки» Авиценны, что отец Низамеддина, сравнивая Улугбека с его младшим братом Байсункуром, высоко оценивает старшего, что Джалалидин Руми, происходя от хорезмшахов, волею судеб был заброшен в Стамбул, Анкару, Конию, что псевдоним «Руми» он получил именно там, что женился он на Гавхар, дочери самаркандца Шарафиддина, и что два его сына — Султан и Алавуудин — поэты и пишут на тюрском языке.

— Я не раз участвовал в беседах отца с устатом Кавамом, — закончил свой рассказ Низамеддин, — и слышал, что господин Исамеддин так же, как господин Санд Барака дает наставления и советы царевичу.

В самый разгар беседы к друзьям неслышно подошел худощавый бесцветный человек с бородкой клинышком, весьма приятный на вид. В руках у него было глиняное блюдо с дымящимся мясом.

— Вам принес, — тихо проговорил он, — отведайте, юноши.

Все трое посмотрели на незнакомца и горячо поблагодарили его.

— Зачем же было утруждать себя, мы ведь и сами могли пойти. Вот ведь какой конфуз получился,— сказал, вскакивая с земли, Абуали.

— Это мы должны вам подавать, мы моложе, а пришлось хлопотать вам,— добавил Низамеддин.

— Не хотелось мне прерывать вашей сладкой беседы,— мягко проговорил незнакомец.— Я даже позавидовал вам... Сам-то я уже стар для таких бесед.

Смущенные Шадманбек и Абуали взяли чашки и пошли к котлам. Низамеддин остался с незнакомцем. Ничуть не был похож на воина этот доброжелательный и обходительный человек. Он спросил Низамеддина, кто он, откуда родом, чем занимается. Узнав, что Низамеддин сын Наджмеддина Бухари, незнакомец сказал, что юноша вправе гордиться таким отцом — человеком столь редких достоинств, столь всеми уважаемым, и прочитал благословение Наджмеддину Бухари. Низамеддин приветливо и благодарно смотрел на незнакомца.

Прятели Низамеддина принесли суп в глиняных чашках и тонкие лепешки, испеченные в золе. Незнакомец поднялся и со словами: «Ну вот и ешьте на здоровье, путь-то долгий» — удалился.

— Даже сравнить нельзя этого человека с грубияном сотским Абдуллабеком. Этот как отец родной — добрый, заботливый. Вот таким и надо быть в походе. Мудрые люди всегда доброжелательны.

Низамеддин с Шадманбеком наперебой перевозносили незнакомца, да и не удивительно — с той поры, как они покинули отчий кров, это был первый человек, проявивший о них заботу и поинтересовавшийся их здоровьем.

На рассвете лагерь свернулся, и войско, во главе с полководцем Амиром Давудом Барласом, снова двинулось в поход. Шли два дня и две ночи, с короткими перерывами, и расположились на привал лишь в стороне от Ходжента, на берегу Сайхуна. Улугбек-мирза получил тайное сообщение из Герата, где вновь говорилось о походе на Фергану. Бек Ходжента вышел навстречу царевичу, тот принял его в своем шатре, и,

после секретных переговоров, бек оставил ему сотню воинов под началом Якуббека.

— На обратном пути, высоко воздев знамя победы, загляните в Ходжент, будете дорогим гостем,— пригласил бек.

Попрошавшись, он вскочил на коня и с сопровождающей его свитой отбыл в свой город.

Едва улеглась пыль, поднятая копытами лошадей, едва скрылся из виду бек со своим отрядом, как к яме, вырытой в стороне среди густых зарослей колючек, подвели двух юношей. У обоих были связаны за спиной руки. Низамеддин и Абуали еще вчера заметили, как роют в сторонке эту яму кетменями, и всё дивились — если для котлов, то почему роют ее на отшибе, из-за колючек к ней и подобраться нельзя. Да разве кто делает очаг таким глубоким? Но не успели они разгадать эту загадку, как к яме подвели двух каких-то юношей, и сотские кликнули воинов. Целой толпой вонны бросились на их зов... Низамеддин, Абуали и Шадманбек тоже подошли поближе и удивленно взирали на происходящее. Еще позавчера они столкнулись с этими юношами около котла, когда те брали еду. Оба были вооружены, оба чему-то весело смеялись...

Воины тесным кольцом окружили яму. Тысяцкий влез на холм, поодаль от связанных юношей, и обратился с речью к воинам. В толпе находились также Амир Давуд Барлас с шейх-уль-исламом Исамеддином.

— Верные воины его величества государя! Слушайте все! Вот они — негодные сыновья самаркандского купца Израилходжи. В пути они незаметно отделились от победоносного нашего войска и намеревались бежать. Можем ли мы, храбрые государевы солдаты, снести такой позор? Оба преступника приговорены к смерти.

— Неправда! Мы не собирались бежать,— в один голос негодуяще закричали приговоренные.

— Аминь! Аллах велик!— Шейх-уль-ислам провел ладонями по лицу.

И тут на глазах у всех два темнолицых великана палача выхватили из-за голенищ ножи и с размаху вонзили их в грудь осужденных. Когда юноши с криками боли упали на бок, палачи, ловко выдернув ножи, еще дважды поразили ими свои жертвы. Несчастные рухнули в яму. И сразу же двое людей, держащие наготове

кетмени, стали поспешно ее засыпать. Поднялось целое облако душной пыли, угрюмо, в безмолвии стали расходиться испуганные зрители.

Еще только вчера весело шутившие с товарищами и друг с другом, смеявшиеся по любому поводу, а то и вовсе без повода, Низамеддин и Абуали, тревожно переглянувшись, молча побрели к своим стреноженным коням. Никто в эту ночь не забылся сном. Перед глазами стояла страшная картина — сыновья самаркандского купца с ножами в груди. Не трудно было догадаться, что где-то здесь, поблизости, бродит Караилан, что это его черные дела. Ох, Караилан, Караилан!

Подложив под головы седла, воины лежали, устремив глаза в небо, а над ними, в высоком небе, огромная черная туча медленно наплывала на молодой месяц, и туча эта отчего-то казалась им особенно жуткой и страшной. И казалось им такое, будто Караилан страшен и черен, как эта грозная туча, будто он не черный змей, а черный дракон — черная смерть. Черная туча поглотила молодой месяц, и сердца людей сжались от ужаса.

— Караилан проглотил луну,— шепнул Низамеддин.

— Смотри-ка, я только что собирался это сказать. Слова сами родились у меня в сердце,— отозвался Абуали.

— И держали бы их при себе в сердце, не допускали бы их до языка,— посоветовал Шадманбек.— Хоть мы и в степи, но не забудь, что и растения имеют уши.

— Ну чего ты так боишься?— спросил Низамеддин.— Разве можно идти в бой, пугаясь собственной тени?

— Наше дело рубить головы врагов!— отозвался Абуали.— И если господу будет угодно, мы разобьем неприятеля в пух и прах.

— Хвала вам, отважные воины,— бросил проходивший мимо тот прежний, ничем не примечательный человек с бородкой клинышком. В руках он нес чайник с чаем...

Как только Мирза Улугбек выступил с войском из Самарканда, государь вызвал второго своего сына, Ибрагима Султана, из Шираза в Герат.

— И большая война, и малая война,— сказал он сыну,— рассудить, та же азартная игра. Мы можем и выиграть, можем и проиграть. Сражение продлится недолго, но войско Хорасана должно быть наготове.

Государь знал, сколь жесток, суров и желчен был нравом его второй сын, знал он и о том, что никогда не выйдет тот из повиновения, что хватка у него железная, и волю отца он сумеет претворить в деяния.

Государь спешно послал одного из своих верных приближенных, Гуляма Бадра-тархана, к Васиятдину Дулдаю — верному человеку Шаха Малика-тархана, оставшемуся в Самарканде. А за два дня до этого в тот же Самарканд отправил он находящегося на тайной службе при дворе Караилана с его людьми.

Прибыв в Герат, Ибрагим Султан тут же созвал начальников всех канцелярий и ведомств и от имени государя огласил приказ о немедленном прекращении любых дополнительных расходов и о закрытии царской казны.

Отныне все ворота города будут охраняться, кроме обычных стражников, еще и конными воинами.

Царевич приказал взять под неусыпное наблюдение купцов, въезжающих в Герат, и тщательно проверять каждого покидающего город. Задерживали всякого мало-мальски подозрительного человека. Незамедлительно стали собирать налоги с населения, и в первую очередь с землевладельцев. Временно прекратились и расходы на строительство.

По душе государю была прижимистость Ибрагима Султана. И вызвал-то он его из Шираза, зная, что только Ибрагим сумеет проводить твердую политику в государстве, особенно в дни войны. Да и пусть поучится, пусть накапливает опыт. Во время походов Тимур подолгу оставлял его, Шахруха, в Самарканде, и там он тоже, творя волю своего великого отца, отдавал точно такие же распоряжения, как ныне отдает Ибрагим Султан, тоже держал весь город в страхе и повиновении.

Еще слишком юными были Байсункур, Суюрготмыш и Мухаммад Джуки, и Ибрагим Султан считался правой рукой отца. Он тоже был молод, но даже вельможи и крупные чиновники побаивались царевича, статью, лицом, манерой говорить похожого на своего прославленного деда Тимура и с детства отличавшегося высо-

комерием и коварством. Ученым, поэтам, художникам Ибрагим предпочитал военных.

— Пускай попробуют эти мавляны своими книгами да посохами защитить государство. А вот не будь военных, вся наша страна придет в упадок.

Поэтому-то ученые и поэты и искали покровительства у самого государя или защиты у правителя Самарканда Улугбека-мирзы. Зато «секретная служба» дворца, военачальники и военные вельможи связывали все свои чаяния с молодым царевичем и свято верили, что «преемником престола государства, созданного Тимуром, будет после Шахруха только Ибрагим Султан, и только он».

Глава XI

ДВЕРЦЫ КАЗНЫ ЗАХЛОПНУЛИСЬ

Вся страна жила на военном положении, и любые ассигнования на развитие просвещения и культуры прекратились, дворцы казны захлопнулись крепко-накрепко.

В один прекрасный день, заметив зодчего на крыше строящегося медресе, смотритель работ Ахмад Чалаби со вздохом сожаления объявил о том, что придется свернуть работы.

— Ничего не поделаешь,— добавил он,— хотя, быть может, стоит пойти к Гаухаршодбегим и у нее попросить помощи? Впрочем,— добавил он,— есть царский указ о том, чтобы ни копейки не отпускать «на такие дела». Приезд Ибрагима Султана из Ширази в Герат не на пользу ученому люду, а, наоборот, во вред,— пояснил он.

Зодчего и без того коробило, что смотритель работ неотступно следует за ним по пятам, но, услышав слова «на такие дела», совсем разгневался. Он понимал, что означает это пренебрежительное замечание. Труд зодчих, высокое их творчество попадало в разряд «таких дел», короче — просто сводилось на нет. Зодчий наперед знал, что еще может сказать ему этот человек.

— «Такие дела», как вы говорите, никогда не приостановятся,— бросил на ходу Наджмеддин Бухари. Он с умыслом сделал ударение на словах «такие дела».

— А чем же будем платить рабочим?— спросил Ахмад Чалаби, не уловив иронии зодчего.

Зодчий даже не обиделся на него, да и можно ли требовать ума или бойкости соображения от глупца? Можно обижаться на человека умного, а на такого? «Сердиться на глупца что считать осла звездочетом»,— подумалось зодчему.

— Я сам буду платить людям,— ответил он.— Но вот как быть с вами? Вы получаете немало, и вам я платить не смогу.

— Вы хотите сказать, что увольняете меня?

— Вы меня поняли совершенно правильно.

— А я не уйду.

— Но я же сказал, что не могу оплачивать ваши услуги,— повторил зодчий, намекая на доносы смотрителя работ.— Да вам здесь и делать нечего: вы не разводите раствор, не кладете кирпичи, не занимаетесь облицовкой. Что же вам здесь делать?

— А я буду работать в долг. Когда наступит мир, царевич выплатит мне жалование.

— Как вам угодно. Однако кое-кому по сей день не выплачены деньги. Когда произведем подсчет, люди потребуют заработанное. Где же я возьму денег для доплаты?

— Я сам поговорю с ними, сведите меня с этими людьми,— побледнев, сказал смотритель работ. И, постояв еще минуту, стал спускаться с крыши, дрожа всем телом.

Как обычно, зодчий завернул туда, где старый мастер Джорджи клал кирпичи во внутренней части купола-ханаки.

— Бог в помощь, мастер!

— Спасибо, зодчий. Здоровы?

— Благодарствую. А где сын?

— Внизу. Сегодня грузинский праздник, пошел на базар кое-что купить. Загляните к нам вечером. Соберутся соседи грузины.

— Благодарствуйте!

— Я случайно слышал ваш разговор с господином Чалаби. Вот уж подлинно негодяй...

— Что поделаешь, друг Джорджи, плохо то, что сам он не работает, а деньги рабочих прикарманивает. Да

еще бегают ябедничать царевичу. Удивляюсь, как могли назначить его смотрителем работ!

— А вы не удивляйтесь, зодчий. Ахмад Чалаби то, что называется «глаз двора». Такие поганцы очень хорошо служат своим хозяевам. Государь вот пошел против своего родного племянника. Уничтожит его, разграбит его владения. Видно, близок конец света, раз уж могут братья поднять друг против друга меч. В этой расправе погибнут люди, тысячи людей, сиротами останутся дети. В развалины превратятся города. Вот мы с вами, зодчий, два старых человека, уже страдаем от этой войны. Они дерутся за власть, а мы отдаем жизнь... Мы грузины, стали пленниками и рабами, и в этом тоже виновата война. Безжалостный меч Тимура лишил нас родины. Если бы перед смертью хоть одним глазком взглянуть на дорогую мою Грузию, любимую мою родину, как был бы я счастлив. Но разве это возможно, скажите, возможно ли это?

— Молите бога, Джорджи, он укажет вам путь.

— Я и так молюсь день и ночь.

— Наверно, не существует на свете счастливых людей, у каждого в сердце свое горе, своя боль, свои муки.

— Так и есть. В этом бренном мире мы деремся, проливаем кровь, обижаем друг друга. А ведь земля щедра, ее благ всем бы хватило. Жили бы люди в мире, работали бы спокойно.

— Ах, Джорджи, ведь все дело в этом! Их святейшество Ходжа Абдулхалик Гиждувани, наш духовный наставник, и святой Султан Арифик говорят то же самое. Нужно терпеть, да и нет у нас иного выхода. Вот и казна закрыта. Страна воюет.

— Зодчий,— пробасил мастер Джорджи, подойдя вплотную к Наджмеддину Бухари,— мы работы не бросим. Осталось ведь совсем немного. И строим мы это медресе вовсе не для тимуридов, а для народа Хорасана. Потомки наши вспомнят когда-нибудь о том, что в этом здании есть кирпич, заложенный пленным грузином, пригнанным с Кавказа, и, быть может, благословят нас, помянут добрым словом. А что может быть дороже этого? Не огорчайтесь, мы будем работать без вознаграждения. К тому же мы — рабы и ничего требовать не можем.

— Зачем вы так говорите, Джорджи? Здесь всем

известно, что вы человек честный и справедливый. Спасибо вам за доброе пожелание, за бескорыстное предложение. Да поможет вам всевышний увидеть родную землю, родных людей и друзей, да укажет вам путь сам господь. Аминь!— Зодчий провел ладонями по лицу.

Джорджи истово перекрестился.

Зодчий наутро явился на работу со своими учениками и заметил, что смотритель работ ходит расстроенный и потерянный. День выдался на редкость ясный, весеннее солнце щедро заливало все вокруг. Солнце, озаряющее мир, даруя жизнь нежным восходам, юным побегам, росткам и деревцам, молодило вселенную.

Словно многогранные алмазы сверкали вечной близкой снежные вершины гор, четко вырисовывающиеся на фоне прозрачного бирюзового неба. Легкий приятный ветерок, струящийся от реки Герируд, принес сладостный ночной покой. Весело порхали птицы, не ведавшие об опасностях войны. . .

Как обычно, зодчий пристально вглядывался в первого встретившегося здесь, на стройке, человека; юноша, размешивающий ганчевый раствор, учтиво, как и всегда, поздоровался, низко поклонившись. Однако сегодня многие, казалось, запаздывали на работу. И впрямь, кроме братьев Хасанбека и Хусанбека, старика грузина, работающих на крыше, да двух юношей внизу, на строительстве никого не было. Джорджи с сыном взглядом проводили зодчего, появив все, молча взяли за дело. Смотрителя работ нигде не было видно. «Слава богу, что хоть этот не пришел»,— подумал зодчий. Но из тех, кто выполнял основную работу, не явилось человек десять. И это огорчало зодчего.

Обойдя все строительство, он вместе с учениками вошел в подсобное помещение. Снял чалму, осторожно повесил ее на гвоздь и натянул на себя рабочую одежду. И, оглянувшись на удивленно смотревших на него Зульфикара, Заврака и Гавваса Мухаммада, улыбнулся:

— Будем работать сами.

— Хорошо, уstad!— отозвался Зульфикар и тут же сунул матерчатый футляр с проектами в нишу.— Мы втроем примемся за работу, и, можете поверить, она от нас не убежит.

— Верно,— подтвердил Заврак,— но вам не следует...

— Ладно, поработаю немного, пока не устану, по

вы, дети мои, самое трудное возьмете на себя. Сейчас следует помочь малярам и облицовщикам — основное сделано, осталась самая малость. Послушайте-ка, что сказал грузинский мастер: «Я строю не для царей, а для народа Хорасана. И потомки узнают это». Я поражен благородством этого человека, ведь он же пленник, чужестранец. А наш смотритель работ внес смуту, наговорил людям невесть что. Я вчера его уволил. Будем работать сами.

— Не печальтесь, уstad! — воскликнул Гаввас Мухаммад, засучивая рукава. — Заменяем тех, кто не пришел, не заставим вас краснеть.

Ученики усердно принялись за работу.

Зодчий поднялся по лесам на угловую башню портала и подошел к братьям Хасанбеку и Хусанбеку, выкладывающим изразец.

— Здравствуйте, — сказал он. — Все ли у вас в порядке?

— Здоровы ли, уstad? — спросил Хасанбек обычным своим тоном, ровно ничего и не произошло. — Не мудрено, что многие не вышли на стройку. Смотритель работ объявил всем, что жалованье отныне выдаваться не будет. Больше того, он постарался довести это до слуха всех и каждого.

Однако немало людей просто из уважения к зодчему решили все же прийти, услышать всю правду от него самого. Радостно было ранним утром в положенное время, как и все люди, идти на работу. Да и в ушах у них звучали слова зодчего, который посоветовал им равняться на старого мастера-грузина.

— Началась война, и прекратились дополнительные расходы, как и было обещано. Деньги, предназначенные для оплаты строительства медресе, выдаваться не будут. Так заявил распорядитель работ. И сам он не явился сегодня сюда. Да и впрямь, кто же станет работать без денег. Вот такие нынче дела...

— А что вы сами решили, уstad? — спросил младший из братьев Хусанбек.

— Что ж я могу? Только разве работать со своими учениками вместо тех, кто ушел. Но вы не беспокойтесь, тем, кто работает, мы будем платить, не оставим, если угодно всевышнему, людей без вознаграждения.

И вдруг, словно рассеялся туман, застилавший

глаза зодчего, он увидел прямо перед собой золотые серьги жены, четыре нитки крупного жемчуга, подвески. Да и еще подаренный царевичем лично ему, Наджмеддину, увесистый золотой перстень с прекрасной нишапурской бирюзой. Подобно Харун-аль-Рашиду, велевшему на крупном алмазе, украшавшем перстень, нанести слова «Все проходит» и глядевшему на это мудрое изречение в дни печали, зодчий и на своем бирюзовом перстне сделал надпись: «И это пройдет». Так вот, есть еще и этот перстень.

— Устад, — проговорил Хасанбек, кладя мастерок в таз с ганчевым раствором, — уже больше двух месяцев наши юноши в походе. Есть у вас какие-нибудь вести о них? Господи, хоть бы царевичи помирились, вот было бы хорошо. Мой Шадманбек и на коне-то никогда не скакал и биться на саблях не учился... Очень меня все это огорчает и печалит. День и ночь молю я бога вразумить царевичей — пусть бы пошли на мировую. Каждый день с утра бью одиннадцать земных поклонов и вечером тридцать один. Все молю господу сохранить моего мальчика. Как по-вашему, подошел ли Амир Давуд Барлас к Самарканду?

— Да, — грустно ответил зодчий, — войска уже, должно быть, на пути к Фергане. Если верить людям, близким ко двору, то сражение произойдет на берегу Сайхуна. Как бы то ни было, но говорят, что победителем выйдет Улугбек.

Мастер Хасанбек задумался.

— А они, случаем, не помирятся? Так думаете, сражение все же будет? — спросил он.

— Один бог знает. Трудно сказать что-либо определенное.

Зодчий принялся за работу. Ученики не отставали от своего учителя. Завтрак и Зульфикар клали кирпичи на самом верху, Гаввас носил воду и делал раствор из ганча, а зодчий клал кирпичи на правой боковой башне портала. Так захватила их работа, что они не замечали ничего вокруг, забыли все на свете.

А тем временем в доме зодчего началась тревога. «Куда это запропастился отец? — думала Бадия. — Ушел на рассвете, и до сих пор о нем ни слуху ни духу». Предупредив мать, она стремглав бросилась на стройку. Увидев отца на высокой башне портала, при-

мостившегося там словно галка, Бадия тут же, догадавшись о том, что происходит, снова побежала домой и принесла работающим еду. А на стройке озорная Бадия начала весело болтать с красавцем грузином, что сильно пришлось не по душе Завраку и Зульфикару.

— Пусть бы шла домой,— шепнул Зульфикар на ухо Завраку,— мешает ведь.

Проходя мимо Бадии с грудой кирпичей, Заврак коротко бросил:

— Вот засмотрелся на солнце и отдал ногу кирпичом.

Бадия спускала Завраку все его шутки, ни разу на него не сердилась.

— Что вы сказали?— переспросила она.— А-а-а, понятно. А раз так, не стоит коситься на солнце.

Заврак рассмеялся.

— Пусть большое солнце сияет в небе, а маленькое солнышко отправляется домой и поможет любимой маме готовить ужин. Вот было бы здорово! Во всяком случае, кое-кто высказывает здесь такое мнение.

— Это что же, общее мнение?— Бадия засмеялась, лукаво взглянув на Заврака.— Или мнение одного лишь господина Нишапури?

— Ошибаетесь, госпожа, это мнение не господина Нишапури, а господина Шаши.

— Ах, так?— Бадия взглянула на Зульфикара. И вдруг вспыхнула.— Понятно... Что ж, я уважаю мнение господина Шаши. Ухожу помогать маме.— И, повернувшись, побежала домой.

Глава XII

СМЕРТЬ МАСТЕРА

Вскоре Ахмад Чалаби вернулся на стройку... Он, видимо, задался целью подорвать авторитет зодчего. И конечно, тут же начались новые фокусы. Чалаби делал вид, что имеет где-то на самом верху прочную заручку, первым делом он начал преследовать верных зодчему людей. Как идут работы, продвигается ли строительство медресе — все это его ничуть не интересовало — этому бесстыжему лицемеру важно было узнать, кто

оказывает почтение ему, Ахмаду Чалаби, а кто верен зодчему. Вот на что уходило все его время, вот каким важным и неотложным делом занялся Ахмад Чалаби. Порою он, криво улыбаясь, сообщал, что царевич оказал милость и поручил ему выдать деньги, но выдать лишь тем, кто хорошо работает. Всеми силами он старался подчеркнуть свою близость к царевичу и весьма прозрачно намекал на то, что деньги, мол, находятся вовсе не в руках зодчего, а в его руках— в руках Ахмада Чалаби.

Для начала он стал придирается к малоразговорчивому, забитому и работающему Абдугафур, смиренному и безответному, который когда-то служил Ахмаду Чалаби. Но, выжав из него все соки, он прогнал его со двора. В последнее время Абдугафур успешно работал на стройке, и зодчий покровительствовал ему и всячески поддерживал. Вот к нему-то и привязался Ахмад Чалаби, орал на него без всякой причины, выискивал «промахи». Мастер Абдугафур не вступал с ним в спор, отмалчивался, зная его дурной нрав.

Зодчий, старик грузин и братья Хасанбек и Хусанбек только поглядывали друг на друга. Всем им в голову приходила одна и та же мысль: «Сил негодяя хватает на слабого». А мастер Абдугафур смиренно сносил все грубости смотрителя работ и трудился не покладая рук, так что приходилось напоминать ему, что уже поздно и пора кончать работу. Он отлично понимал, что Ахмад Чалаби лицемер и делает все это нарочно, со зла, и если и прежде не отвечал на его окрики, то теперь и вовсе отвернулся от него. Ему не хотелось даже глаз поднять на смотрителя работ. Видя такое пренебрежительное к себе отношение, Ахмад Чалаби в отместку распустил слух о том, будто мастер Абдугафур болен проказой и из его рук нельзя брать нишу.

В пятницу утром мастер Абдугафур, начавший работу на порталной колонне, вдруг попросил мальчика, помогающего ему разводить раствор, позвать зодчего, который находился внизу. Ахмад Чалаби был поблизости, но Абдугафур попросил позвать не его, а зодчего. Такой скромный человек, как мастер Абдугафур, никогда не позволил бы себе позвать зодчего снизу на самый портал. Удивленный мальчик быстро сбежал

вниз. Зодчий поспешил по темным переходам и, спотыкаясь, поднялся по лесам.

— Не случилось ли чего? — запыхавшись на ходу, спрашивал он у мальчика. А сам думал: «Наверно, увидел какой-нибудь изъян и позвал меня».

Выйдя на крышу медресе, он сразу же увидел Ахмада Чалаби и молча прошел мимо него.

— Что с вами, мастер? — спросил зодчий. Абдугафур сидел у таза с ганчем, вытянув онемевшие ноги, выронив кирпичи. В руках он держал мастерок. Он слабо улыбнулся зодчему побелевшими губами. Стоящий поодаль Ахмад Чалаби хмуро глянул на них и стал спускаться вниз. Мастер Абдугафур, как человек, борющийся с дремотой, смежил веки; голова его наклонилась набок.

— Устад, простите меня...

— Да что с вами? — зодчий наклонился над ним. Он обнял Абдугафура и прижал его голову к себе. — Мастер, дорогой мой, откройте глаза.

— Ло-о-илоха, иллоху Мухаммадан расулил лох... Куф!

Мастер Абдугафур был мертв. Он ждал, ждал из последних сил, пока зодчий поднимался по лесам. Но вот зодчий пришел, обнял его, и он испустил дух. Из последних сил, бедняга, ждал устада.

Наступила тишина. Люди молчали, их потрясла эта неожиданная смерть. Зодчий начал читать молитву по усопшему. Затем положил его, развязал свой поясной платок и туго повязал покойному подбородок. Мальчик созвал всех работающих на стройке. Люди с ужасом глядели на мертвого Абдугафура.

— Скончался в одиночасье, — проговорил зодчий, — утром ведь пришел сюда и работал как всегда.

— И мне не жаловался, что болен, — подтвердил мальчик. — Наоборот, все поторапливал, да и сам работал споро...

— В одиночасье, — повторил зодчий. — Просил простить, и все. О всемогущий!

— Достойная смерть! — задумчиво проговорил мастер Хасанбек. — Сегодня пятница, — значит, он отмечен милостью божьей.

Работы прекратили и в тот же день, после пятничной молитвы, мастера Абдугафура похоронили.

Работавший еще сегодня утром на самом высоком портале, мастер Абдугафур вечером уже лежал в сырой земле.

Так один из лучших работников, скромный и безответный человек, ушел из «мира бренного» в «мир нетленный». Все кругом искренне оплакивали его. Да и что он видел в своей жизни — только изнурительный труд и лишения...

Только один человек — Ахмад Чалаби был доволен тем, что у зодчего потихоньку «надламываются крылья», что он теряет преданных ему людей. Однако после смерти мастера он, подобно хамелеону, сумел быстро сменить окраску. «Я был ближайшим другом мастера Абдугафура, — твердил он. — Делал ему много добра, он постоянно бывал у меня. Вот и с зодчим тоже свел его я...» И, словно потеряв близкого человека, ходил хмурый и печальный.

Но еще в те времена, когда мастер Абдугафур работал у Ахмада Чалаби, тот не уставал внушать ему: «Зодчий — дурной человек, ему и царевичи не доверяют, а сын его — головорез и связан с бандой хуруфитов».

Так и не рассказал Абдугафур зодчему о наговорах Чалаби, но, поняв, что это человек коварный, что замыслы его черны, избегал его, сторонился. Сам же Ахмад Чалаби боялся, что Абдугафур передаст зодчему его слова, и поэтому старался сжечь со света мастера Абдугафура. Внезапная смерть Абдугафура избавила Чалаби от излишних волнений, — как говорится: выпал снег и замел следы.

Недели через две на строительство явился сам Байсункур-мирза в сопровождении нукеров и осмотрел почти всю стройку. В комнате для уроков, которая называлась дарсхана и была приготовлена для приема высокого гостя, царевич собрал всех мастеров, пригласил зодчего. Он сказал, что следует ускорить работы и закончить их к месяцу шабон¹, чтобы праздник рамазан² встретить весело и с легкой душой. Зодчий отчитался перед царевичем о ходе работ и обратился к нему с

¹ Ш а б о н — восьмой месяц мусульманского лунного года.

² Рамазан — название девятого месяца мусульманского лунного года, в течение которого мусульмане соблюдают пост.

просьбой помочь осиротевшим детям мастера Абдугафура, так самоотверженно трудившегося на стройке. Ахмад Чалаби, поняв, что царевич сейчас даст согласие и уже услышав его «конечно», вдруг вскочил с места и низко поклонился:

— И впрямь, покойный Абдугафур был честным человеком. Удивительный и редкий мастер.— Он сделал ударение на словах «удивительный» и «редкий» и покосился на зодчего.— Смерть его — огромное горе для всех нас. Весьма вероятно, что именно по этой причине мы и задерживаем сейчас работу, да и облицовка идет некачественно. С божьей помощью мы работы ускорим. Особенно же просим царевича оказать помощь семье умершего мастера. Да и я сам,— добавил скромно Ахмад Чалаби,— тоже прикопил немножко денег...

Ни один из мастеров, сидевших в этой просторной и прохладной комнате, не произнес ни слова. Они лишь смотрели на Ахмада Чалаби, смотрели на этого лицемера, лебезившего перед царевичем. Промолчал и зодчий. Тот, кто сейчас назвал мастера Абдугафура честным, редкостным специалистом, совсем недавно распустил о нем слух, будто он прокаженный и из его рук нельзя брать нищу. И даже сейчас, после кончины Абдугафура, не постеснялся назвать его негодным человеком, не сумевшим обеспечить своих собственных детей. Они и без того знали, что Ахмад Чалаби отъявленный лицемер, но чтобы он смог дойти в своем вероломстве так далеко, этого даже они не ждали и лишь просили господа оградить их от этого человека.

Когда все разошлись, зодчий присел на скамейку во дворе медресе и крепко обхватил голову руками. В висках ломило. Рабочие на крыше, на порталах, на лесах и в худжрах молча смотрели на него. Все они видели, что зодчий расстроен, что силы его подходят к концу.

Глава XIII

СРАЖЕНИЕ

Казнь двух юношей, обвиненных в попытке к бегству, имевшая якобы целью «укрепить воинскую дисциплину», на самом деле глубоко потрясла и встрево-

жила всех без исключения. Словно после проигранного сражения хмурились упавшие духом люди. Но страх перед невидимым Карапланом сковал их уста — никто уже больше не решался откровенно поговорить друг с другом, с соседом, каждый чувствовал, что над ним навис карающий меч. Улугбек, почувшый, что войско его пало духом накануне решительного сражения, приказал выдать во время завтрака каждому воину по одной золотой танге. Налюбовавшись новенькими золотыми монетками, воины припрятали их подальше. После завтрака шейх-уль-ислам Исамеддин прочел длинную молитву и сказал о том, что близится час битвы и каждый мусульманин, будь он из Хорасана или Мавераннахра, должен в бою с врагом доказать делом свою храбрость и отвагу — «павший в бою — погибнет за веру, убивший врага — радетель за веру». Воины с мечами и саблями наголо внимали словам шейх-уль-ислама и клялись погибнуть за веру.

Оседлали коней и приготовились в путь. По сообщению Мухаммада Аргуна, вражеское войско уже миновало Рафкан и движется к Канибадаму. По предварительным расчетам, сражение должно было произойти вблизи кишлака Яккатут на берегу Сайхуна: Улугбек призвал к себе Шаха Малика-тархана, Амира Давуда Барласа и в их присутствии стал расспрашивать Мухаммада Аргуна о численности и силе вражеского войска, о его боевом духе. Поначалу Мухаммад Аргун только дивился, как немногословны речи молодого царевича, но потом вспомнил, что и Тимур — дед Улугбека — всегда бывал скуп на слова. Ведь Аргун долго служил под началом Тимура и хорошо помнил, что вопросы великого Амира были всегда сдержанны и кратки. Улугбек спросил еще раз, точно ли нет в степи за холмами вражеской засады. По сведениям Мухаммада Аргуна, засады не было. Убедившись еще и в том, что вражеское войско в основном состоит из пехоты, Улугбек, довольный полученными донесениями, созвал в свой шатер военачальников. Шейх-уль-ислам занял место справа от царевича, слева сидели Шах Малик-тархан и Амир Давур Барлас. Чуть пониже — Мухаммад Аргун. Царевич обратился к своим военачальникам.

— Ахмаду-мирзе стало известно о том, что мы идем

на Фергану. Когда мы еще не достигли Баландчакира, он уже начал готовиться к отпору. Сведения, дошедшие до нас, свидетельствуют о том, что ферганцев много меньше нашего, а опытных воинов среди них и вовсе мало. Люди их пребывают в страхе... Мы по сей день ждали посла Ахмада-мирзы, но он не явился. Мы ждали его посла и в Самарканде. И на наши послания ответа не поступило. В Ахсикенте, Хоканде, Андижане убиты верные люди моего отца. Кое-кто из высокопоставленных вельмож вынужден был бежать из Ферганы в Самарканд... Убит и Абдукаххар Дулдай — отец присутствующего здесь тысяцкого Ибрагима Дулдая. Я хочу напомнить вам, что руки Ахмада-мирзы обогреты кровью, немало подлых дел совершил Мирза, и чаша нашего терпения переполнена. По распоряжению нашего отца я веду вас в бой...

Шейх-уль-ислам начал читать молитву и, словно заклиная, подул на царевича и военачальников. Наступило молчание. Затем Улугбек продолжал:

— Я поеду впереди быстроногих наездников Ибрагима Дулдая. Впрочем, не будем торопиться, пока не достигнем степей Яккатута. Как только завидим врага, то, по моему приказу, вихрем налетим на него. Амир Давуд Барлас будет на правом крыле и пойдет со своими воинами на полверсты позади. Как только мы нанесем первый удар, кинется в атаку барлас. Это будет вторым ударом. Шах Малик-тархан будет на левом крыле. Его воины совместно с воинами Якуббека нанесут завершающий удар. Если будет угодно всевышнему, мы опрокинем врага.

— Воистину царский план! — проговорил Шах Малик-тархан. — Тут ничего нельзя ни изменить, ни добавить. Все мудро и ясно! Но у меня есть небольшая просьба к его высочеству.

— Говорите!

— Нельзя ли мне пойти с быстрокрылыми соколами Ибрагима Дулдая? В первую атаку. Вы же вместе с орлами Якуббека завершите натиск.

Это предложение поддержал и Мухаммад Аргун.

— И таково желание вашего отца, — добавил Амир Барлас. — Ваш дед всегда завершал бой. И в этом есть свой смысл, и смысл немалый. Первые воины постоянно на прицеле вражеских метких стрелков. И в битвах с

Тохтамышем, с Баязетом, с хорезмшахами ваш дед всегда держал левый фланг...

Улугбек улыбнулся. Он знал, что тархан верен ему.

— Ладно, поменяемся местами,— согласился он и поблагодарил Шаха Малика-тархана.

Военачальники поднялись и разошлись к своим людям. Слуги убрали ковры, свернули шелковые одеяла и погрузили на арбы. Вскоре бескрайняя степь запестрела фигурами всадников. Нукеры оседлали для Улугбека гнедого по кличке Йульбарс. Это был могучий, но поджарый конь с широкой грудью. Йульбарс и впрямь чем-то напоминал тигра. И даже утверждали, будто ноги его похожи на тяжелые тигровые лапы. Он не мог спокойно стоять на месте, грыз удила, рыл землю копытом. Редкий конь мог сравниться с Йульбарсом. В бою он обычно становился на дыбы, напирал грудью на коня противника, кусал его. «Прыгает, как тигр»,— удивлялись люди. Никогда Йульбарс не наступал на распростертого на земле человека, боясь сбросить своего хозяина. Знаток клялись, что цена такому коню не менее десяти тысяч золотых таньга. Когда Улугбек взшел на самаркандский трон, Йульбарса привел ему в дар бухарский бек. Конь был обучен для сражений и походов. Был у Улугбека и второй конь, по кличке «Белый голубь». Этот предназначался для торжественных случаев. Белоснежный красавец с густой и пышной гривой и важной поступью. После боя Улугбек гарцевал на нем перед рядами побежденных, стоявших со склоненными головами.

Все глядели, как молодой царевич садится на коня. И как только он вскочил в седло, бесчисленное войско, огибая реку, двинулось к Канибадаму. А Белого голубя вел в поводу чуть позади один из воинов Якуббека.

Большое войско, разделившись на три части, двинулось степью вдоль берега прямо на Канибадам, не сворачивая к Кукчаку. Когда Канибадам остался позади, солнце стояло уже в зените. Как и предсказал Мухаммад Аргун, на востоке поднялось облако пыли.

— Что это?— спросил Улугбек скакавшего рядом Якуббека.— Не стадо ли?

— Надо полагать, стадо, ваше высочество,— ответил Якуббек.

— Вовсе нет,— возразил Мухаммад Аргун.— Это войско Ахмада-мирзы.

— Точно так,— подтвердил остробородый невзрачный и худой человек, глянув на царевича.

— Ошибаетесь,— улыбнулся Улугбек,— все же это стадо. Якуббек совершенно прав. Пусть зоркие воины поглядят сами, это же стадо!

Мухаммад Аргун догадался, что царевич шутит. И прекрасно он понимает, что пыль подняло войско противника. Улугбек скакал на своем Юльбарсе, он улыбался, вселяя в души воинов отвагу и мужество.

— Ясно...— протянул Аргун.

— Ну, а раз всем ясно, скачите немедленно к господину Шаху Малику-тархану, пусть начинает — его ход. Вперед на стадо!

Мухаммад Аргун стегнул коня, спеша передать приказ царевича. Через минуту войско Ибрагима Дулдая, подняв огромное облако пыли, с криком и гиканьем ринулось в атаку на ферганцев. И еще через минуту начался хаос: ржали кони, свистели сабли, степь огласилась криками, ревом, воем. Кони вставали на дыбы, мечи сверкали в лучах солнца. Будто в водовороте, смешались люди в кровопролитном бою. Никто не обращал внимания на свалившихся наземь, раненые кони в страхе металлись среди людей. По знаку царевича Мухаммад Аргун поскакал к Амиру Давуду Барласу, с тревогой следившему за царевичем из-за холма. Увидев скачущего Аргуна, он со своими воинами ринулся в бой. И вслед за ним сам царевич с Якуббеком присоединились к атакующим с левого фланга.

Ахмад мирза, приведший большое войско, вот уже полтора часа наблюдал за боем. Он понял, что терпит поражение. Если сражение продлится еще час, не останется в живых ни одного его человека. Собрав с десятков воинов, Ахмад пустился наутек. Около ста всадников поскакали вслед за ним. Ибрагим Дулдай, начавший атаку, с сотней нукеров бросился за Ахмадом. Ферганцы, поняв, что их военачальники покидают поле боя, разбежались кто куда. Многие соскакивали с коней и бросали оружие.

Ахмад мчался не в сторону Хоканда, а прямо к Ашту. Но Ибрагим Дулдай все же настиг его.

Войско, разделенное на три части, снова объединилось и двинулось в сторону Хоканда...

Низамеддин скакал с обнаженным мечом в группе правого фланга под предводительством Амира Давуда Барласа. Уже целый час его кружило в вихре боя. Он рубил направо и налево, валил врагов с коней. С одним из вражеских воинов ему пришлось повозиться всерьез, оба не желали уступить друг другу. Какой-то конный, пятившийся почему-то назад, разъединил их. Забыв обо всем на свете, не понимая, что происходит, опьяненный битвой, Низамеддин как лев кидался на любого, у кого не было самаркандской метки на одежде. В пяти шагах от него какой-то всадник кубарем скатился с лошади, но тут же вскочил и, отряхивая пыль с одежды, затравленно огляделся по сторонам. Но еще через мгновение голова его скатилась с плеч, тело грохнулось оземь и затрепетало. Увидев фонтан крови, брызнувшей из шеи убитого, Низамеддин отвернулся. На одежде этого воина самаркандской метки не было. Усы и борода его были с проседью, и Низамеддину подумалось, что, должно быть, пожилой человек. Вдруг испугавшись, что и ему вот так же отрубят голову, Низамеддин оглянулся и кинулся к сражавшемуся с ферганцем самаркандцу. Подскакав, он с размаху рубанул по плечу ферганца, свалил его с коня. Уже терявший силы самаркандец благодарно глянул на него. Теперь они вдвоем повернули налево и устремились к сражавшимся, туда, где звучно лязгали сабли. В гуще боя Низамеддин то и дело искал глазами своих друзей — Шадманбека и Абуали. Увидав бегущих воинов, Низамеддин понял, что ферганцы дрогнули. Шагах в двадцати Низамеддин увидел воина, сошедшего с коня и кинувшего оружие на землю. Подскакав к нему, Низамеддин поглядел на склоненную голову и не тронул его. Саблю он положил перед собой на седло и вдруг увидел запекшуюся кровь. Ему почудилось, будто со лба его струится обжигающе горячий пот. Он поднес ладонь ко лбу — утер пот, но ладонь мгновенно окрасилась алым. Низамеддин приподнял шапку, она вся пропиталась кровью, а он и не заметил, что ранен. Голова разламывалась от боли. Сидя в седле, он поглядел на кинувшего оружие ферганца: тот, увидев кровь, каплями стекающую со лба Низамеддина, отвел глаза. Минуту они глядели друг на друга — побе-

дитель и побежденный. Повернув коня, Низамеддин поспешил вдогонку за войнами, вышедшими на Хокандскую дорогу. Но, проскакав совсем немного, он увидел распростертого на земле человека, туго перепоясанного широким ремнем, украшенным серебром. Сердце его замерло. Низамеддин остановил коня: на одежде убитого самаркандская метка. Спрыгнув на землю, он повернул убитого лицом вверх — Шадманбек. Друг! В глазах потемнело, в сердце словно вонзилось жало. Воин, ехавший вместе с ним, поджидал Низамеддина в сотне шагов:

— Пошли! Наши уже далеко,— крикнул он,— а то отстанем.

Низамеддин кивнул. Но вдруг до слуха его донесся стон. Человек, лежавший на земле, шагах в двадцати от него, поднял голову:

— Братец, я самаркандский, забери меня с собой. Не могу я тут остаться, ночью сбегутся волки и шакалы...

Ведя коня в поводу, Низамеддин подошел к раненому.

— Не могу встать,— пояснил тот,— меня в спину ранило.

— Сможете сесть на моего коня?

— Нет, братец, я не могу подняться.

— Тогда придется подождать. Скоро подойдут арбы, всех заберут.

— Спасибо за доброе слово. Только не дождусь я арбы. Я бухарский. Моя имя Кудратилла. Помолитесь за меня. 1

— Хорошо,— грустно промолвил Низамеддин.

Низамеддин припустил коня, догоняя ушедших воинов. «Где же Абуали? Что с ним?»— думал он. Он не чувствовал, как кровь все еще капает со лба и кончика носа. Отъехав на несколько шагов, он оглянулся. Ферганец, которого пощадил Низамеддин, плакал, опустившись на колени. «Не он ли убил Шадманбека?— подумалось Низамеддину.— Если он, то почему же тогда я оставил его в живых? Почему он не ускакал на своем коне? Он ведь мог, успел бы». Станные, путаные мысли, словно в дурном сне, мелькали в уме Низамеддина, и голову по-прежнему саднило. Он погонял коня, торо-

пясь догнать своих, и все время думал о Шадманбеке и о том бухарце с переломленным хребтом, стонавшем от боли.

Темнело. Солнце клонилось к горизонту. Последние его лучи осветили безлюдную степь. Встань здесь человек во весь свой рост, тень его, упавшая на землю, была бы длиною в самый высокий тополь. Но в безлюдных степях между Яккатутом, Рафканом и Канибадамом не было ни души, здесь, в этом царстве смерти, одни лишь трупы — люди и лошади. По дороге, пробитой через степь колесами арб,— ни единого всадника. Весть о происшедшем здесь страшном сражении, об ужасах кровопролитной битвы достигла слуха жителей окрестных кишлаков. Лишь одни только отсеченные головы, валявшиеся здесь и там, уже не ведали ужаса. Но среди этой горы мертвецов были и раненые, кто с отрубленной рукой или ногой, кто умирал, страдая от жажды,— и все ждали помощи. Солнце скрылось за горизонтом. Над степью, словно медное блюдо, не спеша всплыла луна. По ясному небу не проплывали теперь черные, вздымающиеся, будто горбы верблюдов, тучи, но луна наливалась багрянцем так, словно ее окрашивала щедро пролитая человеческая кровь. Казалось, она печально смотрит на эти застывшие в зарослях комочки тел. И ничем не может помочь им. Воин с переломленным хребтом замороженно глядел на нее. Но от нее не ждал спасения. Луна была похожа на красавицу, выглядывающую из окошка высокого, недоступного дворца. Воин отвернулся. Он прополз несколько шагов, словно улитка, слепо шаря по земле руками. Вот он нащупал саблю, с трудом вытащил кинжал из ножен мертвеца и положил оружие рядом с собой.

Арбы, под конвоем нукеров, прибыли в полночь. Нукеры выбрали раненых, собрали оружие и уложили на арбы. Вслед за ними, тоже под охраной воинов, потянулись так называемые «семейные» арбы. Прослышав о победе, они спешно отправились вслед за царевичем в сторону Хоканда. Начальник обоза распорядился похоронить здесь же павших воинов и как можно быстрее доставить раненых в город. А сам, стегнув нагайкой коня, поскакал догонять «семейные» арбы. В одной из этих нарядно украшенных арб ехала Акабегим — жена Улугбека — со своими служанками. Самым вер-

ным воинам поручили сопровождать этот караван, охранять от всех дорожных случайностей.

Хокандцы открыли ворота города, радостно встречая Улугбека. За целый фарсанг¹ от города выехал навстречу царевичу имам мечети Джаме в белоснежной чалме. Главный казий² и прочие высокопоставленные лица тоже встретили Улугбека за пределами города и торжественно проводили до дворца. А люди Мухаммада Аргуна уже успели тщательно обшарить весь дворец и расставить вокруг него есаулов и нукеров. Вошедший в город одним из первых, Караилан лично проверил покои, предназначенные для царевича. И лишь после того как он доложил Улугбеку, что Мухаммад Аргун сделал все как положено, царевич вступил во дворец. Один за другим поскакали гонцы в Самарканд, затем в Герат с доброй вестью о победе. А еще до этого четверо проворных гонцов прямо с поля боя были отряжены в Самарканд.

Шах Малик, который вошел позади Улугбека в одну из самых прекрасных зал дворца, шепнул царевичу:

— Мне нужно спросить вас кое о чем.

— Я слушаю вас,— Улугбек повернулся к Шаху Малику.

— Намерены ли вы отдохнуть или сначала допросите Ахмада-мирзу?

— Буду говорить с Ахмадом.

— Хорошо.

— Да, кстати, скажите воинам: город не грабить. К казне не подходить. Пусть казначей сам прибудет сюда. Завтра же на рассвете мы одарим воинов золотом и одеждой. Никого не обидим...

— Хорошо.

Шах Малик вышел. По всему дворцу у всех входов были расставлены вооруженные нукеры. Немного погодя Улугбек сошел во двор. Там уже стоял со связанными за спиной руками Амирак Ахмад. Его окружали самаркандские военачальники и вельможи. Улугбек опустил в кресло, покрытое бархатом. Под ноги ему расстелили тигровую шкуру. Сын его дяди — его двоюродный

¹ *Фарсанг* — мера длины, равная примерно 7—8 км.

² *Казий* — судья.

брат — Ахмад-мирза стоял напротив, склонив повинную голову.

— Развяжите ему руки!— приказал Улугбек, обращаясь к Мухаммаду Аргуну.

Выхватив из-за пояса кинжал, Аргун разрезал тонкую бечевку. Амирак неловко потер занемевшие руки.

— Ну, царевич, что вы теперь скажете?

— Вы — победитель, мы — побежденные.

— А вы, оказывается, не правитель страны, не наместник, а обыкновенный сластолюбец и жестокий человек. Вы ослепили астрономов, вы предавались плотским утехам, низменным страстям. А мы не можем допустить этого. Теперь объясните, почему вы бежали в сторону Ашта?

— Я понял, что бой проигран, ну я и растерялся, а побежденный бежит куда глаза глядят.

— Это ложь. Вы просто не желаете говорить правду. Если вы бы хотели спасти жизнь, вы направились бы в горы через Шурсув. Вы ведь не вошли в Хоканд и в Маргелан, вы знали, что свои же люди выдадут вас. Так куда же вы хотели бежать через Ашт и почему?

— Просто растерялся, сбился с пути.

— Но вы ведь человек не глупый, не такой уж вы простачок, каким хотите казаться. При вашем дворе были мои люди, и мы знаем, что намеревались вы предпринять в случае поражения. Еще до начала похода для вас были закрыты все щели. Путь к спасению вам был отрезан. Говорите же правду, Мирза, и я обещаю сохранить вам жизнь. А иначе... Иначе прольется кровь... Погибли люди, я не оставляю вас в живых. Вы жестоко оскорбили владыку. Говорите правду, и я во имя памяти моего дяди Амира Умаршейха пощажу вас...

— Я скажу, все скажу,— заторопился Ахмад,— скажу правду, царевич, я верю вам! Через Ашт по горным дорогам я собирался выйти к берегу Сайхуна, затем через Сигнак и Шахрухию пробраться в Кипчакскую степь. Мы договорились с Мухаммадханом из Туглини, потомком Тимура. Между Мухаммадханом и Бараком Углоном — внуком Урусхана — не затихают распри и ссоры. А ханы Кипчакской степи настроены против Самарканда и Герата. Они охотно помогли бы мне. Поэтому я и бежал в Кипчакскую степь...

— Вот теперь вы сказали правду.— Улугбек поднял-

ся.— Я сохраню вам жизнь. Завтра же утром вместе с женой и детьми вы отправитесь в Герат. И там вымолите прощение у государя, своего дяди, за все ваши преступления. Расскажите ему без утайки все, что рассказали сейчас мне. И о Бараке Углоне и о Мухаммадхане, о вашем с ними уговоре. Ничего не упуская. Все это очень важно.

— Я сделаю все, что вы мне приказали,— поспешил заверить Ахмад-мирза, клянясь Улугбеку. Он не помнил себя от счастья, ведь ему обещали сохранить жизнь.

Наутро Ахмада-мирзу со всем семейством погрузили на арбу и под надзором людей Мухаммада Аргуна отправили в Самарканд, а оттуда в Герат.

Гонцы мчались в Самарканд с чрезвычайно важными и тайными сообщениями. Оттуда, после краткого отдыха, они направились в Хорасан. Но весть о победе над Ахмадом уже на следующее утро достигла Герата. Вынужденные из Ходжента голуби пролетели через Джизак в Самарканд, из Самарканда в Шахрисябз, Балх, Майману и опустились в Герате. Первого голубя, прилетевшего с доброй вестью из Майманы, доставили государю. Он собственноручно отвязал от его лапки шелковую записку и тут же приказал богато одарить гератского голубятника подарками. Не забыл и всех голубятников от Ходжента до Герата. Им тоже выдали деньги и дорогие одежды.

— Искусство голубятников,— промолвил Шахрух, куда выше искусства гонцов, а также куда надежнее труда дозорных; разжигающих костры на вершинах. Важные вести раньше всех доставляют нам голуби.

Царевич Ибрагим Султан, уже снарядивший большое войско для того, чтобы в случае надобности спешно перебросить его в Самарканд, без особого восторга принял весть о победе. Однако держался он спокойно, делая вид, будто разделяет ликование придворных, наперебой поздравлявших Шахруха с победой. На самом же деле он завидовал славе брата как «покровителя наук» еще сильнее, чем его славе военачальника. В душе он лелеял мечту, что Ахмад-мирза не так-то легко поддастся Улугбеку, «повыщиплет из него перья», и тогда отец отдаст самаркандский престол ему, Ибрагиму, с более «твердой десницей». Да и вообще он считал, что ни старшего

брата — Мухаммада Тарагая, ни младшего Байсункура-мирзу не следует допускать ни до военных, ни до государственных дел. Зато хорошо бы самых младших братьев — Суюрготмыша и Мухаммада Джуки — назначить в свое время правителями Мавераннахра, эти-то не выйдут из его, Ибрагима Султана, повиновения. Жестокосердный царевич ожидал возвращения брата-победителя в Самарканд.

В один из этих радостных дней государь призвал к себе Ибрагима Султана и объявил ему о том, что Ахмад-мирза прибудет на днях в Герат и он, Шахрух, отдаст провинившегося племянника под начало Ибрагиму Султану. При этом он посоветовал сыну назначить Ахмада правителем какой-либо небольшой провинции и не спускать с него глаз. «Пусть следят за ним люди Каранлана», — добавил Шахрух. И тут Ибрагим-мирза решил про себя, что уж это повеление государя он исполнит в точности, и ежели двоюродный брат вновь посмеет поднять голову, то пусть пеняет на себя. Впрочем, судя по всему, это отвечает и намерениям государя, недаром же упомянул он зловещее имя Каранлана.

Через неделю, испросив разрешения отца, Ибрагим Султан отправился в Шираз. Вспыльчивого и тщеславного царевича, болезненно реагирующего на малейшие проявления невнимания к своей особе, провожали придворные вельможи во главе с Байсункуром-мирзой.

Добрая весть, принесенная белыми голубями, да еще и отъезд жестокосердного царевича в Шираз стали для жителей Герата двойной радостью. На исходе была последняя неделя месяца рамазан, и большой праздник хайит совпадал с весенними благодатными днями.

То обстоятельство, что битва закончилась быстро и побежденного Ахмада-мирзу везут теперь в Герат с низко склоненной головой, а главное, то, что, по слухам, в этом Ферганском сражении пролилось не так уж много крови и, по словам кого-то из воинов, даже носа никому не разбили, — все это наполняло счастьем сердца и Наджмеддина Бухарц, и гончара Абуталиба, и братьев Хасанбека и Хусанбека. Конечно, любое сражение не обходится без жертв, но не всех же подряд порубили и

перерезали. Улугбек — это и есть Улугбек, а Ибрагим — Ибрагим, — шепотом поверяли они друг другу. Ученый человек всегда предпочтет решать распри умом, а не мечом. Если господь будет к нам благосклонен, вернуться наши дети целыми и невредимыми. Вот уже несколько месяцев «зодчий зодчих» уstad Кавам не встречался с Наджмеддином Бухари. Быть может, ему просто было неловко видеться со старым другом, ведь своего Худододбека он буквально вырвал из рук Амира Давуда Барласа и не послал в поход на Фергану, словно сын его был ему дороже, чем другие сыновья для своих отцов. Однако до него дошли слухи о коварстве Ахмада Чалаби, знал он и о том, что зодчий Наджмеддин пребывает в печали и что сейчас он не покладая рук трудится как простой рабочий со своими учениками на строительстве медресе. И когда Ахмад Чалаби затеял было с ним разговор о том, что «этот бухарский зодчий» якшается с людьми нежелательными (он наемкал на мастера Джорджи), уstad Кавам презрительно отвернулся и брезгливо сморщил лицо. Немало удивило Ахмада Чалаби такое отношение к его наветам, ведь прежде они принимались благосклонно и выслушивались со вниманием. Холодно попросившись с устaдом Кавамом, Чалаби уже с порога бросил, что, пожалуй, стоит шепнуть об этом Ибрагиму Султану. Но уstad Кавам опять ничего не промолвил и, проведя ладонями по лицу, поднялся с места.

— Плевать хотел царевич на все эти сплетни, — вдруг сказал он.

— Что? Чго? — переспросил, опешив, Чалаби.

— Слишком много зодчий Наджмеддин сделал для государства, да и, кроме того, послал на войну единственного своего сына. Что еще можно от него требовать? Смотрите, господин Чалаби, как бы вам не навредить самому себе, наговаривая на достойных людей.

Ахмад Чалаби не мог прийти в себя от изумления, он был расстроен холодным приемом уstadа и тем, что Кавам так внезапно изменился к нему, верному своему Чалаби. Если Ибрагим Султан уже выехал из Герата в Шираз, то ведь здесь остался Байсункур-мирза. Можно пожаловаться в крайнем случае и ему, решил Чалаби себе в утешение.

СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК НАВРУЗ¹

И подножие горы Кухисиёх в северной части Герата и холмистые степи, и берег ручья густо покрыты зеленью, словно волшебный оазис. Река Герируд, вобрав в себя сотни малых и больших горных речушек, причудливо вьется между горами Кухисаф и Кухисиёх и по густо-зеленым долинам устремляется дальше к Мургабу и Джейхуну. Но путь ей преграждают бескрайние пустыни. А когда она в буйном беге своем уносится южнее города Фарахруд-Хушруда, то и тут подстерегает ее беда— алчно пьют ее светлые воды не знающие влаги, иссушенные солнцем земли. В дни торжественного праздника навруза лишь подножия гор щедро окутаны свежей зеленью и жители Герата отправляются туда встретить светлый праздник весны, весело собирая алые тюльпаны, маки, целебный ремень. Да и не только жители Герата. Сюда, в эту цветущую долину, устремляются жители городов Гургана, Калаинава, Караха. Особенно хороши в такие дни горные цепи за Кухисиёхом, тянутся они до самых хребтов Банди Туркестана. И на берега Бало Мургаба и Оби Қайсара, что довольно далеки от Герата, тоже стекается народ на этот прекрасный весенний праздник. И с берегов южного Намаксарского озера спешили люди к подножию Кухисиёха.

Устад Кавам явился в дом Наджмеддина Бухари неожиданно. У ворот его встретил Зульфикар. Он даже растерялся, увидев «столь уважаемого гражданина Герата», но, опомнившись, проворно подбежал к устату и помог ему сойти с коня.

— Мир и благоденствие дому сему,— проговорил устад Кавам.

— Пожалуйста, проходите,— вежливо пригласил Зульфикар.

— Бисмилло...²

Они вошли во внешний двор. Кавам впереди, Зульфикар за ним, ведя лошадь под уздцы.

Завидев устада Кавама, выскочили из своих комнат

¹ *Навруз*— День Нового года солнечного календаря.

² *Бисмилло*— начальные слова суры корана, произносятся и перед началом какого-либо дела.

Гаввас и Заврак. Они приветливо встретили его, тепло поздоровались и проводили в приемную для гостей — большую комнату, великолепно и со вкусом отделанную ганчем и резьбой, окна которой выходили на солнечную сторону двора. Заврак побежал сообщить зодчему о прибытии гостя. Наджмеддин Бухари поспешно вышел во внешний двор, даже не успев обуться.

— Добро пожаловать,— приветствовал он Кавама.

— Благоденствия вам! Вот соскучился, решил поведать. Нам, старикам, следует держаться друг друга, быть друг другу опорой,— начал уstad Кавам, и голос его прозвучал на редкость добродушно, и не было слышно в нем обычного спесивого высокомерия. Теперь он казался совсем другим — искренним, добрым. А слова его о том, что «нам, старикам, следует держаться друг друга, быть друг другу опорой», означали, как догадался Наджмеддин Бухари, что Кавам намекает на то, что не следует, мол, особенно уповать на поддержку государя и царевичей. Пришло время, когда человек отдыхает душой лишь в окружении друзей, товарищей по ремеслу. С приближением смерти старые друзья становятся особенно дороги, а что толку от вельмож, ведь они-то не станут близкими в тяжкие твои дни.

Вот совсем недавно скончался их сверстник каллиграф Абдураззак Машхади, и это была большая и горестная утрата для них обоих.

Кавам раскрыл ладони для молитвы: «Ступила нога, да не ступит горе!»

— Благоденствия вам!

— Все ли здоровы в вашем доме?

— Благодарение богу.

Ученики поднялись и начали накрывать на стол. Заврак бегом бросился во внутренний двор, где Масума-бека уже раскладывала сладости на огромном подносе.

И до Бадии дошла весть о прибытии гостя. Но только одна она во всем доме не утратила обычного спокойствия и, живая по натуре, даже двигалась как-то особенно неторопливо. Услышав ржание лошадей, она направилась в конюшню, бросив на ходу Зульфикару:

— Один пожаловал?

— Да, один.

В конюшне Бадия сразу подошла к коню брата по кличке «Зеленый голубь», благородный конь не выносил присутствия других лошадей рядом с собой, и поэтому Бадия, отвязав поводья, отвела его в дальний угол, привязала его там.

— Я ведь и сам мог это сделать, госпожа,— сказал Зульфикар.

— Ну что вы, я ведь оберегаю вас, уважаемый Шаши,— она нежно потрепала ладонью холку коня.— Вы нужны моему отцу. Отец считает вас самым способным своим учеником.

Бадия улыбнулась. А Зульфикар так и не понял, шутит ли она или говорит всерьез. Но так или иначе улыбка эта была прекрасна. Зульфикар смутился.

— Я хотел сказать, что такие дела можно...

— А я хотела сказать, что Зеленый голубь признает только меня и брата. Не вздумайте приближаться к нему,— чего доброго, покалечит. Вы посмотрите, он ведь и на коня-то не похож.

Бадия снова погладила Зеленого голубя по холке и подошла к Зульфикару. И снова улыбалась, пристально глядя на него.

— Ступайте прислуживайте гостю.— И, быстро повернувшись, она вышла из конюшни.

Зульфикар лишь успел увидеть взметнувшиеся косы, спадающие до колен. А вдруг устاد Кавам приехал говорить о свадьбе? Конечно, никакой свадьбы быть не может, пока брат Бадии не вернется из похода, но почему бы им и не побеседовать об этом.

Зульфикару стало не по себе. Неужели Бадия станет женой этого надутого Худододбека? Неужели лучший виноград достанется собаке? Ничего не поделаешь, деньги, богатство, всеобщий почет... Чего с ними только не достигнешь! Эй, бухарец, зря ты предавался радужным надеждам! Эти взгляды, улыбки, эти бесценные сладкие мгновения встреч— все это так, пустяки! Все это не для тебя. Всем этим завладеет губастый Худододбек, у которого и дела-то только что азартная игра да бой козлов. И этой красоте суждено исчезнуть в его объятиях.

Неужто так и будет? Все в этом мире шиворот-навыорот. И эта властная, умная, ловкая и проворная Бадия станет женой Худододбека? Все на свете изме-

нить можно, говаривал зодчий, только нельзя изменить нрав человека. И эта свободная белая голубка, радостно порхающая в небе, будет томиться в клетке Худодобека?

Зульфикар в раздумье постоял еще немного и побрел к товарищам. Они уже подали на стол сласти и еду и удалились в свои комнаты, боясь помешать беседе стариков.

— Вот что я хочу вам сказать,— начал Кавам,— Мавляна Джафар Табризи и Ходжа Юсуф Андугани высказали пожелание выехать вместе с семьями к подножию Кухисиёха рвать тюльпаны и ревень. Там, дорогой мой, мы и отпразднуем навруз, тем более что сейчас все мы пребываем в отменном настроении духа. Только они просят, чтобы вы были, так сказать, главой этого увеселения. Ведь праздник совпал с лучшими весенними днями, и это тоже большая радость. Если вы согласитесь, то мы вместе с семьями на арбах отправимся в долину Кухисиёха. Ну, каково ваше мнение на сей счет?

— Если вы предлагаете такую прогулку, мы с удовольствием примем в ней участие,— улыбнулся в ответ зодчий. — Наши желания совпадают полностью.

— Однажды,— сказал уstad Кавам, любивший начинать разговор издали,— мудрого Пифагора какой-то святой привел в ткацкую мастерскую. И Пифагор там услышал некую мелодию. Это пела крученая нитка. И уже после Пифагор услышал в степи другую мелодию, это пели кости давно умершей черепахи. Повсюду он слышал мелодии и создавал свою музыку. И музыка его вдыхала жизнь в человеческую душу и тело. Так вот, Ходжа Юсуф Андугани тоже хочет вдохнуть в наши души жизнь...

— Мудрые слова,— подхватил зодчий.

Ох и любил уstad Кавам, когда восхищались его «мудростью».

— Я давно не слышал пения господина Юсуфа Андугани,— добавил хозяин. — И послушать его будет для меня удовольствием, радостью.

— Байсункур-мирза тоже собирается на этих днях на прогулку. Созерцание тюльпанов очищает душу, а корень ревеня благотворно действует на плоть человеческую. Так гласит «Канон медицинской науки».

— На какой день намечена прогулка?

— Если мы отправимся в четверг утром, то сможем вернуться в пятницу к вечеру. Ну, а если все пройдет удачно, проведем там и пятницу. Лучше всего ехать к Шураку, через Карах. Там особенно много тюльпанов и ревеня.

— Говорят, что мавляна Андугани написал новую мелодию? Как это отраднo. Я ведь слышал почти все его сочинения, и, конечно, они не сравнимы ни с чем на свете.

— Вы совершенно правы,— радостно подтвердил устак Кавам,— наш августейший государь обмолвился как-то, что не променяет Юсуфа Андугани на всю Индию. Есть ли похвала выше? Однако ж несколько месяцев назад господин Андугани впал в великую душевную печаль. И причиной тому — этот поход на Фергану. Своими недостойными действиями Ахмад-мирза принес немало горя подданным Хоканда, Ахсикента и Андижана, и не удивительно, что государь вынужден был послать туда войска. Все это сверх меры огорчило нашего человеколюбца Юсуфа Андугани. Но дело решилось почти без кровопролития, и возрадовался наш друг душой. Он и сам понял, что всему виною был именно Ахмад-мирза.

— Слава всевышнему!

— Не могу не поделиться с вами еще одной вестью: астроном и звездочет по имени Хакимхан Валиди совершил путешествие в Индию и Китай, а вернувшись в Ахсикент, вознамерился построить обсерваторию. Ахмад-мирза велел ослепить его. Выкололи глаза учнейшему человеку, получившему прекрасное образование в Бухаре, а затем и в Самарканде. А произошло это лишь потому, что Хакимхан Валиди имел неосторожность высказать вслух свое мнение. В Самарканде и Герате, сказал он, поощряют людей науки, и, если с ним не будут считаться здесь, он уйдет на службу в Самарканд, под покровительство Улугбека. И тут же его обвинили в том, что он пытался взять силой чью-то жену, и по приказу Ахмада выкололи ему глаза. Ходит слух, будто на каком-то пиру Ахмад-мирза якобы сказал: «Пускай этот звездочет попробует ныне взглянуть на небо. Тайны вселенной никому не подвластны, кроме всевышнего. Этому звездочету не увидеть

теперь даже своих гератских и самаркандских покровителей!»

Прослышал об этом и Мирза Улугбек. Прославленный астроном томится в темнице! Неслыханное зверство!

— Если Ахмад-мирза и впрямь совершил столь гнусное и подлое преступление, то правильно поступил Улугбек, отстранив его от кормила власти,— промолвил Наджмеддин Бухари.

— Говорят, будто Ахмад, кроме всех прочих своих злодеяний, тайно сговорился с Бараком Углоном.

— Одно недостойное деяние за другим.

— Да, совсем забыл, уважаемый Наджмеддин, вы как-то обещали дать мне книгу «Аль-Маджисти», помните?

— Конечно,— отозвался Наджмеддин,— я сейчас вам ее принесу.

— И еще мне хотелось бы спросить у вас кое-что об Абулвафо и Туси. Хотя бы несколько слов.

— Так вот, Абулвафо аль-Буджони обучался в Хорасане. Позднее уехал в Багдад, там перевел труды древнегреческих ученых по алгебре, математике и астрономии и дал им научное толкование. Особенно же он преуспел в развитии арифметики и геометрии и написал немало работ, совсем по-новому трактующих многие вопросы. Сейчас уважаемый муж переработал также книгу Бутлимуса «Аль-Маджисти» и обогатил ее своими ценными мыслями. Участвовал он также и в составлении новых таблиц для багдадской обсерватории. И, наконец, изучал положения Луны как небесного тела и в этой области потрудился на славу... А Мухаммад Насреддин Туси построил обсерваторию в Мараге, которая для своего времени была крупнейшим научным центром. После многолетних наблюдений ученые обсерватории составили таблицу Абхан зиджи, другими словами, астрономический календарь. Непрерывно совершенствуя свои познания в геометрии, он создал книгу «Тахрир эклидус», не потерявшую свое значение и в наши дни. А благодаря его книге «Шаклул Гита» начертательная геометрия и тригонометрия превратились в самостоятельные науки. Да, забыл сказать, что Насреддин Туси написал еще много книг по алгебре, логике, медицине и прочим наукам.

Долго еще старики зодчи предавались увлекательной беседе. Уже давно не говорили они друг с другом так тепло и так задушевно. Оба с аппетитом поели то, что приготовила Масума-бека и подал им Зульфикар. Но вина пить не стали, завтра предстояла прогулка, вот тогда-то уж наверняка не обойдется без вина.

К вечеру уstad Кавам, зажав под мышкой увесистый дом «Аль-Маджисти», сердечно попрощался с Наджмеддином и отправился домой.

Глава XV

В ПУТИ

Взглянешь на снежные вершины гор, играющие в лучах солнца алмазными своими гранями, и невольно отведешь глаза от нестерпимого их блеска. Это и есть Кухисиёх. А ниже — гряда голых бурых скал. А совсем внизу холмы, холмы, несчитанное множество холмов, нарядно одетых ковром зелени. В горной впадине, словно змеиный след, вьется река. Воды ее, мирно журчащие по гальке, хрустально прозрачны. Пожалуй, даже прозрачнее здешнего воздуха. И сколько ее ни зачерпывай горстями, сколько ни пей, все тянет вновь и вновь насладиться ее благоуханной свежестью. Человек, попавший сюда, невольно закидывает голову, любуясь вершинами, вонзившимися в небо, и кажется тогда ему, будто эти каменные громады вот-вот рухнут и погребут его под собой. Сквозь толщу камней пробивается молодая зелень, пламенеют рассыпи словно выставленных напоказ тюльпанов. Да, природа не скупится на чудеса! В прозрачной воде, с шумом удрающей о камни, мелькнет серебристой стрелкой форель, и вдруг она пойдет против течения и скроется в расщелине. За ровным ропотом реки едва слышно жужжание пчел, хотя целые их тучи несутся к зеленым просторам. Человек, стоящий на берегу, против воли своей задирает голову, лишь бы видеть недоступные эти вершины, и шапка непременно слетит с его головы. Так уж создала человека природа — он не может не смотреть вверх — на небо, на горные вершины. А как прекрасен и чист воздух в горах, он успокаивает уставших, бодрит, дарит отменное настроение. Даже встре-

чи и общение здесь душевнее и теплее, чем в низине. Тишина, застывшая у подножия грозных скал, журчание реки, жужжание пчел — все убаюкивает, все вселяет в душу человека легкость и бодрость. Здесь человек забывает все заботы свои, все огорчения, он свободен, как птица...

Бескрайняя зеленая долина, раскинувшаяся у подножия горы Кухиснѣх, носит название ущелье Равач. Каждую весну сюда, на лоно природы, выезжают на арбах гератцы и проводят здесь несколько дней. В эти дни тут можно встретить и кондитеров с их заманчивым товаром, и шашлычников, здесь идет бойкая торговля, здесь же любители пробуют свои силы в борьбе — кураше, здесь же происходят выступления канатоходцев и устраиваются бои козлов. На высоких холмах разбивают палатки и шатры, резвятся среди густой травы дети, отдыхают и щебечут женщины. Стройные молодцеватые джигиты в нарядных одеждах на великолепных конях пускаются вскачь, соперничая в ловкости и удали. Иной раз сюда, в сопровождении свиты, являются и царевичи. По совету придворных, молодые царевичи приезжают сюда не в пышном своем наряде, а в обыкновенной одежде — скромном платье горожанина, не бросающемся в глаза, но их все равно узнают, недаром же вокруг них толпятся могучие нукеры.

Когда-то сюда, в ущелье Равач, приезжала и Гульгун Ако, тоже в скромном наряде горожанина. И ее никто не узнал.

С любопытством следят зрители за горделиво гарцующими в долине всадниками, даже кони под ними и те преисполнены величавого достоинства. Словом, каждый старается не нарушить высокой торжественности праздника, тем паче если его удостоит своим присутствием августейшая особа. Порою можно встретить и бог весть как затесавшегося сюда нищего или каландара, непрерывно тянущего нараспев притчи из «Моего султана».

Нарядившаяся мальчиком Бадия ехала в крытой арбе с отцом и матерью, но лишь только кортеж миновал мост Пули Малан и реку Герируд и достиг холмов, она пересела на коня брата. Конь до этого еле плелся за крытой арбой, но, едва Бадия вскочила в

седло, он заиграл, запросил поводыев, видимо гордясь своей всадницей.

За конем Низамеддина недаром ухаживала Бадия. Вовремя засыпала ему овес, поила свежей водой, ласкала, расчесывала гриву. Стоило Бадие войти в конюшню, и гнедой приветствовал ее радостным ржанием. Хотя Низамеддин и был страстным охотником до лошадей, он не очень-то заботливо ухаживал за гнедым. Носился он чаще всего на своем скакуне Белом голубе, а смирный гнедой простаивал целыми днями в конюшне. На его счастье, в доме была Бадия. И на сей раз, лишь только Бадия взялась за уздечку, гнедой радостно заржал и пошел крупной рысью. Только четверо, включая зодчего и его жену, знали, что на гнедом коне скачет сейчас не юноша, не мальчик. Да и повадки у Бадии были совсем мальчишеские. Аккуратно подобрав волосы, она натянула на голову бархатную тюбетейку Низамеддина и искусно повязала ее тонкой чалмой, по примеру гератских юношей. Кончик чалмы с золотым узором свисал ей на плечо. Надела она и сапоги брата, его рубаху и легкий красный халат, подпоясалась его же широким ремнем с блестящей латунной пряжкой. Конь Бадии шел теперь неспешной рысцой впереди арбы. Вдруг, подмигнув Завраку Нишапури, Бадия подняла коня в галоп. Ни мать, ни отец не смотрели сейчас в ее сторону, один лишь Зульфикар время от времени высовывал голову из крытой арбы и поглядывал на Бадю. Откровенно говоря, Зульфикар немножко ревновал Бадю к Завраку, вернее, косо поглядывал на их дружбу. Ни за что на свете не посмел бы он сам выразить открыто свои к ней чувства, но девушка и без того прекрасно понимала, что этот бухарский юноша без памяти влюблен в нее. Может, поэтому она сейчас особенно изящно гарцевала на своем гнедом коне, все время опережая арбу. Но вскоре, снова поравнявшись с арбой, с улыбкой обратилась к хмурившемуся Зульфикару:

— А вы не обиделись, что я отобрала у вас коня?

— Нисколько!— почтительно ответил Зульфикар. И вдруг покраснел до ушей. Он поглядел сначала на Бадю, потом на ее мать. Он знал, как любит Бадия подшутить над ним в присутствии родителей. Но тут она снова заговорила:

— Гнедой, видите ли, привык ко мне. Он любит меня больше, чем моего брата, когда-то он даже сбрасывал Низамеддина. Конь ведь никогда не забывает грубости. А брат его однажды ударил. Вот я и подумала, к вам он не привык и может вас тоже сбросить. Животные понимают все, что говорят хозяева, особенно лошади и слоны. Вот и он сейчас понял то, что я вам сказала. Только ответить не может,— с веселым смехом добавила Бадия.

— Я догадался, что гнедой понимает то, что вы ему говорите,— улыбнулся в ответ Зульфикар.— Я как-то слышал однажды, как вы убеждали его поест, когда он капризничал, и доказывали ему, что есть надо вовремя, иначе можно и заболеть. Своими ушами слышал.

— Верно, верно.

— Да и трудно не понять,— снова улыбнулся Зульфикар.— Гнедой сразу повеселел, когда вы вскочили в седло. Он так красив!

— А я?— вдруг спросила Бадия.

Зульфикар промолчал. Он не смел ответить — рядом сидели родители Бадии.

— Мне говорили, что у вас в Бухаре есть жена,— продолжала Бадия.— Это правда?

— Что?

— Что у вас в Бухаре есть жена.

— Нет,— отрицательно покачал головой Зульфикар.

— Почему же отец до сих пор вас не женил? Я слышала, что в Бухаре рано женятся.

— Вы ведь тоже бухарская.

— Вы хотите сказать, что и меня до сих пор не выдали замуж?— рассмеялась Бадия.— Не бойтесь,— добавила она,— папа плохо слышит. К тому же, он сейчас разговаривает с господином Нишапури. Да было бы вам известно, я родилась в Герате... А гератские в таких делах не слишком торопятся. Жаль, что вы не похожи на Нишапури, вы — человек подозрительный. И в душе вашей много тайн. Я быстро распознаю людей, а вот вы по сей день для меня загадка. Вы замкнуты и не желаете раскрыть душу...

— Да нет же, госпожа Бадия!

— Дочка,— услышался вдруг голос Масумы-бе-

ка,— слезь-ка с коня.— Закончив разговор с Завраком, Масума-бека услышала голос дочери, доносившийся с той стороны арбы, где сидел Зульфикар.— Там впереди мост над пропастью. И дорожка узкая, видишь? С одной стороны отвесная гора, а с другой пропасть. Как бы не было беды.

— Хорошо, мамочка,— отозвалась Бадия. И шепнула Зульфикару:— А я все равно узнаю!

Весна не поскупилась на все великолепие своих красок. Казалось, что ликует сама природа. Отличное настроение не покидало Бадию во время прогулки; шаловливый весенний ветерок ласково обвевал лицо. Она следила за веселым полетом птиц в лазурном небе, любовалась высокими красно-бурыми склонами гор, холмистой степью, застланной ковром алых тюльпанов. И чудилось ей, будто все это создано для нее. И завороченным взглядом впивала в себя эту красоту. Рядом с нею любимые мать и отец, добрые друзья, под ней конь брата, который так привязан к своей юной хозяйке. И Заврак Нишапури, который так любит поострить, отпустить шуточку... И этот бухарский юноша. Ей казалось, что ее тоже влечет к нему: неужели он ее любит? А как же тогда Худододбек? Но ведь он, этот важный, гордый и надменный шеголь, даже на войну не соизволил пойти. Отдал своего коня другому, а сам остался дома. Видно, по просьбе отца вмещался царевич. Да и вообще ничто его не интересует, живет в свое удовольствие под крылышком родителей. Нет уж, чем важный отпрыск богатого дома, куда лучше этот безвестный пришелец из Бухары.

Поравнялись с мостом, переброшенным над пропастью, и Масума-бека приказала Бади сойти немедленно с коня. Бадия послушно соскочила с гнедого и передала поводья Зульфикару, который помог ей взобраться на арбу, а сам сел на коня и поехал впереди. Миновав «Чертов мост», он остановился, дожидаясь арбы. Тут его догнал Заврак. Он тоже был не слишком доволен, что Зульфикар так долго болтал с Бади-ей, и насмешливо заметил:

— Попробовали бы вы прокатиться на моей лошади, почтеннейший! Тогда могли бы смело хвастаться, что проехали разом на двух конях. Я то, Нишапури, вам

ва гнедого ничего не сделаю, а вот как бы Худододбек не оторвал бы вам голову.

— А вы мастер шутить, настоящий остролов,— рассмеялся Зульфикар.— Только, к сожалению, я не могу отдать вам гнедого. Откровенно говоря, боюсь: с одной стороны, как сами видите, гора; с другой — пропасть. Пропасть-то вы разглядите, но, чего доброго, не заметите гору и ткнетесь в нее лбом. Да и не подпустит вас гнедой, лучше уж держитесь своей кобылки.

— Ха-ха-ха, брыканье осла лошадь стерпит,— весело рассмеялся Заврак.— А вот о голове все же подумайте.

— Сабля, которая может отсечь мою голову, пока еще в Ахсикенте.

— И все-то вы знаете, Шаши!

— Ладно, берите гнедого, а то и в самом деле обидитесь.— Зульфикар спрыгнул с коня. Они обменялись местами. Арба, погромыхая по камням, покатила по узкой тропинке под самой горой. Бадие по душе была ловкость Зульфикара. Глядя со страхом на пропасть, зияющую справа, Масума-бека шептала потихоньку: «Пронеси, господи!» Зодчий глядел на своих расшалившихся как дети учеников и думал о том, как было бы хорошо, если бы и сын его ехал сейчас с ними. Уж тот никому не отдал бы своего гнедого и летел бы впереди как сокол. Но что бы то ни было, поход закончился победой и сын вернется. Конечно, ни одна война не обходится без жертв, и это очень горько, очень горько. Живы ли Шадманбек и Абуали?

Арбы устада Кавама и устада Табризи и Худододбек, гарцевавший впереди, уже давно проехали ушелье и исчезли из виду. Любил Худододбек покрасоваться и, конечно, прибыть на место первым. И тут трое всадников в красных халатах, давно уже ехавшие позади арбы зодчего, вдруг пришпорили своих коней и промчались вперед. И зодчий и Зульфикар давно заметили их и все дивились: чего ради они плетутся за их арбой? А теперь, когда всадники обогнали их, они успокоились. Ведь нынче праздник. И едут сюда все: и состоятельные семьи, и вельможи, и состарившиеся, уже не у дел полководцы...

Ближе к вечеру три арбы, вышедшие на рассвете одна за другой из города, прибыли к подножию Кухисиха на место народного гулянья. Зульфикар и Заврак спешили на поляне у самой реки, бушевавшей среди огромных камней у подножия горы. Невдалеке от того места, где остановились устак Кавам и мавляна Табризи, они в сторонке начали сооружать шатер прямо на траве. Ученики устак Кавама, шагах в ста от них, занимались тем же, а Худододбек стоял рядом со своим конем, важный словно индюк.

Вместе с Зульфикаром и Завраком хлопотала и Бадия, но Худододбек даже не глядел в их сторону. «Видать, взяли какого-то мальчишку, чтобы помог построить шатер»,— подумал он. Но вдруг его словно чем-то ударило, он обернулся и пристально поглядел на Бадю. Подошел поближе. Бадия исподлобья посмотрела на него. Худододбек зашагал прочь с таким видом, будто гордость не позволяет ему торчать у чужого шатра.

«Эх ты, храбрец,— подумала Бадия.— Ну ладно, уж прочу я этого жениха!»

Зульфикар тоже оглянулся на Худодобека, который в горделивой позе стоял поодаль, там, где натягивали шатер ученики его отца, и перевел взгляд на Бадю. От девушки не ускользнул насмешливый огонек, мелькнувший в глазах Зульфикара, но она бровью не повела и продолжала заниматься своим делом, словно ничего не произошло. Впрочем, в наступивших сумерках уже трудно было разглядеть ее лицо.

Но не прошло и получаса, как Бадия, вдруг, кивнув на Худодобека, обратилась к Зульфикару:

— Посмотрите-ке, господин Шаши, застыл словно суслик, завидевший ястреба.

— Это вы о ком, госпожа?— спросил Зульфикар, испугавшись, что она намекает на Заврака, стоявшего рядом с ним.

— О сыночке преподобного устак Кавама.

— Да что вы, он держится прямо, и фигура у него ладная.

— Да, конечно, держится он прямо. И фигура мощная, но, как говорится в народе, фигура-дура. Ха-ха-ха...
Зульфикар промолчал.

— Стало быть, так он и будет торчать здесь весь вечер без дела и без толку, лишь бы все его фигурой могли вдосталь налюбоваться?

— Ну что вы такое говорите, госпожа,— прервал ее Заврак. По праву давно живущего в доме зодчего Заврак позволял себе иной раз пожурить молодую девушку. Недаром сам зодчий относился к Завраку с доверием, как к родному сыну.— Если вы скажете еще хоть одно дурное слово о семье господина Кавама, я непременно пожалуюсь вашей уважаемой матушке.

— А я не боюсь!

Заврак хмуро взглянул на Зульфикара, как бы говоря: «Это ты, мол, виноват. Не пристало говорить о женихе недостойные слова!»

— Так уж вы никого и ничего не боитесь, госпожа?

— Никого и ничего. Даже в священных книгах говорится, что мужчины и женщины равны. Чего же ради вы посягаете на это равенство?— со смехом воскликнула она.— Я ведь все равно за вас не пойду.

Заврак побледнел и пугливо оглянулся. Не дай бог, услышит эти слова зодчий, не поздоровится тогда ему, это уж точно.

— О господи! Вы просто лишились рассудка, госпожа.

И он снова хмуро поглядел на Зульфикара.

— Ошибаетесь, я в своем уме.

— Вам бы следовало родиться мальчишкой.

— Как я об этом мечтала, Нишапури! Как мне этого хотелось. Я ведь знаю, вы человек плохой, да и я не сделала вам ничего дурного. Но если вы вспомните старые свои проделки и вновь наябедничаете на меня отцу, тогда пощады не ждите. Помните, как вы уже раз наябедничали брату и он меня ударил? Если бы тогда не вмешалась мама и не объяснила бы, что девочек бить нельзя, а то они будут несчастливymi в замужестве...

— Неужели вы до сих пор не забыли?

— Как видите, не забыла.

— Тогда прошу вас, будьте осторожны, не говорите лишнего.

— А вы, очевидно, воображаете, что вы мой па-
почка?

— Ну и поступайте как знаете, я ничего не вижу и
не слышу.

— А вы и так ничего не увидите.

Все трое дружно расхохотались. Этот веселый смех
долетел до слуха и устада Кавама, и устада Табризи, и
зодчего Бухари, и женщин, находившихся поодаль. Не
говоря уже о Худододбеке. Все оглянулись и смотрели
на развеселившихся юношей.

— Друзья мои,—начала Бадия, подняв голову от
колышка, который забивала в землю,—забудем про-
шрое. Старший среди нас — Зульфикар Шаши, затем
вы, Нишапури, а я только третья. И между нами дол-
жен царить мир. Запомните, я — сын Наджмеддина
Бухари. Я мальчик, слышите, мальчик! Завтра начнется
праздник. С самого рассвета. И не будем огорчать друг
друга. Ни за что не будем. А если кто раскроет нашу
тайну, значит, тот — предатель.

— А у нас и нет никакой тайны, госпожа,— улыб-
нулся Заврак.— Все тайны у вас... Ладно. Ежели мы
раскроем вашу тайну, то будем предателями.

— Договорились,—радостно отозвалась Бадия.
Нынче ей было как-то особенно хорошо и весело, хо-
телось сделать что-то необыкновенное, необычное, даже,
пожалуй, совершить подвиг.

— Ну и озорница,—шепнул Заврак Зульфикару.—
Если зодчий не выдаст ее в ближайшее время, напла-
чемся мы еще от нее. Никогда не видел еще таких бес-
страшных и озорных девушек. О господи! А умна-то
как. Но вся загвоздка в том, что уstad сна́чала должен
женить сына. А пока не женит, ни за что не выдаст ее
замуж. Да и любит он ее, озорницу, больше, чем Низа-
меддина.

— Правда?

— Конечно, правда. Нет, вы только взгляните на
эту дубину Худододбека. Хорош жених, ничего не ска-
жешь. Оделась мальчишкой, а он ее и не узнал. А по-
моему, если любишь, то в любом наряде любимую узна-
ешь. Даже по какому-нибудь пустяку, движению там,
манере, ведь правда, Шаши?

— Правда.

— А этот верзила валяется целыми днями, как раз-

бухшая в воде лепешка. Эх, ты, благоденствуешь при богатом отце, вот и устроил бы свадьбу да прижал к груди эту куколку, разгильдяй... И у вас, наверно, есть нареченная в Бухаре, а, Шаши? Моя-то небось где-то в Нишапуре...

Зульфикар промолчал.

— Натяните-ка эту веревку, господин Шаши,— сказала Бадия, подходя к Зульфикару.

— Ну, зачем же называть меня господином? Я просто ученик вашего отца.

— А как же вас величать прикажете?— Бадия пристально поглядела на Зульфикара. В ее прекрасных глазах промелькнула улыбка.

Зульфикар замер. По спине поползли мурашки. Он растерянно глядел на Бадню. Ему было неловко перед Завраком, который стоял рядом и, конечно, заметил его волнение.

— Зовите меня просто Зульфикаром...

— Хорошо. Но, пожалуй, это не совсем удобно,— протянула Бадия.— Вы старше меня. Я уже подумывала об этом. Низамеддин — мой старший брат, вы — средний, а вот этот Нишапури — младший. Так я и буду вас называть.

— Ну вот и договорились,— сказал Заврак.— А куда же девать господина Гавваса Мухаммада?

— Господин Гаввас старше вас всех. Его я буду называть самым-самым старшим братом.

— Не многовато ли нас? Боюсь, что кто-то среди нас лишний,— улыбнулся Зульфикар.

— Вон он лишний!— Бадия украдкой кивнула на Худододбека.

— Госпожа! Опять...

— Постойте-ка,— перебила Бадия, вдруг вспомнив, что она мальчик.— Давайте быстрее поставим шатер, пусть старики отдохнут. Маме табибы запрещают пускаться в такой долгий путь. Поторопимся.

— Ну, слава богу, наконец-то вы дело говорите,— пошутил неугомонный Заврак.

А старики, хоть и давала себя знать дорожная усталость, мирно беседовали невдалеке от молодежи. Живительный простор и горный воздух вселили в душу тихую радость, блаженный покой. Солнце медленно опускалось за вершину Кухиснѣха. Человеческие тени вытя-

нулись до самых шатров, лошади били копытами, и звонкое их ржание разносилось далеко окрест. Заложив руки за спину, зодчий, казалось, внимательно слушал неспешные разговоры собеседников, но сам то и дело обращал взоры туда, где примерно в сотне шагов его ученики и дочь, в юношеском наряде, заканчивали сооружать шатер. А чуть дальше, почти у самой реки, уже вырос чей-то пестрый шатер. Очевидно, соорудили его для одного из царевичей, а может, и для какого-нибудь военачальника или царского вельможи. С минуту зодчий смотрел на этот богатый шатер. И перед взглядом его возник Шахрух-мирза — «великий властитель». И казалось, этот защитник подданных, этот просветитель, пекшийся обо всех, и в том числе о зодчем, словно бы говорил ему сейчас какие-то добрые, ласковые слова. Что ж! Зодчий Бухари имеет на них право, недаром же он и единственного своего сына послал в бой за государя. И конечно, по сравнению с другими устадами и мавлянами он заслужил перед троном уважение и почет. Сейчас он думал об этом, и на душе у него становилось все спокойнее. Народ весел и благоденствует, наука — в почете. Ведь ни при Харун-аль-Рашиде, ни при Фаридуне не знало государство такого расцвета. Ни при ком из них не жили в таком довольстве подданные. Не счесть ратных подвигов, принесших заслуженную славу потомкам Тимура. Это они создали единое государство и твердой рукой правят Хорасаном и Мавераннахром, и навеки останутся они правителями цветущего края. Именно так и представил себе зодчий: его страна — цветущий, прекрасный благоденствующий край, где люди любят друг друга, где каждый заботится о ближнем своем, где царит довольство и радость...

Порою, при мысли о сыне, тоска сжимала его сердце. Всей душой желал он его возвращения, возносил аллаху молитвы, чтобы мальчик его вышел из кровавых битв целым и невредимым. Свои молитвы обращал он и к Шахруху, слал ему благословения, ибо считал его защитником и покровителем народа и мечтал о том времени, когда в стране воцарится мир и он, зодчий, воздвигнет еще невиданные доселе здания, которые переживут века.

Зодчий медленно прохаживался на поляне, мысли его были далеко, он думал о сыне, о новых прекрасных

сооружениях, хотя взгляд тѣмъ и дѣло обрѣщался к ученикам, заканчивающимъ строить шатер. Продолжателями своего дела считал он и Заврака Нишапури, на редкость способного юношу, и Зульфикара Шаши. Они тоже его сыновья, его дети. Он уже не раз имелъ случай убедиться, что Зульфикар не просто талантлив, но и смел в решениях, и ум его острый и проницательный. А в зодчестве ох как это важно, здесь требуется не только талант, но и решительность, уверенность, смелость. А безусловно способному Нишапури как раз и не хватаетъ уверенности. Чуть услышитъ возражение либо замечание, уже готов отречься отъ прежнего замысла и начать все заново. До сих пор помнитъ зодчий, что случилось, когда делали геометрический расчетъ арок ханаки¹. Тогда Ахмад Чалаби по грязному своему невежеству посмелъ сделать ему замечание, и Заврак тут же сник. Но не пожелалъ причинять огорчений своему учителю и заново переложилъ почти целыхъ три аршина стены. Узнавъ об этом, зодчий проверилъ расчеты и долго сокрушался о том, что Нишапури впустую потратилъ столько силъ и времени.

Зодчий снова окинулъ взглядомъ долину. «Должно быть, это и есть рай», — подумалось ему.

— Ну вот и пристанище готово, — проговорилъ уstad Кавам, — готовы наши шатры.

— Пожалуй, это и не шатры вовсе, а настоящие палаты, райские жилища, — взволнованно отвѣтилъ Наджмеддин Бухари. — Любой шалаш, возведенный в этом райскомъ уголке, прекраснее целого дворца, а точнее, он и есть Белый дворец.

— У нашего друга, как я вижу, прекрасное настроенье, — улыбнулся уstad Кавам, — недаромъ каждое ваше слово — чистая поэзия. Как же я рад, что настоял на нашей поездке, иначе вы были бы лишены возможности созерцать всю эту красоту. Ваша радость — это и моя радость. Жаль только, что мавляна Лутфи не смогъ из-за нездоровья поехать с нами. Очень жаль. Кто знает, быть может, мы с вами стали бы свидетелями либо даже виновниками появления на свет новыхъ прекрасныхъ газелей. И как чудесно было бы здесь вместе с ним...

Старики потолковали еще немного и разошлись по

¹ *Ханака* — внутренняя комната мечети, молельня.

своим шатрам, а молодежь все еще резвилась, то и делц поглядывая на молодую луну, удивительно ярко сияющую в небе.

Молодежь гуляла здесь, мысленно и вслух восхваляя дивную красоту, конечно, во много раз превосходящую во всем красоты знаменитых «Райских Садов», описанных в «Алиф лайло ва лайло». Ни сплетен, ни зависти, ни интриг — вот уж подлинно сад мира и благоденствия. Покой и благоденствие, разлитые вокруг, невольно овладевали душами людей.

Занималась заря...

Над Кухисийхом вставал ничем не замутненный расцвет, совсем не похожий на городской. Красневший ночью где-то на западе Юпитер уже давно скатился вниз и исчез. Восток уже розовел, однако Венера все еще сияла в небесах, словно заявляя о том, что она-то и есть третья персона после Солнца и Луны. Молодые еще спали, а старики, привыкшие вставать на рассвете, готовились к утренней молитве. Зодчий, приладив на голову чалму, повернулся в сторону восхода, куда мусульманин обращает своей взгляд при молитве.

Тех, кто не поднимался на рассвете для совершения утренней молитвы и не благословлял «хранителей спокойствия и благоденствия государства», Наджмеддин в душе даже жалел, считая их недалекими, ограниченными людьми. Сам он никогда не пропускал утренней молитвы, ибо верил, что господь не оставит его своей милостью, да и молитва эта наделяла бодростью и спокойствием дух и тело. Эта привычка осталась у него, пожалуй, с самого раннего детства. И потом, уже будучи учеником медресе, он аккуратно и неизменно поднимался на рассвете, дабы совершить утреннюю молитву.

Помолившись, зодчий спустился к реке — вода глухо клокотала, билась о валуны и каменные глыбы. Он постоял немного, любясь несравненной красотой природы, и потихоньку вернулся к себе. Осторожно, чтобы не потревожить спящих учеников, он вошел в шатер.

Рассветло. Из-за гор выкатилось солнце. Зодчий взял книгу «Шаклул Гита» и принялся читать. Вчера он велел Зульфикару не забыть захватить с собой и «Тахрир Эклидус», но сейчас ему не хотелось искать эту книгу,

а вернее, беспокоить спящего юношу. Вытащив заложенную между страниц «Шаклул Гита» бумагу, зодчий нанес на нее несколько новых линий. Уже давно обдумывал он проект нового здания медресе и как-то даже в разговоре обронил, что вот, мол, вернется с войны его сын живым и невредимым, и он, зодчий, в честь великой победы построит новое медресе, и будет оно самым прекрасным из всех, что до сей поры украшали их Хорасан...

А сейчас, накинув на плечи бешмет, сидел он у шалаша и листал книгу. От солнечных лучей шло приятное тепло. Время от времени он отрывался от чтения и наносил какие-то линии на большой лист бумаги, прижатый к земле камешками, чтобы, не дай бог, не унес его ветер. А затем снова погружался в раздумье.

Устад Кавам, спускавшийся к реке, дабы совершить ритуальное омовение перед утренней молитвой, увидел Наджмеддина Бухари, сидевшего у шатра и читающего книгу. Казалось, старик не отрывался от «Шаклул Гита», но на самом-то деле все время вскидывал глаза, любясь зеленой долиной, пламенеющим ковром тюльпанов на холмах, красотой и величием гор, чувствуя на лице ласку ветерка, колышущего огромные, в ладонь, листья ревеня. Изредка взглядывал он на спящих у самого входа в шатер юношей — своих учеников: подрастает новое поколение... Вот он и состарился. Годы промчались, не успел оглянуться — уже за шестьдесят, скоро достигнет он возраста пророка. Ну что же, у него двое детей. Правда, не привел аллах обнять и ласкать внучат. А ему так хотелось, чтобы в их доме зазвучали веселые детские голоса. Человек стареет и всем существом своим чувствует уходящее время; прожита долгая жизнь, но ведь все имеет свой конец. Всяк смертен. И то, что осталось еще прожить, тоже пролетит, словно единый миг. Но кажется человеку, будто он будет жить вечно, и чувством этим проникнута каждая клеточка его сознания. Когда большой корабль смело рассекает морские волны, стремясь к далекому берегу, ко дну его прилипают ракушки, плывут вместе с ним, и невозможно ни уничтожить, ни соскоблить их. Точно так же человек к старости приобретает жажду к накоплению, к богатству, и, словно ракушки на дне корабля, страсть эта сопровождает человека до самого гроба.

Зодчий перевернул страницу книги.

Но нет, мысли, овладевшие им, мешали читать. Он привык к тому, что каждый его день проходил в напряженном труде, был без остатка отдан творчеству. И сейчас мысли его путались. Не знающий устал и зодчий вдруг стал нынче пленником этого сказочного рассвета. Ему не сиделось на месте. Закрыв книгу и снова заложив в нее лист бумаги, испещренный линиями и пометками, он встал и развел огонь под кумганом, с вечера наполненным водой. Заботливые ученики приготовили даже щепки для очага.

Проснувшийся Зульфикар увидел, как зодчий разжигает огонь. Он тихонько толкнул в бок Заврака. Юноши быстро поднялись, натянули одежду, сапоги, надели тюбетейки и, прихватив медный кувшин, спустились к реке.

Когда солнечные лучи щедро залили всю равнину, проснулась и Бадия. Не внимая возражениям матери, она снова нацепила одежду брата и туго подпоясалась ремнем, наскоро заплела косы, обвила их вокруг головы, спрятала под колпак. Потом вышла из шатра и огляделась. Увидела отца и пожелала ему доброго утра.

Хотя дочь еще не умыла лица и рук — по мусульманским обычаям не дозволено здороваться не умывшись, — зодчий кивнул дочери.

Бадия направилась прямо к лошадям, привязанным к колышкам, погладила своего любимца-гнедого, похлопала его по крутой шее, затем собрала раскинутое ветром сено и постояла немного, глядя, как конь, аппетитно похрустывая, жует. А уже через минуту она вприпрыжку бежала к реке. Тут только она заметила, что двое каких-то верзил пристально разглядывают ее с вершины холма. Вовремя вспомнила Бадия, что она мальчик, и не испугалась, не растерялась, только ослабила ремень, чтобы не так заметна была грудь. Почти у самой реки она столкнулась с Зульфикаром и Завраком.

— Здравствуйте, братья, — закричала она. — Как спалось?

— Здравствуйте, госпожа! Благодарим.

— Вы же сами видите, что я вовсе не госпожа! — возмутилась Бадия. — Я самый настоящий Бадриддин. Видно, верно говорят, что у нишапурских голова начи-

нает работать только после полудня! Ну-ка, полейте из кувшина мне на руки!

— С удовольствием, братец,— отозвался Заврак, улыбаясь и подмигивая Зульфикару, сливая воду на прекрасные руки Бадии. А Бадия, вымыв также лицо, вытерлась платочком.

Внезапно Заврак заметил на ее запястье браслет.

— Эй, юноша,— крикнул он,— уж не браслет ли на вашей ручке?

— Молодец!— похвалила Бадия, снимая браслет и протягивая его Завраку:— Передайте его моей матушке!

— Ну, а теперь, юноша, ступайте вон за тот большой камень и скройтесь от посторонних взглядов...

— Ага, у нишапурских голова вроде бы начинает работать.

Она снова вприпрыжку побежала от них и скрылась за огромным валуном.

— Пошли,— сказал Зульфикар Завраку.

— Подумать только,— отозвался Заврак,— этаким бык и такая пери,— он кивнул на стоящего у своего шатра Худододбека,— да он же просто каменная глыбина, а она — чистый изумруд. Вот уж поистине, лучший виноград пожирает собака... Неужели эта умная и озорная девушка достанется ему?

— А чем он вообще занимается?

— Чем занимается?.. Любуется петушиными и козлиными боями... Играет в азартные игры...

— Да-а, дела. Бедный отец.

— Эй, господа!— Бадия через минуту догнала их. — Подумайте, у меня ведь и жемчуг на шее.

— Оказывается, головы нишапурских с утра-то и работают, а после полудня отдыхают...

— Ха-ха-ха! Сдаюсь, брат Нишапури!

— Вот это слова мужчины! Ну-ка, подставляйте руки!— он снова плеснул воду из кувшина на руки Бадии.

— Так я ведь только что их мыла, уж больно вы благочестивы, брат.

— Но вас же от этого не убудет.

— Господа, вы только взгляните на горы. Как же они прекрасны на рассвете!— говорила Бадия.— А это поле тюльпанов, а эта трава, пробивающаяся между камнями, да и прямо из камней!.. А за горами, наверно, долины, реки, верно, Зульфикар-ага?

— За этой цепью гор,— серьезно ответил Зульфикар,— идут еще очень высокие горы, и есть там город Карах. А за ними туркестанская горная цепь, а еще дальше река Мургаб и пески. Потом Самарканд, а за ним благословенная Бухара.

— Разве Бухара тоже в той стороне?

— Да, к северу отсюда.

— А вы очень скучаете по дому?

— Скучал первое время...

— А теперь?

— Теперь привык.

При этих словах Зульфикар с опаской покосился на Заврака. Как хотелось ему сказать, что любовь к дочери зодчего сильнее его тоски по родине, что город, дом, в котором она живет, дороже для него всего на свете. Кто знает, быть может, Бадия угадала его мысли, потому что больше вопросов не задавала, только печально поглядела в лицо Зульфикара и быстро опустила глаза. Она снова забыла, что здесь она считается мальчиком, юношей, а поступает совсем по-женски.

— Господи!— воскликнула Бадия после короткого молчания.— Когда же начнется праздник?

— Да уже начался...

— Оставьте вечные свои шутки, Нишапури! Где базар? Скачки? Состязания? Борьба? Где вожаки с медведями? А где, наконец, кондитеры? Ведь говорили же, что здесь будут горы сладостей и ревеня.

— Не торопитесь, братец, все будет,— заверил Заврак.

— Говорили также, что здесь где-то в пещере живет святой. А не совершить ли нам паломничество?

— Я тоже слышал о святом,— сказал Заврак, ставя кувшин у шалаша.— Но, очевидно, к этой пещере мы пойдем все вместе. Матушка Масума прихватила с собой пожертвования. Я сам клал на арбу целый узел. Быть может, и уstad Кавам и господин Табризи тоже выразят желание поклониться святому...

— Я тоже так думаю,— подтвердил Зульфикар.

— Нет!— вдруг упрямо нахмурилась Бадия.— Не желаю я идти с господами чалмоносцами. Для чего мы приехали сюда? На праздник или для того, чтобы почтительно склонять головы перед этими знатными господами? Мы ведь не в соборной мечети Дхаме.

— Верно,— улыбнулся Зульфикар.— Я согласен.

— А вы?— Бадия кинула быстрый взгляд на Заврака.

— И я согласен.

— Достаточно того, что мы в городе изнываем в беспрерывной духоте и скуке.

— О господи, вы только посмотрите на эту «изнывающую в духоте»,— заметил Заврак.— Послушайте, милый юноша, остыньте-ка лучше немного.

Бадия рассмеялась. И Зульфикар за ней, хотя ему и не очень понравилось это фамильярное обращение «милый юноша».

— Ладно, друзья, бросим этих важных господ. Пойдем без них.

— А Худододбек? Пусть и он с нами идет,— предложил Заврак.

— Это уж и вовсе ни к чему,— Бадия, вспыхнув, взглянула на Зульфикара.— Пусть идет со своим папочкой. Нечего ему делать с нами, ведь всем известно — куда ни ступит его нога, все вокруг леденеет. Не люблю высокомерных. Терпеть не могу. А мне сегодня хочется на гнедом поскакать, пусть и он порезвится...

— Кажется, вы и нас решили заставить попотеть, не только своего гнедого.

— Вполне возможно, что вы еще побегаете с высунутым языком за моим гнедым.

— Что же, и побегаю, да боюсь, как бы этот мой высунутый язык не навлек на меня беду.

— И правильно, бойтесь. Но не горюйте, стоит человеку лишиться головы, и он сразу избавляется от всех хлопот и забот!

— О чем это вы, юноша? Вы меня так запугали, что я и близко к вам не подойду. У меня и в городе дел хватает, вовсе не обязательно было мне ехать на это гулянье. Остался бы я, глупый, в городе и послал бы вместо себя Гавваса.

— Ну вот, вы сразу и на попятную,— проговорила Бадия серьезно, украдкой взглянув на Зульфикара.— Пойду спрошу разрешения у мамы, и отправимся к святому.

— Но сначала недурно бы позавтракать,— возразил Заврак.— Я так голоден, что готов вместе с вашим гнедым жевать сено.

— Вы, господин Нишапури, даже на таком празднике, даже в присутствии дочери вашего учителя только о еде и думаете, только и заботитесь что о своем чреве.

— Во-первых, вы не дочь, а сын моего учителя, во-вторых, вы не Зулейха, а я не Юсуф,¹ так что нам нечего церемониться друг перед другом. А в-третьих, всем этим умным речам я предпочел бы сейчас добрый кусок хлеба.

— Ай да Нишапури! Ладно, идемте завтракать.

Глава XVII

СВЯТОЙ, ОБИТАЮЩИЙ В ПЕЩЕРЕ

Масума-бека уступила после настоятельных просьб дочери и, оставив мужа с друзьями, отправилась к подножию горы Кухисиёх, к святому. Бадия пожелала сама нести поднос с приготовленными для святого слоеными лепешками. Пещера находилась примерно в двух фарсангах от того места, где стояли шатры, и была хорошо видна из долины. Женщин сопровождали Заврак и Зульфикар. Присоединился к ним и Худододбек. Откуда только взялась эта несвойственная ему скромность и почтительность — сын Кавама был любезен с Масумой-бека и вежлив с Зульфикаром и Завраком.

— Воистину чудо!— сказал Худододбек, насмешливо улыбаясь Бадие и оглядев ее с ног до головы.— Поздравляю!

— А ведь я ходила молить Амира Давуда Барласа, чтобы он вместе с братом взял меня на войну защищать наше отечество. Но он отказал,— отрезала Бадия.

— Весьма похвально,— проямлил Худододбек сдавленным голосом. Настроение у него сразу испортилось, и он как-то сник.— Ваша отвага и мужество,— продолжал он, стараясь замять неприятный для его самолюбия разговор,— достойны всяческого восхищения. Война тоже имеет свою прелесть... Со всех сторон со-

¹ *Зулейха и Юсуф* — герои библейского сказания о влюбленных.

бирается множество людей, шутят, рассказывают разные интересные истории, делятся всем, что есть...

— А знаете, я слыхала, что, когда со славой вернутся наши храбрецы с войны, начнут сечь головы тем, кто уклонялся от бранных дел,— отрезала Бадия.— Слыхала я это от людей, близких ко двору. И помнится, еще подумала, не достаточно ли голов, отсеченных на войне! Было бы весьма прискорбно, если бы еще и здесь начали рубить головы.

— Неужели нельзя поговорить о чем-нибудь приятном,— мягко прервала дочку Масума-бека.— Война, слава богу, кончилась. Мирза Мухаммад Тарагай и славный Амир Давуд Барлас возвращаются. Если господь будет к нам благосклонен, скоро придет и сыночек мой Низамеддин.

Желая хоть как-нибудь утешить пристыженного Худодобека, добросердечный Заврак, хоть и слыл насмешником, обратился к юноше.

— Послушайте, бек, вы часто бываете у Пули Малана и Герируда. Ваш отец, говорят, возглавил перестройку моста?

— Да,— оживился Худодобек,— а я ему помогаю, присматриваю за работами.

Однако голос его прозвучал глухо, словно сорванные струны. На самом-то деле он ходил к мосту; но вовсе не на строительство, а на петушьи бои.

Получив «оплеуху» от Бадии, Худодобек совсем притих. Он шел слева, слегка поотстав от Заврака.

У самого входа в пещеру, на высоком и плоском камне, сидел знаменитый святой — худой, обнаженный до пояса старец; сейчас он усердно поддерживал огонь в костре, кидая в него сухие сучья. Камни у входа в пещеру и даже вокруг пещеры почернели от дыма. Святой то и дело подправлял сучья, дул на огонь и передвигал кумган.

Поклонившись хмуро глядевшему на них святому, гости положили перед ним приношения и бросили в старую глиняную чашку по серебряной монете, затем, согнув колени, уселись вокруг костра. Святой простер руки, благословляя пришедших, потом поднялся с камня и удалился в пещеру. Через минуту он вынес оттуда затейливо витые бараньи рога. Все, начиная с Масумы-бека, по очереди приложились к ним, и

святой снова унес их в пещеру. За все это время он не промолвил ни слова, будто немой. Все приходившие сюда поклониться великому молчальнику знали, что он редко размыкает свои уста. Но если ему все же задавали вопрос, он отвечал коротко. Впрочем, вопросы задавали ему редко. Приходившие на поклонение отдавали свои дары, прикладывались к рогу и так же молча удалялись вспять. Возле святого суетился какой-то старичок.

Бадия кинула в глиняную чашку одну монету и обратилась к святому:

— Помолитесь за здоровье моего брата Низамеддина, ушедшего на войну, скажите хоть что-нибудь о нем... и обо мне тоже...

Масума-бека была поражена дерзостью дочери. Да и все, затаив дыхание, глядели на святого.

— Брат твой скоро вернется,— проговорил святой и шепотом прочел молитву. Потом пристально поглядел на Бадю.— А ты станешь невесткой в хорошем доме. Будешь жить долго, родишь семь сыновей и семь дочерей.

Бадия залилась румянцем.

— Покайся, покайся,— шептала Масума-бека дочери. Но Бадия продолжала сидеть, не разжимая губ. Затем низко поклонилась святому и стала спускаться по тропинке вниз. За ней поднялись и все остальные и, приложив руки к груди в знак прощания, побрели вслед за Бадией.

Как святому удалось разгадать ее тайну, как узнал он, что она вовсе не юноша? Это обстоятельство почему-то ужасно расстроило Бадю, и весь ее боевой задорник, будто у воина, у которого сломана сабля и продырявлен щит. Впрочем, все испытали какое-то смутное чувство не то тревоги, не то досады, кроме Худодобека, который оживился. То и дело он исподлобья поглядывал на Бадю. Завтрак Нишапурни старался угадать, что это за «хороший дом», о котором сказал святой,— конечно, дом Худодобека. И вот этот дубина станет отцом семерых сыновей и семерых дочерей?!

Масума-бека не могла опомниться из-за дерзости дочери. А совсем помрачневший Зульфикар нарочно поотстал от остальных.

— Моя мама ежегодно ездит на поклон к этому высокочтимому старцу,— первым нарушил молчание Худододбек,— и просит его помолиться за нас.

Он шел впереди, гордо выступая, словно победитель. В душе он был рад, что Бадню осадили.

— Этого святого время от времени посещает сам Ибрагим Султан. Святой всеведущ, никто не может ему солгать.

— Этот святой и впрямь провидец,— заметил Зульфикар, вмешиваясь в разговор.— Однако у госпожи Бадии из-под колпака волосы выбились, и он увидел их. Да и всем известно, что гератские девушки имеют обыкновение выезжать на гулянье в мужской одежде. Вот пойдемте сейчас на праздничный базар, я вам покажу таких «юношей»...

Бадия кинула на Зульфикара благодарный взгляд. Как и всегда, он старался защитить ее. Она повеселела. Но слова Зульфикара пришлись не по душе Худододбеку.

— Дорогой Зульфикар Шаши,— возразил он,— о святых нельзя говорить непочтительно. Правда — вещь горькая, на то она и правда. К тому же этот святой — человек весьма достойный и досточтимый, тем, кто поклоняется ему, сопутствует удача. Пророчества его сбываются...

— А у меня заболело горло,— видно, зря, я целовал рога этого грязного козла,— перебил его Зульфикар.— Интересно, зарезали этого козла или сам сдох после драки.

Все рассмеялись. Но слова Зульфикара были прямым вызовом Худододбеку — страстному любителю козлиных боев.

— У меня и впрямь выбились пряди волос,— шепнула Бадия Зульфикару.

— Да и не только это,— ответил Зульфикар,— вам бы ремень ослабить. Тут даже трехлетний младенец все поймет.

— И вы тоже заметили?

— Я же не слепой, я ваш страж, ваш верный пес.

Бадия ласково улыбнулась Зульфикару, никто не слышал тех беглых фраз, которыми они успели обменяться на ходу. К Бадие вернулась обычная веселость и желание озорничать.

Вернувшись от святого, наши паломники решили пойти на базар. На огромной равнине, превратившейся нынче в базар, высились груды ревеня и шпината. Кондитеры, вышедшие из своих шатров, бойко торговали халвой, самсой и прочим весьма заманчивым товаром, разложенным красивыми горками. Здесь уже толпился народ, особенно молодежь. То и дело попадались девушки в юношеских нарядах. Масума-бека, шедшая в окружении трех юношей, нырнула в самую гущу толпы — здесь торговали тканями. Заврак купил целую охапку ревеня и роздал своим спутникам. Сам Нишапури с удовольствием жевал кисловатый ремень и забавно морщился.

Худододбек приценился к отрезу шелка и с достоинством преподнес свой дар Масуме-бека. Бадие же он с поклоном вручил матерью с золотистой каймой. Женщины не посмели отказаться — таков был обычай в эти праздничные дни.

— Ох, какая прелесть, — восхищенно твердила Бадия, широко, по-детски раскрыв свои прелестные глаза. За эти отрезы Худододбек отвалил несколько золотых. И, взглянув на гордо стоящего рядом Худододбека, добавила: — Правильно говорят: дружи либо с царем, либо с палачом — либо получишь хорошую должность, либо отправишься на плаху. А вот с такими, как Нишапури, будешь жевать кислый ремень и корчить рожи. Ха-ха-ха...

— А этот дар от нас, — сказала Масума-бека, протягивая Худододбеку маленькую корзиночку с цветками.

— Считайте, что этот подарок и от нас, бек, — добавил улыбаясь Заврак.

Бадия взглянула на опечаленных юношей — Заврака и Зульфикара, попросила у матери золотую монету и, купив две точно такие же корзиночки с цветами, поднесла им:

— Вот теперь мы все с подарками.

Долго еще бродили они по базару, и Бадия все думала о святом и его вещих предсказаниях. Мысли ее витали вокруг Зульфикара и Худододбека, так непохожих друг на друга, и в сердце ее закралось смятение.

РАСПУТСТВО ПОКАРАНО

Смотритель работ Ахмад Чалаби во всем пытался подражать царевичам, не замечая, как смехотворны все его попытки. Прослышав о том, что устак Бухари с устакдом Кавамом и мавляной Табризи отправились за город, он послал вслед за ними двух своих людей — тех самых, в красных чапанах, и почувствовал, что руки теперь у него развязаны. А почувствовав, решил поселиться в одном из притонов Герата.

И манерой говорить, засовывая при этом руку за широкий ремень, и распрямлять стан, выпячивая грудь, и похаживать туда и сюда, словно погруженный в раздумье, — всем, каждым жестом подражал он Ибрагиму Султану. И до Чалаби тоже дошел слух, будто царевичу — известные распутники и что Ибрагим Султан даже получил прозвище «искусного развратника». Он выкрадывал молодых женщин и девушек, помещал их в притоны, тайно созданные, сорил там направо и налево деньгами, не считая золотых, которыми вечно были набиты его карманы.

Взяв мешочек с золотыми, теми самыми, что он недоплачивал рабочим и ученикам, Чалаби с наступлением темноты отправился к рафизийцам, обосновавшимся в одном из тихих переулков на самой окраине города. В подражание вельможам, он еще днем послал дошлого человека сообщить, чтобы все было приготовлено к его приходу и чтобы выбрали для него одну из юных дамасских или карабахских красавиц.

У дверей притона Ахмада Чалаби встретил косоглазый верзила и ввел в полутемную комнату. На столике были расставлены яства и вина, в глубине приготовлена постель.

В маленькой передней, у обложенной камнем квадратной ямки для стока воды, приготовлен кувшин с теплой водой и полотенце...

Войдя в комнату, Ахмад Чалаби снял чапан, стянул с головы чалму и повесил на гвоздь. Затем уселся на толстом тюфяке, лежащем у низенького столика. И сразу скрипнула дверь. В комнату, нарядно одетая, вошла молодая красotka в шелках. Поклонившись гостю, она села напротив.

Сердце Ахмада Чалаби громко застучало — девушка оказалась на редкость хороша собой — стройная, гибкая, с роскошной грудью и красиво изогнутыми бровями. На вид ей было лет восемнадцать — девятнадцать.

Посланец Ахмада Чалаби еще с утра предупредил хозяйна притона, что вечером, мол, пожалует гость — один из отпрысков царского рода, и золотых монет он уж, конечно, не пожалеет. Поэтому-то, добавил он, нужно найти девушку, ничем не уступающую первым красавицам из Дамаска.

— Как тебя зовут?— спросил Чалаби, задыхаясь от волнения.

— Малак,— ответила та, удивляясь вопросу — знатные гости никогда не интересовались ее именем. Не дожидаясь дальнейших вопросов, она повисла у Чалаби на шее. Ведь царевичи, выпив вина, сразу же начинали заниматься любовью. Важный, надутый и одновременно растерянный вид этого человека показался ей не только странным, но и смешным, и девушка незаметно улыбнулась. И, отойдя от знатного гостя, она, приложив руку к сердцу, низко поклонилась:

— Я из страны Вечерней Зари, из города Дамаска, уважаемый царевич.— Малак с трудом выговаривала тюркские слова.

Видя, что тот, кого она величала «царевичем», сидит хмурый, она проворно налила вина в пиалу, обнажив при этом свои белые нежные руки, и поднесла Ахмаду:

— Выпейте!

Ахмад Чалаби взял из ее рук пиалу и залпом проглотил вино. Потом он одну за другой выпил еще несколько пиал, надеясь подогреть свой мужской пыл.

Малак пустила в ход все свое искусство, она делала то, что предназначалось лишь для самых знатных особ. Но Ахмад Чалаби скис, безнадежно скис. И до самой полуночи Малак так и не удалось расшевелить гостя. Пришлось Ахмаду в конце концов одеться и ни с чем отправиться восвояси.

Когда он был уже у двери, его перехватил хозяйн заведения со свечой в руке, преградив ему путь:

— Вы еще не расплатились, господин!

— Она сама виновата. Ничего и не было...

Косоглазый хозяйн поставил свечу и сильными руками схватил Ахмада за грудки:

— А ну платите, нечего жульничать, не то живым отсюда не уйдете. Я с самого утра возился тут для вас.

— Так почему же она не утешила меня?

— Не утешила? Она ведь лежала перед тобой в чем мать родила, да еще в такой позе, что только самый негодный мужчина мог остаться равнодушным. Плати за все!

— Не заплачу,— уперся было Ахмад Чалаби, но тут же, получив удар под нижнюю челюсть, плюхнулся на пол. Заметив, что хозяин уже поднял ногу, собираясь пнуть его сапогом, Чалаби завопил:— Брось, сейчас я заплачу!

Кое-как поднявшись, он вытащил из кармана мешочек и начал отсчитывать золотые, но косоглазый с силой рванул мешочек из его рук.

— Благодари аллаха, что уходишь отсюда живым!— Тут косоглазый левой рукой выхватил кинжал из-за пояса Ахмада Чалаби.— Подлец! Не смеешь ты носить кинжал. А скажешь хоть слово, ославлю на весь город. Проваливай!

Словно побитый пес поплелся Ахмад Чалаби домой.

С неделю он пролежал не поднимаясь, но, услышав, что зодчий с семьей и друзьями вернулся в город, поднялся и побрел на стройку. Слабым голосом, почтительно кланяясь, он заявил, что был болен и, по обыкновению, добавил:

— Царевич почти совсем не выдает денег.

— Что ж,— улыбнулся зодчий,— как говорят, задумавши жениться, не бойся брать в долг: с долгами расплатишься, а жена останется. Если царевичи не поспусят, сами же будут довольны.

Услышав слова о жене, Ахмад Чалаби побледнел. Он решил, что весть о его посещении притона уже распространилась по городу, осекся, залепетал что-то невнятное и трусливо взглянул на зодчего.

Глава XIX

НЕПРЕДВИДЕННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Многолюдный праздник был в самом разгаре — все шумно веселились, смеялись. Повсюду затевались игры. Худододбек, надеявшийся, что Бадия переоденется и,

сбросив мужскую одежду, предстанет перед ним во всей своей красе, горько разочаровался. Она по-прежнему с невозмутимым видом повсюду ходила с Худододбеком и учениками отца, вела себя смело и даже дерзко.

Пожеывая ремень, они уже несколько раз обошли базар и вдруг в отдалении заметили наездников, готовящихся к скачкам — улаку. Наездники прогуливали лошадей, скакали для разминки, круто сворачивая то в одну, то в другую сторону. Оставшийся в одиночестве гнедой Бадии нервничал, бил копытами и ржал. Бадия, наблюдавшая и за наездниками и за привязанным к колышку конем, вдруг обратилась к своим спутникам:

— Господа, разрешите попрощаться с вами, мне нужно помочь кое в чем отцу.

Она отошла от них и направилась к гнедому. Юноши молча глядели ей вслед.

Бадия подошла к коню, огладила его, чтобы успокоить, затем оседлала и затянула подпругу; надев на него уздечку, она кинула поводья на луку седла. Конь, должно быть, стосковавшийся по своей хозяйке, стоял теперь тихо, готовый выполнить любое ее желание.

Бадия обошла вокруг лошади, огляделась по сторонам, увидела Зульфикара, Заврака и Худододбека, которые издали посматривали в ее сторону. А еще через минуту она уже легко вскочила в седло и помчалась туда, где готовились к скачкам наездники. Трое юношей молча глядели ей вслед.

«Молодой наездник» на резвой гнедой лошади ничем не отличался от всех других всадников. Но ее-то спутники знали, что, кроме Бадии, ни одна девушка не участвовала в скачке, хотя здесь то и дело попадались девушки в мужской одежде. Зульфикар показал Худододбеку одного такого «юношу», покупавшего ремень. «Юноша», почувствовав на себе взгляды мужчин, поспешил быстрее расплатиться с торговцем.

— Вот, пожалуйста, прекрасное подтверждение моих слов! — заметил Зульфикар. — У нас в Бухаре нет такого обычая. Герат, конечно, столица, поэтому и выдумывают здесь бог знает что.

— Ну-у, Бухара ведь далеко, это почти глушь, — небрежно бросил Худододбек. — К тому же, говорят, она кишмя кишит ревностными духовниками. Не так ли?

— Верно. Но кроме духовников там много зодчих и отличных мастеров,— возразил Зульфикар. И, как бы предугадывая вопрос Худододбека, зачем же в таком случае он, бухарец, приехал в Герат, добавил:— Хотя в Бухаре и не такие прославленные зодчие, как наш земляк Наджмеддин Бухари, но все же там много талантливых творцов. А что касается меня лично, то меня интересует совершенно особая манера Наджмеддина Бухари. Для этого-то я и приехал сюда.

— Да, господин зодчий Наджмеддин Бухари единственный в своем роде,— протянул Худододбек, внимательно поглядев на Зульфикара.

— Конечно, и господин Наджмеддин Бухари и ваш досточтимый батюшка уstad Кавам — самые искусные зодчие во всем Хорасане и Мавераннахре. И говорю я это не только из чувства любви и привязанности — таково мнение всех ученых людей, всего просвещенного мира, преклоняющегося перед их талантом.

Худододбек промолчал. Они снова стали глядеть на весело скачущих наездников. Человек двадцать скакали во всю прыть, стараясь обогнать соперников, и среди них мчалась Бадия; пытаюсь прийти первой, она то и дело понукала своего гнедого.

...Вдруг произошло нечто непонятное — Бадия исчезла из рядов конных, только что какой-то всадник скакал рядом с ней, голова в голову, а сейчас и этого всадника не было. Зульфикар первый увидел гнедого без седока. Молнией мелькнула страшная мысль, сердце замерло от ужаса.

В следующий же миг, лишь успев крикнуть: «Бадью похитили!», кинулся он со всех ног к группе наездников. Те, кто заметили, как несколько мгновений назад юношу, скакавшего рядом с ними, кто-то буквально сорвал с лошади и, бросив поперек седла, ускакал, осадил своих коней, пораженные и недоумевающие. Остальные, растерянные, отъехав в сторону, сбились в кучу.

За Зульфикаром кинулся Заврак, и лишь Худододбек продолжал неподвижно стоять на месте.

Прибежавший первым Зульфикар кинулся к гнедому. Поймав его, он вскочил в седло, схватил поводья и, пришпорив коня, пустил его галопом в сторону гор. Он летел за едва видневшимся вдали всадником, казавшимся отсюда маленькой точкой.

Без устали понукал Зульфикар коня. Наездник, похитивший Бадию, свернул вправо, в ущелье, и исчез из глаз.

«Скачи же мой конь, скачи!»

Зульфикар тоже свернул в ущелье. Еще издали заметив шапочку, упавшую с головы Бадии, он поскакал еще быстрее. Иногда на поворотах он на миг видел конного и, стараясь не выпустить его из виду, снова и снова прищпоривал коня: «О боже, не дай свершиться преступлению». Глаза его были устремлены вперед, туда, где мелькала темная точка.

Вот тебе и озорство! А если не удастся догнать похитителя? Что станет с отцом, с матерью? А он сам? Как перенесет это горе? Если он лишится Бадии, то уж лучше броситься вон с той горы. Другого пути нет! «Ну же, гнедой, дружище, лети как ветер!»

Но добрый конь и без того скакал изо всех сил, птицей перелетая через ямы и овраги, словно выросли у него за спиной крылья.

Значит, кто-то следил за ней. Ведь о том, что она девушка, никто, кроме святого, не знал.

Тут Зульфикар подумал о Худододбеке. «Разиня несчастная,— шепнул он про себя.— И это называется жених! Нет, не любит он Бадию».

«Быстрее, дружище, быстрее!»

Если он не нагонит похитителя, не выручит Бадию, зодчий и Масума-бека не переживут горя. О господи, помоги! Не сегодня-завтра вернется с войны Низамеддин, и если он узнает, что сестра похищена, и он не перенесет такого позора. Злодей, очевидно, преследовал Бадию от самого города. То-то Зульфикар приметил человека в красном и еще одного усатого, это они вели коней в поводу и все время вертелись около арбы зодчего!

Зульфикар увидел их еще на переезде через Пули Малан...

«Быстрее, дружище, быстрее!»

Похититель то возникал, то исчезал вдаль и вдруг совсем пропал. А Зульфикар все мчался вперед. Вершины гор нависали над ним, точно вот-вот опрокинутся...

И вдруг прямо перед собой, на каменистом берегу реки, Зульфикар увидал лошадь злодея без седока. Сед-

лю сползло набок, а несколько поодаль стояла Бадия. Зульфикар соскочил с коня и бросился к ней. В руках ее сверкал знакомый Зульфикару кинжал. Бадия молча кивнула на верзилу бандита в красном чапане и чалме. Он лежал ничком на обочине дороги с закатившимися глазами, точно прирезанный бык.

— Что случилось?— закричал Зульфикар.

— А что могло случиться?— спокойно ответила Бадия, бросив презрительный взгляд на поверженного своего похитителя.— Только здесь мне удалось выхватить кинжал...

— Госпожа, я подсажу вас на лошадь. Поскорее уедем отсюда.

— Дайте немного воды,—попросила Бадия.—Это все козни проклятого Чалаби. Этот сам признался мне перед тем, как сдохнуть.

Зульфикар зачерпнул горстью воду и дал Бадие напиться. Его поражало самообладание девушки, подумать только, как пренебрежительно отнеслась она к этому страшному событию. Невероятно! Да и впрямь уж не юноша ли она? Зульфикар не верил глазам своим.

— Уедем, госпожа!

— Подведите гнедого вон к тому камню, чтобы я могла сесть на него. А вы берите коня этого борова,—посоветовала Бадия.— Доедем до шатра и прогоним его.

Зульфикар приподнял девушку и усадил ее в седло.

И тут они увидели приближающегося к ним всадника. Зульфикар выхватил из-за пояса кинжал. А незнакомец, подскакав к ним, осадил коня, бросил хмурый взгляд на Зульфикара, на Бадью, затем перевел взгляд на мертвеца. Он понял все. Он догадался, что небезопасно, да и бесполезно ввязываться сейчас в драку, поэтому, помолчав, снова взглянул на Зульфикара:

— Кто его убил?

— Я!— Бадия с вызовом посмотрела на незнакомца.

— А это твой брат?

— Брат!

— Уезжайте отсюда, и советую не попадаться мне на глаза. Впрочем, приятель мой сам виноват,—значит, суждена ему была такая смерть. А ты,—он снова поглядел на Бадью,—будь осторожна, не то никогда

к отцу не вернешься, хотя и оказалась ты куда отважней, чем мы думали.

Бадия окинула незнакомца полным презрения взглядом и пришпорила коня. Зульфикар с кинжалом в руке зашагал рядом. Так они добрались до ущелья. И тут Зульфикар, по настоятельной просьбе Бадии, сел позади нее на гнедого:

Несмотря на усталость, верный конь легко нес двух всадников и, казалось, даже не слишком притомился от бешеной скачки. Голова Бадии бессильно упала на грудь Зульфикара. Девушка не чувствовала боли в ушибленной ноге и была точно во хмелю. Будь сейчас с нею отец или брат Низамеддин, она, быть может, застонала бы, заплакала.

— Когда подъедем поближе, я слезу с коня,— сказал Зульфикар.

— Не бойтесь, нас никто не увидит. Разве что горы да небо.

— При чем здесь горы да небо,— ответил Зульфикар.— Пока я мчался за вами, я чуть с ума не сошел от ужаса.

— А мама ничего не заметила?

— Не знаю. Заврак и Худододбек видели.

— Ну и пусть!— протянула Бадия и снова положила голову на грудь Зульфикара.

Убедившись, что вокруг никого нет, Зульфикар обнял Бадью и коснулся поцелуем ее губ. Она, казалось, сама ждала этого. Крепко прижавшись к Зульфикару, Бадия замерла.

— Пустите,— шепнула она через минуту.

— Еще один раз!

— Довольно,— сказала Бадия, глядя на Зульфикара. И уже совсем строго добавила:— Никто ничего не должен знать, никому ни слова. Ведь даже дружок его сказал, что виноват он сам.

Зульфикар и Бадия миновали ущелье. На повороте к площади, где происходило празднество, они наткнулись на запыхавшегося и бледного Заврака Нишапури, он бежал им навстречу. Увидев их живыми и невредимыми, он остановился и с облегчением вздохнул. Бадия ехала на гнедом, слева от нее шагал Зульфикар.

— Что случилось?— глухим голосом спросил Заврак.

— Лошадь понесла,— ответила Бадия.

— Мы тут чуть не умерли от страха!

— Кто это «мы»?—забеспокоилась Бадия.

— Кто, кто? Ну, я.

— А больше никто не видел?

— Бек видел. Он пошел к шатрам. Наверное, сообщит.

— Подлец! Но что бы то ни было, запомните одно — понесла лошадь. И все!

— У вас кровь на рукаве.

— Не я тому виной.

— Ну ладно, ладно... Как вы неосторожны, госпожа моя. Ваш отец не военачальник, а зодчий. Как можете вы подвергать себя такой опасности? Заставлять волноваться старого человека? Это жестоко с вашей стороны.

— Я виновата,— шепнула Бадия,— но вы ничего, пожалуйста, отцу не рассказывайте.

— Я-то не расскажу, не беспокойтесь, я счастлив, что аллах сберег вас,— ответил Заврак, шагавший рядом с Зульфикаром.

Так добрались они до реки, юноши помогли Бадие сойти с лошади. Она вымыла лицо и руки, смыла кровь с рукава, и ее снова посадили на гнедого.

На базаре Заврак по ее просьбе купил два стебля ревеня. Бадия поехала дальше, пожеывая ремень. Зульфикара и Заврака она попросила походить сначала немного по базару, а уж затем прийти к шатру.

— Помните, ровно ничего не случилось; как у нас говорится: «никто не видел верблюда».

Она уже поравнялась с шатром устада Кавама, когда увидела бегущую ей навстречу взволнованную мать. Заметив Бадью, она остановилась, с трудом переводя дыхание.

— Что случилось, доченька? У меня чуть сердце не разорвалось.

— Все в порядке,— ответила Бадия, соскакивая с седла.— Просто гнедой понес меня, еле его утихомирила и повернула назад...

— А где мальчишки?

— На базаре.

— А Худододбек сказал, что тебя похитили, тьфу, тьфу, тьфу... Я чуть не умерла от страха, о господи!

— А где отец?

— Ушел к пещере. Худододбек побежал за ним...

— Вот негодяй! Зачем же беспокоить отца понапрасну? Я сейчас побегу к нему навстречу.

— Не нужно. Пойдем в шатер. Сними, ради бога, с себя эту одежду.

На сей раз Бадия безропотно покорила материнскому совету. Ее непривычное послушание весьма удивило Масуму-бека.

Завидев Худододбека и отца, быстро шагавших к шатру, она вышла им навстречу. Она была спокойна и по-прежнему невозмутима. Тут уж настала очередь удивляться Худододбеку. Он даже рот разинул.

— Все в порядке?— спросил зодчий у дочери.

— Все в порядке, папа,— спокойно ответила та.— Лошадь понесла. Не знаю даже, что с ней стряслось.

— Вроде бы не водилось за нашим гнедым такого,— проговорил зодчий, хмуро поглядывая на лошадь, мирно щипавшую траву возле арбы под навесом. А Худододбек, поймав гневный взгляд Бадии, поспешил проститься и направился к своему шатру.

В полдень, перед трапезой, зодчий позвал к себе Зульфикара и потребовал, чтобы тот сказал ему всю правду. Зульфикар коротко, но без утайки рассказал о случившемся. Удивленный и огорченный зодчий взглянул на дочь, сидевшую у шатра.

— Значит, Худододбек не соврал. Значит... Не отправиться ли нам вечером в город? Как вы думаете?— обернулся зодчий к Зульфикару.

— Думаю, что ночью ехать опасно, устат. Лучше утром.

— Хорошо,— согласился зодчий.

Приготовив все к отъезду, Зульфикар и Заврак тихонько положили рядом с арбой дубинки, сами же, вооружившись ножами, всю ночь не сомкнули глаз. Они стерегли шатер.

Рано утром все домочадцы зодчего погрузились на арбу и отправились в город. А примерно через месяц пришла весть о том, что войско Амира Давуда Барласа вступило в Балх, что не далее чем через неделю оно прибудет в Герат. И впрямь, не прошло и семи дней,

как однажды на рассвете гром, рев и гул карнаев, сурнаев и барабанов над всеми воротами Герата возвестили о победоносном возвращении войск султана Шахруха-мирзы.

Среди вернувшихся был и Низамеддин; счастливый отец заключил в свои объятия живого и невредимого сына.

А через три дня зодчий устроил пир в честь возвращения Низамеддина и созвал всех друзей разделить с ним радость.

Мастер Хасанбек, сын которого пал в бою за веру, объявил траур по Шадманбеку...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава XX

МЯТЕЖ ХАРУНА-ТКАЧА

Прослышав, что войска Герата ворвались вчера в город Майману, Наджмеддин Бухари опечалился. У него вновь сжалось сердце. Новое пепелище, еще и еще, снова бесчисленные человеческие жертвы... Из книги знаменитого историка Абубакира Мухаммада ибн-Джафара Наршахи он знал, что в Зеравшанской долине некогда стояли цветущие города Вардана, Зандана, Кармана, Афшана, Варахша, Нур, Таваис. Знал он и о том, что великий и прекрасный город Рабинджан¹— центр язычников-огнепоклонников — был превращен в руины.

Гонимые и преследуемые тимуридами, хуруфиты вынуждены были покинуть города Халеп и Хамадан и искать пристанище в городах Мешхед и Герат, а позднее в долинах Дарай Гурзиван, Балло Мургаб, Ванди Амир, что раскинулись между цепью Туркестанских гор. После казни Фазлуллаха и Саида Насими пришли в движение хуруфиты в городах Маймана, Балх и Калласаркор, расположенных меж гор; начались волнения и среди тех, что были высланы из столицы и обосновались в городках Давлатабада на берегах Оби Кайсара. Резня, взаимное истребление, военные походы, налоги и поборы тяжелым бременем легли на разоренный народ, вселяя в душу отчаяние и страх перед нищетой. Знал народ и о том, что вельможи и беки живут в распутстве и развра-

¹ *Рабинджан* — большой город согдианцев в Зеравшанской долине. Впоследствии (в 1158 году по христианскому летосчислению) был обращен в руины хорезмскими шахами.

те, и лишь росла ненависть к ним; царские сановники сговорились с духовенством, прибывшим из Мешхеда, а священнослужители обманывали народ, внушая людям, что «раб божий, страдающий в сем бренном мире, удостоится вечного блаженства в мире ином...».

Но люди, подпавшие под влияние хуруфитов, твердили о том, что не следует отказываться от радостей мира сего, что нельзя покоряться тирании, а надо защищать свое человеческое достоинство. Это свое положение они подкрепляли притчей о братьях — якобы подлинном событии, случившемся в пору господства монголов. Когда войска Чингиса захватили Хорасан, то в городе Балхе люди увидели двух братьев. Они лежали, уткнувшись лицами в землю. Дело было к вечеру, к ним подошли и спросили: «Эй, братья, по какой такой причине растянулись вы на земле?» Тогда один из них поднял голову и ответил: «Монгольский сарбаз сказал, чтобы мы лежали тут и ждали, пока он управится с другими, он сказал также, что вернется и снесет нам головы. Вот мы и ждем его». И тогда один из прохожих сказал: «Вставайте, глупцы! Монголы уже давно ушли из Балха и вошли в Майману, у них сейчас нет времени рубить ваши глупые башки». Тогда братья поднялись и отряхнули одежду свою от праха.

Ходил и еще один рассказ, о царевиче Мираншахе, который славился своей якобы неистощимой мужской силой. Каждую неделю ему в гарем доставляли новую красавицу, он мучил ее своей похотью, а затем умерщвлял. «Обычай» этот перенял якобы и царевич Ибрагим Султан: распухшие и посиневшие трупы невольниц предавали земле тайно, а вернее, просто уничтожали...

Рассказы эти чуть ли не наизусть знали жители Дарай Гурзиван и Калласаркора, расположенных в ущелье гор Банди Туркестан. Всем было известно, какая участь постигала горянок, насильно увезенных из отчего дома. Хуруфиты пользовались куда большим влиянием среди жителей Майманы, нежели прибывшие из Мешхеда духовники-фанатики.

Некий вольнодумец по имени Харун, мастер ткацкого дела, собирая людей на базарах и в отдаленных кварталах города, беседовал с ними о горестной доле народа.

Говорил он и о том, что бек Майманы, отпрыск цар-

ского рода, развратный и порочный человек. Мало того, он грабит ремесленников, сдирает шкуру с землепашцев и чуть ли не каждую неделю посылает в Герат целые отары овец и стада крупного рогатого скота.

Как-то ранним весенним утром, к концу второй недели месяца савур¹, взбунтовавшаяся толпа внезапно хлынула словно стремительный горный поток к старой крепости, где обитал майманский бек. Впереди мятежников с оголенной саблей шел Харун-ткач.

И в этот же день на рассвете шесть верных людей ткача кетменями и лопатами прорыли два хода в задней стене крепости и, засыпав туда порох, подвели к ним фитили. К мятежу присоединились и вооруженные дехкане, их привели старейшины кишлаков из Даран Гурзивана. Продавцы из хлебных рядов, ремесленники и грузчики пошли вместе с ними. Если тугай охватывает пожар, то горит все подряд — и сухое и мокрое: спесивый, жестокий и кровожадный бек дождался своего часа — доведенный до последней степени отчаяния народ выливал свой гнев и страстную ненависть к несправедливому правителю. Этот высокий молодой человек ни разу в жизни не сказал никому доброго слова. Высокомерие не позволяло ему разговаривать или общаться с простым людом. Это он считал ниже своего достоинства. И хотя он был молод и высок ростом, у него был огромный, точно арбуз, живот, тонкие ноги и узкие плечи. И этот урод к тому же был сладострастен.

Толпа мятежников подошла к крепости. По знаку Харуна были зажжены фитили. От сильного взрыва обрушилась часть крепостной стены, и в этот проем с шумом и криком ворвались мятежники и зарубили бека саблями в его же спальне. Были зарублены также и несколько телохранителей бека. Разбежались нукеры и есаулы, охранявшие крепость. А к вечеру того же дня мятежники провозгласили Харуна-ткача правителем Майманы.

Но через три недели все дороги к Маймане наводнили царские нукеры, и в полночь бесчисленные отряды конных ворвались в город. На улицах началась резня — мятежников выволакивали на улицы, привязывали к деревьям и тут же убивали. Харуну-ткачу с десятью пре-

¹ *Савур* — название второго месяца солнечного года.

данными людьми удалось скрыться в ущелье, неподалеку от Мургаба.

Только позднее дошли слухи о том, что Харун-ткач сбрил свои прекрасные усы, по примеру явмутских туркменов, и скрылся в Астрабаде. Кое-кто утверждал даже, будто он скрывается в Герате и будто они видели его собственными глазами.

Жизнь сына висела на волоске, и Наджмеддин Бухари не находил себе места, ожидая ответа на свои послания в Самарканд к Улугбеку-мирзе. Но ответа не было. Страх и смертная тоска охватили душу старого зодчего. Ни на минуту не прекращал он хлопот. И, вспомнив о великом Лутфи—«властителе слова и языка тюркского...», зодчий, посоветовавшись с женой и дочерью, отправился к нему. Недаром Лутфи считался одним из достойнейших и уважаемых поэтов двора. Горько жалел Наджмеддин, что мысль эта не пришла ему в голову раньше, что он сразу не кинулся искать покровительства этого доброго, всеми уважаемого человека; он знал, что мавляна Лутфи имеет больший вес, чем военачальники, вельможи и влиятельные беки. Молодежь Хорасана любила его газели, чистые точно хрусталь и проникающие в самые глубины человеческого сердца. Родился Лутфи в кишлаке Дехиканар недалеко от Герата, получил образование в суфийской школе мавляны Шахабиддина Хиёбани и был удостоен высочайшего звания «Маликул калом»—«Властитель слова»; слава его столь же велика, как слава Шейха Саади, Ходжи Хафиза, и был он не только великим знатоком и ценителем тюркского языка, но и человеком редкой скромности и доброты. Ему уже минуло пятьдесят — был он высок, худ, смугл, с густыми бровями, римским носом, мягкосердечный и остроумный. Кто не знал его газелей — великоленной любовной лирики? Голову он красиво повязывал белоснежной чалмой, одевался изящно и холил свои усы и бороду. Особенно же прославился он при Шахрухе-мирзе и тогда-то поступил на службу при дворе. Был он также близок с Байсункуром-мирзой и Улугбеком. Любили его прекрасные бейты и царевичи. «Улугбекхану ведома сила Лутфи, ибо стихи его красочные превзошли и Салмаидина». Каллиграфы Азхар и Джафар Табризи собственно

ручно вписали газели Лутфи во многие сборники, переписали и его дастан «Гуль и Навруз». «Диван Лутфи», переписанный в манере каллиграфа Якута, был преподнесен Шахруху-мирзе. Хотя Лутфи и был моложе зодчего Наджмеддина, но они были дружны да и всех людей науки Лутфи привлекал своим обаянием и приветливым обращением. Мавляна Лутфи уже несколько раз заглядывал на стройку медресе Мирзо, которую возводил зодчий в Герате, и подолгу беседовал с Наджмеддином Бухари, входя во все мелочи. Однажды в беседе с зодчим он поделился с ним заветным своим желанием совершить путешествие в Золотую Орду, в Крым, Карабах. Зодчий с восторгом отозвался о газелях Лутфи и книге «Зафарнаме», содержащей более десяти тысяч бейтов, и брал их почитать у Байсункура-мирзы. Низамеддин и Бадия, еще учившиеся в ту пору в школе Мехри Талатбека, после уроков наперебой читали попавшую в руки отца эту редкостную книгу и даже переписали из нее газели «Узрев твои черные косы...», «Где тот дивный лик...». В семье зодчего Лутфи считался не просто большим поэтом, но и человеком редкой чуткости и доброты. Только в горе человек постигает во всей полноте меру доброты и чуткости другого. И напротив, люди, казавшиеся добрыми и отзывчивыми, сплошь и рядом оказываются холодными и куда девается вся их благожелательность, стоит лишь обратиться к ним за помощью и сочувствием. Словом, зодчий отправился искать покровительства мавляны Лутфи.

Увидев утром у своей калитки зодчего, поэт ласково встретил его. Пригласив гостя в дом, он усадил его на почетном месте в глубине комнаты и разостлал дастархан. Лутфи знал о горе, постигшем этого достойного человека, о муках его разбитого сердца. Он понял, что зодчий пришел к нему за помощью. Знал он и о том, что сына Наджмеддина заточили в крепость, и сочувствовал этому талантливому зодчему и бесценному мастеру. Он уже имел беседу с Байсункуром-мирзой, просил его посодействовать освобождению сына знаменитого зодчего хотя бы из уважения к отцу, да и сам юноша, хотя и был связан с группой хуруфитов, участвовал в войне, храбро сражаясь за честь страны и престола; и если на то пошло, то во многом повинны люди, желающие зла зодчему Наджмеддину. Байсункур-мирза благо-

склонно выслушал просьбу поэта, пообещал сделать все возможное, но заметил, что, так как хуруфиты заклятые враги государства и брат его Ибрагим Султан сурово расправляется с мятежниками, желая выкорчевать самые корни мятежа, придется обращаться к государю.

Но сейчас Лутфи просто и приветливо встретил зодчего, расспросил его о здоровье, а уж затем сказал, что знает о его горе, о том, что Низамеддин заключен под стражу, и выразил несчастному отцу свое сочувствие.

— Именно поэтому я и пришел к вам, дорогой друг,— начал зодчий,— пришел просить о помощи. Тяжкое горе обрушилось на меня, на всю нашу семью...

— Знаю, знаю,— прервал Лутфи, и в голосе его прозвучала печаль,— все знаю. Не следовало бы подвергать вас таким страданиям, надо было предпринять меры заранее. Я уже говорил с Байсункуром-мирзой, сказал, что если его величество государь на сей раз проявит великодушие, помиует молодых неопытных юношей, то от этого авторитет государя лишь только возрастет. Но придется встретиться с его величеством, иначе ничего не получается.

— Да благословит вас аллах, да дарует он вам здоровье и радость!

Не задерживаясь долее, зодчий, простившись с мавляной Лутфи, отправился домой.

И действительно, «властитель слова», верный своему обещанию, сделал все, чтобы встретиться с государем. В среду к вечеру его просьба была удовлетворена. За него ходатайствовали влиятельные вельможи при дворе, а также главный визирь. Выздоровливающий государь принял поэта в огромных, расположенных в восточной части дворца покоях. Пол был устлан красными коврами, стены покрыты резьбой из ганча, а с украшенного орнаментом потолка свешивалась огромная люстра. Шахрух-мирза сидел на троне. Войдя в царские покои, поэт склонил голову, медленно приблизился и опустился на приготовленный для него стул. После взаимных расспросов о здоровье и самочувствии Лутфи преподнес Шахруху заново переписанный сборник газелей «Газалиет». И только после этого он перешел к основному вопросу, ради которого явился сюда. Он просил его величество явить царскую свою милость, облегчить участь юношей, заключенных в крепость Ихтиёрдин, которым, по слу-

хам, угрожает смертная казнь. И добавил, что это не только его просьба, но и просьба всех ученых и служителей искусства.

Перелистав подаренную поэтом книгу и отложив ее в сторону, Шахрух-мирза сердито поглядел на взволнованного посетителя. Помолчав немного, государь с некоторым сожалением, словно думая о том, что вот теперь все вмешиваются явно не в свое дело, проговорил:

— Вы человек уважаемый и достойный, воспеваете в своих стихах преданность, честность и отвагу. Так почему же вы просите за шайку головорезов и разбойников? Признаться, ваша просьба удивила меня. Эти люди состоят в группе хуруфитов, отреклись от мусульманской веры, встали на путь святотатства, богохульства...

— Великий и мудрый повелитель, хочу надеяться, что эти введенные в заблуждение молодые люди поймут свою ошибку, раскаются и еще пригодятся стране в ее трудные дни. Отец одного из них знаменитый зодчий — Наджмеддин Бухари, отец другого...

— В городе Маймана хуруфиты подняли мятеж, перемutilили народ, — перебил его Шахрух. — Мы направили туда войска. Предводитель мятежников, человек по имени Харун-ткач, не пойман, — хмуро добавил государь. И, поглядев на поэта, добавил уже мягче: — Я передам вашу просьбу моему сыну Ибрагиму Султану. Скажу, что среди хуруфитов оказался и сын зодчего. Полное истребление хуруфитов поручено именно ему.

Поклонившись государю, поэт вышел. Много позже, узнав о том, что просьбу его оставили без внимания, Лутфи целый месяц не выходил из дома, а затем, заявив о своем намерении отправиться в Золотую Орду, Крым и Карабах, он навсегда покинул царский двор...

Глава XXI

КАЗНЬ

Из предыдущих глав уважаемому читателю уже известно о том, что дочь зодчего Наджмеддина Бухари, отважная Бадия, отправилась в крепость Ихтиериддин, чтобы передать брату Низамеддину приготовленную матерью еду. Но очень скоро она поняла, что попалась на коварный обман тюремщика, обещав-

шего устроить ей встречу с братом, на самом же деле он просто намеревался посягнуть на ее честь...

Бадия растерянно забилась в угол полутемной каморки. Она не отрывала взгляда от страшного человека, подступавшего к ней. Дрожа всем телом, она швырнула на пол поднос и корзинку. Сунула руку в карман безрукавки. Усатый тюремщик, с глазами, налитыми кровью, точно барс, собирающийся кинуться на лань, медленно приближался к ней. Но тут Бадия выхватила из кармана маленький острый кинжал, ярко сверкнувший в лучах, падавших из отверстия в потолке. Тюремщик замер и попятился.

— Убрайся прочь!— заорал он и ткнул вытянутым пальцем в сторону двери.

Опираясь о стену, Бадия обошла стороной тюремщика, юркнула в дверь и выбежала в темный проход. То и дело пугливо оборачиваясь, глядя по сторонам, она прошмыгнула еще в другой темный проход, затем во двор, к воротам крепости. Не выпуская все еще из рук кинжала, она огляделась. Страшась нукеров с саблями и пиками у ворот, она стремительно бросилась вниз — к площади перед крепостью.

— Что ж это ты, выходит, выпустил голубку из рук?— спросил один из нукеров тюремщика, появившегося на пороге.

— Какая это голубка, это скорпион! Того и гляди, ужалит! Кинжал припасла, подлая. Теперь уж и девки с оружием ходят,— огрызнулся тюремщик.

Заврак Нишапури, ожидавший Бадию в сторонке на площади, увидев в ее руках кинжал, кинулся ей навстречу.

— Виделись с братом?

— Тот подлец обманул меня,— проговорила Бадия, все еще дрожа и пряча кинжал под подкладку безрукавки.— Чуть не убила его, как того бандита, хотела проткнуть ему сердце, да вспомнила, что это может навредить брату.

— А видели его?

— Да нет, не видела!

— Где корзина?

— Бросила там. И браслеты тоже... Вот они, государевы нукеры. Я, конечно, знала, что они взяточники, но не предполагала, что они такие подлецы. А я им

поверила! Люди рисковали жизнью ради государя, сражались на войне, и вот где награда — тюрьма! Вы поняли, господин Нишалури? А отец всегда твердит: «Не смей говорить дурно о государе». Вот тебе и государь!

— Пойдемте отсюда, госпожа.

Бадия не отрывала глаз от тюремщика, стоявшего у ворот крепости. Он зло глядел на нее.

— Пошли,— согласилась она.— Как бы не навредить Низамеддину!

— Дело Низамеддина расследуют. Судьба его связана с волей царевича,— сказал Заврак.— Без приказа они не посмеют его тронуть. Я верю в это. Да убережет его аллах! Низамеддин отважно сражался за государя, его, конечно, скоро выпустят, поверьте мне. Он взят под стражу по навету...

— Господи, да сбудутся ваши слова!

Расстроенные, обескураженные и подавленные Бадия и Заврак вернулись домой. Ни он, ни она не стали распространяться о происшедшем, лишь кратко сказали, что передали еду Низамеддину. Бадия просила Заврака хранить случившееся в тайне, иначе, уверяла она, отец не выдержит. Он и так едва держится на ногах. Теперь отъезд Зульфикара в Бухару стал для Бадии настоящим горем.

Еще один ученик отца, Гаввас Мухаммад, был туповатый и скрытный малый, и редко случалось, чтобы Бадия перекинулась с ним хотя бы словом, не говоря уж о беседах более откровенных. И только Зульфикар, с которым она сначала подружилась, а потом и полюбила его, был близким ей по духу. И вот он изгнан, обвинен в том, что заглядывается на Бадью и, вместо того чтобы заниматься ремеслом, влюбился. Лгать или скрывать что-то от зодчего было бы прямым преступлением. А вот теперь от зодчего скрыли то, что случилось в крепости. Скрыли, жалея его.

Шли дни.

Стронтельство медресе заканчивалось, и вскоре должны были наступить торжественные, радостные дни. Но сын зодчего был под стражей, и жизнь Наджмеддина Бухари проходила в великой печали. Верно говорят, что нет в этом мире человека, у которого не было бы печали. Но в те дни печаль зодчего была

сродни отчаянню. Еще не так давно зодчий, сидя у подножья горы на берегу реки, любовался игрой серебряных рыбок, скользящих между камней. «Разве это жизнь?— думал он.— Бедные рыбешки. лишены даже простой человеческой радости — почесать себе плечи!»— улыбался он, почесывая плечи. И вот теперь он завидовал этим рыбкам, не знающим забот, беспечно плывущим куда им вздумается! Как все изменилось! Ему казалось, будто уже не доверяют ему, как прежде. Теперь он не годится даже в колчаны обычному нукеру. Если не произойдет внезапной перемены, то он, пожалуй, покинет столицу и уедет куда глаза глядят. Страшное событие перевернуло всю его жизнь, и ему чудилось, будто все от него отвернулось и даже лучшие друзья будут холодно на него поглядывать...

Зодчий погрузился в глубокое раздумье, перед его внутренним оком чередой проходили придворные вельможи, но проходили мимо, намеренно не замечая его.

В эти злосчастные дни, когда сын его все еще был в заточении, зодчий отправил второе послание покровителю ученых, поэтов и людей искусства — Мирзе Улугбеку. Он сам отнес это послание во дворец и попросил отослать его с гонцом в Самарканд, зная, что каждый день по срочному делу из дворца в Самарканд снаряжали гонца и что каждый день другой гонец прибывает из Самарканда в Герат. Он обратился к знакомому вельможе, занимавшему высокий пост при дворе, и тот пообещал немедленно же отправить послание в Самарканд Улугбеку-мирзе. Зодчий, умолявший вельможу поскорее отправить письмо, добавил, что судьба его единственного сына зависит теперь от ответа Улугбека.

«Да станет известно его высочеству Мирзе Улугбеку — покровителю наук и просвещения, владыке мира искусств, наставнику астрологов, звездочетов и зодчих, его светлости, великому и августейшему,— писал зодчий,— что я их верный раб, безвестный зодчий Наджмеддин Бухари, родом из священного города Бухары, вот уже двадцать лет верой и правдой служу их величеству государю в Хорасане. Ныне сын мой Низамеддин по неизвестным нам причинам навлек на себя подозрение и взят под стражу. Он заключен в крепость

Ихтиёриддин. По сведениям, дошедшим до нас от должностных лиц, сыну моему грозит смертная казнь. Милостивый и милосердный покровитель, сын мой Низамеддин отважно сражался в войсках вашего высочества под Ферганой, участвовал в боях против врагов государства, был тяжело ранен в голову. В бою на берегу Сайхуна уничтожил намеревавшихся убить вас, ваша светлость, и господина полководца Якуббека неприятельских воинов. Я, верный раб вашего высочества, зодчий Наджмеддин, неоднократно был удостоен милостей и даров их величества государя. Я возглавил строительство мостов, водоемов, бань, медресе и мечетей в Герате, Балхе, Самарканде и Бухаре. Нижайше прошу вашу милость снизойти к мольбам несчастного отца, не забыть верную мою службу и скромные заслуги и спасти единственного моего сына от казни. Да будете осенены вы всегда и на веки веков милостью аллаха, да будет вечно развеяться над страной ваше победоносное знамя. Ваш преданный раб зодчий Наджмеддин Бухари. Шестнадцатый день месяца барата¹, город Герат».

Знавший о делах зодчего вельможа взял из его рук послание и равнодушно заявил, что его, конечно, отправят в Самарканд. Зодчий Наджмеддин Бухари низко поклонился ему в знак благодарности и вышел. Все письма и документы, отправляемые с гонцами в Самарканд, Балх, Мешхед, Табриз, Гишанпур и Кабул, тщательно проверялись людьми Ибрагима Султана. Чиновник, которому зодчий вручил послание, не отступил от правил и вечером вручил его послание царевичу Ибрагиму Султану.

Наступила ночь.

Вселяющая ужас на всю округу крепость Ихтиёриддин утопала во мраке. В этом высоком и мрачном здании не зажигали огня, одни лишь стражи с факелами расхаживали у ворот да по толстым высоким стенам. Ночью крепость еще страшнее, чем днем, возвышалась черной громадой, вселяя трепет в души прохожих. Точно огромный дракон Ахраман, притаилась она у Мешхедской дороги. Сколько людей, брошенных

¹ *Барат* — восьмой месяц по мусульманскому летосчислению — хиджре.

туда, мучится и стонет в холодных ее объятьях. Зодчему крепость Ихтиёрдин представлялась огромной змеей, свернувшейся клубком; и она словно прикидывала, сколько еще людей может обвить своими кольцами и скольких еще может проглотить...

Каждый, кто направляется в Мешхед и идет из Мешхеда в Герат, не может миновать ее.

В пятницу к семи виселицам, сооруженным прямо во дворе крепости, вывели шестерых узников. То были молодые люди, совсем еще юноши — старшему из них двадцать пять, младшему — двадцать. Именно в этот день Ахмад Лур, совершивший несколько месяцев назад покушение на государя, выходявшего из соборной мечети Джаме, был схвачен и растерзан толпой. Седьмая виселица была воздвигнута для него, уже отсутствующего...

Шестеро заключенных молча стояли под виселицами. Среди них сын зодчего Наджмеддина — Низамеддин. Нукеров с оголенными саблями насчитывалось в десять раз больше, нежели узников. Тонкий серпик молодого месяца еле освещал двор крепости. Юноши, со связанными за спиной руками, не отрывали от него глаз, месяц плыл высоко над стенами крепости, и каждый с надеждой ждал, что вот-вот прибудет гонец с вестью об отмене приговора. Хмурые, злобные лица нукеров были похожи на тяжелые замки, мрачно висящие на дверях камер. Низамеддин глядел на луну, которая прежде дарила ему столько радости и столько восторгов, а теперь она казалась окровавленной, и лик ее был злобно обезображен. Она походила на виновника всех его бедствий, на этого глупо поторопившегося Ахмада Лура. «И вот теперь вместо него будешь повешен ты», — думал Низамеддин, глядя на луну. И вдруг он заметил бледного худого человека с бородкой клинышком, который молча сидел на стуле позади нукеров с оголенными саблями. Где же он видел его? Напрягая память, Низамеддин вспомнил, что именно он — этот худой человек — во время Ферганского похода, в бескрайней степи, как-то подошел к ним — к нему, Шадманбеку и Абуали, принес им на большом блюде сало и мясо, разговоривал с ними. Что он здесь делает, среди этих бандитов и убийц?

Низамеддину даже в голову не пришло, что это и

есть страшный Караилан, бывший причиной его несчастья. Низамеддин снова взглянул на друзей, стоявших рядом. Неужели сейчас они будут повешены, уйдут из мира? Неужели это конец? Ведь еще так недавно он скакал по степи, разил врага, вернулся с победой! Не могут же позабыть его службу и верность, нет, не могут его повесить. Неужели государь дал приказ о его казни? Нет, их вывели сюда, просто чтобы поугаать, пусть-ка, мол, испытают страшный ужас и раскаются. Пусть это станет хорошим уроком для них, для этих неопытных юношей. Если бы их и впрямь намеревались казнить, то дали бы им возможность свидеться с родителями, проститься с ними. И тот сладкоречивый с бородкой клинышком не пришел бы сюда. Значит, это всего лишь угроза... Низамеддин снова погрузился в раздумье; он десятки раз слышал от отца, как Амир Тимур расправлялся с неугодными ему людьми, со своими врагами. Договаривался о примирении и сам же первый нарушал его, грубо обманывал. Так он уничтожил сарбадаров. Тогда, при Тимуре, всех заподозренных в неверности предавали смерти. Пошады не было никому. Низамеддин понурил голову, он больше не глядел на луны.

Среди ночи прискакали двое гонцов. Их тут же впустили в ворота крепости. Не слезая с коней, один из них протянул тюремщику бумагу. Тюремщик передал ее бледному человеку, неподвижно сидевшему на стуле. И сердца шестерых юношей, босых, со связанными за спиной руками, с испуганным взглядом, вдруг преисполнились надежды: боже мой, вот оно, помилование государя! Казнь миновала. Они спасены.

Человек с остроконечной бородкой сделал знак тюремщику и нукерам, стоявшим наготове с оголенными саблями. В мгновение ока нукеры накинули на шею арестованных петли и с силой потянули веревки. Шестеро узников были казнены на глазах конных, прибывших из дворца.

До рассвета их трупы раскачивались в петлях. На рассвете их вытащили через задние ворота крепости и кинули в ямы на пустыре, поросшем колючками, и, кое-как засыпав могилы, сравнивали это место с землей.

БЕЗУМСТВО ЗОДЧЕГО

Прошла уже неделя со дня казни Низамеддина, но ни отец, ни мать еще не знали об этом.

Наступила зима.

В городе свирепствовал холод. Бездомные бедняки, дрожа от стужи, толпились у костров в надежде хоть немножко согреться, но, лишь только мороз ослабевал и дороги слегка подтаивали, они тут же рассыпались по улицам в поисках подаяния.

Грустные и печальные мать, отец и Бадия сидели, прикинув к сандалу, одна сторона которого оставалась свободной. Это было обычное место Низамеддина, а он теперь, думали они, мерзнет в ледяном холоде крепости. При этой мысли больно сжимались сердца несчастных родителей, кусок не шел им в горло. Стараясь утешить и отвлечь от печальных мыслей жену и дочь, зодчий рассказывал им о прошлом.

Но и сам он порою задумывался и умолкал, часами не произнося ни слова, и только рассеянно теребил бороду. Бадия видела страдания отца и ничего не смела сказать ему, так неизбежно было его горе, их общее горе.

Зодчий все еще верил, что из Самарканда в Герат прибудет ответ Улугбека, и ждал этого спасительного послания, как чуда. Но письма его Улугбеку не были отосланы в Самарканд: по приказу Ибрагима Султана они так и остались здесь, во дворце. В пятницу злощастная весть о казни юношей уже распространилась по городу. Из уст в уста передавали слова: «Участники покушения на государя казнены». Босой и как полотно бледный зодчий бросился во дворец; он кричал, что, если царевич Байсункур-мирза сейчас же не примет его, он побежит на базар, соберет людей, взберется на портал медресе и бросится оттуда вниз. Через несколько часов его впустили к царевичу. Байсункур-мирза стоял в середине двора, печально потупив глаза.

— Это правда, царевич? — закричал зодчий, приближаясь к нему.

Тот продолжал молчать, потом, взглянув на зодчего, он негромко произнес:

— Ввиду чрезвычайной тяжести преступления мое вмешательство не помогло, просьба моя не была удовлетворена. Духовники поддержали судей и дали свое благословение...

— Но ведь мой сын сражался за государя, он проливал свою кровь.

Байсункур промолчал.

— Я писал Улугбеку-мирзе!

— Об этом я ничего не ведаю.

— Боже мой,— воскликнул зодчий,— на какие муки обрекли меня! Господи, возьми мою жизнь! Где же правда?— Наджмеддин в беспамятстве схватил горсть земли, осыпал ею голову и, громко рыдая, покинул двор.

Зодчий буквально обезумел от горя. Он шел по улице, все еще громко рыдая, падал ниц, катался по земле, бился головой о стены домов. Добредя до своего дома, он снова кинулся наземь. Заврак с Гаввасом Мухаммадом осторожно подняли его и отнесли в покои. Услышав страшную весть, запричитала, заплакала жена зодчего. Замерла на месте Бадия.

Казалось, самое время остановилось. Поднявшись, зодчий безумными глазами взглянул на жену, на дочь, перевел взгляд на Заврака и Гавваса:

— Я пойду сейчас туда и разобью, разрушу все, что строил. Разнесу баню и мост! Разнесу все!!! И Мусалло,— в нем тоже есть доля моего труда. Для кого я все это строил? Для кого??? Для этих тиранов и палачей! Безумный старик ошибся. Глупец! О, как я ошибся! Всю жизнь я ошибался!— Он снова начал бить себя кулаком по лбу.

— Отец, отец, успокойтесь,— рыдала Бадия, удерживая руки отца.

— За все, что сделал, убить моего мальчика? Ведь покушался не он. За что же его убили? Убийцы! Палачи! Грязные подлецы! Я разрушу все, что построил! Сожгу! Пусть все сгорит!

— Отец, вы строили не для них, вы строили для людей,— начала Бадия, обнимая отца и глядя в его глаза, полные слез.— Они умрут, и их забудут, а вы никогда не умрете, люди всегда будут помнить и благословлять вас.

Зодчий, его жена, дочь и двое учеников провели

ночь без сна. Уже к утру Бадия дала отцу снотворного, приготовленного из фисташкового масла, и он забылся тяжелым сном.

Мать — Масума-бека была точно неживая. Она лежала, втянув голову в плечи, будто провинилась перед кем-то.

Заврак и Гаввас приготовили завтрак, сбегали на базар за лепешками, вскипятили чай. Теперь сюда, в семью, наказанную самим аллахом, не ступит ничья нога. Найдутся люди, которые скажут о Наджмеддине, что он вовсе не прославленный зодчий, а вздорный и дурной человек. И первым это скажет Ахмад Чалаби. О, как он будет ликовать... И Бадия и Заврак с отворачиванием вспомнили его гнусную физиономию, перекошенную счастливой ухмылкой.

После чая, к которому никто почти и не прикоснулся, Заврак Нишапури пошел в свою комнату и, обливаясь слезами, написал письмо Зульфикару Шаши. Потом, сунув его в карман и взяв из своих личных сбережений два золотых, помчался в караван-сарай. Там он отыскал караван, который нынче отправлялся в Бухару. Протянув одному набожному торговцу золотые и письмо, он промолвил, что до самой смерти будет молиться за него, если тот доставит письмо закадычному его другу Зульфикару Шаши или вручит отцу Зульфикара уста Нусрату. Он умолял торговца сделать это во имя господне. Торговец вернул золотые и пообещал, если прибудет в Бухару живым и невредимым, непременно вручить письмо адресату. «Не сомневайтесь, — добавил он, — я исполню это благое, богоугодное дело».

Услышав о том, что Заврак отослал письмо Зульфикару, Бадия заплакала, прижимая руки Заврака к своим векам...

Зодчий словно бы прозрел, на многое раскрылись его глаза. А ведь он-то некогда мечтал о том, что государь пожалует ему в дар земельный надел. «Какой надел? Мы с горечью говорили о том, что монголы разрушили города Уtrar, Нур и Зернук, а наши правители уничтожают нас самих», — думал зодчий. Случившаяся трагедия перевернула все представления зодчего о добре и зле. Можно хоть сто лет преданно служить государю, но раз не угодивши ему, подверг-

нешься пытке, разрушат твой очаг, твой дом, даже жизнь твою и ту растопчут.

«Зачем мне все это? Чем быть здесь знаменитым зодчим, лучше стать в родном краю плотником. Хорасан стал мне ненавистен, что светлого я видел здесь? Сейчас ценятся не созидатели, а те, кто разбивают кувшины! Я ведь знал, что в последнее время в чести стали лишь подхалимы и лизоблюды...»

Старик плакал и весь день говорил об этом. Он не ел и не спал. Взяв с собой Заврака, он пошел к крепости Ихтиёриддин. Усатый тюремщик заявил, что казненные по приказу государя и религиозного суда похоронены тайно. И сказал, что не может показать зодчему могилу сына.

— Была ли прочитана заупокойная молитва?

— Нет.

— Произнес ли мой сын перед смертью символ веры?

— Да, они произнесли символ веры...

— О господи, зачем ты не убил меня, зачем взял моего сына?!

С громкими рыданиями старик вышел из ворот крепости, затем спустился вниз на площадь и сел на землю. Заврак опустился рядом. Глядя на ворота крепости, зодчий вознес молитву за упокой души сына своего Низамеддина. Даже не взглянув в сторону тюремщиков, все также торчавших у ворот крепости, он вернулся домой.

Третий ученик зодчего, Гаввас Мухаммад, старался держаться подальше от своего учителя, ссылаясь на нездоровье, а вскоре и вовсе перестал появляться. Заврак не слишком удивился этому, ибо заметил, что Гаввас переменился еще с тех пор, как разладились отношения зодчего с Ахмадом Чалаби.

Прошел еще месяц.

Гаввас Мухаммад все еще не показывался, и это больно задевало зодчего. В один из этих тяжких дней в их доме появился Зульфикар. Пройдя прямо в комнату Низамеддина, он поплакал вместе с Завраком и прочел заупокойную молитву. Как только Зульфикар получил письмо Заврака Нишапури, он тут же пустился в путь, решив, что в эти мрачные дни ему следует быть подле своего учителя. И зодчий, поняв, что пре-

данные люди не покинут его в беде, чуть утешился душой. Тем более, что Худодоббек уже давно перестал показываться у них.

А еще через месяц к дому зодчего неожиданно подскакали двое верховых. Зульфикар и Заврак вышли к порогу и с удивлением увидели, как один из прибывших, человек средних лет, вооруженный до зубов и, судя по всему, царский вельможа, помог сойти с коня второму, богато одетому юноше в шелковой чалме, украшенной павлиньим пером. Бросив поводья коней оторопевшим ученикам, старший осведомился, дома ли господин зодчий.

— Да, дома,— сказал опомнившийся первым Заврак. «Да ведь это Байсункур-мирза»,— вдруг осенило его, и, поручив прибывших Зульфикару, он бросился во внутренние покои сообщить зодчему о прибытии знатного гостя. Зодчий даже с места не двинулся. Лишь сделал знак впустить гостей. Заврак бросился обратно и пригласил прибывших войти.

Байсункур-мирза со своим спутником почтительно, за руку, поздоровались с зодчим. Заврак разостлал дастархан и принес чай, а немного погодя все трое — ученики и спутник царевича — вышли, тихонько прикрыв за собой дверь. В комнате остались лишь Байсункур-мирза и Наджмеддин Бухари.

— Дорогой зодчий — начал Байсункур вполголоса. Он понимал, что сейчас хозяину дома не до разговоров о политике государя — его отца, не до сочувствия, хотя искренне жалел сраженного горем зодчего. В словах царевича звучала та же печаль и та же доброта, что обычно звучала и в голосе его славившейся своей добротой матери — Гаухаршодбегим.— На вас,— продолжал царевич,— обрушилась тяжкая беда. И прежде считались хуруфиты заклятыми врагами государства и их жестоко карали государи. Всем известна судьба Фазлуллаха Астрабади. Вы знаете, какая участь постигла сарбадаров — Мавляна-заде, Абубакира Калави, Хурдаки Бухари... Калави казнил Амир Хусейн. Но ваши заслуги перед государством и царским двором слишком велики, не побоюсь сказать, безмерны. Господь свидетель, вас не забудут ни владыки, ни народ. Сейчас по городу поползли неприятные слухи о том, что вы, достойный и уважаемый зодчий, поно-

сите государя. Все, что вы говорите, все до единого слова, передают доносчики. Многие поддерживают вас и настроены против государя. Мы советуем вам покинуть Хорасан, дабы не был нанесен вред вам и семье вашей.

— Я и сам подумывал об этом,— признался зодчий.— Ведь я теперь под подозрением.

— Уважаемый зодчий, поверьте, я говорю об этом лишь потому, что не вижу иного исхода для вас.

— Да, значит придется уехать, понимаю...— протянул зодчий.— Куда же прикажете мне отбыть?

— В Хорезм, в Мекку, в Медину — куда угодно. А вот и деньги!— Мирза вынул из кармана мешочек, наполненный золотыми, и положил на краешек низкого столика. И снова взглянул на зодчего.— Когда улягутся слухи, когда все будет забыто, вы вновь вернетесь в Герат. И я сам первый встречу вас с распростертыми объятиями. Но сейчас уезжайте. Мы вынуждены сказать вам об этом. И еще... по вашему следу пущен Караилан. И бог весть что наговорил о вас Чалаби брату моему Ибрагиму Султану. Ушатами льет на вас грязь. Для этого подлого интригана настал долгожданный час. Караилан проведал и о том, что ваша дочь в дни праздника умервила похитителя. Стало это известно и нам. Будьте очень, очень осторожны. Они злы сейчас из-за того, что похищение не удалось, и готовы на любое преступление. С Караиланом шутки плохи! Караилан сеет вражду не только между нами, царевичами, но и среди дворцовых вельмож... Еще раз предупреждаю — будьте осторожны. Ведь у него не десятки, а сотни приспешников по всей стране.

— Мне рассказывал Низамеддин,— проговорил зодчий,— что два визиря Ахмада-мирзы — вашего двоюродного брата, борясь за высокие должности, неправедным путем накапливали богатство, совершили предательство, помогли схватить своего правителя. Но Улугбек-мирза после взятия Ферганы послал Амирака Ахмада в Герат и сохранил ему жизнь, а предателям приказал отрубить головы. «Раз вы предали своего владыку, вам ничего не стоит предать и меня!» И Улугбек прав. Я знал, что Чалаби вероломен и подл, но он не верен и царевичу Ибрагиму Султану. Поверьте мне.

— Я вижу, уважаемый зодчий, вы поняли все.

— Но уеду я не в хадж. Уеду в свою родную Бухару! В Мавераннахр! Уже двадцать лет я не был там. И я истосковался по родной своей земле, царевич! А деньги мне не нужны, я продам дом, и вырученной суммы мне хватит с лихвой.

— Воля ваша. Я возражать не стану. Где бы вы ни были, будьте благополучны, зодчий. А деньги возьмите, вы имеете на них право. Деньги даю вам я... Прощайте, зодчий!— Байсункур-мирза поднялся.

Зодчий тоже поднялся, пожал протянутые руки царевича, но проводить его не вышел.

Гостей проводили Зульфикар с Завраком и усадили их на коней.

И какой бы гнев и ненависть ни носил зодчий в сердце своем к палачам сына, он не мог не почувствовать искренности Байсункура-мирзы.

Через учеников и знакомых зодчий оповестил всех, что намерен продать дом. Что ни день наведовались покупатели. Устад Андугани предложил дать зодчему деньги на дорогу, умолял его не продавать дом, а, прожив несколько лет в Бухаре, вернуться снова в Герат. Но зодчий был тверд. Заврак и Зульфикар решили не разлучаться с учителем и ехать вместе с ним в Бухару. Преданность учеников тронула зодчего до слез. «Вы оба теперь мне вместо сына»,— проговорил он, и голос его дрогнул.

Дом и все имущество зодчего было поспешно, а значит, и дешево продано. Зодчий наведался в караван-сарай, чтобы найти караван, отправляющийся в Бухару. За три дня справились домашние со всеми делами и были готовы отправиться в путь. Желая выехать как можно быстрее и не подвергнуться опасностям, зодчий пообещал главному караванщику немалые деньги. Приходилось спешить, недаром же царевич предупредил о Караилане; и если что-нибудь случится с Бадией, единственной теперь его радостью, этого он не переживет.

Ахмад Чалаби проведал о том, что зодчий зачастил в караван-сарай. Он уже давно не встречался с Наджмеддином, даже не поинтересовался узнать, что и как он. Поэтому, встретив однажды Ахмада Чалаби

в караван-сараяе, зодчий встревожился. Да и Зульфикар заметил, что какой-то странный и неприятный на вид человек с туго повязанным лбом все время кружит около них и что человек этот похож на приятеля того самого бандита, которого заколола Бадия. Встревоженные Зульфикар и Заврак запаслись саблями. «В пути пригодятся»,— одобрила Бадия. Она понимала, какие опасности подстерегают путников в дальней дороге. Покупая оружие, юноши снова заметили незнакомых людей, издали следивших за ними.

После разговора с царевичем зодчий уже твердо знал, что казнь сына не обошлась без содействия Караилана, без его коварства и злобы. И, опасаясь новых бед, он решил немедленно покинуть Хорасан. И уж коль скоро Караилан решил завершить свое злое дело, то никакое оружие здесь не поможет, если их не спасет сам аллах.

Перед отъездом пришли прощаться Хасанбек с Хусанбеком. Оба не скрывали своей печали и, прощаясь, заверили зодчего, что завершение строительства медресе стало для них не радостью, а черными днями, что смерть Шадманбека и Низамеддина— вечная рана в их сердцах. Настала страшная година, сказали они, для всех зодчих, мастеров, строителей, гончаров и каменотесов. Одни только царские вельможи разгуливают на свободе и жиреют. Даже во времена Кебахана и Казанхана не страдал так ремесленный люд. Слова отцов и дедов: «Душа живет любовью, рука трудом»— уже давным-давно забыты и попораны. Узнав об отъезде зодчего, пришел и Абуталиб с сыном Абуали предложить свою помощь. Зодчий благодарил их, но отказался от услуг. Он оставил бедным гончарам кое-что из своих инструментов и домашней утвари. Шитый золотом чапан, подаренный ему царевичем, он накинул на плечи гончара.

— Ходите, когда сможете, к крепости Ихтиёрдин и молитесь о сыне моем,— попросил он.— Его убили там, в крепости, и зарыли где-то рядом. Нам даже неведома его могила,— добавил он со слезами на глазах.— А у вас, дорогой гончар, я хочу попросить...— зодчий вытер рукавом слезы.

— Просите что угодно, уstad!

— Два кувшинчика. Дорога дальняя, кругом бес-

плодная пустыня, мы будем хранить в них воду, опустив в каджава.¹

— У меня как раз есть хорошие пустые кувшины, покрытые глазурью. Я вам их принесу, уstad.

Вечером в дом зодчего постучали ustad Кавам с сыном, музыкант Ходжа Юсуф Андугани, Табризи, мавляна Хафизи Абру, мавляна Лутфилла Шаши, Кутбиддин Самарканди, ustad Ходжа Мухаммад, Асадулла Мешхеда и несколько мастеров по росписи, кое-кто из зодчих и каллиграфов.

При них Наджмеддин Бухари не проронил ни слезинки. Он сказал лишь, что, значит, такова страшная его судьба. Одетая в черное Бадия подавала к столу, разливала чай, молча прислуживала гостям. Худододбек то и дело поглядывал на нее. Зульфикару и Завраку Бадия успела шепнуть, что бек, сын уstadа Кавама, по всей вероятности, хочет поговорить с ней, недаром он не отрываёт от нее взгляда. И впрямь, Худододбек поднялся с места, делая вид, будто ему наскучило сидеть со стариками, и вышел во двор. Повстречавшись там с Бадией, он сказал, что горюет вместе с ней, от души сочувствует ей, жалеет ее.

— Может быть, вы не уедете,— продолжал он,— может, останетесь в нашем доме и будете жить пока вместе с моей младшей сестрой. Отец ваш недолго пробудет в Бухаре, он ведь вернется.

— Почему вернется?— спросила Бадия.

— Ведь все это лишь временно. Вот утихнут толки, и он непременно вернется, что ему прикажете делать в Бухаре? Место зодчего — в Герате.

— А по-моему, место зодчих в Самарканде и Бухаре. Конечно, если только это настоящие зодчие или ученые, которые любят свой народ. Хорасан для ученых — тюрьма.

— Я понимаю, вы говорите это во гневе.

— Такие слова вы услышите от любого жителя Герата. Вы, кажется, предложили мне жить вместе с вашей сестрой. Правда?

— Конечно, моя госпожа. Мама желает того же.

— Если я останусь, то убью царя. Так и знайте! Ахмад Лур не сумел довести своего дела до конца. А я,

¹ *Каджава* — специальный ящик кубической формы, в котором хранят фрукты и воду.

я-то не промахнусь. Что скажет, узнав об этом, ваша мама?.. Вот как обстоят дела, бек!— продолжала Бадия, глядя прямо в лицо Худододбеку.— Зачем вам нужна такая девушка? Я ведь могу плохо повлиять на вашу сестру, воспитанную, скромную. Да и вам это ни к чему. Вы пришли проститься с нами и предлагаете мне остаться у вас, с вашей сестричкой, уважаемый бек, и, если не ошибаюсь, хотите тем самым дать мне понять, что я вам нравлюсь, что вы расположены ко мне. Благодарю вас, бек, но вы опоздали! Придется огорчить наших родителей, которые желали этого и даже договорились, но не всегда сбываются мечты. Смерть моего брата изменила все. Но я рада, что покидаю Герат.

— Кто же знал, что судьба будет так жестока? Прощайте, моя госпожа.

— Прощайте!— И Бадия ушла к матери. Вот так, в одно мгновение, было покончено с тем, что лелеялось в мечтах столько лет. Бадия сказала все, что думала и чувствовала, сказала прямо и резко, дабы Худододбек, своевольный и настойчивый, не вздумал приехать за ней в Бухару.

На следующий день, когда все уже было готово к отъезду, уложены и увязаны последние тюки и узлы, во дворе вдруг появился Гаввас Мухаммад. Бледный и растерянный, он сказал, что не хочет разлучаться со своим устатом, что не хочет оставаться здесь, что готов следовать за ним куда угодно. Эта многословная напыщенная тирада не понравилась ни Зулфикару, ни Завраку, ни Бадие. Они не поверили Гаввасу. Но вмешалась Масума-бека: нельзя в трудную минуту отказываться от доброго слова и доброго дела, сказала она. Гаввас Мухаммад вовсе не плохой человек и, если хочет, пусть едет вместе с ними. В тяжелые дни ценен каждый, кто разделяет с ними горе, и нельзя отвергать чужого сочувствия и помощи.

На следующий день пришел старый мастер Джорджи с сыном. Они тоже узнали, что зодчий покидает Хорасан. Джорджи принес в дорогу старому другу кожаный мешочек, наполненный сушеными круглыми сырами.

— Уважаемый и дорогой человек,— проговорил он со слезами в голосе,— я выражаю вам свою любовь и свое сочувствие. Вы покидаете этот город, к великой

моей печали. У нас с вами схожие судьбы... Вы, зодчий, строили медресе и минареты, я строил каменные крепости. Судьба привела меня в эти края. Я слышал, что вы отправляетесь в Мекку?

— Нет, дорогой Джорджи, я еду в свой родной город — в Бухару.

— Там вам легче будет перенести вашу боль. Вы потеряли сына, но обретете родину. А ведь это счастье, зодчий. Мешочек с сырками,— продолжал он, помолчав,— пригодится вам в пути. Но и сам мешочек не простой. Меня, как вам известно, пригнали сюда с подножья Казбека, от Терека и Куры, через море Хасар, через зыбучие пески. И в тяжелой дороге кожаный этот мешочек верно служит мне — в нем сохраняется еда, из него не вытекает вода. Возьмите его, единственный друг, которого я обрел здесь, на чужбине,— добавил мастер Джорджи, и слезы покатались по его изможденному лицу.

— Благодарю вас, дорогой Джорджи!

— Что будет со мной здесь без вас, одному богу ведомо. Я лишен родины, а теперь лишаюсь и друга...

— Дорогой мой Джорджи, ниспошлет вам господь избавление от неволи. Верю, хочу верить, что вы вернетесь на родину, еще увидите своих родных и близких. Да поможет вам бог! Аминь!

— Пусть сбудутся ваши слова!— мастер Джорджи перекрестился.

Они еще долго сидели, два старика, и вели неторопливую беседу. Они были действительно верными друзьями.

После наставлений жены и дочери, тщательно пересчитав наличные деньги, зодчий нанял три арбы с навесами и шесть лошадей. Они сговорились следовать за большим караваном, но в пути от главы каравана не зависеть. Грузчикам заплатили двойную цену, был найден человек, хорошо знающий дорогу. Впрочем, искать пришлось недолго. К зодчему подошел здоровенный арбакеш и сам выразил желание везти их. Здесь явно чувствовалась рука Байсункура-мирзы, желавшего уберечь зодчего от тайной над ним расправы. Еще за два дня до этого во дворе зодчего появился человек в одежде не то дервиша, не то нищего и передал ему, что в пределах Хорасана им следует ехать не по главной дороге через Каланнав, Ба-

до Мургаб, Шибирган и Балх, по которой обычно идут караваны, а по другой, менее оживленной. Ее знает человек, который и повезет их. А для того, чтобы дервишу поверили, царевич вручил ему свой перстень. Зодчему был знаком этот перстень. Наджмеддин растерялся: убили сына, теперь, выходит, охотятся и за ним самим. Что же это за налать такая? В чем он провинился? Он думал о Каранлане, об этом человеке, перед которым трепещет вся знать, злодеяниям которого нет предела. Его боются даже царевичи, он и между ними сеет раздор.

Прежде в любом разговоре упоминали о Мухаммаде Аргуне, с его знаменитой секирой. А теперь даже он ничто по сравнению с Каранланом! Этот неизвестно откуда явившийся палач творит столько кровавых дел, что даже монголам-разрушителям далеко до него. Ведь даже Мункахан Угэдэй¹ убивал открыто. Неужели государь Шахрух-мирза столь жесток и коварен? Ведь сейчас над каждым занесен меч. Сколько походов и битв выиграл Амир Тимур. И тогда гибли люди, но гибли они на поле брани. А сейчас, при Шахрухе, война стала редкостью, но народу погибает, пожалуй, не меньше. Тяжкие дни переживает страна. Именно тяжкие! Нет, он, зодчий, завтра же покинет этот ужасный, этот страшный город и избавится от тревоги, от нестерпимой боли.

Избавится? Нет — здесь в сырой земле лежит его сын, его мальчик, молодой, жизнерадостный, мужественный. Сколько светлых надежд жило в его душе, и вот у самой цели ему накинули на шею петлю. Накинули эти ненасытные гиены.

Не раз попрекали его тем, что он, мол, бухарец, а он был храбр и отважен в бою, он проливал свою кровь за государя. Какой же он враг?

Опустевший, осиротевший дом...

Каждый кирпич, каждый столб уже кажутся чужими. Все погрузилось во мрак и печаль. Притихшие и унылые ученики скорбно сидели в своих пустых комнатах, а здесь, во внутреннем дворе, такие же скорбные и печальные, притулились в уголке жена и дочь. Низенький стульчик покрыт старой скатеркой — на ней немудреный ужин — чай, сушеные фрукты, хлеб.

¹ Мункахан Угэдэй — монгольский хан, внук Чингиса. Годы правления 1251—1259.

Зодчий все глядел и глядел в одну точку. Жизнь, думалось ему, подобно волне бушующей реки, вышвырнула его на берег, точно щепку. Истрадавшаяся душа исходила болью при воспоминаниях о прошлом. Он стар, будь он молод и силен, у него хватило бы сил подняться против тирании и, подобно Мани, Зардушти, Маздаку и Муканне, возглавить борьбу, растоптать царскую корону и царский трон. Тимуриды — те же племена Мусайлима, которые сотворили себе идолов из финиковых косточек, а потом, проголодавшись, кололи своих богов и пожирали.

Так и сейчас. Я тоже один из таких идолов. Сперва поклонялись мне, я строил крепости, строил прекрасные здания. А теперь они голодны и начинают пожирать своих идолов одного за другим. Ведь сжег же книгу «Авеста» Кутайб ибн-Муслим аль-Бахили, написанную золотом на двенадцати тысячах листах кожи, объявив, что она творение рук язычников-огнепоклонников. Это ли не варварство! А Ибрагим Султан сожжет еще не одну тысячу бухарцев. Верно сказал Абу-Райхан Бируни: «Человек, обретший славу без труда, наг в самых роскошных одеяниях!»¹ Я старое дерево. Прошли те времена, когда я мог послушно гнуться под ветром. Старое дерево твердеет, оно сохнет.

В полночь, когда жена и дочь, замученные хлопотами, уснули, зодчий вышел из дома, даже не обувшись. Он брел прямо к мосту Пули Малан, ему хотелось посмотреть на город сверху. Небо звездное, на юго-западе сияет полная луна. Щедро льет она свой свет с высоты, но не в силах озарить весь город. Ведь луна не солнце! Зодчему почудилось, что Герат плотно окутан черным плащом, будто погружен в глубокий траур. Вон на том холме, вон в том дворце вельможи и правители, напировавшись всласть, забылись теперь хмельным сном. Раскинулись на шелковых одеялах и спят себе сном праведников. А у ворот и на стенах крепости стражники, не смыкая глаз, охраняют их покой.

Протерев глаза, зодчий жадно всматривался в город. Ему хотелось разглядеть все: и улицы, и крыши домов, и базарные ряды, и караван-сарай. Но все поглотила тьма. Лишь где-то вдалеке мерцали редкие огонь-

¹ Рассказ Мусайлима из произведения «Осор-ул Бокия» Бируни.

ки. А луна, точно огромное медное блюдо, отбрасывала вокруг себя слепящее глаза сияние, ярко освещая лишь ряд минаретов Мусалло, Гаухаршодбегим, медресе Мирзо. В ее холодных лучах золотом отливала изразцовая облицовка зданий. Сойдя с моста, зодчий направился в ту сторону. В руках у него был посох, рубаха на груди распахнута, ночной ветер, вздымая клубы пыли, швырял ее целыми пригоршнями ему в лицо, но он ничего не замечал и все шел, шел к медресе. Миновав гробницу Мири-шахид, он приближался к крепости. Какой-то случайный прохожий с опаской оглянулся на торопливо шагающего старика. И даже бездомные собаки — хозяева улиц в этот поздний час — и те на миг умолкали, а затем снова заливались лаем. Заметив старца с непокрытой головой, в кавушах на босу ногу, удивился и стражник на крепостной стене: должно быть, юродивый или сумасшедший, подумалось ему. А зодчий, ничего и никого не замечая, все шагал вперед, но, поравнявшись с минаретами, уходящими своими изящными вершинами в небо, остановился. Он прислонился к колонне, обхватил ее руками, — казалось, он хочет вырвать ее из земли, на которой она прочно стояла. Издали он похож был на огромную летучую мышь, распластавшуюся на стене. Редкие в этот час прохожие принимали старика зодчего за несчастного юродивого Меджнуна-девану, известного всему Герату. Целые дни бродил он по Кандахарскому базару. Но Меджнун-девана сейчас находился в крытом проходе у главного входа в мечеть Мусалло. Он не спал. И, увидав человека, прильнувшего к колонне медресе, он высунул голову и с ребяческим любопытством стал разглядывать эту несуразную фигуру. Неужто в их краях появился еще другой юродивый, недоумевал он. Наконец с обычным своим хихиканьем он медленно подобрался к зодчему и что-то насмешливо выкрикнул. Зодчий узнал юродивого и, резко повернувшись, зашагал к Мусалло.

Подойдя к медресе Гаухаршодбегим, он взглянул на башни, стоявшие по бокам портала, при лунном свете их изразцовая облицовка отливала не золотом, а лазурью. Ускорив шаг, он направился к медресе, которое еще так недавно строил сам. Не доходя нескольких шагов, он остановился. Он не отрывал глаз от ворот медресе, от порталов, арок, прекрасной резьбы и облицовки.

Подойдя еще ближе, он полой бешмета обтер изразцовые плитки у косяка ворот. И ему чудилось, будто теперь они, излучающие сияние, засверкали еще ярче, выйдя из-под слоя пыли. Он оглядел медресе сверху донизу и прижался лицом к стене. Меджнун-девана, хихикая, следовал за ним по пятам. Глядя на человека, приникшего к стене нового медресе, удивлялись и прохожие. А Меджнун-девана указывал на него пальцем и радостно хохотал. Погруженный в свои думы, зодчий по-прежнему ничего не замечал. Успувший было привратник, высокий крупный человек, в прошлом нукер, почувяв присутствие посторонних, поднялся и забил в свою колотушку. Но, услышав знакомое хихиканье Меджнуна-деваны, подошел поближе и увидел какого-то старика, который дрожащими руками гладил стены медресе, приникая к ним головой, всем лицом.

Но тут привратник узнал Наджмеддина Бухари и от удивления не мог вымолвить ни слова. «Бедняга,— подумал он,— видать, после казни сына он тронулся умом».

— Здравствуйте, уважаемый зодчий,— наконец тихо произнес привратник,— вы же не одеты, как бы вы не простудились.

Зодчий мельком взглянул на говорящего, но от стены не отошел.

♦— Здравствуйте,—ответил он немного погодя.

— Уважаемый господин зодчий, я говорю, не простудились бы вы.

— Нет, не беспокойтесь.

— Здесь рядом моя каморка, в кумгане горячий чай, пожалуйста, зайдите согреться.

— Нет, дорогой, благодарю вас. Чай я уже пил.

— Я ведь говорил, что это юродивый!—закричал Меджнун-девана, хлопая себя по коленям и громко хихикая.

Привратник отошел в сторону и молча остановился там. Конечно, думал он, бедный зодчий тронулся умом. А Меджнун-девана подошел к зодчему и стал с ним рядом. Зодчий переходил от здания к зданию, внимательно, точно видел впервые, разглядывал своды и арки. Потом вернулся на прежнее место и снова приник к стене. А через минуту раздался его голос:

— Привратник, вы здесь?

— Здесь, господин зодчий,— ответил привратник, поспешно подойдя к нему.

— Вы приглядываете за этим медресе?

— Да, я!

— Последите, чтобы резьба не покрывалась пылью, пусть ученики протирают все вокруг.

— Будет исполнено, зодчий!

— Обещайте выполнить эту мою просьбу. Меня не будет здесь...

— Обещаю...

— Я верю вам, да благословит вас аллах. Прощайте!..

— Прощайте, уважаемый господин зодчий. Да благословит аллах и вас тоже!

Зодчий медленно побрел к дому. Меджнун-девана молча шел следом за ним до самой калитки, и, когда зодчий скрылся во дворе, юродивый так же медленно вернулся к Мусалло. Он не мог прийти в себя от удивления. Он-то считал, что он единственный в этом мире юродивый. Неужто появился еще один? Ведь на свете был лишь один Искандер, лишь один Тимур. Знал он также, что был один лишь Дарий, один бог, и он— единственный Меджнун-девана! А теперь оказывается, их двое... Как же так?

На следующий день он обошел все ряды Кандахарского базара, но вчерашнего юродивого нигде не обнаружил...

Глава XXIII

ИЗГНАНИЕ

Наконец на рассвете к дому зодчего Наджмеддина Бухари подкатили три арбы. Арбы были новые, оси щедро смазаны маслом, и по тому, как погромыхивали они по мощеным улицам, нетрудно было догадаться, что арбы тщательно и аккуратно подготовлены для дальнего пути. Две из них открытые, предназначенные для груза, одна с навесом, для седоков. Арбакешем был тот самый широкоплечий малый средних лет, которому посулили такие деньги, что он мог купить на них еще три арбы. Однако, услышав предложенную ему сумму, он только усмехнулся в ответ. Хотя он и вышел в путь вместе с большим караваном, они по желанию могли в любую минуту изменить маршрут, устроить

привал, либо отстать, либо вообще отделиться. На третью открытую арбу погрузили поклажу, одежду и утварь. Однако две трети заняло имущество самого зодчего; книги, измерительные приборы, лопата, кетмени, другими словами, верные орудия его труда. В первую крытую арбу сел зодчий с семьей, на второй и на третьей вместе с поклажей должны были разместиться Зульфикар, Заврак и Гаввас.

Бадия снова оделась юношей: нацепила те же сапоги брата, но за голенище она засунула теперь уж не один, а два небольших кинжала. На голову поверх косынки намотала чалму. Бадия до мелочей продумала все—необходимо любой ценой уберечься и уберечь родителей и друзей «от неожиданных бед и напастей». Девушка заранее припасла лекарства, яды, снотворные средства, даже мази от укусов ядовитых змей и те не забыла прихватить с собой. То обстоятельство, что Бадия снова нарядилась юношей, беспокоило равно и Зульфикара и Заврака. Им все время чудилось, будто драма, что разыгралась на празднестве, может снова повториться, и они даже припомнили старинную поговорку: «Собралась девица на охоту, а беда собралась за ней». Лишь бы опять не повторился этот ужас. Как только мургабский арбакеш занялся погрузкой, Бадия тайком вручила Зульфикару скатерку, куда она завернула две сабли в ножнах—одну для самого Зульфикара и вторую для Заврака. А Гаввасу она приготовила топор и нож. Зульфикар и Заврак без слов подчинились всем ее распоряжениям. Увидев Бадью в наряде юноши, соседи ничуть не удивились,—они уже привыкли к ее причудам, да и связываться с ней не желали. Бадью трудно было переспорить, и уже совсем немисливо было посмеяться над ней или, не дай бог, поддразнить. Хоть и добра, хоть и щедра и приветлива, хоть и готова прийти на помощь в любую минуту, а тем более в беде, но уж если вывести ее из терпения, она, чего доброго, разгневается, и тогда только держись—это-то хорошо знали все ее близкие и соседи, и никто не рискнул бы понапрасну обидеть ее хмурым взглядом. Что бы ни делала Бадия, за что бы она ни бралась, все получалось так естественно и непринужденно, что многие подружки завидовали ей, хотя и тщательно скрывали это. Они-то отлично знали, что не каждому джи-

гиту под силу приручить эту вольную пташку. Саблю брата в красных ножнах, ту самую, с которой он не расставался во время Ферганского похода, Бадия повесила на видном месте в арбе, на гвоздик, вбитый в навес. Шутить сейчас с Бадией, «вооруженной с головы до ног», было просто опасно, так как она ни на минуту не сомневалась, что на них устроят нападение, и всерьез готовилась отразить его. Зульфикар и Заврах относились ко всем ее хлопотам, пожалуй, даже слишком легкомысленно, но, зная, что своенравная Бадия не потерпит возражений, безмолвно подчинялись. Они не знали тогда, что знала Бадия о человеке, подосланном царевичем, о том дервише, который шепнул на ухо отцу предостерегающие слова Байсункура-мирзы. Дервиш предупредил зодчего, что на некотором расстоянии от них, под предлогом «охоты на джейранов», будут неотступно следовать с десятков вооруженных человек. В руках у них будут луки, а головы обмотаны чалмами. Это нукеры, люди Байсункура, и они будут сопровождать путников от Майманы до Шибиргана. Предупредил он также, чтобы этих людей не опасались, но и ни в коем случае не вступали с ними в разговоры. Бадия знала также, что Байсункур не советовал ехать через Мургаб, Пули Сангин, Чарджоу и Фараб; хотя это была самая близкая дорога на Бухару, зато и самая опасная. Дорога же через Майману, Андхуд и Кизкудук отнимала на неделю больше времени, но была менее опасной.

В душе Бадия не слишком верила Байсункуру. Убийство и милосердие... Яд и мед! Неужто он действительно заботится о них? А не обычная ли это дворцовая интрига, рассчитанная на доверчивость простых людей? Царевичи коварны, и между ними идут постоянные раздоры. И быть может, это лишь очередное коварство... Зодчий устало сказал дочери:

— И впрямь вражда и соперничество царевичей пагубны для народа. От их распрей, от их притязаний на престол в первую голову страдает простой люд. Но словам Байсункура я почему-то верю, чувствую, что они—не ложь.

В свою очередь Караилан передал Ибрагиму Султану весть о том, что во вторник в Бухару отправляются два каравана и вместе с первым караваном отбы-

вают три арбы зодчего, покидающего Герат. Едут они кратчайшим путем через пески, города Мургаб, Пули Сангин и Фараб. И Ибрагим Султан дал тайное поручение: пусть десяток головорезов Караилана ровно через день выедут вслед за караваном. И пусть сам Караилан доставит Ибрагиму Султану весть о том, что на берегу реки Мургаб разбойники, мол, разграбили караван и убили путников... Среди головорезов Караилана был и тот верзила в красном чапане, один из участников похищения Бадии. И теперь, после постигшей его неудачи, только ждал удобного случая отомстить...

Когда все было перенесено и погружено в арбы, зодчий, простившись с соседями и с новыми владельцем его дома, отвел в сторону арбакеша и тихо шепнул ему:

— Как вы относитесь к тому, что я вам сказал давеча?

— Раз уж сомнения закрались вам в душу, разумнее поступить так, как вы велели,—ответил арбакеш, поняв зодчего с полуслова.—Дам немного денег караванщику и буду ехать на пять-шесть фарсангов вперед вас, скажу, что арба-де у меня негодная. А караванщику все равно, ему бы только денежки платили. Когда выберетесь из караван-сарая, мы уже проедем Калан Мардан и направимся в сторону Пули Сангина. И если арба выйдет из строя, вы, думаю, подоспесте.

— Хорошо.

— Но мы-то в это время уже свернем на дорогу Бало Мургаб—Маймана.

— Хорошо.

— Лишь бы достичь Кайсара и Андхуда, а там уж дальше тихо. Устад, мы промучаемся всего три дня и три ночи. А как только покинем пределы Хорасана и приблизимся к Джайхуну, считайте, опасность миновала. Как только прибудем в караван-сарай, я встречу с караванщиком. С помощью аллаха мы избежим злых языков и худого глаза и благополучно прибудем в славную Бухару.

— Аминь!—сказал зодчий, молитвенно проведя ладонями по лицу.

По кольцевой дороге, мощенной камнем, загромыхали три арбы. У караван-сарая арбакеш соскочил с

лошади и скрылся в одной из комнат широкого двора. Там он, встретившись с сухошавым высоким караванщиком, приветствовал его и сообщил, что они сейчас же отправляются в путь, поскольку на арбе есть женщины, и что будут они следовать впереди каравана, а если что случится, то имеется ведь еще и второй большой караван, и вместе с ним они будут продвигаться вперед довольно быстро. Как только караванщик увидел золотые монеты, он тут же припас для путников на дорогу побольше свежей воды и сказал:

— Гони, встретимся в Бало Мургабе, а об остальном переговорим там.

Поблагодарив его, арбакеш вышел. И, не теряя зря времени, три арбы покатали по большой дороге в сторону Бало Мургаба. Когда они миновали Пули Малан, на небосклоне только-только начинала занимать зоря. А когда передняя арба съехала с мощеной на обычную пыльную дорогу и сразу прекратился невыносимый грохот колес, арбакеш оглянулся и сказал:

— Получилось так, как мы хотели, устэд. Караванщик согласился и сказал, что мы можем смело ехать, а отдохнем и заночуем в Мургабе. Но если вы пожелаете, мы сделаем привал в пути, еще до Мургаба, а потом через Мургаб направимся в Майману. Большой караван переночует тут, а на завтра отправится в сторону Пули Сангина, отдельно от нас. Они будут уверены, что мы впереди, уже в песках. До Майманы и Андхуда дорога очень хороша. Можно будет ехать вдоль реки Оби Кайсар, отдохнуть в Давлатабаде, Чукургузаре и там закупить все необходимое.

— Хорошо,— снова согласился зодчий.

— Арбакеш оказался человеком словоохотливым и приветливым. Через минуту он снова заговорил:

— А если я устану, то на коня сядет мой племянник.— Он обернулся назад и взглянул на Бадию, сидевшую позади отца.— Верно, племянничек? Как тебя зовут?

— Бадиуззаман,— не задумываясь ответила Бадия, опережая ответ родителей. Она даже голос изменила. И отец и мать понимали, что Бадия шалит, но промолчали. Как знать, возможно, это и не лишнее, пока они не добрались до Бухары. А Бадия не произнесла больше ни слова. Арбакеш еще раз оглянулся на нее. По всему могло показаться, что он принимает Бадию за

неразговорчивого, а может, даже спесивого юношу, но на самом же деле он знал о ее хитрости.

Тайный надзор двора... только об этом и думал зодчий сейчас. И удивлялся тому, сколь осторожны и деятельны нынешние юноши и девушки. Наверно, время требует, думалось ему. Тут дело даже не в его дочери, предусмотревшей все опасности, что подстерегают их в пути. Слишком много нынче таких, что ради карьеры, корысти ради не побрезгуют ничем. А виновато в этом время, виноваты чиновники и вельможи, подающие дурной пример. Прежде люди были куда проще, добрее, спокойнее, особенно его сверстники, далекие от хитростей и коварства, люди совестливые, как говорят, с ангелом в душе. А нынешняя молодежь любит вино, азартные игры, и, наверно, причина тому одна — уже забыты сражения и походы: вельможи и военачальники предаются кутежам, разгулу и разврату. Отчасти он был даже доволен тем, что увозит единственную свою дочь и своих учеников из Хорасана, ибо стал он ныне средоточием разврата и мошенничества. Зодчего не огорчали выходки его молоденькой дочки. Ведь не секрет же, что в свое время правитель Хутталана и Джилаяна Кайхисров выпросил у Амира Тимура потерявшего поражение Хусейна и умертвил его, мстя за кровь своего брата. Ни для кого не осталось тайной, что хитроумный Тимур отдал в руки палача старшего брата своей жены. Народ узнал об этом. Ничто в мире не остается тайной. Кровожадный Ибрагим Султан лишил жизни Низамеддина. «Придет день, и преступление это будет осуждено справедливым государем, который взойдет на престол Хорасана», — думал зодчий. Его огорчало другое: Улугбек-мирза не ответил ни на одно его письмо. Ведь Улугбек недаром считается не только человеком справедливым, но и покровителем ученых, защитником людей науки. Тяжелые думы, невеселые воспоминания теснились в голове зодчего. Он вспомнил, как некогда холера скосила все население Самарканда, из тюркских племен осталось совсем мало людей, и вот тогда-то с гор нагнали исконных земледельцев и силком поселили их в городе. В те годы сам зодчий жил в махалле Намазгох.

Сейчас их путь лежал через ровную долину, окруженную холмами. Три арбы быстро продвигались впе-

ред среди безмолвия просторных полей, по узкой, вьющейся змеей дороге. Еще не наступил рассвет, а они уже были далеко от города. И лишь однажды мимо них проскакал отряд нукеров с мечами и луками. Зулфикар незаметно вытащил из-под войлока саблю. Но Бадия показала ему раскрытую ладонь, что означало: «Опасности пока нет». Покажи она кулак, это было бы равносильно приказу: «Готовиться к защите!» Наблюдавший за ними Гаввас ничего не понял и только улыбался во весь рот. Начальник отряда мнимых охотников оглядел всех ехавших на арбе и, сдержанно поклонившись зодчему, проскакал мимо. Масума-бека, не находившая себе места от тревоги, со страхом глянула на мужа и на арбакеша.

— Значит, царевич не обманул нас, я уже давно ждал этих охотников с луками,— обратился вполголо-са зодчий к дочери и жене.

— А я все равно не верю,— упрямо проговорила Бадия.— Если у тебя завелся знатный друг, то держи при себе топор, недаром так говорят люди. Ну да ладно, в случае чего сабля брата вот тут, при мне! Она для вас, отец; у меня тоже есть оружие! Не знаю, есть ли нож у арбакеша? Спросите-ка у него во время привала, скажите ему, что есть у нас и булава. Нас ведь тоже немало — целых семеро, и, кроме мамы, все вооружены.

— Что ты говоришь, дочка?— испуганно охнула Масума-бека, глядя на мужа.— Значит, вы опасаетесь нападения?

— Да нет, мама. Просто мы должны быть настороже. Мы — «враги государства». В Хорасане нас на каждом шагу подстерегает опасность. Нас ведь гонят! В ссылку!

— Неверно это,— прервал дочку зодчий,— никакие мы не враги. Государь введен в заблуждение, он поверил наветам подлых людишек и разгневался на нас. Но правда восторжествует, и мы снова займем свое место среди людей. Никто нас не гонит! Царевич предложил нам поехать на моление, ну а мы предпочли уехать на родину.

— Как можно быть таким простодушным, отец? Такого безгрешного человека, как вы, подло обвинили в несуществующих грехах, убили Низамеддина, нако-

нец, изгнали и нас. Нет, теперь мы враги. Они ведь не глупцы. Все делалось обдуманно. И не нужно заблуждаться, отец, они хотят уничтожить нас, стереть с лица земли. Бросить нас в тюрьму или убить открыто — на это они не решаются, знают, что весь Хорасап поднимется на ноги, и им до скончания света не смыть это кровавое пятно. Поэтому-то нас и изгоняют. Если бы это были не вы, прославленный зодчий, — они не постеснялись бы убить вас.

— Не давай воли языку, дочка! — зодчий с опаской покосился на арбакеша.

— Были бы сейчас живы главари сарбадаров Мавраназаде, или Калавий, или главарь хуруфитов Фазлулах, или Харун-ткач, — мечтательно проговорила Бадия. — Я бы пошла за ними. Билась бы не на жизнь, а на смерть, и вот этой саблей Низамеддина отсекала бы голову его величеству. Но хуруфиты оказались слабыми, бессильными. Ахмад Лур промахнулся, не сумел попасть в сердце Шахруха! В бок угодил, глупец!

— Прекрати немедленно, — Масума-бека толкнула Бадью и с испугом покосилась на арбакеша: может, аллах уберет, и он ничего не услышал.

Уже давно кончились бескрайние поля и холмистые степи, и к полудню серебряной лентой блеснула река Мургаб. Здесь решили устроить короткий привал. Наполнили коней, задали им корм, поели сами и, немного отдохнув, сменили лошадей — впрягли в арбы пристяжных, а уставших за день, сняв с них сбрую, погнали рядом. Так добрались до Мургаба и, не останавливаясь, минуя Оби Кайсар, покатали через Чечекту на Майману. На западе, за грядой холмов, уже вырисовывались вершины гор Банди Туркестан. А еще дальше величественная громада гор Кухисиёх и Кухисаф. В прошлом году они выезжали сюда на празднование весны. Но как то было давно! Теперь вовек не увидать им этих райских мест, и, кажется, с тех пор прошла целая жизнь.

Масума-бека, пригорюнившись, думала о судьбе мужа и дочери и шептала молитву, прося аллаха спасти их ото всякой напасти.

— Двадцать лет назад, — вдруг печально проговорила она, — когда я носила под сердцем Низамеддина,

мы выехали из Бухары. В Талимарджане я, помню, за-
немогла. Сколько нам осталось ехать до Талимард-
жана?

— Дней пять-шесть.

— Неужели это так далеко?— Она помолчала и
продолжала снова:— Отец мой родом из Ташкента.
Много мне довелось видеть красивых городов, а вот
в Ташкенте я никогда не была.

— Да, беды носили нас с тобой по всему свету, не-
мало пришлось нам помытарствоваться,— подхватил
зодчий.— И теперь горько мне, хотя и горжусь, что
строил медресе в Хорасане. Столько прекрасных
зданий. В них будут учиться дети, и в этом моя ра-
дость, мое счастье. Но здания эти — собственность го-
сударя и названы именами членов царской семьи. Мне
больно и стыдно. Все кажется, будто покинул я свое
убежище, свою раковину в глубинах бездонного моря.
Но мои здания, как раковины, будут жить тысячелетия.
Когда Султан Санджар сооружал плотину на реке
Мургаб, он велел использовать кир¹— прочнейший из
материалов. В фундамент нового медресе я тоже зало-
жил кир. И он простоят века.

Уже давно остался позади Бало Мургаб, а арба-
кеш гнал и гнал вперед. Наконец, увидав, что
лошади совсем притомились, он предложил зодчему
сделать привал у первой же переправы. Зодчий сог-
ласился:

— Вы наш караванщик, как скажете, так и бу-
дет.

Они остановились почти у самой переправы, выпряг-
ли лошадей и задали им корма. Бадиа подошла к са-
мой воде — река бурно катила свои волны, с грохотом
билась о камни, волоча за собой гальку. В небе сияла
луна, освещая и реку и берег. В лунном свете вода ка-
залась темно-синей и совсем прозрачной. И точно та-
кой же свежий ночной ветерок, что и тогда, на празд-
нике весны, так запомнившимся ей. Но сейчас ко всем

¹ *Кир* — особый цементирующий раствор, состоящий в соот-
ветствующих пропорциях из песка, золы янтака, верблюжьей ко-
лючки и камыша.

ее чувствам примешивался еще и страх. Она оглянулась, окинула взглядом темнеющие холмы. Никого. Тогда Бадия окликнула мать, помогла ей умыться речной водой. Зодчий и арбакеш, совершив омовение, принялись читать вечернюю молитву. Юноши тоже умылись, напоили лошадей и выложили на скатерку лепешки и сушеные фрукты. Путники устали и ели вяло, неохотно, хотелось спать. Но отдохнуть пришлось недолго. Арбакеш велел снова запрячь лошадей и, зная брод, легко переправил арбы; и они, не останавливаясь, чтобы не уснуть и не замерзнуть, направились в Майману. Арбакеш обещал им настоящий отдых там, в Маймане, в караван-сараяе, где, по его словам, очень удобно и где у него есть верный и близкий друг. Всеми силами арбакеш старался ободрить путников, сказать каждому доброе слово, успокоить. Хотя самому ему не пришлось учиться в детстве, к людям науки относился он с уважением и почтительно. Он рассказал, что не так давно ему пришлось сопровождать до Самарканда достойного и порядочного человека — мавляну Ходжу Мухаммада Мутриба, поэта и музыканта, который вынужден был искать убежища в Самарканде. Тогда, в пути, мавляна Мутриб сказал ему, что Самарканд, подобно светильнику, притягивает к себе ученых и поэтов, а они сами, подобно мотылькам, летят на этот свет.

— Все это так, — подтвердил зодчий, — но и об этот светильник можно легко обжечь крылья. Я тоже писал в Самарканд, но не получил ответа... И тогда я решил ехать на родину. Проведу остаток дней своих вдали от шума и интриг, в уединении, в молитвах. Это все, что осталось мне, старнику. Да и это мой прямой долг. Много пришлось мне пережить и изведать в жизни — и радости и горя. Направлю на путь истины вот этих молодых, а сам предамся молитвам. Подальше от дворца, от вельмож и чиновников... Великие мира сего — те же драконы, на них можно глядеть лишь издали, а подходить к ним опасно, того и гляди ни за что ни про что проглотят живьем. Прошлой зимой Атаулле Шаши и Абдуллаху Кухистани пришлось тоже покинуть Герат ради Самарканда. Сейчас снова близится зима, и все птицы — аисты, журавли и горлинки — улетают в дальние края.

СНОВИДЕНИЯ В КАРАВАН-САРАЕ АНДХУДА

Лишь на рассвете, достигнув Чилтанского ущелья, что в пяти верстах от Майманы, путники снова решили передохнуть. Лошадь, запряженная в третью арбу, начала отставать. Розовая полоска зари прочертила небосклон. Скоро солнечные лучи достигнут скалистых вершин. Лошадь в третьей арбе сменили. Зодчий с трудом слез с арбы и растянулся прямо на траве. Ученики забеспокоились, но на все вопросы зодчий отвечал, что еще после переправы через второй проток он почувствовал себя не совсем хорошо, но что это скоро пройдет. Подошли и сели рядом Бадия с Масумой-бека. Но Бадия тут же поднялась, подошла к арбе, налила в небольшую чашу шербета и принесла отцу.

— Выпейте, отец, вам станет легче.

Зодчий покачал головой.

— Кто хочет шербета?— спросила Бадия.

Все отказались. Тогда Бадия сама выпила шербет, подошла к отцу и снова присела подле него. Зодчий смотрел на высокие бурые скалы, провожая взглядом пролетающих птиц.

— Я вот лежу здесь,— начал зодчий, обращаясь к ученикам,— и заметил, что птицы, пчелы, даже комары и те летят вон туда, к скалам. Посмотрите-ка сами.

Юноши подняли головы и стали наблюдать за пчелами, с жужжанием пролетающими мимо.

— Подойдите поближе к скале, вы увидите, что все они летят в одно и то же место.

— Почему бы это?— спросил Зульфикар.

— По-моему, тут есть мумиё. Вон там, на склоне горы. Это, конечно, лишь предположение, но я знаю, что добытки мумиё именно в такую пору ложатся у подножия горы, в ущелье, и наблюдают за полетом птиц и комаров. Так они отыскивают мумиё...

Бадия засмеялась. И вслед за нею заулыбались все остальные.

— Я говорю истинную правду,— сказал зодчий.— Нельзя же не верить старому человеку.

— Это верно,— поддержал арбакеш зодчего.— В этих горах мумиё есть. Если горный архар в схватке с

соперником ломает себе кости, он находит мумиё и лижет его. И представьте себе, излечивается...

— Ну вот вам и подтверждение моих слов,— улыбнулся зодчий.— Рассказы о мумиё, о его чудодейственном свойстве столь заняты, что лечат надежнее, чем само спадобье.

Мудрому старцу хотелось рассеять тревогу своих спутников. Ему и впрямь удалось развеселить их историями о чудодейственных свойствах мумиё. Да и самому зодчему стало получше, и, погрузившись вновь на арбы. небольшой караван отправился в путь. Но еще долго все оглядывались на скалы в ущелье. Когда солнце стояло уже высоко, они въехали в Майману. Переговорив с хозяином караван-сарая, они решили здесь остановиться— зодчий с семьей в одной комнате, мужчины вчетвером— в другой. Работнику караван-сарая дали три серебряные монеты и поручили накормить хорошенько лошадей и присмотреть за ними. Никогда не выдававший такой щедрой платы, работник заверил их, что выполнит все в точности и что они могут отдыхать и спать спокойно. Разойдясь по комнатам, усталые путники сразу же уснули. Недаром же говорится, что сон не ищет для себя удобного места. Наутро они снова отправились в путь, проехали Давлатабад, Чукургузар и вдоль Оби Кайсара лишь на пятые сутки въехали в город Андхуд. И здесь снова остановились на отдых в караван-сарая; лошади были вконец измучены, не говоря уже о людях. Пожалуй, только теперь Бадня поняла истинный смысл старой присказки: «Муки пути — муки ада». Свободная и веселая, избалованная родительской лаской, она впервые испытала тяготы и неудобства дальней дороги, но ни разу не пожаловалась и держалась стойко, старалась казаться бодрой и довольной.

В Андхуде стояла сильная жара. К утомленному дорогой зодчему подошел молодой нукер с саблей на боку.

— Уважаемый господин,— начал он,— я начальник отряда охотников. От Андхуда мы повернем назад. Дальше можете ехать спокойно, опасности нет. Теперь вы доберетесь до места целыми и невредимыми.

— Благодарю вас,— ответил зодчий,— мы будем молиться аллаху за ваше благополучное возвращение.

— Желаем вам здоровья!— сказал нукер.

И через несколько минут он исчез.

Кроме Бадии свидетелем этой необычной и короткой беседы был и арбакеш.

— Они возвращаются обратно?— спросила Бадия у отца.

— Да,— подтвердил зодчий.

— Но вы же говорили, что нас будут сопровождать до самой границы Хорасана, до берегов Джайхуна?

— Спасибо и на этом. Что бы мы могли сделать, если бы эти «охотники» просто порубили нас?

— Пусть бы попробовали, неужто мы сидели бы сложа руки?

— Во всяком случае, Байсункур нас не обманул. Теперь ты веришь ему?

— Пока мы не выедем за границу Хорасана, рука моя на рукояти кинжала!

Зодчий, молча взглянув на дочь, вошел в комнату и лег. Масума-бека приготовила чай. Она жаловалась на духоту, непрерывно обмахивалась платком и вытирала потное лицо и шею.

Скоро зодчего сморил сон. Масума-бека сидела рядом с мужем и платком отгоняла от него мух. Она вглядывалась в лицо мужа и понимала, что он скрывает от нее свое недомогание. Горе сломило его, хотя сам зодчий никому не жаловался. Душа его разрывалась от тоски и горя, однако он старался держаться молодцом; чего доброго, еще догадаются, что силы покидают его. И зодчему приснился сон: будто стоит он во дворе медресе, которое вот-вот должны достроить. Все работы почти завершены — осталось только облицевать ганчем худжры второго этажа, да еще надо убрать груды земли и кирпича, очистить двор, коридоры, ступени, снять леса и расплатиться с рабочими и мастерами. А когда все будет закончено, они торжественно встретят Байсункура-мирзу. Зодчий стоит посредине двора. Кто-то приносит стул, но он, благодарно кивнув, не садится. Все его мысли заняты людьми, находящимися здесь. Он обходит двор, выбирается через ворота, смотрит на творение рук своих, своей фантазии, а порталы, купола, своды и арки торжественно взирают на зодчего. Его ученики Заврак Нишапури, Гаввас Мухаммад, Зульфикар Шаши идут за ним, а позади плетется распорядитель работ Ахмад Чалаби с хмурым и недовольным лицом, он хочет что-то сказать, но не смеет приблизиться. Зодчий осматривает

двор медресе, входит в помещение и видит посыланные на землю новые ковры. Сегодня здесь впервые состоится моление, которое проведет новый, только что назначенный муфтий.

Зодчий приближается к алтарю, осматривает его, осматривает светильники, прикрепленные к стенам, и люстры, свисающие со сводов куполов. Все здесь в порядке. Справа от входа он видит искусно выписанную мастерами-резчиками надпись: «Творение зодчего Наджмеддина Бухари», вглядывается в нее и вдруг видит, что написано здесь другое: «Творение Ахмада Чалаби». Он с недоумением смотрит на шагающего рядом Заврака, но тот только пожимает плечами и говорит с обидой в голосе: «Глядите, уstad, истинного зодчего отстранили, а распорядитель работ высек здесь свое имя!» Заврак уже собирается тут же сбить эту надпись, выложенную голубым изразцом, хочет исправить, но зодчий запрещает. «Не надо,— говорит он,— оставь, история знает, кто строил это здание. Я его построил, а слава Чалаби переходяща. Как минарет Калан в Бухаре, мы будем стоять здесь вечно!» Но Заврак не слушает учителя и все же сбивает надпись. Мастера Хасанбек и Хусанбек, облицовывавшие худжры наверху, приложив руки к груди и светло улыбаясь, кланяются зодчему, выражая свою любовь и преданность. Тут же появляется старик Джорджи и протягивает зодчему руку.

«В добром ли вы здравии?»

«Благодарю вас, мастер».

«Поздравляю с окончанием работ, вы воздвигли сказочный дворец науки!»

«И я вас поздравляю, мастер!»

Не желая мешать зодчему, Джорджи поднимается наверх, к сыну, тоже облицовывающему стену.

И здесь кто-то сообщает, что царевич Байсункурмирза уже въезжает во двор медресе. Зодчий выходит навстречу царевичу. Он видит Байсункура в окружении конных нукеров. Приблизившись к зданию медресе, царевич сходит с коня и, не глядя на зодчего, устремляется прямо к Ахмаду Чалаби, милостиво протягивает ему руку и вместе с ним входит в медресу. Царевич словно бы и не замечает зодчего, он глядит на него мельком, как на человека, не имеющего никакого отношения к строительству, равнодушно прохо-

дит мимо, оказывает милость и почтение Ахмаду Чалаби, вместе с ним входит в медресе полюбоваться творением его, Наджмеддина Бухари, рук. Вельможи, по знаку царевича, торжественно накидывают на плечи Ахмада Чалаби халат, шитый золотом. Чалаби благодарно склоняется в поклоне. Затем показывает царевичу порталы и своды, что-то непрерывно объясняет и размахивает руками. До зодчего долетает фраза, что Чалаби, мол, использовал в строительстве опыт греческого ученого Пифагора. Наджмеддин Бухари и его ученики стоят растерянно в стороне, и никто не обращает на них внимания. Зодчий слышит, что Ахмад Чалаби все путает, все жлет, и вдруг делает шаг к Байсункуру.

«Это ложь!— кричит он.— Этот негодяй обманывает вас! Каждое слово — ложь! Он заговаривает вас, точно цыган. Он обманывает вас! Этот невежественный человек ничего не смыслит в зодчестве. Каждое его слово—ложь».

Напуганный собственным голосом, зодчий проснулся. Открыв глаза, он увидел плывущую в небе луну, кругом царила тишина, а рядом с ним сидели жена и дочь, с испугом глядя на него.

Очнувшись, зодчий поднял глаза. У двери стоял арбакеш.

Сдерживавшаяся до этой минуты Масума-бека вдруг горько зарыдала. Она потеряла сына, лишилась крови и теперь вот мытарствуется вместе с больным мужем. Они изгнаны и забыты, они страдают, они мучаются, они презренные люди. Масума-бека опустила на колени у лоджа зодчего и никак не могла успокоиться.

— Перестань,— попросил зодчий,— не плачь, такова воля аллаха. Мы здесь бессильны!

Бадия решила не гасить свечу в нише. Отец сказал, что его сон доброе предзнаменование, и начал рассказывать по этому случаю старые легенды о том, как мудрец Лукман был брошен в тюрьму и, когда царь подавился костью, именно он смог вытащить эту кость. Как Фатима-биби варила своим голодным детям камни в котле... и они обращались в репу, и дети лакомились вкусным варевом. Рассказывал он эти истории, надеясь утешить жену и дочь. Гончар из куска глины на своем станке мастерит посуду, а из остатков глины делает свисток. Чалаби — вот такой же свисток, добавил зодчий.

Утром Зульфикар и Заврак, натаскав из колодца

воды, наполнили медные кувшины с узкими горлышками и внесли зодчему. Они оба знали о почном происшествии, но не промолвили ни слова. Только один Гаввас Мухаммад, как всегда ни о чем не ведавший, мирно похрапывал в своем уголке.

Умывшись, совершив омовение и прочитав молитву, зодчий вышел во двор. Ученики уже приготовили завтрак. Какой-то человек, стоявший у колодца, поклонился зодчему. Это оказался плотник по имени Абдулазиз Ахсикати; он сообщил, что несколько лет назад работал у зодчего, а потом волею судьбы был заброшен в города Кабул, Нишапур, Герат. Сейчас осел здесь, в Андхуде. Он напомнил зодчему, как нечаянно поранил себе руку тесаком и как зодчий, приложив к его раненой руке лоскут жженого войлока, остановил кровь и перевязал рану своим поясным платком.

— Верно, верно,— подтвердил зодчий,— теперь я вас вспоминаю. Ну как ваша рука, совсем зажила?

— Зажила, уstad,— плотник показал пальцы левой руки.

— Ну и слава аллаху.

— А как вы себя чувствуете, уstad?

— Благодарю вас.

— Рядом с медресе Мусалло, как я узнал, появилось еще одно медресе. Еще один бесценный цветок Хорасана,— заметил плотник.

Зодчий молчал, не подымая глаз.

— Я пришел просить вас оказать мне милость. Будьте гостем вашего покорного слуги, выпейте в моем доме пиалу чая. Вы доставите мне огромную радость. Очень прошу вас об этом. Дом мой недалеко. Вот здесь, почти рядом. У меня три сына и две дочери. Приглашаю всех вас. Если вы, уstad, будучи в Андхуде, не посетите моего дома, я буду весьма огорчен. Ведь я тоже ваш ученик. И только поэтому осмелился пригласить вас.

— А знаете ли вы, почему мы покидаем Хорасан?

— Знаю.

— Пригласив нас в гости, вы можете навлечь на себя беду.

— Не говорите так, уstad. Что бы я для вас ни сделал, все равно я буду всю жизнь перед вами в долгу. Те, кто желают вам худого, плохие, скверные люди.

— Меня изгоняет двор...

— Если они решили изгнать святого человека, то нет у меня к ним уважения. Подлые люди вводят в заблуждение государя. Но я обязан сказать вам правду. Я не знал, что вы, уважаемый уstad, поедете через Андхуд. Люди государя, по их словам, охраняют вас. Начальник отряда нукеров обратился ко мне и сказал, что вы находитесь в караван-сараяе. И просил меня, если то в моих силах, поговорить с вами, ободрить вас. Они покинули Андхуд. Вот вам вся правда. И еще... Ваш арбакеш очень, очень хороший человек. Харунбек-пахлаван много раз бывал здесь, и мы его уважаем...

Зодчий задумался. Перед глазами его промелькнули Байсункур-мирза и десять охотников-нукеров. Но на самом-то деле — что это, забота или очередная хитрость сильных мира сего? Он уже отказывался понимать.

Вместе с женой, дочерью, учениками и арбакешем зодчий отправился в дом плотника Абдулазиза Ахсикати. Абдулазиз сообщил, что его сыновья вдосталь наполнили лошадей, арбы уже приготовлены, что хозяин караван-сарая свой человек и потому ни о чем беспокоиться не следует. Все будет в порядке.

Они подошли к дому, стоящему и впрямь неподалеку от караван-сарая. В стороне от входа над связанной овцой стоял уже мясник, и, как только зодчий вошел, он попросил: «Благословите, уstad!» Зодчий, воздев руки, дал благословение, и мясник тут же заколол овцу. Абдулазиз Ахсикати пригласил мужчин в большую комнату, а Масума-бека и Бадю — во внутренний двор, на женскую половину. Расстелили дастархан, подали лепешки, сладости, сливки и молоко. Принесли ароматный чай. Абдулазиз, оказывается, знал почти все, что случилось с зодчим, — знал о горе, обрушившемся на семью, об обенении его сына Низамеддина в принадлежности к хуруфитам, о его казни. Выразив уверенность в том, что справедливость рано или поздно восторжествует, что слава зодчего никогда не померкнет, хозяин вознес за это молитву.

Зодчий остался ночевать в доме Абдулазиза. И на следующий день арбы, вычищенные и смазанные на славу в караван-сараяе, подкатили прямо к дому Абдулазиза Ахсикати и уже отсюда тронулись в дальнейший путь.

Абдулазиз с сыновьями проводили зодчего, прѣбывав с ними несколько фарсангов. И снова три арбы, одна за другой, въехали в пустыню.

Глава XXV

КАРАИЛАН НАПАДАЕТ НА СЛЕД

Остерегайся мухи, коснувшейся
мертвой змеи...

Ибн Сина

После отъезда Наджмеддина Бухари из Хорасана Байсункур-мирза обратился с просьбой к устату Каваму возглавить завершение строительства медресе и провести торжественную сдачу сооружения. Но устат Кавам, всю жизнь не без тайной зависти относившийся к зодчему Бухари, после его отъезда вдруг затосковал, ходил как в воду опущенный, точно человек, утративший что-то дорогое, близкое. Он отверг просьбу царевича.

— Я стар, — сказал он, — но, несмотря на годы, готов возглавить любое новое дело. Однако прийти на готовое не могу, просто не решусь.

Ответ этот не оскорбил Байсункура. Пожалуй, он ждал именно этих слов, но не мог скрыть отказа устата Кавама от государя.

Услыхав это, Шахрух-мирза нахмурился:

— Семья зодчего Бухари замешана в преступлениях хуруфитов и потому понесла заслуженную кару. Ну, а то, что он бесценнейший зодчий, мы сами прекрасно знаем...

После отъезда зодчего многие плотники и каменотесы, а также Хасанбек и Хусанбек, мастер по резьбе Худобахш с сыновьями, отказавшись подчиняться Ахмаду Чалаби, покинули строительство. Работы прекратились, и дворцовые чиновники и вельможи знали, что лишь пленный грузин со своим сыном продолжают прилежно трудиться.

— Ну и пусть, — раздраженно сказал сыну Шахрух. — Разве нет у нас других дел, чем строительство зданий здесь, в Герате? Пора обратить свой взгляд на берега далекого Сайхуна. Там степные кипчаки и Барак Углон собирают войска. И я хочу, чтобы вы это поняли.

Байсункур и сам понимал, что его державному отцу

уже давно приелись вечные просьбы сына и напоминания о зодчестве, каллиграфии и науках, что государь по-настоящему раздражен, поэтому он покорно поклонился и вышел.

Прошло не более месяца, и мавляна Анвари также покинул Герат ради Самарканда. В кругу придворных поплз слухок, что Герат, мол, надо полагать, сглазили и что это весьма прискорбно. «Ничего не поделаешь,— говорили они,— и журавли улетают в теплые страны».

Сторонники Ибрагима Султана не слишком-то печалились по этому поводу. «Лебеди и журавли могут лететь куда им угодно, а вот соловей ни зимой, ни летом не покидает своего родного дома. А нам сейчас нужны не лебеди, а соловьи...» Желая отвлечь царевичей от раздоров и праздной жизни, от соперничества в играх и разгуле, Шахрух время от времени напоминал им, что не следует забывать о подготовке к будущим походам на Китай, неустанно помнить о Бараке Углоне, держать войска наготове. Но на самом деле вся эта военная возня была и ему самому не по душе. Правя государством, созданным его знаменитым отцом, Шахрух беспрерывно устраивал пиры и тоже погряз в разврате. Под влиянием, даже под прямым давлением Гаухаршодбегим, Байсункура-мирзы, а также правителя Самарканда — старшего сына своего Улугбека, он вынужден был время от времени наставлять Ибрагима Султана, чтоб тот не столь ретиво преследовал и притеснял ученых, людей науки и, по возможности, не причинял бы им зла. Он не стал препятствовать желанию Ибрагима Султана вернуться в Исфаган, в свой дворец. Но Ибрагим Султан все же успел отправить по следам Наджмеддина Бухари верного своего Караилана с новым секретным поручением. Отъезд зодчего из Герата в тот же день стал известен Караилану и его людям. Знали они и о трех арбах зодчего, о договоре с караванщиком, о том, что поезд зодчего будет следовать впереди большого каравана. И, взяв с собой с десятков головорезов, Караилан отправился вслед за караваном. Лазутчики донесли ему, что зодчего и его семью везет неизвестный арбакеш из Бало Мургаба. Однако Караилан не проведал о совете Байсункура-мирзы и о том, что зодчий, изменив путь, проедет не через Кушку, Калан Мор и Ташкуприк, а через Ба-

ло Мургаб, Майману, Чукургузар и Андхуд. Вырядившись в одежды торговцев, отряд Караилана двинулся вслед за большим караваном. В полночь Караилан был уже неподалеку от Кушки и, настигнув караван, осведомился о трех арбах зодчего. Ему ответили, что об этих трех арбах ничего не известно, и что знать об этом может лишь один караванщик. Караванщик был тут же разбужен и ответил, что три арбы вместе с Харунбеком впереди, что они обогнали караван и сейчас, должно быть, уже миновали Калаи Мор и находятся недалеко от Ташкуприка. Мнимые торговцы, не теряя времени, пришпорили коней и пустились вскачь прямо через степь. Следуя вдоль берега Кушки, они прибыли в Калаи Мор. В городе стояла глухая тишина. Их встретил лишь отчаянный собачий лай.

На рассвете, объехав весь город, они вломилась в караван-сарай:

— Проезжали здесь три арбы? Остановливались?

— Ни вчера, ни сегодня, ни ночью сюда не въезжала ни одна арба,— ответил сторож.

— А нет ли другой стоянки в городе?— спросил кто-то из конных.

— Нет, господин! Город наш называют Калаи Мор, мы все здесь друг друга знаем. Ни одна не то что чужая собака, но и чужая змея не останется незамеченной.

Спрашивавший бросил взгляд на бледного человека с бородкой клинышком, державшегося поодаль. Тот промолчал. Этот немногословный человек с невыразительным лицом—ни гнева, ни радости нельзя было различить в его чертах—отправился в этот путь лишь из преданности Ибрагиму Султану. Дело, которое на сей раз было ему поручено, он считал пустяковым, мелким, и выполнить его он мог, как говорится, одним кончиком пальца. На такие дела он обычно посылал своих людей, но зодчий был известен всему Хорасану, и убрать его должен был только весьма «искусный хирург». Все должно было сохраниться в строжайшей тайне, и лишь поэтому Ибрагим Султан дал это поручение лично Караилану.

— И чужая собака и чужая змея вошли в твой город, а ты проморгал!— злобно огрызнулся конный.

— Э, юноша, зря говоришь мне «ты»! Я человек старый, в возрасте пророка. Вас-то увидел я сразу, только не распознал еще, собаки вы или змеи...

Конный размахнулся и стегнул плеткой по лицу старика. Тот со стоном повалился на землю. Из рта и носа хлынула кровь, он вздрагивал всем телом, словно петух, которому перерезали горло. Не обращая на него внимания и стремясь как можно быстрее добраться через Тахт до Ташкуприка, группа всадников поскакала дальше.

— Напрасно ты это сделал,— сказал Караилан конному в красном чапане.

— Этот негодяй посмел оскорбить нас!

— Как видно, ты еще зелен,— ощерился в улыбке Караилан.

Нукер испугался, заметив эту коварную улыбку, смысл который был ему слишком хорошо известен.

— Каюсь, господин,— сказал он, и голос его дрогнул. Тех из своих людей, которые осмеливались нарушить его волю и приказания, Караилан обычно валил с коня и втыкал в живот нож. А присутствующие при этой расправе молчали, не смея даже вздохнуть. Нукера в красном чапане начала бить дрожь. Слава аллаху, на сей раз ничего дурного не произошло: их властелин изволил помиловать «зеленого юнца».

Проскакав весь день, они добрались через Ташкуприк до Сандикоча и, не обнаружив там следов трех арб, снова вернулись в Ташкуприк, где и заночевали. Будь у этих трех арб крылья, и тогда не смогли бы они умчаться так далеко. Потягивая айран, Караилан думал о том, что, видно, кто-то проведаль о его намерениях. Он не мог припомнить случая, чтобы когда-нибудь кто-нибудь из этих ученых болванов, которых он от души презирал, мог так легко обвести его вокруг пальца. Стало быть, есть какой-то недруг-предатель среди приближенных государя. И он злился сам на себя: «Как это я сразу не догадался, что этот старик, желая одурачить нас, поехал через Майману и Андхуд, через Карки или через Халач? Наверно, так оно и есть! Если им удастся перебраться в Мавераннахр, весть об этом тут же дойдет до Самарканда, и тогда пиши пропало».

Караилан поднялся на рассвете и, окинув взглядом всю свою шайку, отозвал в сторону худого ловкого джигита:

— Останешься со мной! А все прочие отправляй-

теть в Ё'ераг! О нашем путешествии никому ни слова! Кто нарушит мой приказ, пусть пеняет на себя! Отправляйтесь-ка, мои ягнятки, отправляйтесь,—добавил он с улыбкой.

Джигиты не мешкая вскочили на коней и, точно дикие кошки, неслышно выскользнули со двора.

Караилан остался наедине с джигитом, которому доверял как самому себе.

— А тот глупец в красном чапане, что ударил старика, нехорошо поступил,— произнес Караилан.— В таком деле, как наше, нельзя оставлять после себя следы. Все должно произойти незаметно. Теперь в караван-сараяе нас, конечно, заподозрили. Не знаю еще в чем, но заподозрили. Приходится вырывать колючку, вшившуюся в ногу, подцепив ее жалом скорпиона!

— Каковы теперь будут ваши приказания, господин мой?

— А вот каковы: обернувшись змеями, мы вползем в пески и там настигнем свою жертву, понял?

— То есть?

— То есть,— повторил Караилан, простивший своему любимцу его недогадливость.— То есть проедем через Кумлик и Оби Кайсар прямо в Андхуд. Там мы прикинемся чабанами и уж не отстанем от наших путников. Только наши голубчики доберутся до Халача, и мы тут же в песках Калифа покончим с ними. Да, говорят, у зодчего молоденькая дочь. Так ей дадим неяд, а снотворное. Начнем сражение не кинжалами, а способом Мехтарбади Ялдаи Самарканди — ядом. И запомни раз и навсегда, отныне мы мургабские чабаны.

Так вдвоем скакали они через пески, холмы и степи еще три дня и три ночи, делая лишь короткие привалы. И вот наконец город Андхуд. В пути Караилан сообщил своему приспешнику о том, что среди этого ученого люда немало политических преступников. Больно умны стали. И есть тайный указ его величества — в самые ближайшие годы покончить с ними. Ибо это прямая угроза царской власти.

— А среди царевичей,— продолжал он,— самый мудрый, бесспорно, Ибрагим Султан. И хотя считается, что все мы состоим на службе у Мухаммада Аргуна, на

самом-то деле подчиняемся мы лично его величеству и царевичу. Со всех прочих вельмож, полководцев и придворных мы не спускаем нашего бдительного ока. А если кто осмелится вести речи или препятствовать политике государя, смотри — вот эта железная пятерня сомкнется на его горле. Близок час, когда мы очистим Хорасан от всех этих вонючих мавлян и ученых, сомневающихся в канонах шариата. Вот тогда-то дела пойдут на лад, не останется ни сторонников сарбадаров, ни хуруфитов! И сейчас, и всегда мы есть и будем опора его величества. Мы — его карающий меч.

Спутник согласно кивал.

В караван-сараяе Андхуда им сообщили, что три арбы действительно были здесь, но два дня назад отправились в дорогу. Неутомимые преследователи снова вскочили на коней. Пробыв в пути еще день и ночь, они наконец увидели вдалеке, около степного колодца, коней. Арбы стояли в тени.

Подъехав к колодцу, путники спешили. Поклонившись зодчему, сидевшему за немудреной трапезой, они представились чабанами из Карки и объяснили, что ездили в Андхуд за припасами и вот теперь возвращаются восвояси. Зодчий ласково пригласил их к трапезе, усадив рядом с собой. Однако и Бадия и Заврак сразу насторожились. Если эти чабаны держат путь в Карки, то как же они попали сюда? Ведь обычно люди предпочитают большую дорогу, где тоже есть колодцы, а эта стоянка, о которой знал лишь арбакеш Харунбек, находится далеко в степи.

Чабаны вытащили из хурджунов черствые лепешки, сушеный сыр и разложили на скатерти. Разговор как-то не клеился. Караилан огляделся и, заметив Масумубека, возившуюся у котла, сказал:

— В помощь старой женщине хорошо бы иметь невестку или дочь. Вашей почтенной супруге, верно, тяжело приходится.

— Верно, братец, дорога совсем вымотала нас, — сказал зодчий. — Старушка моя готовит шурпу, мясо уже сварилось.

Караилан не видел Бадю, она стояла позади него и, кроме того, была в одежде юноши. Таков был его первый промах, хотя Караилан славился своей наблюдательностью и зоркостью.

— Сынок,— обратился он к Бадие,— в горле у нас совсем пересохло, не принесешь ли нам немного воды?

Бадия схватила маленький медный кувшин и пошла к котлу. Спокойно и осторожно она вытащила из кармана снотворное, насыпала в кувшин, налила сверху колодезной воды и подала чабану. Қараилан пил с жадностью и протянул кувшин своему спутнику, который допил воду до конца. И через несколько минут сон сморил их, сидящих. Бадия и Зульфикар тут же обыскали чабанов: извлекли кинжалы, яд в маленьких пузырьках, личное снаряжение, в хурджунах же обнаружили луки и стрелы, накладные усы и бороды, разные одежды.

— Отец,— шепнула Бадия,— это не чабаны.

Зульфикар и Заврак подтвердили ее слова.

Арбакеш Харунбек и Гаввас Мухаммад от удивления не могли выдать из себя ни слова. Харунбека встревожили слова мнимого чабана о том, что «хорошо бы иметь молодую невестку или дочь», более того, вызвали у него подозрение.

— Эти люди гонятся за нами,— сказала Бадия.

— Если так, то их мог послать один только Абдулазиз Аксихати,— заметил Заврак.— Иначе откуда бы им знать, что мы здесь!

— Не надо так говорить,— прервал зодчий.— Абдулазиз — честный человек. Эти люди посланы не им.

— Что же делать?— Бадия вопросительно взглянула на отца.

— Долго ли продлится действие снотворного?— в свою очередь спросил отец.

— Проспят до утра,— ответила Бадия,— снотворного я не пожалела.

— Тогда нужно скорее уезжать отсюда,— проговорил зодчий.— К тому времени, когда они проснутся, мы будем уже в Қарки! К тому же нас семеро, а их только двое. Ничего они не смогут нам сделать!

Масума-бека быстро перелила шурпу из котла в большой медный кувшин и, поставив его на арбу, взобралась сама. Спешно погасили огни, запрягли лошадей. Страх неволью прокрадывался в душу. А вдруг у этих людей есть соратники и они следуют за ними? По совету Харунбека отъезжающие прихватили иноходцев двух неизвестных чабанов, а хурджуны,

книжалы и прочее снаряжение погрузили к себе на арбу.

Арбы уже должны были вот-вот тронуться, но Бадия и Зульфикар, стоявшие над заснувшими лжечабанами, тревожно переглядывались. Все уже погрузились на арбы.

— Ну, что будем делать?— Бадия снова вопросительно взглянула на Зульфикара и на арбакеша.

— Они нас преследуют — это ясно,— сказал Харунбек.— Все это не чабаны.

Харунбек подошел поближе к спавшему человеку: бледное лицо, борода клинышком. Мгновение стоял он, разглядывая его.

— Уж больно он похож на палача Караилана,— раздумчиво проговорил он.— Но тот — верный исполнитель воли царевича. Зачем ему преследовать беззащитных людей? Удивительное дело. Ему поручают лишь крупные дела, это охотник за ценной дичью. Если этот мерзавец действительно Караилан, то именно он повинен в смерти Низамеддина. Садитесь-ка на арбу, Бадиябека! А господину Завраку Нишапури скажите, чтобы он взял лопату с крайней арбы и пришел сюда!

— Откуда вы знаете, что я Бадия?— гневно спросила девушка Харунбека.

Харунбек промолчал.

— Ну, говорите же!

— Побеседуем об этом лучше в пути,— сказал Харунбек.— Сейчас не время, да не место! Ждать мы не можем. А вас я знаю давно.

— Сон это или явь?— воскликнула Бадия.— Что происходит? Зульфикар-ага, я ровно ничего не понимаю.

— Во всяком случае, я не враг вам,— медленно проговорил арбакеш.— И не хватайтесь то и дело за книжал!

— Отец мой жалеет и скорпионов и змей — это его беда,— сказала Бадия и отошла к арбе. Она села рядом с отцом.

Взяв в руки дамасскую саблю Низамеддина, Харунбек дважды воткнул ее в грудь Караилана. То же он сделал и с его спутником. Действовал он с каким-то странным спокойствием. Зульфикар и Заврак помогли ему забросать трупы песком.

— Если это действительно Караилан, то он уже

давно гоняется за мною,— объяснил Харунбек своим спутникам.— Лишь бы на самом деле это был Караилан, а не какой-нибудь глупец разбойник. Я рад, что голова змеи, ползущей за господином зодчим, разможена моими руками...

— Ведь вы же сами не визирь, не зодчий, почему же он преследует вас, да еще давно, по вашим словам?— спросил Зульфикар.

— Расскажу потом,— неохотно отозвался арбакеш.

Они бегом догнали арбы и уселись на свои места.

Бадия внимательно рассматривала арбакеша. Оказывается, он знает, что вовсе она не юноша, и к тому же без страха, собственной рукой расправился со злодеями. Ей чудилось, будто она видит перед собой не простого человека, а богатыря, подобного неутомимым в битве и отважным Джалаллиддину Мангуберди и Тимуру Малику, которые громили врага, брали приступом крепости. Она догадывалась, что на душе у этого человека есть какая-то тайна и он ревниво хранит ее. Сидя рядом с отцом, Бадия время от времени исподтишка поглядывала на Харунбека.

И снова перед путниками простирались степи да пустыни. То, что произошло у степного колодца, камнем лежало у каждого на сердце. Все молча сидели в раздумье.

— Не из Майманы ли вы?— спросил зодчий у Харунбека.

— Да, устад, из Майманы.

— А в караван-сараяе вы сказали, что из Бало Мургаба.

— Отчасти и из Бало Мургаба... Там у меня братья, родственники. Жил я и в Бухаре, и в Шахрисябзе, и в Самарканде, и в Балхе, и в Калласаркоре, Оби Кайсаре, Давлатабаде. При случае и называю эти места.

— Оказывается, вы повидали немало городов,— сказал зодчий,— наверное, в качестве арбакеша побывали во всех этих местах?

— Не без того. Но вообще-то я, как и мой отец,— ткач.

Сердце зодчего замерло. Он внимательно разглядел арбакеша. «Харун-ткач?!»

ЛЮДИ ПОЗНАЮТСЯ В ПУТИ

Незнакомцы, назвавшие себя чабанами, почтительное внимание Абдулазиза в Андхуде, Харунбек-ткач — слишком много переживаний обрушилось на старика зодчего. Да и вообще кругом одно горе. Шутка ли, ведь не двух овечек зарезали в степи — умертвили двоих, — вот что пугало и волновало его. Харунбек говорит, что разможжена голова змеи. Может быть, и змеи, но для зодчего, в жизни своей не обидевшего и мухи, это хладнокровное убийство стало огромным потрясением. Смерть сына — да можно ли смириться с этим! А вот случай на празднике у подножия Кухисиёха, когда его родная дочь заколола напавшего на нее негодяя! Всю жизнь зодчий не знал другого дела, кроме строительства, расчетов, кроме радости созидания, и был сейчас растерян и испуган.

— Ничего не бойтесь, отец, по словам арбакеша, голова змеи разможжена, и нам ничто не угрожает, — обратилась к нему Бадия.

Зодчий вздрогнул.

— Что? Что ты сказала?

— Я говорю, что наши преследователи были разбойниками, а не мирными чабанами. Ну скажите сами, к чему чабанам столько яда, кинжалов, фальшивых бород?

— А может, они преследовали не нас, не нам собирались мстить?

— А если и не нам, если даже другим? Все равно мы не могли этого допустить. Иначе бы зачем Байсункур послал с нами своих охотников? Теперь я верю, что он хотел уберечь нас. Наш враг не Байсункур-мирза, и слова его оказались правдой. А этих двух пригнала сюда их собственная смерть.

— Ты говоришь так, словно ты не дочь зодчего, а дочь палача.

Бадия потупила глаза.

— Пройдут ли когда-нибудь эти черные дни, о великий боже! Каюсь в грехах своих перед тобою, прости нас, владыка, и помилуй, — прошептал зодчий.

— Пройдут и эти черные дни, — вмешалась в разгово-

вор Масума-бека.— Говорят же мудрые люди, что если пятнадцать дней в месяце были черными, то следующие пятнадцать будут светлыми.— Уже давно, затаив дыхание, она прислушивалась к разговору, осторожно поддерживая кувшин с шурпой, боясь ее расплескать.

— Если бы они не убили моего брата, разве я стала бы такой жестокой?— заметила Бадия.

— Успокойся, дочка, и помни, что ты у нас одна, ты нам теперь и дочь и сын. Хватит проливать кровь. Все от бога, молись всевышнему, кайся в грехах своих.

Бадия опустила голову и зашептала что-то, и желая успокоить отца, трижды промолвила: «Каюсь, господи!»

А вокруг тянулись бескрайние пески. Огибая темно-бурые холмы, медленно ползут три арбы.

Тишина. Высунув голову из-под полога арбы, Бадия пристально разглядывает все вокруг. Ни души, ни единой птицы в небе. Безжалостно палит солнце, лошади все в мыле, они тянут арбы из последних сил.

— Мургабские кони непригодны для пустыни,— обратился к зодчему Харунбек.— Для песков хороши явмутские, те гораздо выносливее. Вот у них были явмутские кони. Видать, хозяева знали, что придется скакать через пески. Жаль только, они непригодны для арб.

Зодчий и Бадия молча слушали Харунбека.

— Девочка права — этих людей пригнала сюда их собственная смерть,— снова заговорил Харунбек, с сочувствием глядя на зодчего.— Они преследовали нас, искали нашей смерти. Я разгадал это сразу. Вас выслали, как человека опасного для двора. И в Бухаре, ради всего святого, будьте осторожны, не вмешивайтесь в политику. Уж если они решились убрать вас, то нужно стать невидимым, ни в коем случае не сыпать соли на их раны. Государи не вечны. А вы живите тихо, пока не взойдет на трон кто-нибудь из царевичей. Каждый новый государь старается на первых порах делать добро, показать всем, что любит, мол, свой народ, готов наобещать людям невесть чего. Только потом приходит и тщеславие, и любовь к пирам, разгулу. И тогда снова наступают черные дни.

— Вы, оказывается, много знаете, во многом разбираетесь,— улыбнулся в ответ зодчий.

— О политике нужно говорить не только с вельможам, но и с арбакешами. Ведь они ездят по белу свету, все видят, все слышат. Я и впрямь много знаю, хоть мне и не довелось учиться в медресе.

— Дай вам бог счастья,— сказал зодчий.— Путешествия делают людей мудрыми...

— Да, путешествия делают людей мудрыми... А вы заметили, как тот, назвавшийся чабаном, расспрашивал, нет ли у вас невестки или дочери? Откуда бы ему знать, что с нами должна быть девушка? Он просто не узнал Бадю в юношеской одежде, но через некоторое время, глядишь, и догадался бы.

— И то верно,— согласился зодчий.

— Я ведь за ним наблюдал. Он все озирался, все искал глазами кого-то. Они наперед знали, сколько нас должно быть здесь.

— Да что вы все об одном и том же,— вмешалась Масума-бека.— У меня сердце замирает от страха, так и кажется, что нас нагоняют их дружки.

— Не бойтесь, мама! У государя и без нас дсл хватает. Если он и узнает, что этих нет в живых, жалеть о них он не станет. Кому нужны храбрецы, которые не сумели справиться с такими мирными ягнятами, как мы. Поверьте, никто не пожалеет о них. И преследовать нас больше некому!

Масума-бека шептала молитвы, просила аллаха защитить их от бед.

— Смотрите, смотрите, варан!— вдруг закричала Бадия.

И действительно, на бархане застыл огромный варан. Но лишь только Гаввас Мухаммад, безмолвно сидевший на арбе, уставился на варана, тот начал беспокойно озираться по сторонам. Через минуту снова послышался голосок Бадии:

— Глядите, глядите, песчаная змея!

Все снова высунули головы и поглядели на змею, стремительно ползущую по песку. Казалось, она плывет по воде. Заврак грозно потряс в воздухе камчой, крикнул. Но змея продолжала ползти, не обращая ни на кого внимания.

— До чего же гордая,— сказала Бадия Завраку,— даже не удостоила обернуться, чтобы поклониться господину Нишапури!

Заврак рассмеялся. Впервые за весь сегодняшний день прозвучал смех. И все с облегчением вздохнули. Заврак Нишапури был скор на язык и умел мастерски отражать любые насмешки.

— Весьма бескорыстная змея и умная к тому же. Когда змея не кланяется, по крайней мере хоть знаешь, что это настоящая змея. А как красиво ползет и как грациозна...

— Уж не околдовала ли она вас, что-то больно вы ее расхваливаете,— сказала Бадия.

— А на меня колдовство не действует. Ведь я ношу на шее амулет. Его заговорил святой гадальщик, который вот уже семьдесят лет живет в развалинах под Нишапуром. А надела на меня этот амулет родная мать. Так что никакие злые духи, никакая нечистая сила не могут даже приблизиться ко мне. Ни колдовство, ни чары, ни яды, ни даже слова на меня не действуют.

— Ой-ой-ой,— улыбнулась Бадия,— о том, что на вас не действуют слова, мы, представьте себе, догадывались, а вот про амулет ничего не слышали.

— Да, госпожа, не скрою, есть во мне излишнее ухарство, что ли. Недаром сказано: «толстая кожа защищает душу»,— ответил Заврак, подмигнув Гаввасу.

Бадия дала себе слово не говорить ничего, что могло хоть как-то обидеть человека. Поэтому она не ответила Завраку.

И снова бурые песчаные барханы. Дорога вьется змеиной тропой до самого небосвода. Мертвая тишина. Путники уже плохо представляли себе, куда они едут. Порою, когда скрещивались две дороги, Харунбек глядел по сторонам, затем вытаскивал из кармана припасенный компас и клал его на ладонь. Порою он советовался с зодчим. За несколько фарсангов он угадывал колодцы и ни разу не ошибся.

С самого начала пути Гаввас Мухаммад был неразговорчив и печален, а когда арбы выехали из Андхуда и углубились в пески, он и вовсе загрустил. Ничем нельзя было его утешить, все ему было не по душе, он капризничал, как ребенок, грубил товарищам. Но об этом знали только те, кто ехал с ним в одной арбе. Вечными своими жалобами он уже давно вывел из терпения Зульф리카ра с Завраком. Ни зодчий, ни Бадия не догадывались об этом. Они понимали, что Гаввас

тоскует о доме — ведь, чтобы повидать Бухару, он оставил свой теплый кров и пустился в долгий путь. Ему уделяли больше внимания, чем всем остальным, — он и старше Зульфикара и Заврака, да к тому же в Герате у него осталась семья. Над ним не подтрунивали, но, откровенно говоря, юноши не слишком радовались, что Гаввас едет с ними.

Прошел еще долгий день. На ночь остановились у колодца, поели и легли отдохнуть. Когда все уснули, Заврак и Зульфикар, положив рядом с собой сабли, решили по очереди бодрствовать. А кони, словно почуяв тревогу этих измученных людей, были тихи и послушны. От малейшего шума или шороха они вздрагивали и настораживались. Глухая и безмолвная пустыня словно застыла в мертвецком сне, вселяя ужас не только в души людей, но и животных. Зульфикар сидел не смыкая глаз. Небо, будто гвоздками, утыкано золотыми звездами. Их так много и так они близко, что, кажется, — протяни руку и сорвешь любую, как персики с дерева. Зульфикар, лежа на спине, глядел на небо: вот нанесось, перечеркнув его, слетела звезда. Луна, точно серп, неподвижно висит среди звезд. А вот и знакомое созвездие Семь Разбойников. Он вспомнил, как мать его просыпалась в рамазан и глядела на эти звезды. Когда они скрывались за Минораи Каланом, она разводила в очаге огонь и начинала готовить еду. А сейчас Семь Разбойников ярко сияют над безмолвной пустыней. Но его размышления прервал Заврак.

— Теперь ты поспи, — сказал он, — а я посижу...

Вдруг с первой арбы легко прыгнула Бадия и пошла к ним.

— Ложитесь-ка вы оба, — сказала она, — а я покараулю. Мне все равно не спится. — В голосе ее звучали и жалоба и приказ одновременно, так что не покориться было нельзя.

Юноши согласились.

— Только ступайте на свою арбу, к родителям, — посоветовал Зульфикар. Когда Бадия удалилась, шепнул на ухо Завраку: — Из-за этой ее настойчивости меня уже раз изгнал зодчий из дома. Я не желаю больше огорчать старика.

— Все равно ты любишь ее, — отозвался Заврак, — да и она к тебе небезразлична.

- Не надо,— попросил Зульфикар.
- Нам-то со стороны виднее...
- Оставь ты, ради бога, эти разговоры.
- Влюбленные — самые беспечные на свете люди,— продолжал Заврак,— ничего вокруг себя не замечают.
- Дашь ты мне немного поспать или нет? Вот и сон из-за тебя прошел.
- Завидую тебе, друг мой. Полюбят ли меня когда-нибудь? Мой глаз, да и фигура тоже...
- Не в фигуре счастье, Заврак, не надо огорчаться — ты добр и умен, ты благороден.
- Это только ты так говоришь а девушкам подавай красоту да осанку. Ну, спи, друг, спи.
- О чем вы тут шепчетесь?— спросила, вновь подойдя к ним, Бадия.— Мне страшно одной, все кажется, вокруг ползают змеи. А вон там, слышите, воют шакалы. Воют и плачут, словно младенцы...
- Идите-ка на свою арбу, госпожа, так будет лучше.
- Да чего вы гоните меня, разве я не стала вам сестрой? Не бойтесь вы, ради аллаха, даже Харунбек нас не осудит.
- Тогда садитесь рядом с нами,— предложил Заврак.
- Не так-то уж мне хочется сидеть рядом с вами. Просто мне страшно. Вот посмотрите, на вершине бархана стоит див. Смотрите, смотрите, он движется. У меня мурашки по коже бегают. Люди говорят, что нельзя пролить кровь дива, потому что из каждой капли его крови рождается новый див. Это правда?
- И где только вы наслышались всех этих ужасов, госпожа?— рассмеялся Зульфикар.
- Не говорите так,— ответила Бадия шепотом.— Мы ведь ночуем в степи. И все нечистые духи видят нас. А вдруг соберутся и устроят здесь пир. Как известно, пир злых духов приносит беду. Вот они сидят на корточках на самой вершине холма и делают мне знаки. Ох, до чего же страшно. А может, это души тех убитых бродяг?
- Да вы, оказывается, просто трусиха... Ну-ка, смелее, никого тут нет. Может, суслик пробежал или полевка. Неужто нам, не испугавшимся бандитов, трястись при виде полевой мыши! Поговорим-ка лучше о

другом. Посмотрите на небо. Это не звезды, а изумруды, правда ведь? Да как их много. И такие красивые. Так и хочется сорвать их.

— И правда, хочется...

Зульфикар обрадовался, что отвлек Бадню, рассеял ее страх. Понизив голос, он начал читать газель:

Что же станет с душой, если слез и страданья не будет.
Если спутница-грусть разделять ожиданья не будет?
Эта жизнь мне на что, если жить с луноликой в разлуке?
Год и век ни к чему, если мига свиданья не будет.
Разлученное с ней, сердце высохнет, выгорит, свянет,
Если вздохов благих, причитанья, рыданья не будет.
Не вины красоту, что, прельщая, терзает и ранит,
Кто ей предан навек, тот просить подаанья не будет.
Может смерть подойти, прежде чем я открою любимой,
Злей обиды такой, тяжелей испытанья не будет.
Если краешком глаз на безумца не взглянет плутовка,
Тот надеждой пустой отвечать на признанья не будет.
Горе сгубит Лутфи, несчастливца застав одиноким,
Если образ ее он хранить и в изгнанье не будет.¹

— «Что же станет с душой, если слез и страданья не будет»,— как верно сказал великий Лутфи. Это он про нас,— заметила Бадня.

— Я ведь удостоился счастья видеть господина Лутфи. Он немного моложе нашего устада, высок ростом и худощав. В позапрошлом году мавляна Лутфи приходил к нам. Был на строительстве медресе. Верно?— Завтрак взглянул на Бадню.

Бадня молча кивнула. Она думала о том, как пытался отец спасти Низамеддина: обратился к этому знаменитому поэту, но тот не сумел сломить упорство государя и пришел к ним в дом выразить свое сочувствие. Слышала она и о том, что поэт покинул Хорасан. Бадня восхищалась этим человеком, сдержавшим свое слово, не пожелавшим простить государю отказа.

— Господин Лутфи — настоящий друг,— проговорила она.— И этот достойный человек покинул Хорасан. И впрямь на страну накатилась зима и начались холода... Жестокость государя переходит все границы.

¹ Перевод Т. Спендиаровой.

— Да и был ли вообще справедливый государь?— спросил Зульфикар.— Чингисхан, Угэдэй-хан, Чигатай-хан, Казан-хан, Туглик Тимур, Кебак-хан, Амир Тимур... кто из них делал добро народу?

— Говорить такое можем лишь мы, ибо в нашей семье был сторонник хуруфитов. А вы, господин Зульфикар Шаши, будьте осторожны, не следует произносить этих слов. Такие речи вели в свое время сарбадары.

— Ну вот, начали со змей и чертей, а кончили владыками,— усмехнулся Заврак.— Давайте уж о чем-нибудь другом. Завидую я этой свинье Гаввасу, храпит себе на всю степь. Вы тут обменивайтесь друг с другом бейтами, а я сосну малость.

— Нет уж, не выйдет!— Бадия схватила Заврака за полу чекменя.— Мы все в одной лодке, и у нас одна жизнь.

— Я всегда говорил, что вы тиран почище Кебакхана!— недовольно протянул Заврак.— Я ведь чего хотел? Чтобы вы поговорили свободно, хотел, как говорится, проявить свое великодушие. А вы не оценили моего благородного порыва. Ведь кроме джиннов и дивов, царей и змей в мире существует еще и... любовь.

— Господин Нишапури, советую сначала думать, а уж потом говорить,— оборвала его Бадия. Она любила шутки, но не желала переходить границы дозволенного.— Язык мой...

— ... враг мой,— подхватил Заврак.

На рассвете отдохнувший арбакеш напоил лошадей, запряг их, и путешественники, наскоро умывшись и перекусив, тронулись в путь.

И снова пески, а дальше за ними настоящие барханы. Чуть остывшие за ночь пески с первыми лучами солнца накалились. Зодчий разбудил дремавшую рядом с ним Бадю и показал ей огромную полосатую змею, свернувшуюся клубком под солнцем. Открыв глаза, Бадия уставилась на змею, и сон ее мигом улетучился.

И снова пески, пески, пески... И на следующий день то же самое. Казалось, не будет конца этим пескам и этому пути. Путники изнемогали от усталости.

Ехавший на второй арбе Гаввас Мухаммад уже давно ворчал, а теперь разлегся и начал стонать. Балованный сын довольно состоятельных родителей, он каялся теперь, что покинул родной дом и пустился в дальний путь. Он стонал, охал, проклинал судьбу, но Заврак с Зульфикаром скрывали это от зодчего, да и от Бадии, ехавших на передней арбе. Однако Бадия почуяла неладное и спросила Зульфикара, что стряслось. Зульфикар ответил, что ничего особенного, просто Гаввас совсем загрустил и проклинает своих спутников.

— Как тебе не стыдно вести себя так?— не выдержал наконец Заврак.

— Это ты, проклятый, сбил меня с толку,— вопил Гаввас,— ни за что я не выехал бы из Герата! Зачем я только поехал с вами! К чему мне эти муки! Это ты меня с толку сбил!

— А по-моему, вы поехали по собственному желанию. И Заврак тут ни при чем,— вмешался Зульфикар.— Мы и не думали брать вас с собой.

— А вы не встревайте в наш разговор, вам хорошо, вы из Бухары, вы вообще едете к себе домой.

— Я вовсе не хотел вас обидеть. Возьмите себя в руки, будьте же наконец мужчиной! Как не стыдно? Если зодчий услышит, то огорчится.

— Не нуждаюсь я в ваших советах! И не желаю даже смотреть на эти пески! Из-за ваших любовных шашней я вынужден страдать и мытарствоваться и в конце концов подохнуть среди барханов. А у меня семья, дети!

— Да вы, оказывается, просто глупы,— спокойно сказал Зульфикар, высвобождая свою ногу из-под Гавваса, распластавшегося на арбе. Зульфикара так и подмывало отвести Гаввасу увесистую пощечину, но он сдержался.

— Зря стараешься!— сокрушенно покачал головой Заврак, взглянув на Зульфикара.— Я давно знал, что он просто свинья! Это не впервой. Недаром же он купеческий сынок.

— Сам ты свинья!— заорал Гаввас.

— Да что с ним говорить! Ему даже экзамена не устраивали, и в подземелье он, как ты, не был. Устад Кавам пристроил его к нашему зодчему. Глядя на его художества, змеи и те сбрасывают кожу.

Гаввас отвернулся от своих спутников и снова громко застонал.

— Ой-ой-ой!— охал он.— Умираю! Будь прокляты эти пески, будь прокляты те, кто подбил меня на эту чертову поездку. Остановите лошадей! Остановите! Я вернусь назад!

Бадия спрыгнула со своей арбы и подошла к ним.

— Что тут происходит?— спросила она.

Зульфикар молча пожал плечами.

— Скажите арбакешу,— кричал Гаввас,— пусть поворачивает назад. Ой-ой-ой! Умираю!

Ничего не говоря родителям, Бадия перешла на вторую арбу. Они снова продолжали путь. Усевшись против Зульфикара, она обратилась к Завраку, сидевшему верхом на лошади:

— В чем дело?

— С самого утра блажит, госпожа,— объяснил Заврак,— вернуться, видите ли, желает.

— Ой, умираю! Будь прокляты эти пески, умираю! Поверните арбы! Вернемся в Герат! Ой...

— Господин Гаввас, что это еще за новости?— спросила Бадия, гневно глядя на Гавваса.

— Не поеду дальше, вернусь!..— кричал тот.

— Но поймите, вернуться невозможно. Мы уже приближаемся к Джайхуну. И проделали долгий путь. Если вы не хотели ехать, могли сказать об этом еще в Маймане!

— Все равно не поеду. Вернемся!

Бадия растерялась. И, желая удержать сердитые слова, готовые сорваться с языка, она изо всех сил стиснула зубы.

— Да он для нас как нарыв на голове. Заврак-ага, растолкуйте вы ему, ради аллаха, ведь он же мужчина. Стыдно!

— А на него ничего не действует, госпожа!

— Ничего знать не желаю, везите меня в Герат!

— Что же с ним делать?— взглянула на Зульфикара Бадия.

— Да он никого и слушать не хочет. Придется сказать зодчему.

— Зодчему хватает и своих огорчений.

Бадия снова обратилась к Гаввасу.

— Очень прошу вас взять себя в руки — сказала

Бадия, и глаза ее гневно сверкнули.— Не то я на-
кажу вас.

— Иди отсюда!— завопил Гаввас.— Не поеду я в
Бухару! Я болен! Поверните арбы!

Сделав знак Зульфикару, Бадия сердито крикнула:

— Сбросьте его с арбы!— И выхватила из-за голе-
нища кинжал.— Если вы сейчас же не сбросите его, я
заколю эту свинью!

Зульфикар, уже знавший, что противоречить Бадие
опасно, приподнялся, схватил Гавваса и столкнул его
с арбы. Гаввас, мягко свалившийся на песок, вскочил и
с криком кинулся за арбой. Это увидели и те, кто ехал
на первой арбе. Все молчали. Арбы продолжали свой
путь.

— Бесстыдный трус!— прошептала Бадия.

Гаввас Мухаммад снова упал на песок и опять начал
стонать и охать. Но уже через минуту он в страхе бро-
сился за удалявшимися арбами, однако, приблизившись
и увидев кинжал в руках Бадии и ее гневно сверкав-
шие глаза, испуганно попятился. А Бадие, отныне счи-
тавшей себя причастной к делу хуруфитов, Бадие, пок-
лявшейся отомстить за смерть брата, ничего не стоило
воткнуть кинжал в сердце трусливого Гавваса и бросить
его труп в пустыне.

Гаввас Мухаммад кинулся догонять первую
арбу.

— Возьмите меня, возьмите, не буду больше,
каюсь!— вопил он.

Никто не обернулся. Никто даже не поглядел на
него. И он понял, что сейчас все подчиняются Бадие.
Прекрасная молоденькая девушка казалась ему теперь
страшнее Караилана.

— Спасите, спасите, не оставляйте меня одного!

Бадия молча стояла на арбе. Потом, по ее знаку,
Заврак спрыгнул на землю, подошел к Гаввасу, который
все еще продолжал вопить, схватил его, втолкнул на
третью арбу, сам догнал вторую арбу, влез на нее и
уселся рядом с Бадией. Видевшие это Масума-бека, зод-
чий и Харунбек облегченно вздохнули.

— Взобрался?— тихо спросила Бадия.

Устраиваясь поудобнее, Заврак кивнул:

— Сунул его поверх вещей.

— За столько лет я не сумела разгадать его, не по-

няла, какой это ничтожнейший человечиска. Настоящая скотина.

— Успокойтесь, резкие слова не помогут ничему. И спрячьте свой кинжал, госпожа. У Гавваса недуг похуже падучей,— проговорил Зульфикар.— Просто толстяк, просто пустышка, не видевший в жизни трудностей. Но ведь и такие тоже живут на свете.

— Да, теперь я в этом сама убедилась,— ответила Бадия.— А он себе на уме. Как бы снова не начал выкидывать свои штучки.

Три арбы углублялись в сердце пустыни. До самого вечера никто не проронил ни звука. Лошади вконец выбились из сил.

И тогда, увидев, что товарищи его приуныли, Зульфикар негромко затянул песню:

Не прерывай, о грудь моя, свой звездопад:
Удары сердца пусть во мне всю душу раздробят!

Сидевшая рядом Бадия подняла голову, улыбнулась. А Зульфикар, увидев эту улыбку, запел громче. Ехавший на первой арбе Харунбек обернулся и весело воскликнул:

— Давно бы так, братец! Пой громче! Среди нас, оказывается, есть храбрецы, способные рассеять любую тоску.

Глава XXVII

УЧАСТНИКИ «ГРУППЫ ХУРУФИТОВ»

Ярко-желтые гряды песка, налезавшие друг на друга, слепили глаза, их волны, которым не видно было конца, походили на бушующий океан. А над ними стояло огненное марево, и все же зодчему, несмотря на невыносимый зной, дышалось здесь легче. Ведь живут же чабаны среди кызылкумских песков, хотя их именуют адом. Но почему-то именно здесь зодчий почувствовал себя лучше, бодрее. Заметил это и Харунбек. И сказал зодчему, что воздух здесь хоть и накален, но прозрачен и чист и действует успокаивающе на человека, как бы погружает его в состояние блаженства.

— Верно, верно,— подтвердил зодчий, потирая руки,— здесь на редкость легко дышится. И вы правиль-

но сказали, что человек не чувствует здесь душевного гнета, а, наоборот, становится бодрее. Уже позади горестный для меня Герат. Последнее время я чувствовал себя там больным, несчастным, а теперь я свободен, мне легко в этих забытых богом песках...

— Истинная правда,— подтвердил Харунбек,— вам действительно было там плохо, да еще доносчики Мухаммада Аргуна, точно водяные змеи, так и норовят влезть в нутро. Скажите мне, уstad, вы доверяете всем своим ученикам?

— Да, среди моих учеников нет предателей.

— А мне? Я ведь вам чужой, мне-то вы верите?

— Верю. Вы хороший человек. Честный и справедливый. Это я понял сразу.

— Благодарю вас! У вас чистое сердце, вы истинный зодчий, и вы человек широкого кругозора. А ведь вы могли бы и не поверить мне. Будь я на вашем месте, я бы, кроме жены да дочери, никому не верил. Вас преследуют, вы потеряли доверие двора, мало того — стали для них опасным.

— Откуда вам это известно?

— Слухами земля полнится!

— Удивительное дело! Слухи о горе, постигшем меня, оказывается, дошли и до караван-сараев.

— Вашу боль разделяет добрая половина жителей Хорасана. И те, кто терпит несправедливость царского двора, тоже на вашей стороне. Я сам пострадал от этих тиранов,— как видите, я арбакеш, а мой дед и мой отец были ткачами. Я тоже, как и они,— ткач. Но я читал книги Саида Имадиддина Насими и Мир-Касыма Анвара...

— Вот как!— внимательно поглядел на Харунбека зодчий.— Выходит, нет на свете человека, не изведавшего горя!

Они долго молча смотрели на неоглядное море песков. Зодчий вспоминал Мир-Касыма Анвара и «властина слова» Лутфи. Эти люди, эти талантливые поэты, были сдержанны, никогда ни на что не жаловались и на вопросы о здоровье неизменно отвечали: «Здоров, благодарю». «Хорошее пожелание — половина богатства»,— говорят мудрецы. Так и слова человека о том, что он здоров, сами по себе сулят долгую жизнь. Любой человеческий орган имеет уши и, ежечасно слыша

слова о том, что все тело здорово, действительно чувствует себя здоровым. Это великое открытие трех мудрецов дошло и до Шахруха-мирзы, который, прекратив военные походы, утвердился на троне Хорасана. И он тоже постоянно говорит всем, что здоров и бодр. Правда, это своего рода политика. Когда придворные, военачальники и беки слышат от государя, что он здоров, а вовсе не стар и слаб, им и в голову не приходит думать о том, кто сядет на трон после государя и на сторону какого царевича следует им склониться

— Ну что же,—проговорил Харунбек,—воля аллаха проявляется себя во всем, и в большом и в малом. Наш духовный наставник, высокочтимый Фазлуллах, внушал нам, что слово «ваджх»— «причина или основание»— имеет четырнадцать цифровых выражений, а двадцать восемь букв нашего алфавита — «воплощение и основа всего сущего»¹.

Зодчий снова внимательно поглядел на Харунбека. Перед его глазами вдруг встал его мальчик, его Низамеддин, а также и Ахмад Лур. «Ну хорошо, допустим, молодые люди увлеклись учением хуруфитов, но вот вы, Харунбек, вы уже не такой молодой, почему же вы разделяете это учение и верите в него? Какой в том смысл?» Зодчий едва не спросил об этом Харунбека, но вдруг вспомнил поэта Мир-Касыма Анвара, изгнанного из Хорасана год назад. Тот тоже верил в учение хуруфитов. А поэт и мыслитель Саид Имадиддин Насими, с которого после жестоких пыток заживо содрали кожу в городе Халебе и затем умертвили?! Насими принадлежал к секте шиитов и точно так же, как Мансур Халадж, уподобил человека богу, то есть вступил на путь богохульства. Именно поэтому были они убиты. Слухи о богохульстве Фазлуллаха распространили люди Мираншаха. Но на самом-то деле этот достойный человек пекся лишь о благе народа и разоблачал все гнусности тирании.

— Надо бы заново перечитать в коране главу «Бакар» и хорошенько вникнуть в ее смысл,—вслух проговорил зодчий.— В ней сказано, что и восток и запад— владения аллаха, и куда бы ни обратили мы взор свой,

¹ Согласно учению хуруфитов, буквы слова «ваджх» имеют числовое значение: вав — 6, джим — 3, хаввас — 5.

всюду мы видим воплощение облика всевышнего. Воистину беспределен его мир, он все видит, ибо владеет всем, проникает во все. По-моему, следует именно так понимать эту главу корана.

— Вы правы,—подтвердил Харунбек.—Говорят, что поэт Насими был человеком редкостно отважным и смелым. Рассказывают, что палач, пытавший поэта, спросил у него: «Если ты и есть оплот истины и олицетворение всевышнего, почему же ты желтеешь от пыток?» И обессиленный и обескровленный поэт ответил: «Я есмь солнце и вечно буду сверкать. Но и солнце перед заходом желтеет». Так ответить перед кончиной мог только умный, достойный и смелый человек. Даже царевичей охватил ужас. Да, и Мир-Касым Анвар, и мавляна Ашраф Марагави, и Саид Имадиддин Насими—великие поэты и великие люди. Я очень благодарен вам за ваши слова. Вы благородный человек.

— Уж очень глубокомысленную беседу мы завели с вами — улыбнулся зодчий.—Давайте поговорим о чем-нибудь другом, не таком печальном. Ведь и в Герате мы света белого не видели, и наши сердца томилась во тьме печали.

Харунбек тоже улыбнулся. Ему хотелось продолжить беседу о хуруфитах, говорить о священных и дорогих для него идеях, о возвышенных порывах души, но он понял, что зодчему тяжело сейчас слышать его речи, и умолк. Молчал и зодчий. Он думал о том, что теперь среди народа, а особенно среди учащихся медресе и среди мелких ремесленников, растет интерес к суфизму, а отсюда и к хуруфитам. И сын его, Низамеддин, тоже попал в этот водоворот. И заплатился за это жизнью.

Бадия наблюдала за оживленно беседующими отцом и Харунбеком. Она заметила характерную жестикуляцию отца, свидетельствующую, что разговор идет о весьма важных предметах. И села поближе. Услышав имя Фазлуллаха, произнесенное Харунбеком, Бадия сочла возможным вмешаться в разговор.

— Божественность помыслов воплощена в простом народе, и личность, отмеченная господом, озаренная его светом, выше любого властителя. Брат говорил, что господин Фазлуллах и есть такой человек. Но тайная группа хуруфитов не сумела сплотить вокруг себя си-

лы, и представители ее в одиночку поднимали меч против государя. Они поторопились, они действовали необдуманно. Ведь государи всемогущи. Недаром же Мираншаха называли змеиным шахом, а уж Шахрух—настоящий дракон.

— Прекрасно сказано,— одобрительно улыбнулся Харунбек.

— Хорошо, что повсюду только пески и никто не услышит твоих слов,—укоризненно заметил зодчий.— Если бы ты сказала такое в Герате, то тебе снесли бы голову раньше, чем твоему брату. О аллах! Каких же детей вырастил я! Прости меня и помилуй!

— Но ведь хуруфиты чисты помыслами и жаждут справедливости, они любят людей. И если бы молодые поняли это, то все стали бы хуруфитами,— улыбнулся Харунбек.

— Брат рассказывал мне,— подхватила Бадия,— каким пыткам подверг поэта Насими правитель Халеба Яшбек. А Яшбек был подвластен царевичу Султану Муaidu... Поэт погиб, но был и остается героем.

— Господин Лутфи говорил мне,— произнес зодчий, хоть за минуту до того решил не вмешиваться в разговор,— что Насими писал не как мирские поэты, по скрытому содержанию своему стихи его посвящены пути истины, они — суфийского толка. Поэтому тимуриды и уничтожили Насими и его учителя Фазлуллаха. И потому-то хуруфиты покушались на жизнь Шахруха.

— А Мир-Касым был выслан из Герата,— продолжал Харунбек.— Но Байеункур-мирза гордился великим творением его, «Шахнаме», и искренне любил своего учителя Мир-Касыма Анвара. Да и Улугбек был его близким другом, и все же на долю Мир-Касыма Анвара выпали черные дни. Как, впрочем, и на вашу долю, уstad. Но поэт нашел убежище и покровительство у Улугбека. Улугбек чтит его, верит ему.

— Брат рассказывал,— снова начала Бадия, с опаской взглянув на отца,— что еще при жизни Амира Тимура народ его ненавидел. Сын хорезмского народа, мавляна Ахмад, преисполненный болью и гневом за свой народ, который истребляли захватчики, посеял ячмень на месте сровненного с землей города Ургенча и от имени безвинно погибших проклял завоевателя в таких стихах:

Кровожадный тиран, адский пламень зажегший палач,
Погляди,— в небеса поднимаются стоны и плач,
И Джайхун и Сайхун не воды — слез народных полны,
Только знай, час придет — будут стоны и плач отмщены.¹

— Зря ты повторяешь эти гневные строчки. Да и я что-то слишком разговорился,— строго заметил зодчий дочери.— Мы с твоей матерью уже прожили свое, а ты не губи свою молодость, помни, такие слова и мысли к хорошему не приведут! Не зря мудрые люди утверждают: «Общаясь с воином, держи в руках секиру». А царевичи не станут и разговаривать с нами. По одному их знаку наши головы слетят с плеч. Будь осторожна, дочь моя, не говори лишнего.

— Верно, верно,— поддержал его Харунбек,— я согласен с замечаниями устада.

Смушенная своей дерзостью, Бадия потупила голову. Зодчий заговорил о другом, скорее, сделал попытку заговорить о другом:

—Представители царского дома творят жестокости и, видя, что это наносит прямой ущерб государству, пытаются взвалить вину на других, чтобы самим остаться в стороне. Тут и начинается размен ферзя либо жертва слона. Так случалось не раз, и вот теперь, в Ферганском сражении, погибло множество народу, на берегах Сайхуна бедность и нищета. По воле господина не уродила и земля. И тут-то объявили, что этот не вовремя начатый поход — затея Якуббека,— вину свалили на него и голову отсекли тоже ему. Да и вообще за последнее время много достойных людей обвинили в хуруфизме и выслали из Хорасана. Это тоже во вред государству. Убежден, что вину за это свалят в конце концов на Мухаммада Аргуна. И будет расплачиваться он. Царевичи умело скрывают от народа свои преступления. И призывают к ответу какого-нибудь визиря или военачальника. А сами пируют, предаются разврату и продолжают господствовать...

Харунбек и Бадия молча переглянулись. Ведь только что зодчий запретил произносить слова, порочащие двор и государя, а сам не сдержался и произнес целую обвинительную речь. Зульфикар и Заврак, уже давно сле-

¹ Перевод Александра Файнберга.

дившие за разговором, но не смевшие подойти к беседовавшим, наконец приблизились к зодчему.

— Дорогие мои,— сказал Наджмеддин Бухари,— мы вспомнили Саида Имадиддина Насими и Мир-Касыма Анвара. Вознесем же молитву за спасение душ этих талантливых людей.

И, опустившись на колени, он прочел молитву.

Все остальные последовали его примеру.

Безбрежные песчаные барханы тянулись вплоть до самого горизонта. Напоминали они бесчисленные безымянные могилы. Зодчему чудилось, будто под этими песчаными холмами-могилами лежит и его сын Низамеддин, и шестеро юношей, казненных вместе с ним, и Фазлуллах Астрабади, и поэт Насими, и Мир-Касым Анвар.

Глава XXVIII

ПЕСЧАНЫЙ БУРАН БЛИЗ ХАЛАЧА

Узнав об исчезновении Караилана где-то в песках, Мухаммад Аргун решил, что тот через Мавераннахр бежал за рубежи государства. Куда бы ни ступила нога этого человека, повсюду он оставлял после себя кровавый след. И делал он свое черное дело незаметно и со сказочной быстротой.

Хотя злые деяния его были окружены тайной, многие знали, как опасен и страшен Караилан. И все понимали, что рано или поздно люди какого-нибудь из царевичей расправятся с ним. Это, по-видимому, чувствовал и сам Караилан, ибо в последнее время начал копить золотые; но об этом тоже сумели проведать. Десятки подозрений роились в умудренных головах вельмож. Словом, приближенные государя смекнули, что безграничные привилегии, данные этому человеку, неизбежно навлекут беду на всю страну, хотя никто и не решался говорить об этом вслух. Нельзя считать, что народ — это просто стадо баранов. Настанет час, когда доведенные до отчаяния бараны превратятся в львов и тигров, и тогда им не страшны станут ни шахи, ни караиланы.

Таинственное исчезновение этого могущественного человека, стремящегося поставить себя при дворе выше самого Мухаммада Аргуна, не слишком-то опечалило последнего. Пусть провалится хоть в преисподнюю этот

мерзавец, и настанет тогда час истинного торжества его, Мухаммада Аргуна, настоящего визиря лазутчиков.

Мухаммад Аргун решил подождать месяц, а затем уже доложить о случившемся государю. Визирь не знал, да и не мог знать, что тело Караилана покоится в далеких песках.

После криков и воплей малодушного Гавваса, после его требований немедленно вернуться в Герат путники долгое время ехали молча. Зодчий тоже долго молчал, а потом вдруг сказал жене,— так привык он делать всю их совместную жизнь,— что перед глазами его встают новые очертания, новые контуры огромного здания, и, как только они благополучно прибудут в Бухару, он попытается начертить их на бумаге. Это будет медресе, равного которому не сыщется во всем мире. Да, если бы нашелся справедливый государь, зодчий верой и правдой служил бы ему своим искусством, своим умением, а тот платил бы ему за это не злом, а добром. Но тимуридам он служить не собирается. Это уже решено твердо. Он что-то усердно записывал в тетрадку, хотя арбу раскачивало, словно лодку на волнах. Масума-бека тоже привыкла к тому, что муж делился с нею всеми своими мыслями, и обычно внимательно выслушивала его; и вот сейчас, здесь, среди пустыни и песков, она слушала его с тем же вниманием и интересом, что и дома, одобряла, поддерживала. Но если говорить откровенно, до нового ль здания было ей сейчас, когда ее сын, ее мальчик остался в земле Герата? Никогда зодчий не знал покоя, всю жизнь искал он новые формы, новые контуры зданий, которые строил или собирался строить. На самом-то деле Масума-бека ничего не понимала ни в чертежах, ни в рисунках, но каждая черточка, проведенная на бумаге дорогим ей человеком, казалась ей истинным чудом. Она терпеливо слушала его и согласно кивала головой. И некому было сказать Наджмеддину: «Упрямый старик, ведь ты одной ногой уже в могиле, тебе ли строить новые здания?» «Такой уж он человек,— думала Масума-бека.— Эти самаркандцы, бухарцы и шашцы вовсе одержимые — пусть завтра суждено им умереть, а нынче они будут строить. Недаром говорят, что люди кипчакских степей, разбогатеv, женятся, а турки, разбогатеv, возводят новую крышу. Видно, это у них в крови...»

Уже наступила ночь, когда три арбы въехали в город Карки на берегу Джайхуна. Устроившись в караван-сараяе, зодчий с дочерью побрели к реке. Они умылись и выпили несколько глотков воды, славившейся своим необыкновенным вкусом, равно как и вода Зеравшана, которую все свое детство и всю свою юность пил зодчий. Здесь же, на берегу, он прочитал вечернюю молитву. Помолился и за спасение души сына, поплакал и, вернувшись в караван-сарай, поклонился своим спутникам. Зодчий приветливо заговорил с Гаввасом, сиротливо сидевшим в стороне, спросил о его здоровье и сказал, что теперь они поедут по Мавераннахру, что скоро пески кончатся, у Талимарджана, и они увидят нивы, сады и поля. Дальше же — сплошная благодать.

— Хоть и намучились мы, мулла Гаввас, но скоро вы увидите славный город Бухару, — пообещал зодчий. — Для того чтобы повидать свет, всегда находится причина. Кто же без причины покинет свой родной кров и согласится скитаться по пескам? Синдбад Мореход переплыл все моря и реки на свете, Ибн-Батут объездил весь мир и тоже носился по морям, исходил всю землю.

— Я причинил немало беспокойства своим спутникам, — виноватым тоном произнес Гаввас. — Меня зашлошило от качки. Простите меня, устат.

Гаввас смиренно опустил голову.

— Ничего, — сказал зодчий, — это и есть муки пути. Приедем в Бухару, отдохнем, отоспимся, и все забудется.

Утром Гаввас Мухаммад приветливо поздоровался со всеми, но в глаза Бадии и Зульфикара взглянуть не решился.

Плоты и каюки для переправы находились в городе Халач, и на рассвете три арбы снова двинулись вдоль реки к переправе. Теперь пески были лишь по одну сторону, а по другую весело текла река. С самого утра думал зодчий об Ибрагиме Султане, его образ неотступно преследовал старика. Своей жестокостью царевич напоминал деда, да и характером был странен — никто никогда не мог разгадать, гневается ли он или весел. Зодчий дивился, как могло случиться, что здесь, на пути к переправе, все время думает он об этом царевиче, жестоком и хладнокровном. Даже внешностью он отличался от своих братьев — царевичей Мухаммада Тарагая и красавца Байсункура. Это был настоящий монгол,

круглолицый, плосконосый, с резко выступающими скулами, ради своей прихоти или славы готовый не задумываясь уничтожить неугодного ему человека,— ну точно в-точь сам Мункахан. Удар противнику он наносит неожиданно, что называется, в спину. Подвластные ему беки Исфагана, Шираза, Мешхеда буквально трепещут перед ним, хотя почти все свое время Ибрагим проводит при отце, в Герате. Его боятся и иранцы и величают не иначе как «монгольским царевичем». То, что образ этого варвара все время всплывает в его памяти, даже пугало зодчего. А вдруг он появится здесь, среди этих песков? Хотя что ему здесь делать? Почти все время Ибрагим Султан проводит на ложе разврата. Нет для него, пожалуй, ничего слаще и желаннее, чем красивые женщины и наслаждения. Все его походы, битвы, убийства исподтишка, коварство подчинены лишь этой цели. Он насмехается над Улугбеком и Байсункуром, преданным науке и искусству. «Все это нужно лишь для обмана народа»,— говаривал он.

Однажды Ибрагим Султан дал поручение Наджмеддину Бухари и устату Каваму построить гробницу для рабыни, которую он замучил у себя в гареме. Устат Кавам срочно отправился в Шираз, а Наджмеддин отказался. «Несчастливая рабыня стала жертвой похоти царевича,— сказал он.— Строить гробницу для этой жертвы все равно что использовать рога благородного оленя вместо вешалки или пить вино из человеческого черепа. Царевич хочет воспользоваться даже смертью несчастной жертвы, лишь бы приумножить свою славу. Бедную девушку насильно увели от родителей и бросили в гарем. Пусть тело ее покоится в земле. Не могу я братья за такие дела». Все же в Ширазе была возведена великолепная гробница, но с той поры Ибрагим Султан люто возненавидел зодчего, посмеявшего произносить крамольные и неугодные ему речи. Многим было известно о том, что в свое время Субудай и Чигатай убивали женщин после проведенной с ними ночи, желая доказать этим свою мужскую силу. Таков был обычай монгольских правителей. Но если так поступают и тимуриды, то, значит, близок конец света. Какое же это доказательство мужской силы, это просто развращенность, близкая к болезненному умопомешательству. Зодчий говорил об этом открыто, и его слышали и дру-

гие зодчие и вельможи. И не было ни малейшего сомнения, что слова зодчего были тут же переданы царевичу. Но зодчего знал и почитал народ, его имя славилось по всему Хорасану, да и положение его при дворе мешало Ибрагиму Султану принять крутые меры и загубить Наджмеддина Бухари.

Масума-бека, заметив, что муж дремлет, обратилась к нему:

— Поглядите-ка, отец, пески бегут, будто вода.

— Вижу, вижу.

— А видите, вон там суслик!— воскликнула Бадия.— А змеи почему-то исчезли. Ни одной нет. Может, в окрестностях Халача вообще не водятся змеи? Да и вараны куда-то подевались!

— Взгляните на вершину бархана,— сказал Харунбек, сидевший на коне.— Песок действительно течет, суслики ведут себя беспокойно, а это нехороший признак.

— Что вы имеете в виду?— спросила Бадия.

— Возможно, будет буран. Но все от бога...— ответил арбакеш.— Говорят, что если при слабом ветре песок течет, значит, жди бурана. Пока нам еще ничего не грозит, но в здешних местах часто бывают бураны и смерчи. Уж скорее бы добраться до Халача. И лошади, бедняги, еле-еле тянут. Думаю, что до Халача мы доедем лишь к вечеру.

— И впрямь поднимается ветер,— сказал зодчий, приоткрывая край полога. Две арбы медленно ползли за первой, а два иноходца понуро плелись за арбами. Тяжелая дорога и жара усмирили даже этих норовистых коней. А вокруг все было выжжено и иссушено, и казалось, что природа задалась целью все испепелить, засыпать песком и иссушить. Горячие ветры пострашнее волков. Зодчий тревожно взглянул на Харунбека:

— Посмотрите вон туда, не смерч ли это?

Два желтых столба, крутясь, поднимались в небо.

— Взгляните-ка на компас, в какой это стороне?

— На северо-западе,— сказал Харунбек, положив на ладонь латунный компас.— Каракумы. Прямой путь ведет на Сакар, а если повернуть на запад, то там Мерв. Я извездил все эти места. Чаще всего бураны застигали нас на пути в Карки, Халач и Сакар. Да, идет смерч.

И суслики бегут в сторону реки. Лишь бы всевышний сберег нас! На все воля божья!

За вихревыми столбами, вздымавшимися вдаль, поднимались другие. Не обращая внимания на песок, струившийся под колесами арбы, зодчий не отрывал теперь взгляда от бешено кружившихся вихревых столбов, вздымавших песок и колючку. Они напоминали тянувшиеся ввысь минареты. А передний столб был чем-то похож на Минораи Калан, а задние — на гератские минареты. Порою даже казалось, что возникают порталы нового медресе Мирзо. Четыре года трудился зодчий над завершением этого здания, и не довелось ему увидеть торжества, не удалось порадоваться на дело рук своих. Вот вроде бы достиг цели, но, как говорят, свалился на пороге. Значит, такова судьба. Он вспомнил Шаддода, который создал рай на земле, а сам, не проникнув туда, упал и умер у его порога. И этот великолепный сад стал восьмым раем — такова была воля аллаха. Зодчий подумал о сыне — о несчастном своем мальчике, попавшем в пасть дракона. Он пошел сражаться против тиранов, вооружившись палкой. И стал жертвой этого опрометчивого шага. «И теперь ты лежишь в сырой земле. Кому это было нужно? Разве могла группа храбрецов сокрушить простершиеся от Востока до Запада владения тимуридов, имеющих в своем распоряжении бесчисленные войска? Безжалостные руки правителей задушили вас. Нельзя играть с огнем. На такое дело могли пойти люди уже пожившие, познавшие и радости и печали. Нам пришлось испытать все: и близость к царскому двору, и славу, и несправедливость. Мы знали, что быть близко к трону все равно что подойти вплотную к дракону. Мы воздвигали здания для владык, но здания эти принадлежат народу. А вас, младенцев, не знавших жизни, вас, неопытные юнцы, проглотил этот дракон, точно кусок мяса. И вы ушли из мира сего неоперившимися птенцами. И это мое горе на всю жизнь. Заххак пожрет еще много наших сыновей. Не скоро он еще покинет этот мир. А если и покинет, то место его займет другой дракон — Ибрагим Султан, а его сменит Аллаудаула. А может, Мухаммад Султан... Шахрух когда-то сказал: «Наше царство, волею божьей вечно». Мы умрем и уйдем из этого мира, а владыки — они вечны.

Нет,— вдруг подумал зодчий,— ведь придет когда-нибудь справедливый государь и пригreet бедных и сирых и покарает несправедливых. Придет час мщения. И быть может, под властью этого государя, этого владыки, расцветут науки и просвещение. И возлюбит он творцов и станет покровительствовать им. Но нельзя смирить свой гнев и отвращение при мысли, что тупые и бездарные вельможи идут в обучение к мудрым старцам и, проучившись короткое время в медресе и школах, выходят оттуда якобы отягощенные знаниями. Делается это отнюдь не ради занятия наукой. По настоянию родителей они идут в науку и потом жестоко мстят ей. Ведь когда-то и Ибрагим Султан тоже занялся математикой, надеясь этим отвлечь внимание от садистских своих наклонностей. Но он оказался неспособным к умственному усилию, более того, наука раздражала его, угнетала, и он в скором времени отослал своего учителя, щедро одарив его. Кому она нужна, эта чертова математика? Мужчина, дорожающий своим достоинством, должен изучать военную науку. Но ему отнюдь не улыбалось отстать от братьев, он хотел казаться умнее их и снова стал заигрывать с учеными. На сей раз решил изучать зодчество и воспыал любовью к устеду Каваму. Вбил себе в голову, что самолично построит множество прекрасных зданий. Но и из этой затеи ничего не получилось, и вскоре царевич расстался с устедом Кавамом. Что поделаешь, в голову Ибрагиму Султану не лезли геометрические исчисления, чуждо ему было любое творчество. Когда устед Кавам рассказывал ему историю какого-либо строительства, царевич зевал от скуки и думал лишь о разрушениях, гряде окровавленных трупов.

Зодчий погрузился в воспоминания. В такие минуты он ничего и никого не замечал и находился далеко от всех. Угадывая настроение отца, Бадия не мешала ему, хотя и беспокоилась. Она понимала, что отец страдает, но понимала и другое — его сердечную рану не излечить ничем. Тимуриды осыпали золотом тех, кто склонялся перед ними, но жестоко карали людей, посмевших высказать недовольство порядками в стране. Вот тут-то они никому ничего не прощали. Об этом знали не только вельможи и приближенные, знал об этом народ Хорасана и Мавераннахра, и стоило провиниться кому-нибудь, как он на всю жизнь попадал в разряд

подозреваемых. Во времена Тимура их обвиняли в сарбадарстве, во времена Шахруха — в хуруфизме. И всех их в лучшем случае высылали из столицы. Приверженцев суфизма — в Мешхед, царских вельмож — в Астрабад, военачальников — в горы Наранга работать в рудниках. Попал в число подозреваемых и Наджмеддин Бухари, но его, учитывая возраст, не выслали в Наранг или Мешхед, ему позволено было отбыть в паломничество, дабы прозести остаток дней своих в молитвах и предстать безгрешным перед всевышним. Но вмешался Байсункур-мирза, и зодчему разрешили отправиться на родину, в Бухару. Так возблагодарим же судьбу и за такую милость.

Три арбы медленно ползли по песку вдоль берега Джайхуна. Халач, куда они надеялись попасть еще до сумерек, теперь, казалось, стал еще дальше. Желтое облако пыли стремительно приближалось к каравану. Харунбек, с компасом в руке, взглядывался в движущийся смерч.

— Посмотрите-ка налево! Вон на тот отлогий холм!— сказал он.

— Вижу,— отозвалась Бадия.— Там лежат человеческие кости. Бедняжку, наверное, загрызли волки.

— Нет,— ответил Харунбек,— оглянитесь по сторонам. Здесь повсюду кости, черепа, скелеты. Волки не могли загрызть сразу столько людей. Здесь сражался Амир Тимур. Здесь разыгралась битва между самаркандцами и хорезмийцами. Ветер унес верхние слои песка, облизал холмы и обнажил скелеты. А вон сабли и щиты...

Люди на арбах глядели на человеческие кости и черепа. Им, разбросанным в песках, не было числа.

Бадие вспомнились вдруг двое их преследователей, с которыми они покончили в пути. Их тела тоже засыплют зыбучие пески. Но однажды поднимется ветер и обнажит бренные их останки.

Буран все приближался, ветер, вздымающий песок из-под колес арб, загудел, арбы окутало белое облако пыли. Фыркали и ржали лошади, копыта их увязали в песке. Песок, как ливень, обрушивался на крышу арбы. «Уж лучше бы действительно пошел дождь»,— подумалось Бадие. Но дожди здесь редкость. В здешнем небе не часто проплывают тучи. И Харунбек, изъездивший

эти места вдоль и поперек, никогда не попадал тут под дождь, а вот буранов нагляделся вдосталь.

Потянув поводья, Харунбек остановил арбу. Лошади, точно ждавшие этого, остановились как вкопанные. Передняя лошадь громко заржала. Другие арбы, подкатив поближе к первой, тоже остановились. Люди едва различали друг друга среди поднявшегося бурана. Зулфикар и Заврак, испугавшись, не случилось ли чего с зодчим, подбежали к первой арбе, но, увидев, что и Масума-бека и Бадия сидят на своих местах, успокоились. Зодчий понял их волнение, да и сам тоже беспокоился о них — идет буран, и трудно будет продвигаться вперед. Но, заметив, что юноши спокойны, обрадовался.

— Самый скверный кусок пути вот этот, а дальше уже Мавераннахр — прекраснейшая на свете страна, — проговорил он.

Юноши поняли, что их учитель беспокоится, но из всех сил старается сохранить бодрость. Гаввас Мухаммад тоже искоса поглядывал на зодчего.

— Что же нам делать? — обратился зодчий к спутникам. — Переждем буран здесь или будем двигаться вперед?

— Ехать дальше невозможно, — сказал Харунбек.

— Может, подъедем ближе к реке? — предложила Бадия, потирая запорошенные песком глаза.

— Это опасно, — ответил Харунбек. — Лучше остановиться здесь.

Все согласились с его предложением.

— Выпряжем коней и привяжем их крепче к колесам арб. Думаю, что буран кончится еще не скоро, — продолжал Харунбек. — Помню, он продолжался по три, по четыре дня. Хоть бы этот прошел побыстрее.

— Смотрите, Харунбек, вон там, где кружило, уже тихо. Сейчас смерч приближается к нам. Думаю, что здесь он пролетит быстро. Не надо только бояться. Но корм для лошадей лучше бы спрятать под арбы, а не то унесет.

— Снимайте войлок с передних арб, накроем колеса! — скомандовал Харунбек. — А сами заберемся под арбы.

Стараясь не обращать внимания на свирепо свистевший ветер, юноши затащили под арбы хворост и клевер и плотно покрыли колеса войлоком. Бадия и

Масума-бека спрятались в этом самодельном шатре. Ветер гудел теперь беспрерывно, и казалось, ему ничего не стоит подхватить и унести этот войлочный шатер. Арбы подрагивали, но лошади, привязанные к колесам, стояли неподвижно, упираясь ногами в землю. Два чужих иноходца тоже присмирели.

Знаменитый халачский буран!

Тем, кто ездил из Хорасана в Самарканд и Бухару, хорошо знаком этот смерч. Таков ближайший путь, и миновать Мукры, Карки или Халач, не переправясь через Джайхун, просто невозможно. Есть другой путь — через Ханабад, Кундуз и Калаи Зал, но им пользовались в основном те, кто направлялись в Кабул и Дели. Зодчий, Харунбек и все остальные, забравшиеся под арбы, думали об одном: добраться бы до Ходжаабада на той стороне реки, а оттуда до Талимарджана. Но неожиданно налетел буран, и пришлось притаиться здесь, в песках. Чуть приподняв край войлока, зодчий пытался разглядеть хоть что-нибудь, но кругом вилось облако песка, и в небо то и дело вздымались столбы пыли. Смерч приближался. Но зодчему эти столбы казались минаретами и золотыми куполами. Он разглядел и величественный дворец, уходивший в небо, и застыл в изумлении. Он уже забыл о ветре, сотрясавшем арбу, грозившем унести весь их скарб. Перед взором его возвышалось великолепное здание, созданное бураном. Величественные своды, арки, боковые башни, чудесные купола — все это было в тысячу раз прекраснее даже Белого дворца и Баг-и-Джахан-аро. Огромный черный столб из песка и пыли вдруг напомнил ему очертания крепости Ихтиериддин. Сердце зодчего пронзила острая боль — там убили его сына. Во всем мире нет более страшного, более грозного здания.

Харунбек, заметив, что зодчий сидит неподвижно, погруженный в раздумье, подумал о том, что старика мучит сейчас горькая обида на судьбу.

Бадия тихонько тронула отца за руку:

— Дать воды, отец?

Зодчий вздрогнул.

— Нет, я не хочу пить, — проговорил он. — Гляди-ка, дочка, я замечтался; мне почудилось, будто вон там возвышается огромный дворец...

Бадия взглянула на Харунбека. Ей хотелось бы объ-

яснить арбакешу, что отец ее вовсе не сумасшедший, как может показаться на первый взгляд, что он, как все ученые, все мудрецы, подчас отвлекается от того, что происходит вокруг, забывает обо всем на свете, поглощенный своими мыслями. Ведь прекрасные здания создаются не просто из кирпича. Это сотни бессонных ночей, раздумий, поисков, решений, радостных открытий и смелость отказа от почти найденного решения.

— Я совсем забыл о барханах,— продолжал зодчий.— Там ведь тоже дворец. О господи, откуда бы ему тут взяться? Видно, всевышний направляет все мои помыслы на то, чтобы я воздвиг еще один величественный дворец. Я так ясно видел его. Нет, это не сон, я видел его среди бела дня, наяву. Если бы не воля всевышнего, я бы не смог увидеть дворец в пустыне! О, чудо из чудес!

И Бадия, и Масума, и Харунбек в полутьме под арбой молча смотрели на зодчего, смотрели, но никто не осмелился с ним заговорить.

— Бадия, дочь моя, не можешь ли ты позвать кого-нибудь из моих учеников, Зульфикара, Заврака или Гавваса? Пусть принесут с собой тетрадь, карандаши и линейку.

— Я позову,— вызвался Харунбек, поднимаясь с места.

— Что с вами, отец?— обратилась Масума-бека к мужу.— До тетрадей ли в такую минуту!

— Бог озарил мою душу. Я видел своими глазами величественный дворец и должен запечатлеть его на бумаге. Помнишь, точно так же было и с медресе Мирзо. Я хочу набросать кое-какие детали, чтобы не забыть их.

Под завывание вздымающего пески ветра Зульфикар и Заврак вползли под арбу зодчего. Хотел было войти и Гаввас Мухаммад, но для него в этом самодельном шалаше не нашлось места. Тогда Харунбек и Гаввас, опустившись на колени у арбы, сунули головы в шалаш. Получилось так смешно, что Бадия едва удержалась, чтобы не расхохотаться. Она прижалась к матери и глядела на Зульфикара, который, присев рядом с зодчим, достал из-за пазухи тетрадь и разложил ее на коленях. Он протянул зодчему карандаш. Заврак прильнул к Зульфикару и из-за его плеча следил за рукой зодчего, набрасывающего на бумаге линии.

— Никак я не даю вам покоя, а?— промолвил зодчий.

— Можете свободно располагать нами, уstad.

— Да, бог озарил мою душу, глядите, глядите, какое здание представилось моему взору. Вон те столбы пыли похожи на минареты, а взвихрившийся желтый песок — это стены и арки. Боюсь, как бы по старости не позабыть всего этого, вот и хочу набросать чертеж и сделать отметки. Ах, если бы нашелся справедливый государь, я воздвиг бы это здание в его честь. Если бы он был таким же, как Искандер, как Фаридун ил Харун-аль-Рашид. О, будь они живы, дворец был бы достоин их, я бы построил для них этот дворец и назвал бы его Белым дворцом. Но, увы, их уже нет на свете.

Под арбой в полумраке зодчий наносил на бумагу чертежи, писал какие-то знаки, затем на чистой странице чертил снова и снова. Ученики не отрывали взгляда от тетради. Как зачарованный смотрел на зодчего Харунбек, а Бадия не отрывала глаз от лица Зульфикара. Масума-бека растерянно оглядывала их всех, наблюдала за каждым их движением. Для несчастной матери здесь все были равны. Но больше всего она жалела Гавваса Мухаммада, обиженного и оскорбленного, как ей казалось.

Набросав в тетради фигуры и линии, зодчий стал что-то объяснять своим ученикам. Пользуясь вычислениями Пифагора, зодчий поставил цифры в углах треугольников и во внешних углах, образованных пересечениями прямых линий. Даже из одного только описания зодчего рисовалось нечто сказочно прекрасное. Хотя многие объяснения зодчего граничили с фантастикой, но сам по себе замысел был столь грандиозен, что преданные ему ученики почтительно соглашались со всем, что бы он ни сказал. А ветер между тем тряс арбу, покрытую войлоком. Гаввас и Харунбек то и дело поглядывали на крутящиеся небесные столбы.

— Послушайте, уstad,— начала Масума-бека,— да кто будет внимать вашим словам и глядеть на ваши чертежи, до того ли нам сейчас? Может быть, нас вот-вот погребут пески... Оставьте ваших учеников в покое, пусть лучше смотрят за лошадьми. Да сохранил нас всевышний!

— А ты читай молитвы о нашем спасении и отгоняй

от нас злых духов,— улыбнулся зодчий и подмигнул своим ученикам.— Руки у нас свободны, все равно сидим без дела. Такова уж наша участь.

— Но ведь страшно!

— Кому? Тебе одной или Бадие тоже?

— Мне одной,— призналась Масума-бека, еле удерживая край войлока, который буран буквально рвал из ее рук.

— Не бойся, мы же все здесь с тобой. Буран скоро уляжется, а когда переберемся на ту сторону Джайхуна, все напасти останутся позади. Ведь та сторона — Мавераннахр. А ты, Бадия, не боишься?

— Нет, отец.

— Слышишь, мать?

— Слышу,— ответила Масума-бека.— Но вы точно игроки в шахматы, думаете только об игре, сами с собой разговариваете, а мы сидим и ничего не понимаем. Поговорите о чем-нибудь понятном. Доберемся ли мы к вечеру до Халача?

— Если аллах будет к нам милостлив,— сказал зодчий, снова ушедший в свои расчеты.

И вдруг словно гигантский кулак ударил по арбам. Заржали кони. Все погрузилось во тьму, в лица летел песок. Арбы ходили ходуном. Сидевшие под арбой невольно вцепились в колеса, и казалось, среди этой жуткой тьмы чья-то страшная рука хватает все подряд и швыряет вверх. Будто началось землетрясение, даже земля и та уходила из-под ног, ничего нельзя было ни разглядеть, ни понять.

— Смерч!— проговорил зодчий, в рот и ноздри ему уже набился песок.— Крепче держитесь друг за друга!

И сам невольно схватил за руки дочь и жену. Зульфикар одной рукой вцепился в колесо арбы, другой крепко держал Бадю. Заврак повалился на ноги зодчего. Харунбек и Гаввас изо всех сил ухватились за колеса арбы и закрыли глаза.

— Не двигайтесь с места!— снова закричал зодчий.— Смерч скоро пройдет.

Вокруг стоял непроглядный мрак. Ветер беспрерывно швырял в лицо песок, и невозможно было открыть глаза. Путники, сбившись в кучу, ухватившись друг за друга, не смели поднять головы, выглянуть из-за войлока и посмотреть, что происходит вокруг. Вскоре тьма

рассеялась и начало светлеть. И хотя все еще завывал ветер, зодчий осторожно высунул голову и огляделся — смерч пронесся вдаль.

— Кончилось, кончилось!— воскликнул он.— Господь уберет нас.

Остальные тоже высунули головы и посмотрели по сторонам. Пыльный вихрь был уже далеко, его относило в сторону Карки. А здесь, где он только что прошел, летали куски войлока и хворост. Смерч словно слизнул песок, смел прежние холмы, настлал новые. Вторая арба опрокинулась, а третью унесло далеко в сторону и наполовину засыпало песком. На ней не оказалось ни груза, ни корма для лошадей. Трое лошадей, привязанных к колесам арбы, стояли на месте, а остальных и след простыл. Вдруг путники заметили в стороне, неподалеку от арбы, засыпанной песком, бессильно бившуюся лошадь. Она не могла выбраться из песчаной ямы, песок почти полностью поглотил ее. А двое чужих иноходцев исчезли бесследно. Зодчий вылез из-под арбы. Огляделся. Арбы были пустые — унесло все: и ковры, и подстилки, и мешочки с хлебом и толокном, и тюки с одеждой. Только под полуопрокинутой третьей арбой лежали чугунный котелок, лопаты да кетмени...

Зодчий бросил взгляд на Масуму-бека, сидевшую на песке:

— А мешочек с деньгами остался?

— Остался,— ответила жена,— вот один у меня.

— И у меня тоже есть,— поспешила успокоить отца Бадия.

— Ну и слава богу,— вздохнул с облегчением зодчий.— Как говорится, огонь взял свое, вода — свое, остались денежки, вырученные от молока... И это, благодарение господу, тоже удача.

Зульфикар Шаши и Заврак Нишапури побежали к полуопрокинутой арбе выручать лошадь. Гаввас с лопатой в руке побежал вслед за ними. Харунбек быстро взобрался на холм. Он искал пропавших иноходцев. Нигде ни признака живой жизни. Счастье, что хоть их лошади уцелели.

— Господь сохранил нам жизнь,— промолвил зодчий,— ведь с бураном шутки плохи. Он похуже бандитов и разбойников. Возблагодарим же судьбу, что мы остались живы!

— Мне приходилось видеть бураны...— сказал Харунбек, подходя к зодчему.— Но этот разорил нас и раздел до нитки. Если мы не доберемся до Халача, животные погибнут без корма и воды.

— Так давайте же собираться скорее,— подхватил зодчий.— Значит, суждено было и эту беду испытать. Но у нас есть деньги, и мы, конечно, возместим нанесенный вам ущерб.

— Это все от бога, уstad! За вред, нанесенный такой напастью, я с вас денег не возьму.

— Сейчас и деньги, и все у нас общее, доберемся до Бухары, а там будет видно,— сказал зодчий.

Трое юношей привели вызволенного из песчаного плена буланого.

Затем, надеясь найти хоть что-то из унесенного вихрем, они разбрелись по барханам и низинам, но ничего не нашли. Смерч, взяв свое, умчался дальше, в пустыню.

— Посмотрите получше,— крикнул Харунбек,— не видно ли где коней. Куда они могли деться, бедняги? Хоть их хозяин и был дурным человеком, да жаль скотину, она-то ни в чем не повинна.

— Ничего не видно,— сказал Заврак.

— Скажите господину Шаши, пусть он тоже поищет, хорошенько посмотрит,— посоветовала Бадия.— А вы, господин Нишапури, ну что вы можете увидеть одним глазом?

— Господи, нашла тоже время шутить,— разозлился Заврак. И, отвернувшись, шепнул Зульфикару:— Тут такое творится, а она о глазах говорит.

В ответ Зульфикар только улыбнулся.

— Слышу, слышу, что вы там шепчете, господин Нишапури! Небось поругиваете меня,— откликнулась Бадия. Желая хоть немного приободрить своих спутников, она улыбнулась им, словно прося прощения, что так неудачно пошутила с Завраком.— Если метать пращу не умеючи, она может ударить и по голове и по ногам!..

— Нет, госпожа, вовсе я не ругаю вас, а говорю, что мы ищем тремя глазами и все равно ничего не находим.— Заврак оглянулся на Зульфикара.— Два глаза Зульфикара да один мой. А тремя глазами можно и иголку на песке разглядеть.

— Что сделано, того не исправишь, и горевать тут нечего,— заметила Бадия.— Поэтому-то я и думаю, что нет сейчас ничего полезнее шутки. Разве не так?

— Совершенно верно, госпожа,— отозвался Заврак.

Маленький караван, точно разграбленный разбойниками, собрав жалкие остатки скарба, стал готовиться к отъезду. Бадия, у которой пересохло в горле, тщетно искала бурдюк, видимо, тоже погребленный в песках. Кони истомились от жажды. У зодчего слиплись губы, и он, скрывая томившую его жажду, глотал слюну. Жажда куда мучительнее, нежели голод, думал он. Вдруг Гаввас схватил бочонок, привязанный к оглоблям, взял кувшин для масла и решительно направился по дороге в сторону восхода солнца.

— Река тут где-то рядом, но сможет ли он ее найти?— проговорил Харунбек.

— Посмотрите на компас, в верном ли направлении я иду?

— В верном,— Харунбек взглянул на свой компас.

— А раз так, значит, найду.

— Только не мешкайте, сынок, мы не можем оставаться до бесконечности здесь,— сказал зодчий.

— Ничего, я мигом.

Гаввас Мухаммад, таща бочонок и кувшин, спустился по склону бархана. Боясь упустить драгоценное время, он бросился бежать изо всех сил. Ведь он знал, что уже с водой не очень-то разбегаешься.

— Что ни говори, а настоящий «гаввас»!¹— усмехнулся Заврак.— Не знаю почему, но я верю, что он непременно отыщет воду. Но если этот барчук, не дай бог, наткнется на змею, то он бросит и бочонок и кувшин и примчится назад как оглашенный.

Бадия едва заметно улыбнулась:

— Значит, тогда придет ваш черед!

— Да я бы и сейчас пустился бежать. Только вот посуды нету.

— Не говорите таких слов, не обижайте Гавваса Мухаммада,— сказала Масума-бека.— Ведь и он тоже свет чьих-то очей. Нет человека без изъяна! Ну и что из того, если он немножко пуглив. Вот и уstad наш боится лягушек.

¹ Гаввас — водолаз, искатель жемчуга.

Лошади были уже запряжены, все взобрались на пустые арбы и стали ждать Гавваса.

А его все не было. Зодчий начал уже терять терпение.

— Потерпите, уstad.

— С тех пор как мы вышли в путь, он то стонал, то охал, а теперь еще заставляет себя ждать. Видно, не испытал в жизни трудностей этот человек.

— Потерпите,— снова проговорила Масума-бека.

Вдруг вдаль появились черная точка. Заврак, сидевший на арбе, поднялся во весь рост и объявил, что идет Гаввас.

— Да так ли уж это?— спросила Бадия с первой арбы.— Хотя вам верить можно, вы ведь точно в подозрительную трубу смотрите.

— Нет, вы только поглядите, и жажда ее мучит, и совсем без сил, а все-таки смеется надо мной! Вы послушайте, матушка!

— Ничего, ничего, брат и сестра не должны обижаться друг на друга,— примирительно сказала Масума-бека.— А ты, Бадия, дочь моя, оставь свои неуместные шуточки. Заврак одним глазом видит лучше, чем иные двумя.

Бадия улыбнулась и незаметно подмигнула Зульфикару.

Печальные и унылые зодчий и Харунбек, совсем как воины поверженные и побежденные, со сломанными саблями и продырявленными щитами, при этих словах слегка оживились. Они не отрывали взгляда от приближавшегося к ним Гавваса, который, запыхавшись и обливаясь потом, тащил воду. Даже лошади, запряженные в арбу, коснулись в его сторону. Харунбек живо прыгнул на землю, чтобы помочь Гаввасу. Усталый, измученный Гаввас подошел к арбе и протянул бочонок с водой Харунбеку. Он до того устал, что едва шевелил языком.

— Только вот вода мутновата.

— Э, братец, хоть и мутновата, а все-таки вода! Дай тебе бог здоровья.

— Да ниспошлет вам господь счастье,— проговорила Масума-бека.

— Ну что вы скажете?— Харунбек взглянул на зодчего.

— Давайте попьем из кувшина. А из бочонка понемножку попоим лошадей,— решил зодчий.

— Устад, я могу сбежать еще раз! Река не так уж далеко, только идти очень трудно. И вода в реке почему-то мутная...

— Джайхун всегда мутный,— сказал зодчий,— но благодаря вам и принесенной вами воде мы, сынок, доберемся до Халача. Доброе вы сделали дело...

Гаввас радостно улыбнулся. Значит, зодчий доволен им. Когда арбы одна за другой двинулись в путь, Гаввас, сидевший рядом с Завраком, потихоньку вытащил из-за пазухи змею и незаметно положил на колено Завраку. А через минуту Заврак, увидевший, что на его коленях извивается полосатая змея, с воплем ужаса спрыгнул на землю.

— Эй, что там стряслось?— крикнул Харунбек, натянув поводья.

— Что случилось?— Зульфикар и Бадия тоже уставились на Заврака.

— Это вы посмели выкинуть такую штуку?!— обозлился Заврак, повернувшись к Гаввасу Мухаммаду. Только сейчас он заметил, что у змеи расплюснутая голова.

— Мне ведь известно, что вы не боитесь ни змей, ни драконов, богатырь Нишапури!— усмехнулся Гаввас.

— Вы, наверное, слышали наш разговор. Но как вы могли его услышать? Вы были уже далеко.

— Каждое слово, имеющее отношение ко мне, я слышу даже издали. Если вы еще вздумаете высмеивать меня и называть трусом, то в следующий раз я притащу дракона.

Ясно, Гаввас Мухаммад не слышал их разговора, но решил заранее, что завзятый шутник Заврак непременно что-нибудь о нем скажет. А теперь он сам посмеялся над ним, удивляясь в душе собственной пронциательности.

— Ну и молодец!— воскликнул Заврак. Взобравшись вновь на арбу, он положил руку на его плечо.— Расскажите-ка нам, как вы поймали и убили этого гада?

— Вижу, лежит на песке, подняла голову и язык высовывает. Я подошел поближе и размозжил ей голову кувшином. Вот и все! А ваши слова я не слышал, просто

догадался, что вы непременно отпустите шуточку мне вслед. Вы ведь без этого не можете.

— Восхищен вашей проникательностью, Гаввас!

— Дайте мне поглядеть на змею,— попросила Бадия.

— Оставь!— осадила дочку Масума-бека.— И кто это забавляется змеями? Глядеть и то противно!

Напившись и весело пофыркивая, лошади тронулись в путь.

Ночью путники въехали в Халач и остановились в караван-сараяе. И опять Гаввас, который теперь повсюду ходил за Харунбеком, показал себя с самой лучшей стороны. Он занялся хозяйством. Переговорив со слугой караван-сарая, приготовил еду и чай. Вдосталь напоив лошадей, задал им корма. Зульфикар и Заврак только удивлялись такому рвению, такой деловитости Гавваса. Но что тут плохого? Если он понял, что именно таким и надо быть в пути, то это же прекрасно!

На следующее утро началась переправа через реку. На плот погрузили лошадей и арбы. На деревянном плоту помещалась только одна арба, и пришлось трижды пересечь реку. В четвертый раз на плот сели Бадия, Масума-бека, зодчий и Зульфикар. Решено было не останавливаться в Ходжаабаде, а держать путь прямо на Талимарджан или Файзабад.

Гаввас держал себя молодцом, и при переправе он трижды перевозил лошадей, держал их под уздцы, чтобы они не испугались. Видно, он старался загладить свою вину перед товарищами. Все поняли и оценили его старания.

— А я думала, что наш Гаввас человек трусливый, и, оказывается, ошиблась,— промолвила Бадия.

— Госпожа Бадия, ведь он сейчас в стране вод,— ответил Заврак.— А гаввасы именно в воде и чувствуют себя богатырями. Они рыбьей породы, песков терпеть не могут. Ведь рыбе что нужно? Вода и вода.

— Нет, он и в песках оказался богатырем!— засмеялась Бадия.— А вы богатырь в разговорах! Признайтесь, что на сей раз вы побеждены!

С минуту Заврак молчал, затем, приложив руки к груди, сказал:

— Признаюсь, моя госпожа!

После переправы через Джайхун три арбы покатали по Ходжаабадской дороге к городу Талимарджану. Хотя

путь их все еще лежал через пески, но перед ними уже была земля Мавераннахра. И эта земля, как не раз говаривал зодчий, была священной и самой прекрасной на всем свете.

Глава XXIX

ТЯЖКИЙ НЕДУГ

Талимарджан — маленький невзрачный городок при большой дороге и расположен на голых и пустых взгорьях, сменивших пески Карки, Халача и Ходжаабада. Он лежит далеко от реки, около Кизкудука и Файзабада. До самого Бешкента и Карши расстилаются неоглядные степи, но тут можно встретить хоть чабанов, пасущих свои отары. Тут много колодцев и искусственных водоемов. Вплоть до самой Кашкадары, расположенной недалеко от Бешкента, нет иной воды, кроме колодезной... Здесь и душно и жарко и щедрое солнце с утра и до самой ночи сияет в лазурном небе. Но вырастить здесь сады мешают солончаки и безводье. На десятки верст ни одного зеленого деревца. Вот если бы обводнить эти земли, взрастить здесь виноград и плоды, край этот стал бы краем неслыханного изобилия.

Караван-сарай притулился на окраине городка, у дороги, и самые лучшие комнаты обычно занимали чиновники, направлявшиеся из Самарканда в Герат. Хозяин караван-сарая рассеянно взглянул на зодчего — и предложил ему два помещения, где обычно останавливались бедняки и каландары¹. Путников, у которых и поклажи-то настоящей не было, да и есть им, видно, было нечего, холодно встретили и слуги караван-сарая. Юноши сами выпрягли коней, перетасили в комнаты жалкие пожитки, уцелевшие от бурана. Но через некоторое время хозяин вошел вместе с Гаввасом Мухаммадом в комнату и обратился к зодчему:

— Уважаемый господин, я приготовил для вас наверху большое помещение, — с этими словами он предложил руку к груди и почтительно поклонился.

Помещение было устлано прекрасными такаявмута-

¹ *Каландар* — странствующий дервиш.

скими коврами, тут были пуховые подушки и пуховые одеяла — словом, все необходимое.

— Что, в сущности, произошло?— удивлялся зодчий. Это молниеносное преобразование хозяина показалось ему странным. И поэтому он то и дело поглядывал на Гавваса Мухаммада, стоявшего рядом с хозяином. Не соврал ли он чего, уж не выдал ли зодчего за кого-то другого, желая ему угодить? Почему вдруг хозяин стал лебезить перед ним и даже называет господином?

— Простите, пожалуйста, господин, сколько бы вы здесь ни прожили, мы к вашим услугам,— заметил хозяин и, оставив зодчего наедине с Гаввасом Мухаммадом, удалился.

— Что все это значит?— спросил зодчий, глядя на Гавваса.

— Да ничего особенного — только деньги. Не думайте, ради бога, ничего худого не произошло. Я дал ему пять золотых, вот и все. И ровно ничего не сказал. А ему только деньги и нужны. У меня есть золотые, мне отец дал. К чему они, если не пустить их в дело в нужную минуту? Нет, нет, я не хитрил и не обманывал никого, поверьте!

— Благодарю вас.

Гаввас провел зодчего в отведенную комнату.

— Наша матушка, сестрица Бадия и вы будете отдыхать здесь. И не слуги хозяина, а мы сами, ваши ученики, будем помогать вам во всем.

— Спасибо,— сказал зодчий, которому было приятно внимание его верных учеников.

Подозвав жену и дочь, он вошел в большое светлое помещение.

Во дворе хозяин, заметив Гавваса, стоящего у колодца, сообщил ему, что в этих чертогах несколько лет назад провел ночь сам Мухаммад Тарагай Улугбек-мирза, направлявшийся в Герат, а кроме того, тут соизволил останавливаться и Шах Малик, так что помещение это самое что ни на есть лучшее во всем караван-сараяе.

— Этот уважаемый господин поэт? Он выслан из Хорасана?— спросил хозяин.

— Нет. Этот господин — зодчий.

Больше Гаввас не добавил ни слова. Хозяин же, и впрямь ничего не поняв, отправился, покачивая головой, по своим делам.

Зодчий, старавшийся держаться бодро после халачского бурана, на самом деле чувствовал себя утомленным и, войдя в предоставленную его семье комнату, тут же лег в постель. Одна лишь Бадия недоверчиво нахмурилась, узнав о внезапной перемене, и на всякий случай положила поближе к себе исфаганскую саблю брата, завернутую в тряпку. Подвесив к поясу еще и кинжал, она незаметно передала Зульфикару его оружие — еще одну саблю. И хотя тот удивился, но не посмел перечить мудрой Бадие.

Убийство бандита в ущелье, еще тогда, на празднике весны у горы Кухиснѐх, трагедия в песках у колодца в степи Калиф... все это вселило в душу зодчего страх и тревогу. «Что, собственно, происходит?» — мучительно думал он. После казни Низамеддина слишком много убийств, смертей. Неужели Бадия мстит за брата? И как видно, не испытывает ни мук, ни угрызений совести. Для нее все это есть обычный ход жизни, со всеми ее неизбежными жестокостями, а вот для зодчего, всю свою жизнь посвятившего книгам, творчеству, это казалось тяжким испытанием. Не взяться ли сейчас за чтение «Аубобуль альбоб»¹ Мухаммада Авфи? — слава аллаху, книга сохранилась в сундуке, не унесенном бураном. Или вникнуть в «Мукаддиматуль адаб»² Махмуда Замахшари, или заняться «Мутасмуш шуаро»³ Абу Али ибн-Сины? Он всей душой любил эти книги, но сейчас ему ничего не хотелось, он даже не мог заснуть в этой просторной и чистой комнате, а лишь ненадолго забывался и бредил. Масума-бека поначалу не беспокоила, приписывая состояние мужа усталости и пережитому бурану, но Бадия сидела расстроенная и вздрагивала всякий раз, когда до нее долетало сонное бормотание отца: «Нет, нет, я не убивал...» До самого рассвета она не сомкнула глаз.

Еще до зари зодчий проснулся и вышел за ворота караван-сарая. Вокруг расстилалась степь без конца и без края. Он посмотрел на бледный серп луны, висевший над холмами. На миг ему почудилось, будто серп этот опустился прямо на холм. Впервые в жизни он

¹ «Аубобуль альбоб» — «Суть души».

² «Мукаддиматуль адаб» — «Предисловие к нравственности».

³ «Мутасмуш шуаро» — «Руководство для поэтов».

наблюдал такое необычное явление. Он умилился и растерялся одновременно — вдруг вспомнилась луна над куполом Джаме-мечети. Но та луна отливала серебром, а эта бледно-золотистая. Зодчий простер руки к небу и начал читать молитву. Он просил всевышнего ниспослать людям добро и счастье. И сразу на душе стало светлее, стало спокойнее. Весь мир, казалось, помолодел, возродился вновь к жизни, природа пробуждала в старом сердце боль и радость. И снова на востоке он увидел купол. Холмы теперь принимали очертания стен, арок и порталов того здания, которое привиделось ему во время бурана в песках. И самое удивительное было то, что своими очертаниями оно напоминало набросок, запечатленный им в тетради. Долго стоял в одиночестве зодчий. Утренний ветерок развеивал полы его халата, ласково касался щек и лба.

Он вернулся в караван-сарай и до самого завтрака продремал сидя, только время от времени пугливо вздрагивал, и, непонятно почему, вспомнились ему слова Аристотеля: «Не зная целей и мыслей враждующих сторон, не вмешивайся в их дела. Нет в мире ничего труднее, чем примирение враждующих родственников и охваченных взаимной завистью соседей».

Если ты делаешь добро, а получаешь взамен обиды и огорчения, не считай, что труд твой не оценен. Он останется. А слова Аристотеля все мелькали и мелькали у него в голове. Нет, он, старый зодчий Наджмеддин, не жалуется, он не жалеет о прошедшей жизни. Хоть он и терпел обиды и огорчения, но зато творил добро, он создал...

До самого Мавераннахра зодчий чувствовал себя хорошо, держался бодро, а теперь вроде бы занемог, его преследовали видения. Встревоженная Бадия сообщила об этом Зульфикару. Заметил это и Гаввас Мухаммад. Еще совсем недавно, когда Наджмеддин Бухари покидал Герат и человек, присланный Байсункуром-мирзой, передал ему, что, мол, до самой границы Хорасана и Мавераннахра их будут охранять охотники, зодчий подумал: «От кого охранять?» Но вот пройден тяжкий путь, в пустыне Калиф, у колодца, убиты два подозрительных человека. Теперь зодчий понимал, что опасность следует за ними по пятам. «Но я ведь не сарбаз, не полководец, оружие мое не сабля, а мастерок, я строю,

а не разрушаю, почему же вокруг меня затеяли всю эту нелепую возню? Значит Байсункур-мирза знал, что по нашему следу пушены убийцы, и решил послать охрану? А для чего нужно было посылать убийц?» Наверно, царевичу Ибрагиму Султану взбрело в голову, что прославленный зодчий, покинув пределы Хорасана, может кое-что порассказать людям. Да и не по душе царевичу, чтобы в другом городе, а не в Герате воздвигали величественные здания, чего доброго, даже лучше и красивее, чем в самом Герате. Так не проще ли было покончить с ним, с этим непокорным зодчим, распространив слух, что-де в пути их ограбили и убили разбойники? И поручено было это Караилану — непревзойденному мастеру тайных убийств, человеку, который ухитрялся сеять вражду между царевичами. Что стоило Караилану совершить еще одно грязное дело? Но Байсункур-мирза, проведав об этих намерениях брата, послал своих людей охранять зодчего. Караилана покарала сама судьба. Теперь тело его покоилось в безлюдной пустыне среди песчаных холмов...

Прошел месяц, а от Караилана все не было вестей. Теперь призадумался не только Мухаммад Аргун, но и сам Ибрагим Султан. Мухаммад Аргун был уверен в том, что Караилан бежал за рубеж, и решил послать своих людей по его следу, чтобы выяснить все на месте. Если возникнет необходимость, сказал он, пусть едут в Самарканд и в Бухару. Мухаммад Аргун подозревал, что Караилан скрылся в Пенджикенте или даже в Даштикипчаке у Барака Углона. Люди Мухаммада Аргуна нашли в песках недалеко от Халача двух павших коней и по седлам и уздечкам установили, что это кони Караилана. Поэтому они бросили поиски, вернулись в Герат и доложили царевичу о своем открытии. А тут до Герата от жителей Карки дошла весть о сильном бурене, разыгравшемся в барханах, о том, что смерч нанес неисчислимый урон чабанам и стадам, что погибло множество народу. Мухаммад Аргун и царевич решили, что Караилан тоже погиб во время бурана.

Великое счастье, когда рождение твое приносит радость, а смерть — горе. Так уж заведено, смерти не избежать, но если тебя предадут земле с почестями, стало

быть, ты достойно окончил жизненный свой путь, стало быть, ты делал добро людям и люди о тебе **горюют**. Никто не горевал о Караилане, никто не пролил слезы над его могилой. Да никто и не знал, какого он рода и племени, есть ли у него родные и близкие, те, кого могла бы огорчить его гибель. Напротив, прослышав об исчезновении Караилана, люди радовались про себя, и даже среди приближенных государя не нашлось человека, что помянул бы его добрым словом. Позднее прошел слух, будто около одного из колодцев Калифа были обнаружены трупы двух убитых. Вихрь унес тонкий слой песка, обнажив неглубокие могилы, и степные стервятники терзали их тела. Весть об этом дошла и до караван-сарая, где остановился зодчий с семьей. Наджмеддин Бухари с ужасом взглянул на Бадию и Зульфикара, но не промолвил ни слова. А тут, как на грех, в караван-сараяе неожиданно появился мрачный малый в красном чапане и туго повязанном на лбу голубом платке. Сердце Бадии замерло. Человек этот как две капли воды был похож на того, кого она видела еще там, на празднике весны у подножия Кухисиёха. Ни с кем он не разговаривал и лишь пристально поглядывал на Бадию. Масума-бека, с которой дочь поделилась своими страхами, передала ее слова мужу, и зодчий, столкнувшись с незнакомцем во дворе караван-сарая, замер от дурного предчувствия. Все, что произошло с ними в последнее время — смерть сына, странствия по пустыне, преследования, — все эти ужасы совсем подкосили его. Наджмеддин Бухари занемог. Он плохо спал ночами, бредил, все ему мерещилось, будто вокруг него бродят какие-то люди и злые духи. Как-то ночью, выйдя во двор караван-сарая, он увидел рогатое лохматое чудовище с горящими глазами, которое подкарауливало его. С криком ужаса ворвался он в комнату и повалился на ковер. Жена, дочь и ученики сбежались на его крик и напоили больного холодной водой. Не в силах говорить, он лишь показывал на дверь, и в глазах его застыл страх. Схватив кинжал, Бадиа выскочила во двор. Зульфикар бросился за нею следом. Во дворе караван-сарая стояла мертвая тишина. Зульфикар прошел вдоль заборов, заглянул во все уголки — ни души. Две пестрые собаки, спавшие у калитки, проснулись и лениво забрехали.

— Никого нет, — сказал Зульфикар.

— Странно все-таки,— Бадня не отрывала взгляда от конюшни, погруженной во тьму.— А вдруг злодей спрятался там?

Тут из каморки своей вышел старик сторож и обратился к Зульфикару:

— Вы опасаетесь кого-то, господин?

— Да! Тут, кажется, есть чужие. Но, видно, этим подлѣцам надоела жизнь! Мы все вооружены!

— Да никого здесь нет, господин. В караван-сараяе только вы. Два старца из Самарканда уехали еще вчера утром. Я видел, как ваш уважаемый батюшка вышел во двор, поглядел на луну и вдруг с криком убежал в комнату. Я не спал и очень удивился. Да сюда не то что человек, муха не залетит. Собаки непременно почуяли бы. Вот уж тридцать лет я здесь, и за все это время ничего ни разу не случилось. Здесь у нас спокойно. Спите и ни о чем не думайте.

Бадня и Зульфикар вернулись в комнаты, а Гаввас с Завраком, вытащив из-за голенищ острые кинжалы, в свою очередь обошли двор. Сторож увидел их хмурые, расстроенные лица, сокрушенно покачал головой и, не проронив ни слова, ушел к себе в каморку. А через минуту из большой комнаты донесся истошный крик зодчего:

— Злой дух, вот он, рядом, он хочет унести меня! Его блуждающий взгляд все обращался к двери.

— Отец, никакого злого духа нет. Мы убили его!— воскликнула Бадня.

— Как? Еще кого-то убили?— Зодчий задрожал всем телом и безумными глазами оглядел окружавших его. Он никого не узнавал. В комнате горели три свечи, но даже тени людей, падавшие на стены, пугали старика.

Зульфикар взглянул на Бадню и прикусил губу.

— Устад,— начал он спокойно,— мы просто прогнали его, этого злого духа. Прогнали, слышите?

— Прогоните! Прогоните его!— умолял зодчий.

— Да мы уже прогнали. Его больше нет,— проговорила Бадня и приложила руку ко лбу отца. У старика был сильный жар.

Пришлось остаться в караван-сараяе Талимарджана, так как везти больного было бы опасно. Жар у зодчего не спадал, он бредил, его преследовали кошмары. Едва

дождавшись утра, Гаввас Мухаммад бросился в город искать табиба. Расспрашивал встречаемых, долго искал дом табиба, и, когда наконец нашел, оказалось, что табиб уехал в Кизкудук к чабанам. Этот единственный в городе табиб был знающим и мудрым и, как говорили, прекрасным лекарем. Застать его дома было почти невозможно, и поэтому Гаввас, предупредив друзей и взяв с собой мешочек с золотыми монетами, вскочил на коня и поскакал в степь к Кизкудуку, примерно за десять верст от караван-сарая. Быстрые и решительные действия Гавваса растрогали Бадию чуть ли не до слез. Теперь она ни за что бы не сказала о нем, что это трус или баловник. Еще там, в Халаче, когда Гаввас принес воду из реки, Бадиа изменила свое мнение о нем и даже вспыхнула от стыда, вспомнив, как в пути грозила ему кинжалом и столкнула с арбы. И хотя именно ее поведение, ее строгость и угрозы до такой степени повлияли на Гавваса, что с ним произошла резкая перемена, Бадиа этого не знала.

К вечеру Гаввас привез табиба. Табиб оказался весьма приятным человеком лет шестидесяти, внимательным и серьезным. Он еще в пути подробно расспросил Гавваса о всех признаках болезни. Два мешочка его переметной сумы были до отказа набиты лекарствами и травами. Но бескорыстием он, видимо, не отличался. Отказаться от намеченной поездки его заставили золотые монеты все того же Гавваса. А кроме того, табибу было известно имя зодчего Бухари как друга мавляны Лутфи, устада Андугани и Мешхеда. Ему не терпелось увидеть самого зодчего, знаменитого Наджмеддина Бухари. Гаввас Мухаммад в общих словах рассказал о бедах, обрушившихся на зодчего.

Табиб явился как раз в ту минуту, когда зодчий просил прогнать злого духа, и лишь только табиб вошел в комнату, как Масума-бека, Бадиа, Зульфикар и Заврак кинулись к нему, умоляя помочь. Они ждали табиба весь этот долгий и мучительный день. Выслав женщин из комнаты, знаменитый лекарь опустился на колени у ложа больного и проверил его пульс. Тщательно осмотрел глаза, веки, язык. Очевидно, зодчий понял из разговоров, что явился табиб, и открыл глаза. Зульфикар подумал было, что он, увидев постороннего, снова нач-

нет молить, чтобы прогнали злого духа. Но этого не произошло. Старик молчал.

— Господин зодчий подвергся недугу, который в здешних местах называется «кабус»,— объявил лекарь.— Хорошо, что вы так быстро отыскали меня. Время еще не упущено. Я уже не раз лечил ее, эту болезнь. Мы дадим господину зодчему рвотное из зернышек ореха, а затем напоим его кислым молоком. А после он примет снотворное, пусть спокойно поспит. Если аллах будет милостив, господин зодчий выздоровеет. О рвотном «джавза кай», которое я приготовлю, написано в «Каноне медицинской науки», а знаменитый ученый Лукмани-Хаким говорил, что лучшее средство от болезни «кабус» — это «джавза кай».

Ученики, столпившись вокруг табиба, внимали каждому его слову. Табиб велел согреть воду и принялся готовить лекарство, затем попросил заквасить свежую простоквашу. Ученики со всех ног кинулись выполнять его распоряжения. У постели зодчего остались Зульфикар и Харунбек. Через несколько минут вошла Бадия, снова одетая мальчиком, и стала в сторонке. Табиб не обратил на нее внимания.

— Болезнь эта вызвана пережитым горем и страхом,— продолжал табиб,— а путешествие по пескам лишь усугубило ее. Если мы собьем жар, то господину зодчему сразу станет легче. Пройдет и бред. С больным нужно говорить лишь о тех, кого он любит, лишь о вещах, приятных ему. И особенно избегайте разговоров о событиях и людях, которые ему не милы. Да и вообще старайтесь не напоминать о прошлом.

— Мы сделаем все, как велели,— заверил Зульфикар.

Завтрак принес теплой воды, и табиб дал больному лекарство, затем вымыл ему лицо и руки. А после пиалы теплого чая напоил его снотворным. Пообещав заглянуть утром и велел после кислого молока дать еще лекарства, лекарь удалился. До самого утра зодчий проспал спокойно. Ученики всю ночь провели у его постели. Бадия тоже не сомкнула глаз, она то выходила во двор караван-сарая, то возвращалась в комнату отца, и на сердце у нее было беспокойно.

Утром явился табиб. Поздоровавшись с зодчим, спросив его о самочувствии, он прочитал ему стихотвор-

ное описание болезни «кабус» из книги Шихабиддина Хакима:

Слушай, признаки кабуса излагаю я тебе,
«Тахора» зовут индусы эту страшную болезнь,
От нее язык немеет, прерывается дыханье,
И страдает нестерпимо от кабуса человек.
Кто испытывал, тот знает, как неведомая тяжесть
Среди сна на человека опускается из ночи.
И такое ощущение, будто смерть уже настала.
Но внезапно вновь дыханье возвращается. Иные
Эту тяжесть ниоткуда называют слепо дивом.
Кто не знает, тот, конечно, верит в дива, ошибаясь.
Лучше, человек, послушай, как лечиться от кабуса:
Не страшась, из главной вены удали избыток крови,
После смеси из ореха ты прими одну щепотку,
И тогда в груди почувешь небольшое облегченье.
Ежедневно раз по десять принимай щепоть мустака.
Если две недели ровно будешь следовать совету,
То болезнь твоя исчезнет и о ней ты позабудешь.
Ну а если очень часто ты страдаешь от кабуса,
Исключи тогда из пищи маш и масло из кунжута,
Чеснока не ешь, гороха и фасоли избегай.¹

Зодчий с интересом выслушал эти стихи.
Как оказалось, Ходжа-табиб был родом из местности Байсун, из племени кунгират, но судьба забросила его в Талимарджан. Он сообщил, что переломы рук и ног он лечит мумиё, раны и нагноения — бальзамами, занимается также и хирургией. Он завоевал симпатию зодчего еще и тем, что рассказал о своем учителе, гератском лекаре Абулкасыме Иштихани, весьма достойном человеке. Оказывается, зодчий был с ним знаком и очень его уважал. Сам Абулкасым Иштихани учился в Самарканде, родом же он из Мавераннахра. Лекарь снова многократно проверял пульс зодчего, давал ему лекарства, заставил выпить молоко. А сам в это время рассказывал забавные истории, стараясь отвлечь больного от грустных мыслей. Табиб очень поправился зодчему не только веселым своим нравом, он знал много поучительных и интересных историй и мастерски рассказывал

¹ Перевод Александра Файнберга.

их. Так, он рассказал о своей молодости, о том, что жил в Байсуне и Камкургане в то время, когда племена тугиз, карабуин, ур пребывали в постоянной вражде со своими хорасанскими сородичами — племенами иткути, марка, карапчи, особенно же не ладили между собой племена курлук и катаган. Не женили своих юношей на девушках враждующих племен и уж конечно не выдавали девушек за юношей этих племен. Бадие и ученикам лекарь велел заниматься своими делами, ибо смотреть на больного — значит ослаблять действие лекарств и слов. Еще Авиценна сказал, что вредно пребывать у ложа больного с печальным лицом.

— Господин зодчий с недельку побудет в Талимарджане, — сказал он. — А затем, если богу будет угодно, я сам провожу его до Бешкента и позабочусь о том, чтобы все сошло благополучно.

Он сообщил также, что в Касане и Ходже Мубораке у него есть близкие и доверенные люди, что он в прекрасных отношениях с тамошними беками и тысяцкими и поможет зодчему без всяких трудностей добраться до благословенной Бухары. Этот ласковый в обращении и приветливый человек имел свои убеждения: считал, что кроме лекарств на больного целительное действие оказывают добрые слова и интересные рассказы.

— Господин зодчий в моей власти, — сказал он улыбаясь. — Пусть полежит дня три, а поднявшись, посетит мой дом. Потом я сам провожу господина зодчего. Я видел медресе, построенные им, видел и Мусалло. Я слышал много хорошего о вас, но до сих пор не удостоился чести познакомиться с вами. Я слышал также и о мавляне Джафаре Табризи, устате Ходже Юсуфе Андугани, устате Каваме как о замечательных творцах.

— Уважаемый друг, — сказал зодчий, обращаясь к табибу, — скажите моим ученикам, что нам необходимо задержаться здесь на несколько дней, пусть они пойдут на базар и закупят все необходимое в дорогу. Ведь буря в Халаче разорил нас вконец.

Табиб исполнил его просьбу и, позвав Гавваса, к которому он проникся симпатией, передал ему наставления зодчего. А вернувшись в комнату больного, сказал ему:

— Этот ваш ученик, Гаввас Мухаммад, очень любит вас. Я и сам не понял, каким образом он сумел уговорить меня бросить все и приехать к вам. Я пообещал ему

приехать на следующий день, но он так умолял меня и просил, что я не смог отказать. И очень хорошо, что я приехал сразу: эта болезнь жестока. Если немедленно не принять меры, то все может плохо кончиться. А этот Гаввас будто ваш родной сын. Верно?

Зодчий кивнул.

Сделав все необходимое и успокоившись, табиб ушел.

В среду утром у ворот караван-сарая стояли наготове три арбы.

Зодчий чувствовал себя почти здоровым и решил отправиться в дорогу. Он вышел во двор караван-сарая, опираясь на посох из сандалового дерева, подаренный ему табибом, постоял немного, поговорил с женой.

— Вы обладаете чудодейственной силой привлекать к себе сердца и души людей, подобно колдовскому цветку мекригии,— приветливо сказала Масума-бека мужу, который, несмотря на тяжкий недуг, выглядел особенно благообразным.— Вы как владычица улья, к которой устремляются все пчелы. Куда бы вы ни пошли, вас окружают друзья.

Зодчий хорошо знал повадки пчел и любил говорить о них. Он радостно улыбнулся.

— И табиб,— продолжала Масума-бека,— и Харунбек, и ваши ученики, и плотник Абдулазиз Намангани из Андхуда, и даже люди Байсункура-мирзы — все они в меру своих сил заботились о вас, помогали вам в пути. А ведь никто их не принуждал. А бывает и такое — отправится человек в дальнюю дорогу, и подчас ни одной души на пути ему не встретится.

— Какой же душевный человек этот Ходжа-табиб,— промолвил зодчий, посветлев лицом.— Он знает, что мы изгнанники, что государь жестоко покарал нас, что мы «опасные люди». И, зная все это, отнесся к нам тепло и любовно. Воистину великий человеколюбец! Но есть вокруг нас и лицемеры, вспомни хотя бы Ахмада Чалаби. Из всего-то он делает тайну, слова в простоте не скажет. Человек, подобный ему,— слаб, никому не нужен. Потому-то он и громоздит вокруг себя горы лжи и притворства, действует исподтишка, как кошка, зарывающая в песок свой помет. Спесь, чванство вошло в плоть и кровь таких людей. При царском дворе таких, увы, множество,

Услышав крамольные слова «при царском дворе», Масума-бека прикусила нижнюю губу. Увидев испуганное лицо жены, зодчий добавил:

— Не пугайся, чужих людей здесь нет, да и, кроме того, в глазах государя мы люди мертвые, а мертвым нечего бояться. Значит, и нам бояться нечего. Чего бояться-то?

— Нет, мы не мертвые,— вскричала Масума-бека, пусть умрут раньше те, кто считает нас мертвыми!

— Хвала тебе,— ласково улыбнулся зодчий,— наконец-то ты заговорила здраво.

— Вы будете жить вечно,— снова воскликнула Масума-бека,— потому что вы никогда никому не пожелали худого.

Зодчий умолк, опустил глаза и глубоко задумался. Но тут заскрипели ворота караван-сарая, и на своей буланой кобыле въехал Ходжа-табиб. Со стороны могло показаться, что кобыла жеребая, потому что два огромных хурджуна свисали с обеих ее боков, два хурджуна, до краев набитые лекарственными травами и табибской снастью. Ловко соскочив с лошади, табиб подошел к зодчему и спросил, как ему спалось, пил ли он на ночь кислое молоко. Оказалось, что все предписания табиба исполнены неукоснительно точно. Табиб заметил, что зодчий и Харунбек тайком поглядывают на его кобылу.

— Хоть и невзрачна она с виду,— сказал табиб, словно отвечая на не заданный ему вопрос,— а выносливая на диво. Знает все нужные мне тропки, все дороги. Один только водится за ней грех — никак не научится доставать лекарство из хурджуна и раздавать его больным, а во всем прочем ну чистое совершенство.

Слушая этого душевного старика, так любовно расхваливающего свою лошадь, все невольно заулыбались, и скоро во дворе караван-сарая зазвучал веселый смех.

Глава XXX

КАК СТАНОВЯТСЯ РАБОМ

Месяц шавваль¹— самая знойная и жаркая пора лета. И нынче день, как всегда, выдался горячий, так и

¹ *Шавваль* — название десятого месяца мусульманского лунного года.

обжигает. Три арбы, выехавшие из Талимарджана, остановились передохнуть в караван-сараяе Дашта. Раскален добела заброшенный двор. Зодчий, уже почти оправившийся от злого недуга, ни в чем не нарушал предписаний Ходжи-табиба. И сейчас, как всегда по утрам, не спеша ступая, подошел к колодцу в середине двора. Человека, повившего лошадей, зодчий попросил напоить и принадлежавшую табибу кобылу, которая, почуяв воду, беспокойно ржала, не стояла на месте. Человек, вытягивавший воду из колодца, поставил ведро на землю, выпрямился и уставился на зодчего. И стоял так, не спуская с зодчего растерянного взгляда. Его худое, желтое, как янтарь, лицо было лишено растительности. По тому, как он, мрачно нахмурив лоб, смотрел на зодчего, можно было подумать, что просьба напоить коня для него бог весть какой труд, и зодчий поспешил извиниться.

— Я не заметил, что вы заняты,— сказал он,— простите, пожалуйста.

Желтолицый не ответил. Он поднял ведро и потащил его к смиренно ждавшему в сторонке коню. Зодчий решил, что незнакомец не желает разговаривать с посторонним, и уже повернулся было, чтобы уйти, как вдруг желтолицый окликнул его:

— Эй, старик, стой!

Зодчий обернулся.

— Да стой ты, сейчас напою твою лошадь.

— Благодарю. Да будет вам счастье в этой жизни!

— Ты купец? Бек? Едешь из Самарканда в Балх или из Балха в Самарканд?

— Я зодчий. Строю дворцы, мечети, медресе... А сейчас направляюсь в Бухару...

— Чего ты в Бухару собрался свои медресе строить? Строил бы здесь.

Зодчий промолчал. «Наверное, юродивый»,— подумал он. И тут же его странный собеседник забормотал что-то себе под нос, но что именно, зодчий так и не разобрал. Да, зодчему попался малоприятный собеседник, человек явно грубый, неприветливый. Да к тому же он все время как-то дико тараторил на зодчего. Зодчего даже страх пробрал от этого взгляда.

— Вы правы, и тут можно строить,— вежливо сказал он.

— Для кого? Уж не для царевича ли?

— Да нет, для людей, для народа.

— Нет, ты строй для царевича, получишь награду! Есть у тебя жена или дочь? Так построй для царевича дворец и введи туда свою жену и дочь и своими руками положи их на его ложе. Пусть наслаждается!

— Эй, эй, уйми свой язык!— крикнул табиб, который вышел из своей комнатки и услышал оскорбительные речи желтолицего.— Что это с тобой? Этот достойный человек господин Наджмеддин Бухари! Он-то тебе зла не причинил. Он сам немало натерпелся от царевичей и мыкается по свету. Несправедливо ты говоришь, плохо ты говоришь. Еще одно слово, и я знать тебя не хочу. Немедленно извинись.

— Видать, этот человек хлебнул горя,— обратился зодчий к табибу.— Уверен, что он говорил не подумавши. Я на него не в обиде.

— Продайте мне еще хоть немножко опиума, табиб,— уныло заявил желтолицый.— Лекарство уже кончилось, а все нутро у меня изболелось, как ножами его режет.

— Пойдем со мной!— и табиб решительно зашагал к своей комнатке. Пригласил он также и зодчего.

Очутившись в своей комнатке, хозяин усадил зодчего на почетное место, а потом сам и желтолицый расположились с ним рядом. Табиб вытащил мешочек с лекарствами, вынул оттуда какую-то коробочку, нашарил что-то размером с изюминку и протянул желтолицему.

— Только не забудь разделить на три части,— посоветовал табиб.

— Будет исполнено, не забуду,— отозвался желтолицый, и губы его сморщила улыбка. Взяв с низенького столика пиалу, он плеснул туда чуточку горячей воды, отколупнул ногтем треть драгоценной изюминки и, размяв ее в пальцах, бросил в воду. Затем единым духом проглотил зелье.

— Зовут его Таджи, ему всего двадцать шесть,— снизив голос до полупшепота, проговорил табиб.— Родом он из Шахрисябза, сын домлы. Его сломило тяжкое горе, и теперь он бродит по земле, вот и забрел в наши края. Плохо ему сейчас, ой как плохо, редко когда бывает так худо человеку.

— Вон оно что...— удивленно протянул зодчий. А он-

то считал, что желтолицему все шестьдесят. И болью сжалось сердце зодчего — подумать только, самый расцвет молодости, жить бы ему да жить, а вот до срока превратился в старика.

Табиб продолжал свой невеселый рассказ:

— В один прекрасный день царевич Ибрагим Султан повелел схватить этого человека, привести к себе во дворец и нанести ему там неслыханное оскорбление — надругался над его честью. На всю жизнь заклеил страшным клеймом беды. И не смеет бедняга вернуться в родные края — в Шахрисябз, так и кружит без толку по степи. Я время от времени даю ему опиум, чтобы продлить его жизнь, но сам порой спрашиваю себя: да стоили продлевать такую жизнь? После надругательств царевича бедняга окончательно лишился воли. Теперь пристроился в услужение к хозяину караван-сарая.

А сам Таджи тем временем сидел на корточках, низко опустив голову. Порция зелья смягчила его гнев и болезненную раздражительность, и хотя ему по-прежнему было совестно взглянуть в лицо зодчего, он то и дело подымал благодарный взгляд на табиба. Видно, опиум подействовал на него благотворно — прекратилась мучительная ломота во всех суставах.

— Случилось это лет пять назад,— продолжал вполголоса табиб.— Таджи открыл на городском базаре лавочку, деньги дал ему отец, дела пошли бойко, и он, как говорится, прочно стал на ноги. Завелись у него и дружки-приятели. По пятницам собирались они и устраивали пирушки. Дерзок был на язык молодой Таджи и при случае не щадил никого. Да и собой был он хорош на диво, сложен как богатырь и главным своим украшением считал черные усы. И не жалел он ничего для своих друзей— а все они были народ ловкий и бойкий. Очень скоро прославился он среди торгового люда, и даже кличку ему дали «Таджиддин-байвачча»¹. А там и влюбился он в сестру одного своего дружка, сыграл пышную свадьбу и счастливо зажил с молодой красавицей женой. И вот однажды в лавку Таджи ворвались нукеры и потащили его к городскому казнию — судье. Когда его подвели, судья начал:

— Признайся, что ты распространял грязные слухи

¹ *Байвачча* — байский сын, барчук.

об их высочестве царевиче Ибрагиме Султане! Не говорил ли ты во всеуслышание, что царевич распутник и удовлетворяет свою страсть с безбородными юнцами?

Таджи отрицал все. Тогда казий назвал кое-кого из дружков Таджи и пригрозил, что вызовет их в суд в качестве свидетелей и устроит очную ставку. Таджи испугался, что и впрямь сюда могут привести его друзей, и сказал, что, мол, такие слова вырвались у него нечаянно и он раскаивается в содеянном. Судейский записал его признание и заставил поклясться на коране, что он ни под каким видом не отречется от своего показания. А затем нукеры увели его и заперли в сырое подземелье. Прошло несколько дней. И вдруг Таджи привели в гарем царевича, усадили на стул на застекленной веранде и крепко прикрутили к стулу руки и ноги. Заткнули ему рот платком и приказали смотреть во внутренние покои, добавив, что, когда он хорошенько насмотрится на то, что там будет происходить, ему дадут свободу. А через несколько минут в покои вошла старуха, ведя за руку жену Таджи, одетую в роскошное шелковое платье. Старуха усадила жену Таджи на ложе и удалилась. А еще через минуту, в меховой шапке с пером, в накинутом на плечи богато расшитом золотом халате, вошел царевич Ибрагим Султан. Проглотив залпом пиалу вина, он схватил жену Таджи и грубо овладел ею. Таджи глухо застонал, он старался порвать влипшиеся ему в тело путы, но не мог ни шелохнуться, ни крикнуть. Свершив злодеяние, царевич подошел к Таджи, бессильно уронившему голову на грудь, и, презрительно шурясь, отчеканил:

— С сегодняшнего дня и ты и твоя жена будете мои рабами.

В тот же вечер Таджи жестоко избили и, дав ему снотворного зелья, охолостили. Несколько дней он пролежал в беспамятстве, а когда очнулся, ему приказали остаться в гареме царевича евнухом. Прошло несколько месяцев, и пожелтело его красивое румяное лицо, вылезли усы и борода. И за этот же срок царевич на глазах Таджи трижды опоганил его жену, и несчастная, превратившись из свободной женщины в безмолвную рабыню, лишила себя жизни, бросилась с крыши дворца. Слепленный горем, Таджи не находил себе места и однажды, обманув бдительность стражей, убежал из гарема. И вот уже несколько лет, опозоренный, нищий, сурово покаран-

ный за одно неосторожно вырвавшееся слово, мыкается по свету несчастный Таджи, не смея вернуться в родные края. И думается ему, наверное: «Кем я был и кем стал». И живет он в великом гневе, ненавидя все живое, отлученный от людей, и единственная отрада для его души — опиум.

Но тут Таджи обвел кмурым взглядом зодчего и табиба и зашагал ко внутреннему двору, бормоча себе под нос:

— Хозяин велел напоить лошадей, а эти проклятые скоты не жаждут пить, так и норовят укусить друг друга. Одна мерзость кругом. Уйду отсюда. Хозяин еще ни гроша не заплатил мне за работу. Мерзавец! Нет на свете правды. Пусть все пойдет прахом. Все... Все...

Зодчий и Ходжа-табиб переглянулись. Им было до боли жалко этого бедолагу.

Глава XXXI

ГЛУБОКОЕ ТЕЧЕНИЕ

Читатель, очевидно, помнит Али-водоноса, который как-то в студеный зимний вечер постучал у ворот зодчего Наджмеддина Бухари, и как тот приветливо встретил незнакомца, обогрел его, накормил, придел, а главное, обратился к нему с теплыми, от души идущими словами. В знойную летнюю пору Али-мешкобчи, что значит водонос, бродил по базарам и поил людей студеной водой, за которой по утрам отправлялся к источнику Чашмаи Хизр. Каждое утро заглядывал этот человек, которого обласкал и приободрил Наджмеддин Бухари, и на стройку медресе. Первую чашу ледяной воды он неизменно подносил зодчему, а потом поил всех, кого мучила жажда, и скромно удалялся. Судьба забросила этого человека в Герат, где не было у него ни знакомых, ни тех, кто мог бы ему помочь. Было ему под сорок, сложения он был плотного, хотя и сильно похудел за последние годы бедствий, с загорелым лицом и зычным голосом. А ведь он, сын мастера — уста, знал лучшие дни, жил в холе и тепле, но после смерти отца не смог оставаться в родном городе и очутился в неприятном Герате, где ему пришлось сделаться базарным

водоносом. Не сразу удалось ему стать на ноги. Первое время он ходил в одежде, которую ему давал зодчий, нередко просил у него денег взаймы. Но как раз зодчий был тем единственным человеком в Герате, с которым ему было легко, напоминал ему старый уstad и обликом и речью его отца. Нередко он даже прислуживал в доме зодчего, стараясь хоть как-то отблагодарить своего благодетеля — человека широкой души, привечавшего бездомных и бесприютных. Одно время он даже работал на стройке медресе, но потом, женившись на одной вдове и поселившись в ее хибарке, снова вернулся к своему прежнему занятию, считая, что это дело прибыльнее. А ведь поил он людей, подносил уставшему холодную воду и не просил ничего, довольствовался тем, что ему давали. Рано поутру отправлялся он к источнику Чашмай Хизр, наполнял студеной водой два больших бурдюка — один относил домой зодчему, а с другим плелся в свою хибару и здесь разливал воду в медные кувшины, с которыми и бродил по улицам Герата. В первое время своего пребывания в чужом городе он нередко разделял трапезу с учениками зодчего, с наслаждением смаковал пищу, приготовленную умелыми руками Масума-бека, и всякий раз не забывал поблагодарить гостеприимных хозяев:

— Да будет долгой и благополучной жизнь устада Наджмеддина, щедрого, благожелательного человека, да будет мир и благоденствие в доме его.

Не сразу услышал Али-мешкобчи страшную весть о том, что сына зодчего, Низамеддина, бросили в крепость Ихтиёриндин, а услышав, сразу же бросился выразить отцу его свое сочувствие. Через несколько месяцев до него дошла весть о казни Низамеддина. Безутешный, ходил он по улицам, рыдал в голос, посыпал голову пеплом. Не раз, бывало, подойдет он к стенам крепости Ихтиёриндин и обратит к аллаху горячие мольбы, а то затешется в толпу рабочих, строивших медресе Мирзо, начнет плакать и твердить, что Низамеддин и погибшие с ним юноши были ни в чем не повинны. Но стенания его и муки не трогали никого, кроме семьи зодчего. Проведал о его поступках один из царских есаулов и как-то, встретив его на базаре, грозно закричал:

— Эй, мешкобчи, посмей только орать разные не-

потребные слова, я живо тебя усмирю, как хвачу плеткой по роже, все тридцать два зуба твои прочь.

Али-мешкобчи удалился, бормоча про себя:

— Только на это и способен ты, вшивый пес.

А еще через некоторое время дошел до него слух, что зодчий продал свой дом и покинул Герат. Рано поутру пошел он, как обычно, к Чашмаи Хизр, еле сдерживая слезы при мысли, что ему не удалось проститься с зодчим, и, набрав бурдюк кристально чистой воды, направился к дому Наджмеддина Бухари, постучался в калитку, уже успевшую стать ему дорогой по воспоминаниям. И думалось Али: вот сейчас выйдет кто-нибудь из учеников устада, а может, выглянет на стук и сама Бадия и, приветливо улыбаясь, со словами сердечной благодарности велит ему вылить воду в огромный кувшин, стоящий в углу кухни. Но вдруг его осенило: ведь раньше-то, когда здесь жил зодчий с семьей, калитка вечно была не на запоре, а теперь калитка оказалась подперта с той стороны тяжелым колом. Но вот загрохотала цепь, стукнула щеколда, и в полуоткрывшемся проеме калитки показалось чье-то лицо — угрюмое, злое.

— Тут прежде жил господин зодчий. Теперь вы сюда переехали?

— Я купил этот дом.

— Я Али-мешкобчи. Я жил вон там, в каморке во внешнем дворе. Скучно мне стало, тоскливо, вот я и пришел. Без дела пришел, сами ноги меня сюда привели. Что за славный человек зодчий! Таких теперь не найти. Щедрый, всегда готов приютить бездомного странника.

— Если побежишь за ним, догонишь. Этот твой добряк не добрался еще до Бухары,— сказал хозяин, окинув пренебрежительным взглядом невзрачную фигуру Али.— Может, та каморка твоя?

— Упаси аллах, господин! Я человек бедный, ничего у меня нет. Тоска меня сюда пригнала.

— А еще что скажешь?

— Ничего.

Хозяин со стуком захлопнул калитку и ушел в дом.

— Ах, в какие жестокие времена живем мы,— вздохнул Али.— Неужто человек так может относиться к человеку?

Дав напиться из своего бурдюка попавшимся на встречу мальчикам, он зашагал дальше. Пройдя Пули Малан, он уже приблизился к минаретам, но тут, еще издали заметив его, путь ему преградил юродивый Меджнун,— видно, его тоже мучила жажда.

— Дай воды,— потребовал он.

— На, пей!— Али наполнил деревянную чашку водой и протянул юродивому.— Пей, родной. Видно, и впрямь нет у меня в городе иного друга, кроме тебя.

— Дай еще,— сказал юродивый, жадно выпив всю воду до последней капли.

Али снова наполнил чашку. И эту чашку юродивый осушил одним духом.

— Налить еще?

— Хватит,— отрезал юродивый, распустив губы в блаженной улыбке. А затем, раскрыв ладони, он стал читать благодарственную молитву.

— Молись, молись,— сказал Али,— ты человек бедный, твоя молитва быстро дойдет до бога, пусть всевышний облегчит страдания зодчего — ведь он сейчас бредет по пустыне, и сердце его полно горечи, пусть примет аллах душу безвинно загубленного его сына Низамеддина.

И оба, закончив молитву, одновременно провели ладонями по лицу.

— Господин зодчий уехал, я сунулся было в дом его, но меня на порог не пустили,— объяснил Али юродивому, по-прежнему блаженно улыбающемуся.

— Ночью явился со своим войском Афрасиаб¹,— затянул нараспев юродивый,— я схватил свой священный меч Зульфикар, и началось великое побоище, ни один из огнепоклонников не уцелел. Нынче ночью Афрасиаб явится снова, и хочу дать вам добрый совет — будьте и вы тоже начеку! Ведь он, Афрасиаб, снес голову своему зятю. Явится он с бесчисленным воинством, но я их всех изничтожу.

Али-мешкобчи взглянул на юродивого и понял, что на того снова накатило. Распростившись со своим странным собеседником, Али направился в сторону

¹ *Афрасиаб* — легендарный герой. Его именем названо городище в Самарканде (XI—XII вв.).

Кандахарского базара. Его путь лежал опять через махаллю Дарул Хуфо, но она была уже не та, что прежде, когда тут жил зодчий, ничто в ней не привлекало взора. Зачем он снова явился сюда, зачем? Но, видно, влечет человека туда, где отдыхал он душой и сердцем, где его радушно привечали. Новый хозяин дома своим холодным тоном, пренебрежительным взглядом точно огрел его дубиной по голове, и он тогда ушел.

«Совсем так,— подумалось ему,— выгоняют из дома корову, убедившись, что она яловая, и бедняжка, помыкавшись несколько дней, пытается опять проникнуть под родимый кров, но ее снова выгоняют, и так повторяется несколько раз, пока изгнанница не присоединится к стаду бродячих коров».

А когда дошел до Али-водоноса слух, что к изгнанию Наджмеддина Бухари причастен и коварный Чалаби и что именно из-за него покинул Герат старый грузин Джорджи, а также и гончары, он, целыми днями бродя по базарам, во всеуслышание выкрикивал:

— Слушайте все! Самых достойных людей изгоняют из Хорасана, нельзя больше терпеть тиранию господ и знати!

Вскоре после этого скончалась жена водоноса Али, и он решил тоже покинуть Герат и вернуться в Сабзавар. Но стыдно ему было показаться в таком виде перед своими родичами и знакомыми. Вот тогда-то и пришла ему в голову мысль побеседовать с устатом Кавамом, который, по слухам, был близким другом уехавшего зодчего. И он пошел к устаду Каваму. Хвала аллаху, достойный сей муж сразу догадался, как мучительно трудно было водоносу Али произнести дорогое ему имя Наджмеддина Бухари, принял его дружески и расстелил перед ним дастархан. И в знак уважения к великодушному хозяину Али вскоре прислуживал на свадьбе его сына Худододбека. А когда кончилось многодневное пиршество, Али обратился к устаду Каваму с просьбой пристроить его к какому-нибудь каравану, направляющемуся в Бухару. И закончил свою просьбу обещанием молиться за устада Кавама до скончания века. Устат Кавам обещал навести справки, а сам все дивился, как этот человек, с его точки зрения низкого звания, успел всей душой прилепиться к зодчему Наджмеддину и почему к нему, человеку уже преклонного возраста и до-

стойному уважения, никто никогда не выказывал подобной привязанности.

И снова начал ходить на стройку медресе Али-мешкобчи, и снова поил студеной водой всех жаждущих. Но однажды повстречался ему Ахмад Чалаби и крикнул:

— Эй ты, дай напиться!

Но, отвернув от него лицо свое, Али сказал:

— Нет у меня воды.

— Как нету? Вон же у тебя полный бурдюк.

— Полный-то он полный, но эта вода из источника Чашмай Хизр. Не про вас она.

— Дурень!

— Дело в том, что для вас, господин, я пожалел бы даже воды из лужи на коровьем базаре.

— Вон отсюда! — рявкнул Чалаби.

Ничего не ответил Али, только бросил на обидчика испепеляющий гневный взгляд.

В конце месяца рамазан в Герат должен был прибыть Амир Аль-Джавайр. Правители надеялись, что пышная встреча именитого гостя и сопровождающие ее торжества отвлекут внимание народа, наполнят его сердце радостью. Но они жестоко просчитались. Казни, разбой, грабежи, изгнания и постоянные угрозы, безнаказанность сильных мира сего, вражда царевичей между собой уже давно ввергли народ в нищету, и было ему не до празднеств и торжеств. А тем временем Али-мешкобчи бродил по базарам и выкрикивал, как глашатай, что близится светопреставление, что все вельможи — лицемеры и предатели, что совесть и справедливость покидают людские сердца. А вернувшись вечером в свою жалкую хибарку, он первым делом брался за книгу «Чор дервиш». Хотя он в детстве не ходил в школу, научился читать сам. Но дорожке самой книги были заложены между страниц хрустящие листки бумаги, которые вручил ему зодчий и на которых он всю жизнь свою выписывал изречения мудрецов. В изречениях этих возвеличивались такие добродетели, как человеколюбие, учтивость и воспитанность, честный труд, мужество, совесть, справедливость, живость ума, и бичевались такие пороки, как лень, лихоимство, злоба, лживость, ревность, клевета, наушничество, спесь и предательство. И понятно, люди, кормившиеся на царском дворе, негодовали, встречая на базарах Али-мешкобчи, громко про-

поведовавшего эти истины. Однажды два есаула подстерегли у источника Али-мешкобчи, который по-прежнему ходил по базарам и клеймил жестокие времена, бессердечность вельмож, лихоимство и жестокосердие, и исколотили его палками, приговаривая:

— Как смел ты, ничтожный чужак, замутить наш источник!

А на прощание еще раскровенили ему пятки, чтобы не мог он больше ходить.

Ближе к вечеру мешкобчи, лежавшего без чувств на земле, нашли какие-то неизвестные люди и отнесли в его хибарку. Утром, придя в себя, он обнаружил, что кто-то перевязал его раны, а рядом поставили чашку воды и положили лепешку.

Кто это мог сделать? Ведь он, Али, здесь чужак, никому не нужный и одинокий человек. Изгнан зодчий, тот, кто понимал его душу, пекся о нем! Кто же это вырвал его из рук стражей — этих хищных, злобных волков, кто принес его в хибарку и кто уложил? Ведь во всем городе у него не осталось друзей. Али терзала боль, он не в силах был поднять голову, но вдруг после полудня дверь хибарки открылась и вошли двое юношей, неся небольшой сверточек. Поклонившись хозяину, они осторожно опустились рядом с ним. Один из них, двадцатилетний красавец, по-видимому ученик медресе, щегольски повязывал голову чалмой, у второго же, крупного, плотного юноши, только-только пробивались усики. Муллавачча — ученик медресе — полушепотом сообщил, что вчера вечером они нашли Али у родника и вдвоем дотащили до дому. Страдая от жестоких побоев Али все же не сдавался, и хотя каждое его слово прерывалось стоном, он заявил юношам, что будь у него священный меч святого Хазрата, он уничтожил бы все это мерзкое семя, извел бы под корень всех вельмож, царевичей, не пощадил бы даже самого государя.

— Посмотрите, что сделали со мной эти шакалы, неужто они бога не боятся? — закончил он свою пламенную тираду, тяжело дыша от нового приступа боли.

— Нет, не боятся они бога, — полушепотом сказал юный муллавачча. — Тимуридам вскружила голову власть, для них мы, да что мы, все люди на свете — ничтожные мурашки. И мы пострадали, уважаемый Али, не меньше вашего.

— А кто вы такие будете?

— Мы друзья Низамеддина и Ахмада Лура.

— А, вот оно в чем дело,— протянул Али.— Настоящим бойцом был Низамеддин. Я хорошо знал его. Значит, всех ваших друзей казнили, а вы остались только вдвоем?

— Нет, нас очень много, — ответил муллавачча. — Всех нас не казнишь.

— А, вот в чем дело, — снова протянул Али.

— Нас привела к вам жалость, желание оказать помощь такому честному бедняку, как вы, и еще мы хотели вам вот что сказать — один в поле не воин, не нужно вам надрываться и подвергать свою жизнь опасности, действуя в одиночку на свой страх и риск. Лучше присоединяйтесь к нам. Если уж плакать, то вместе, если бить врага, то тоже вместе.

— А как вас зовут, славные юноши? — осведомился Али.

— Я известен под кличкой Талаба, что значит ученик, — ответил красавец, — а друга моего прозвали Интикомом — Мстителем. Вот выздоровеете и приходите к нам в медресе Алия.

Юноши поднялись и стали прощаться.

— Разумеется, приду, — сказал Али и дружелюбно взглянул на двух юношей, назвавших ему не имена свои, а клички.

Как благодарен он был за их теплоту, за все сделанное ему добро!

А во вторник в махалле Дарул Хуфо появились двое каких-то незнакомцев и постучались в калитку бывшего дома зодчего. Калитку им открыл человек с мясистым лицом и бросил на пришельцев холодный, недружелюбный взгляд, и чувствовалось, ему хочется дать им понять нарочитой медлительностью, что он не простой человек, а лицо значительное, должностное.

— Здравствуйте!— одновременно сказали незнакомцы. — У нас есть дело до господина зодчего, будьте любезны, позовите его.

— Уж не суд ли помещался здесь раньше? — насмешливо осведомился новый хозяин дома.

Незнакомцы молча переглянулись.

— Этот дом купил я. Никакого зодчего здесь нет,

Видать, не зря прогнали его из столицы. Я тут кое-что узнал и про его отца.

— Просим прощения, господин, очевидно, мы ошиблись.

Калитка с треском захлопнулась.

А двое незнакомцев, оставшись на пустынной улице, снова удивленно переглянулись.

— Сон это или явь?

— Видать, явь, — твердо проговорил один из пришельцев.

Это был человек средних лет, с реденькой бородкой, зато его собеседник мог по праву гордиться роскошными черными усами. Первым был ремесленник-сапожник по прозвищу Фармон-каль, что означает «Лысый повелитель». Еще в детстве он переболел паршой, долго ходил в гнойниках и болячках и исцелился только в зрелом возрасте. Поэтому он носил тубетейку хаджи, закрывавшую до ушей его безволосую голову. Малый он был простодушный, любил посмеяться и пошутить. Зачастую, сидя в компании друзей, он сам первый, обнажив голову, начинал отпускать остроты по собственному адресу, а поскольку человек он был речистый, то друзья покатывались с хохоту. Он шил на всю семью зодчего нчиги, кавуши и сапоги. Иногда сам зодчий заглядывал к нему в лавку на Кандахарском базаре, сядет, бывало, и заведет с шутником-сапожником долгую беседу.

Его приятель, по прозвищу Парфи-сутак, Недотепа, тот, что кичился своими роскошными усами, занимался выделкой кожи на дому и особенно славился выделкой сагри — дорогой зеленой кожи для кавушей, которую он и сбывал ремесленникам. Был он человек беспечный, на язык не боек. Фармон-каль и Парфи-недотепа дружили с раннего детства, оба были всей душой привязаны к зодчему и часто ходили просить у него совета. Узнав о казни Низамеддина, они поспешили проведать зодчего, старались утешить старика в таком его горе, но им и в голову прийти не могло, что такой уважаемый муж, как Наджмеддин Бухари, может быть изгнан из Герата. Обоих приятелей озадачили насмешливые слова теперешнего хозяина дома зодчего, спросившего с насмешкой: «Уж не суд ли был здесь?»

Они и впрямь шли из суда, где слушалось дело их знакомого, бедного ремесленника. Этот бедолага рабо-

тал на одного оптового торговца, но никак не мог получить с него полагающиеся ему деньги и принес на него жалобу в суд. Но так как богач сумел вовремя дать судье взятку, дело было решено в его пользу, а несчастный ремесленник был объявлен мошенником. С трудом удалось им утешить пострадавшего, который громко стонал и бил себя в грудь. И ремесленник тут же поведал им о другом преступлении оправданного купца: он покушался на честь чужой жены, но мошенник и здесь вышел сухим из воды, так как сумел откупиться деньгами. Поговорив со злополучным ремесленником, наши друзья отправились к Пирмухаммаду-печнику. Сам печник воздвигся во дворе вместе с сыновьями, он должен был сидеть заказчику в срок новый тандыр для печения лепешек. Был он огромного роста, широк в плечах, и массивная фигура его казалась еще колоритнее оттого, что он повязал себе лоб скрученным в жгут платком. Отложив в сторону свой инструмент, он шагнул навстречу гостям и крепко пожал им руки. Все трое отошли в сторону, чтобы их не слышали сыновья, и уселись в тени айвана. После обычной благодарственной молитвы первым заговорил Парфи-недотепа:

— От верного человека нам удалось узнать, что тайная служба Мухаммада Аргуна не спускает своего змеиного глаза с семьи зодчего — отца покойного Низамеддина. И намерена тишком покончить с ним. Этот человек посоветовал нам предупредить зодчего, мы было пошли к нему, но он уже продал дом и уехал.

— Хоть вы и опоздали, но еще не поздно спросить совета у уважаемого господина Талабы, — раздумчиво протянул печник. — Лично я сказать вам ничего не могу. Вспомните-ка слова господина Талабы, что нельзя ничего предпринимать, не обсудив предварительно этого дела со всеми. Удивляюсь, как мавляна мог послать вас прямо в махаллю Дарул Хуфо. Он же знает, что ничего нельзя делать по собственному почину.

— Приятно слушать умные речи, — отозвался Парфи. — Ведь еще по пути сюда я вам твердил, что нужно сначала заглянуть в медресе.

— А мы не прочь и сейчас туда заглянуть, — подхватил Фармон-каль.

— Только будьте осторожны, — посоветовал Пирмухаммад-печник. — Возьмите пару сапог или ичигов

и спокойненько идите в медресе. Главное в нашем положении — действовать осмотрительно, не торопясь, ибо кто зря суетится, привлекает всеобщее внимание.

Выпив по пиале чая, они поднялись и направились домой. Выполняя разумный совет печника, они завернули в платок пару ичигов и, подойдя к медресе, обошли его вокруг. А через некоторое время к ним приблизился юный муллавачча с книгой в руке и в щегольски повязанной чалме. Это и был сам Талаба. Его явно заинтересовали принесенные для продажи ичиги, он даже поторговался немного, но, как только была разыграна первая часть необходимой комедии, он сразу заговорил о делах. Фармон-каль коротко рассказал обо всем случившемся Талабе, а тот, повертев для виду в руках ичиги, как бы интересуясь качеством товара, и осмотрев их со всех сторон, быстро проговорил:

— Об этом мы уже позаботились. Отец покойного Низамеддина жив и здоров и сейчас как раз находится по пути в Бухару. Арбакеш у них наш человек. Хотим надеяться, что господину зодчему не будут грозить в дороге никакие опасности.

— Слава аллаху,— промолвил Фармон-каль.

— Слишком дорого вы просите за свой товар,— перебил его Талаба,— такой и цены-то нет. Пойдем-ка сейчас на базар и порасспросим добрых людей, приценимся. Поняли все?— шепотом добавил он.

— Поняли! Будьте здоровы,— сказал Фармон-каль. Они шагали по пыльным улицам Герата, восхваляя ум и проникательность юного Талабы. Видно, сами небеса возроптали против жестокости тимуридов, потому-то народ и стал на путь мести, потому-то и тянется к хуруфитам, и в этом проявляется воля всевышнего. И еще говорили они, что готовы по первому знаку Талабы и Харуна-ткача взять в руки пики и сабли, что готовы пролить кровь, что милости божьей достойны не шахи и амиры, а простой народ. «Ведь недаром же Талаба первым подумал о том, чтобы отец покойного Низамеддина мог благополучно добраться до Бухары, послал вместе с ним нашего человека, в том великая его заслуга, доказательство его проникательности и ума, и если мы во всем будем верить этому достойному юноше, будем выполнять мудрые его советы, то не зря мы отда-

дим свою жизнь за правое дело, значит, не зря мы страдали и мучились», — думали они.

А в следующую пятницу к Джаме-мечети на полу-денный намаз тек поток людей, и среди них, виновато втянув голову в плечи, шагал Сулейманбек. После отъезда Ибрагима Султана в Шираз принц Байсункур-мирза внезапно отстранил Сулейманбека от должности. Три палача слепо выполняли волю правителей — Каранлан, Мухаммад Аргун и Сулейманбек. И вот настал час Сулейманбека, с плетки которого еще стекала кровь невинно замученных им людей, и его, этот столп государева престола, этот гвоздь, скреплявший устой царской власти, в мгновение ока вырвали, словно клещами, и выбросили за негодностью, разоблачив его гнусные деяния как лихоимца и распутника. И весть эта мигом распространилась по городу, переходя из уст в уста. Уже давно этот человек, скромный и смиренный на вид, привлек внимание Ибрагима Султана. Говорил он тихо и кротко, внимательно выслушивал приносимые ему жалобы, ласково трепал просителя по плечу, а сам пинком низвергал его в пропасть, давая волю неукротимой злобе и коварству. Умея подлаживаться к жестокому нраву Ибрагима Султана, Сулейманбек губил сотни людей ради личного обогащения, ради ненасытной своей корысти сжег он их очаги, развеял, как говорится, мягкое их ложе. Трижды приходил зодчий к Сулейманбеку просить о смягчении участи сына, и всякий раз этот кровавый палач обходился с ним мягко и ласково, а потом бежал к царевичу и, желая делом доказать свою преданность престолу, настаивал на поголовном истреблении хуруфитов. И он добился своего. И вот теперь, когда сорвана была с него личина человеколюбия и милосердия, когда прогнал его Байсункур-мирза, он сидел дома, не смея высунуть носа на улицу, сидел отверженный, не смея показаться на глаза соседям. Да и кому он пойдет жаловаться, ведь даже сам Шахрух знал цену этому грязному лицемеру.

Но прошло два-три месяца, и, подобно улитке, выглядывающей из своей раковины, выглянул на свет божий и Сулейманбек, поозирался вокруг. Тишина. И тогда отправился на свадебный пир к соседу. Перед ним поставили поднос с лепешками и сладостями, но никто не сел с ним рядом, никто не перемолвился с ним ни

словом. И сидел он один, словно прокаженный. И тогда он покинул пир. И еще раз вышел он из дому, но теперь уже на похороны. И снова люди сторонились его и никто не разговаривал с ним. Его незаметно оттеснили в сторону, когда он пытался подставить плечо, чтоб хоть пять шагов пронести носилки с покойным, и в Джаме-мечети люди предпочитали сидеть пусть у самого выхода, только бы не рядом с ним. И хотя видел все это Сулейманбек и чувствовал людское отчуждение, тем не менее, по природной своей наглости, старался втереться в доверие к людям.

— А почему бы нам не расправиться с этим негодяем?— спросил как-то Фармон-каль, потрогав свой обоюдоострый кинжал, засунутый за голенище сапога.— Благое дело совершили бы.

— Ты что, забыл? Ведь мы же должны обо всем советоваться с Талабой.

— Верно, верно,— подтвердил Фармон-каль и, с улыбкой оглядев лоснящуюся физиономию друга, добавил:— Оказывается, и ты умеешь давать умные советы.

— Стало быть, ты считал, что весь ум достался тебе? Видно, от избытка ума у тебя вся башка тлей покрылась и стала заскорузлой на манер сушеного абрикоса.

— Ай да молодец,— от души расхохотался Фармон-каль.— Ты, пожалуй, согласен, как телок моей тетушки, лизать сутки напролет этот сушеный абрикос, чтобы ума набраться.

— Замолчи, дружище,— возмущился Парфи.— Тошнит даже. Хорошо еще, что тебе в свое время паршу с башки шумовкой содрали, а то летали бы за тобой роем мухи со всего Герата.

— Сдаюсь. Победил меня, Недотепа. Видно, про таких, как ты, сказано: тупой нож руку режет. Молчишь, молчишь да как ляпнешь. Значит, бывает, и ты вдруг мозгами пошевелишь. Видать, когда аллах раздавал людям мозги, для тебя он не поспешил.

— А я тогда за твое плечо держался. И когда бог сказал: «Выкладывай свое желание»,— я ответил: «Дай мне умишка хоть чуть больше, чем вот этому». Вот теперь я тебя и выручаю.

— Ну ладно, ладно, я же сказал, что ты победил. Давай лучше о делах поговорим. Что это Талаба в нашу лавку не заглядывает? Снова пойдем в медресе?

— А чего нам спешить?

— Я прямо тебе скажу, увижу Сулейманбека, так сердце и захолонет, покоя лишаюсь. И сдается мне, уж не пора ли освободить этого подлеца от лишнего бремени, от собственной башки?

— Ну ладно, пойдем в медресе завтра!

На следующий день на Кандахарском базаре появился Талаба. Ему, видите ли, срочно сапоги понадобились. Он зашел в лавку Фармон-каля и уселся на стульчик. После взаимных приветствий Фармон-каль сразу же перешел к делу и поделился своими планами с Талабой.

— Мы не можем дать на это свое согласие, — негромко сказал Талаба. — Такого же мнения придерживается и сам Предводитель. Пусть люди видят, сколь жалка участь гнусных предателей. Прикончить его — значит избавить его от мук. Пусть он, как паршивая кошка, нигде не находит себе пристанища, пусть люди видят, что им все брезгают, это весьма поучительно. Оставим его в покое, он и сам скоро подойдет. Еще много есть вельмож, которых неизбежно постигнет та же участь. А если через года два он еще не подойдет, тогда можно и посоветоваться, и разделить с ним, — вполголоса промолвил Талаба.

— Верно, верно, — согласился Фармон-каль.

— Проказа — страшная болезнь. И хорошего человека может она поразить. Но такая проказа — наихудшая из проказ. Ее не излечить, и пусть все относится к нему с брезгливостью, как к отмеченному страшным недугом.

— Верно, верно, — снова согласился Фармон-каль.

— Нет, мастер, слишком дорогие у вас сапоги, — вдруг полным голосом произнес Талаба. — Не по карману они мне. Где же нам, учащимся, такие деньги взять?

— Загляните в другой раз, мулла, может, подберем что-нибудь подешевле.

— Если бог будет милостив, конечно, — в тон ему ответил Талаба. Он простился и вышел из лавки.

Неспешно и мирно несла свои воды река Герируд, опоясывающая Герат. Казалось, не всплеснет, не прожурчит. Лишь изредка пробежит по ее зеркальной глади мерцающая рябь. И снова все тихо. Но под этой хрустальной гладью неудержимые течения рвались к северу, к Мургабу. И сторонний наблюдатель, глядя на спокой-

ный бег воды, никогда бы не догадался о том, что творится там, в глубине. Но сами хорасанцы не только знали, но и чувствовали эту глубинную силу и мощь.

Глава XXXII

ОБИТАЛИЩЕ ЧУЛИ-БОБО

После вынужденной долгой стоянки в Талимарджане и Даште три арбы двинулись по хорошо укатанной дороге по направлению к Карши. На дне третьей арбы жалобно позвякивало все незатейливое имущество зодчего, пощаженное халачским бураном: кетмени, лопаты, мастерки, тазы для раствора ганча, большие сита для просивания песка — словом, весь инструмент зодчего. На лошади сидел Гаввас Мухаммад. Табиб со своими неразлучными двумя хурджунами, набитыми целебными травами, трясся на смиренной своей кобылке рядом с первой арбой и беседовал с зодчим. После двухдневного пути они наконец увидели караван-сарай Карши. Уже при въезде в город на мосту их встретили люди бека, специально высланные навстречу знаменитому табибу в сопровождении которых табиб и поехал в усадьбу. Еще в пути табиб сообщил зодчему, что тяжело болен один из сыновей бека и что он обещал в среду навестить больного. Табиб также пообещал новым своим друзьям, что он устроит их в караван-сарай, а когда они хорошенько отдохнут ночью, он сам на рассвете прибудет в караван-сарай и проводит их немного по бухарской дороге. И зодчий и Харунбек горячо поблагодарили табиба. С этими словами табиб пересел на посланную за ним арбу и покатил в город. А к вечеру явились двое юношей и принесли от бека огромный дастархан с лепешками и сладостями, а также кувшин с кислым молоком. Они передали дары бека зодчему и сказали, что табиб велел пациенту непременно выпить все молоко на ночь, крошив туда предварительно зеленого луку.

А наутро явился сам табиб вместе с младшим сыном бека и передал приглашение хозяина явиться к нему на завтрак. Когда подросток разговорился с Харунбеком, табиб отвел зодчего в сторону и сказал:

— В сущности, бек человек неплохой, прослышав о вашем приезде, он хочет устроить для вас торжественный завтрак.

— Что ж, мы охотно принимаем его приглашение, — ответил зодчий. — Тем паче сделаем это ради вас.

Итак, ранним утром отправился в путь наш маленький караван во главе с зодчим и табибом и, попетляв по улицам города, добрался до дворца бека. У самой калитки бек встретил дорогих гостей и поздоровался за руку с зодчим. Был он чернобородый, кругленький, лет за пятьдесят. Бадию и Масуму-бека пригласили во внутренний двор. Харунбек, ученики и братишка больного разместились на айване, а табиб, зодчий, сам хозяин и еще какой-то почтенный старец уселись вокруг дастархана в гостиной, все стены которой были изукрашены тонкой искусной резьбой. Бек, ничего не знавший ни о тех причинах, которые вынудили зодчего покинуть Герат, ни о его душевных муках, улыбаясь, сказал, что больной его сын сегодня впервые открыл глаза и посветлел лицом, узнав, что их дом посетили такие высокоуважаемые и высокоученые мужи, и что теперь он, наверное, выздоровеет. И еще сказал хозяин дома: великий Улугбек — прославленный во всем мире астроном, он берет под свое крыло людей науки. И, слушая его речи, не трудно было догадаться, что если остальные правители и беки будут всячески покровительствовать поэтам, каллиграфам, строителям и зодчим, то, несомненно, удостоятся одобрения Улугбека. И разумеется, гостеприимный хозяин старался не отстать от покровителей науки и искусства. Слушая разглагольствования бека, зодчий сразу понял, что хозяин дома в медресе не учился, что, в сущности, человек он малообразованный, хотя и ценит, правда, по-своему ценит, ученых и их труды. Догадался зодчий и о том, что почтенный старец, сидящий рядом с ним, — имам Джаме-мечети. Гости от всей души пожелали скорейшего исцеления болящему сыну бека. Беседа продолжалась. Хоть сам он и не был в Герате, сказал бек, но много наслышан о редкостной красоте Мусалло, Джаме-мечети и других величественных зданий, украшающих столицу. Табиб вовремя вспомнил предупреждение Харунбека и промолчал об истинных причинах, вынудивших зодчего покинуть насиженное гнездо. За завтраком хозяин дома обратился к зодчему,

— Не могли бы вы, уважаемый зодчий, остаться здесь у нас на месяц-другой? Простите меня за нескромность, но у нас есть к вам большая просьба.

— Я направляюсь по срочному делу в Бухару,— решив, что бек затеял строить здесь у себя мечеть— недаром же он пригласил к завтраку имама,— ответил зодчий.— К тому же, ваша милость, я еще не совсем оправился от тяжелой болезни, что хорошо известно моему другу Ходже Абдуласаду. Иначе я с удовольствием выполнил бы вашу просьбу. Да и сейчас я охотно задержусь на два-три дня, чтобы помочь вашим мастерам разработать план строительства, если есть в этом необходимость.

— Тут двумя-тремя днями не обойдешься. Мы заплатим вам хорошую сумму. Дадим в ваше распоряжение столько людей, сколько потребуется. Вчера, как только мы прослышали о вашем приезде, я тут же об этом подумал. Я уже собрался было послать по этому делу доверенного человека, но из-за болезни сына нам было не до того.

— Какое же это дело?— спросил зодчий.

— Есть у нас такое место, называемое Ходжа Муборак. Там пасутся огромные отары овец и стада коров. Так вот чабаны и гуртоправы давно твердят, что там пора построить вблизи от дороги сардоба — искусственный водоем. А если вы увидите избранное ими место, то сами не захотите оттуда уехать. Несколько сот лет назад жил там один святой Ялангач-авлиё, что значит «Голый святой», и завещал он потомкам построить в Ходжа Мубораке сардоба. Не скрою, и мне это принесет немалые выгоды: каждый чабан посулил дать мне за это по сотне овец. Таким образом, через год-другой у нас будет около ста тысяч голов. Да и его высочество Улугбек-мирза повелел амирам и бекам возводить мосты, строить бани, рыть сардоба.

— Благое дело,— промолвил зодчий.

— Конечно, если вы смогли бы построить у нас сардоба, то это дело доброе. Но нам не следует забывать о здоровье и желании самого зодчего. Впрочем, ваш путь и так лежит через Ходжа Муборак. Если вы посетите и эти места и погостите у чабанов, то вам от этого будет только польза, ведь вам, уважаемый зодчий, прописано пить побольше молока.

— Раз уж мы, уважаемый бек, будем проезжать через те края, — сказал зодчий, — я на месте ознакомлюсь с положением дел, а главное, посоветуюсь со своими спутниками. И только тогда я смогу сообщить вам свое мнение. Для сардоба средних размеров потребуется около ста пятидесяти тысяч плоских квадратных кирпичей, а для фундамента нужна специальная смесь золы с песком, так называемый кир, и еще много всего другого.

— Половина кирпича уже заготовлена в кишлаках Касап и Пулоти, и там же есть опытные мастера — уста Абид и уста Худайберган. Они будут вам надежными помощниками.

— Сейчас трудно что-либо ответить, нужно осмотреть место, и тогда мы придем к определенному мнению. Но так или иначе, уважаемый бек, вы затеяли полезное и благородное дело. И нужно радоваться этому. Ведь не все наши беки берутся за такие благие дела.

— Караханид Арслан оставил после себя прекрасный памятник Минораи Калан. Он виден за семь ташей¹. Он служит заблудившимся в песках караванам спасительным маяком. И, завидев его, люди, уже потерявшие надежду выбраться из пустыни, знают, что близка Бухара. Во времена саманидов² и караханидов было построено много водоемов между Карши и Шахрисябзом. Когда Абу-Райхан Бируни направлялся в город Газну, он провел около водоемов целую неделю. Мы надеемся все вместе уговорить вас, — ласково улыбнулся бек, — если будет на то милость аллаха, может, те места и приглянутся вам.

Зодчий кивнул и взглянул на табиба, как бы желая сказать: «Не знает он, бек, чем полна сейчас моя настрадавшаяся, истерзанная душа. Будь я столь же беспечен и весел, как вы оба, я остался бы здесь надолго. Но ничего не поделаешь. Кто я? Просто зодчий, согнанный с насиженных мест и пробирающийся в Бухару, туда, где родился и вырос».

— Разрешите мне подумать, мне трудно дать ответ вам вот так сразу, — учтиво сказал зодчий беку.

¹ *Таш* — старинная мера длины, примерно 8 верст.

² *Саманиды* — среднеазиатская династия, правившая с середины IX до конца X века.

Вернувшись в караван-сарай, зодчий собрал своих спутников и объявил им, что завтра рано поутру они отправляются в путь и, проехав Касан, заглянут к чабанам в Ходжа Муборак, тем паче что это совсем близко от дороги; и тут же изложил им просьбу бека. Ответом ему была мертвая тишина. Потом его спутники и родные дали ему обиняками понять, что они и так измучены дорогой и им лично не терпится прибыть поскорее в Бухару. Промолчал один лишь Харунбек, хотя он обычно откровенно высказывал зодчему свое мнение. Это молчание почему-то насторожило Бадю, и она без стеснения спросила Харунбека:

— А почему молчите вы?

Харунбек бросил беглый взгляд на Бадю. Он чувствовал, что после того случая в пустыне Калиф Бадия отнесится к нему настороженно, и поэтому сдержанно ответил:

— Арбы готовы, если на то будет воля аллаха, мы на рассвете отправимся в путь. Что же касается предложения бека, то этот вопрос решать не мне, а в первую очередь господину зодчему. Мое же дело доставить вас всех в Бухару живыми и невредимыми. Вот мое мнение, если вам интересно его узнать, госпожа Бадия.

— Если отец возьмется за эту работу, то мы просим здесь бог знает сколько времени, а вы, очевидно, нас бросите и отправитесь обратно в Герат?..

— Пусть сначала господин зодчий придет на место, осмотрится и решит, как ему лучше поступить. А отсюда до Бухары всего день пути.

— Харунбек прав. На месте все и решим.

И на сей раз Бадия не могла упрекнуть ни в чем многословного Харунбека.

А утром они отправились в путь.

Перед самым их отъездом в караван-сарай явился таиб. Он сердечно распрощался с зодчим и сообщил, что бек посылает вместе с ними своего младшего брата, который будет сопровождать их до самого Ходжа Муборака. Зодчий от души поблагодарил таибу.

— Мы бесконечно признательны вам за вашу доброту и никогда ее не забудем,— сказал зодчий.

Вместе с таибом явился и брат бека с двумя такими же юношами. Все они гарцевали на конях, и каждый держал в руках большой узел с припасами. Едва завидев

Бадю, брат бека впился в нее взглядом, любясь ее прелестным личиком, ее бровями, похожими на два распростертых ласточкиных крыла. А она, не поднимая глаз, горделиво похаживала около арб.

Караван тронулся в путь.

Трое провожатых из Карши ехали за арбой зодчего, тихо беседуя между собою. Харунбеку это явно не нравилось, и, попросив Зульфикара занять его место, он пересел на вторую арбу. Днем путешественники устроили короткий привал, а ближе к вечеру, миновав Касан, остановились на бескрайнем зеленом пастбище.

— Это и есть середина пути между Ходжа Муборакком и Касаном,— сказал брат бека.— Это место велено показать вам. И по-видимому, нам придется заночевать здесь.

— Отлично,— оживился зодчий,— здесь и заночуем.

И Бадия, и ученики с удивлением и радостью смотрели на него — ведь обычно к вечеру, когда приходило время слезать с арбы, он был совсем без сил.

— Здесь прекрасное, благодатное место. Подъедем к колодцу. А вы, бек-заде, покажите нам, где именно намечено сооружение водоема.

— Я точно не могу вам показать,— ответил юноша,— брат велел найти Чули-бобо, который живет где-то здесь, недалеко от колодца, и позвать его. Он знает.

Из ответа молодого человека чувствовалось, что тот не по своей воле отправился с ними в такую даль и что таков был приказ старшего брата, послушаться коего он не смел.

— Нет, дитя мое,— сказал зодчий,— к Чули-бобо, так и быть, мы пойдем без вас.— И он велел Харунбеку ехать к колодцу.

Харунбек направил лошадей в глубину долины, в сторону восхода, туда, где виднелась гряда холмов, а за ними пески. Здесь недалеко от колодца были разбросаны маленькие домишки, и, завидев арбы и конных, из одного домика вышел сам Чули-бобо. Харунбек, по обыкновению, спрыгнул с коня и взял в руки поводья, а Зульфикар с Завраком, приставив лесенку к арбе, помогли сойти зодчему, Масуме-бека и Бадие.

— Какой здесь превосходный воздух,— заметила Бадия.— Вот было бы хорошо, если бы город Карши построили именно здесь.

— Прямо у этого колодца?— подхватил Заврак.— Не так ли, госпожа?

— Выходит, и природа ошибается,— продолжала Ба-дия,— возводит города не в благодатных местах, а в каких-то закутках.

— Например, возвела Бухару,— снова вмешался Заврак,— не на берегу реки, а, что называется, на самом солнцепеке...

— А город Нишапур вообще, говорят, построен на месте заброшенного двора.

— Вы просто не видели Нишапур, госпожа,— отрезал Заврак.— Нишапур-то как раз стоит на прекрасном месте.

— Каждый кулик свое болото хвалит!

— А господин бек-заде не из Карши ли родом?— спросил Заврак у гордо взиравшего на них брата бека.

— В общем, да,— неохотно ответил тот, сидя в седле и, видимо, не желая включаться в общую беседу.— Мы шахрисябзские, из племени барлас. Наш отец был полководцем.

— Ах вот как! Значит, с тех самых пор вам пожаловано звание беков? И ежели вы из племени барлас, то нет здесь никого, кто мог бы поспорить с вами знатностью рода,— насмешливо протянул Заврак.

Тем временем зодчий, сойдя с арбы, поспешил навстречу бородатому человеку и протянул ему руку, как старому знакомому.

— Вы, наверно, и есть Чули-бобо?— приветливо сказал он.

— Да, это я,— ответил старик густым басом.— Добро пожаловать в наши края. Здоровы ли вы, благополучны ли?

— Да вот решили переночевать у колодца, а на рассвете отправимся дальше.

— Зачем же у колодца? Наши дома в вашем распоряжении. Пожалуйста, с дорогой душой!

— Благодарствуем.

— А кто вы такие будете?— спросил Чули-бобо.

— Вот этот юноша — брат его светлости бека,— пояснил зодчий.— А мы просто путники, едем в Бухару.

— Выпрягайте-ка живее лошадей,— сказал старик,— вам не вредно хорошенько отдохнуть с дороги.

Между тем из домиков высыпали дети и подростки и

с любопытством разглядывали приезжих. Откуда-то появилось несколько огромных псов, тех, что называют степняками.

— Скоро с пастбищ вернутся и мои сыновья,— добавил старик.

Все, как обычно, принялись за дело: выбрали место, постлали войлок, выпрягли коней.

Брат бека наконец решил спешиться и тоже принял участие в общей работе. А зодчий и Чули-бобо обошли бок о бок окрестности, они направились в сторону восхода солнца, где стог с журчанием струился ручеек, и воды его исчезали вдаль, словно таяли в песках.

— Благодатнейшие места,— повторил зодчий, желая вызвать старика на разговор.

— Ваша правда! Таких мест, пожалуй, и не сыщешь. Вот возьмите хоть этот ручей, что течет с холма. Красота, божья благодать. Однако в самые жаркие дни месяца саратан он высыхает, и нам приходится довольствоваться одним колодцем,— он показал рукой на расстилавшиеся вокруг долины.— Здесь, кроме моих сыновей, живет еще девять чабанов. Разводим каракульских овец. Выгодное это дело, вот только с водой плохо — не хватает. Если бы соорудить здесь водоем, какое бы это было счастье и для людей и для овец, да и для путешественников — вот таких, как вы. Даже птицы и те бы порадовались. С юности об этом мечтаю, но ничего мы сделать не можем. Руки у нас коротки для таких дел. Знают об этом и сотник и бек, но все почему-то не соберутся этим заняться. Мы обещали им овец. Приходили сюда откуда-то издалека мастера Абид и Худайберган. Осмотрели все, да так ничего и не вышло...

— А в каком месте намечали строить водоем?

— Да вот здесь как раз, где мы стоим. Место это будто предназначено для водоема, да и вообще удобно во всех отношениях. Взгляните-ка сами. Мне приходилось видеть водоемы под Гузаром, Файзабадом, но такого места для сооружения водоема, пожалуй, нигде нет.

Степной мягкий ветерок и вечерняя прохлада располагали к задушевной беседе, но зодчий был сдержан и сосредоточен. Он обошел, внимательно разглядывая «благодатное, райское», по словам Чули-бобо, место для водоема и даже несколько раз измерил его шагами. Чули-бобо следил за каждым шагом зодчего, за выра-

женнем его лица: он понимал, что этот человек серьезно относится к делу и не напрасно он задает столько вопросов. Недаром же и сам он твердил, что, если бы вот здесь, на этом самом месте, возвышался бы купол, это было бы великое, богоугодное дело.

Харунбек, издали наблюдавший за двумя старцами, меряющими пространство около колодца и заинтересованно беседующими, привязал лошадей к колесам арбы, задал им корма и, подойдя поближе, прислушался к их разговору.

— Харунбек, братец,— вдруг позвал его зодчий,— это и есть то самое место, о котором мы говорили вчера. А вот этот пересохший арык образован из горных ручейков. Летом он пересыхает. Конечно, здесь нужен водоем. А как вы думаете?

— По-моему, вы правы,— ответил Харунбек.

— Тут и раньше приходили люди, осматривали, измеряли, как вы,— вмешался в разговор Чули-бобо,— а потом уходили, и все оставалось по-прежнему. А купол здесь просто необходим. За сотню верст до самого Каравулбазара, да и в противоположную сторону, до Камаша и Бешкента, нет ни одного настоящего водоема. Благое дело совершили бы!

— Если бы вы спросили моего совета, я бы сказал: вам незачем особенно спешить в Бухару,— заметил Харунбек.

— Почему это?— удивился зодчий.

— Да хотя бы потому, что вы, зодчий, никогда не отказывались совершить доброе дело ради людского блага. А сооружение водоема и есть весьма и весьма доброе дело.

— Да я и не отказываюсь,— тихо проговорил зодчий,— но как же я могу решать такие вопросы самолично. Не могу же я задерживать вас и ваши арбы. Сначала нужно расплатиться и отпустить вас. Я не отказываюсь строить водоем, тем более что он не для государя и его вельмож, а для бедного люда.

Увидав, что Чули-бобо направился к месту стоянки, где расстилали войлок, Харунбек шепнул:

— Отсюда до Бухары всего день пути. Я собирался рассказать вам всю правду, доставив вас до места. Но раз уж так случилось и мы с вами сейчас вдвоем, скажу сейчас. Сколько времени займет у вас эта работа?

— Ну, месяц-полтора,— ответил зодчий.

— Если мы приедем в Бухару на полтора месяца позднее, тем лучше. Так оно будет куда безопаснее. Можно, конечно, ехать и сейчас, но я думаю, чем позже мы туда прибудем, тем лучше. Пусть сначала улягутся страсти. Тем паче, что таиб велел вам пить побольше молока и находиться на воздухе, что необходимо для вашего здоровья. А если уж быть совсем откровенным, то господин Талаба и мои друзья поручили мне доставить вас в Бухару в добром здравии. Так что я остаюсь с вами, а лошади и арбы в полном вашем распоряжении. Когда я доставлю вас в Бухару, я доложу по возвращении господину Талабе, что исполнил порученное мне дело. И еще хочу сказать: один из убитых нами в Андхуде в песках — это Караилан.

— А кто же вы?— спросил зодчий.

— Я друг вашего сына Низамеддина. Меня называют Харуном-ткачом. И мне дали поручение — благополучно доставить вас с семьей в Бухару.

— Кто вам поручил это?

— Хуруфиты.

— Так вы и есть Харун-ткач из Майманы? Да, столько едем вместе, а я и не догадался.

— Мне было разрешено в случае необходимости сообщить вам об этом. Вот я и сообщил. Однако больше ни одна душа не должна знать об этом.

— Конечно, конечно,— поспешил уверить его зодчий.

— Так как же, решаем остаться?

— Остаемся!

— Тогда утром оповестим бека через его брата и скажем Чули-бобо. А до утра хорошенько отдохнем.

И Харунбек отправился поглядеть на лошадей.

В ту ночь юноши спали в степи. Зодчий с женой и дочерью разместились в доме Чули-бобо. А утром, за трапезой на открытом воздухе, зодчий сообщил ученикам о своем решении и попросил их совета. Ученики с радостью согласились, и в тот же день брат бека выехал домой — ему дали поручение сообщить его высочеству беку о решении строить водоем и обратиться к нему с просьбой как можно скорее доставить все необходимые материалы и людей. Пусть уста Абид и уста Худайберган тоже прибудут сюда, а людям пусть выдают кетмени, лопаты, носилки и весь прочий инвентарь.

После трапезы брат бека со своими друзьями срочно отправился в путь, а Чули-бобо на радостях, созвав сыновей, зарезал лучшего барана, чтобы угостить дорогих гостей. Ученики, не мешкая, принялись за дело: они-то понимали, сколь ответственно дело, за которое они берутся; один засел за бумаги и чертежи, другой отправился знакомиться с местностью, третий взял на себя измерение пространства водоема.

Обескураженная Бадия, которой не терпелось поскорее добраться до Бухары, грустно глядела на отца.

— Вы это твердо решили, отец?— осмелилась она спросить.

— Да, дочка, решил твердо. Иначе нельзя. Это богоугодное дело.

— Но ведь вы же нездоровы!

— А без работы мне еще хуже. Излечусь здесь на воздухе.

— А как же быть с арбакешем?

— Он согласен. Я договорился с ним. А ты ведь моя дочь, и я подумал, что ты тоже согласишься.

Бадия промолчала. Чувствовалось, что она отнюдь не в восторге от отцовской затеи. Но что поделаешь со своенравным и упрямым стариком, который считал свою работу важнее всего на свете.

Огорчило решение зодчего и Зульфикара. Он мечтал поскорее попасть домой, обнять отца и мать, надеялся, что родители с почестями встретят зодчего. Никто, думалось ему, не станет теперь чинить препятствий, он устроит свадьбу и женится на Бадие.

— Отец хочет остаться здесь,— обратилась Бадия к Харунбеку.— Надумал строить водоем. Как вы к этому относитесь?

— Ваш отец благороднейший человек и бесценный мастер. Всю свою жизнь он трудился, делал все, что мог, для людей. Верен он себе и сейчас. Ведь не каждому по плечу такая работа, за которую он взялся.

Бадия промолчала

— А вы уедете, покинете нас?

— Нет, не уеду. И вас не покину.

— Спасибо за вашу преданность,— шепнула Бадия, поняв, что вопросов больше задавать не следует.

А Зульфикар, ничего не знавший о разговоре Бадии с Харунбеком, в свою очередь обратился к нему:

— Наш уstad хочет задержаться здесь на месяц-другой. Вы, конечно, покинете нас?

— Уважаемый господин Шаши, свое мнение я уже высказал вашей невесте, госпоже Бадие.

— Рыть землю предоставьте вот этим молодцам,— предложил молодой чабан, указывая на братьев — в этом деле нет им равных. А кто, вы думаете, вырыл этот колодец? Они!

— Если дать им волю, так они здесь всю землю перевероршат,— с улыбкой сказал Чули-бобо.— Даже сусликам и кротам за ними не угнаться.

— Что верно, то верно,— засмеялся один из братьев, которого прозвали «кротом», так как от рождения один глаз был у него прищурен.— Но есть и такие, которые и по нужде побегут к колодцу,— добавил он.

— Полегче, полегче,— строго заметил Чули-бобо.

— Да что говорить,— продолжал шутник,— страдаем мы одним недугом — справляемся вдесятером с четырьмястами баранами, а вот поладить между собой не можем. Наше счастье, что живет среди нас Чули-бобо.

— А вы полегче насчет слепых кротов,— сказал Зульфикар.— Такие шуточки могут и нас задеть.

Заврак Нишапури взглянул на Зульфикара и перевел взгляд на улыбающуюся Бадю.

— И мы от вас не отстанем,— сказал он,— на восемнадцать присутствующих здесь не хватает только полтора глаза да половинки ума.

Все весело рассмеялись.

— Да это не мои слова,— заметил Заврак и кивнул на Зульфикара.— Их провозгласил «глашатай Бухары».

Снова раздался взрыв смеха — «глашатаями Бухары» обыкновенно называли особенно крикливых ослов.

— Вы, оказывается, тоже шутник,— сказал Чули-бобо.— А я-то думал, только наши чабаны дерзки на язык, если к слову придется, родного отца не пощадят.

Зодчий, долго хранивший молчание, взглянул на Чули-бобо:

— А где будем брать песок?

— Да ведь кругом пески.

— Этот как раз и не годится.

— Почему?

— Нужен речной песок.

— Будем возить из Касана и Кашкадарьи,

— А дожди еще не скоро начнутся?

— Эге, время еще есть. Здесь у нас не то что в Самарканде, дождей выпадает мало...

— Ну ладно, утром, благословясь, начнем...

— Дай вам бог здоровья,— сказал Чули-бобо, и глаза его заблестели от радости.— А от бека не будем ждать вестей?

— Вести от бека будут. Он ведь сам меня просил об этом. Самое главное, чтобы его высочество бек вовремя обеспечил нас материалом да людей дал в подмогу. Тогда дела пойдут на лад.

На следующее утро зодчий с учениками отправился к ручью, где было намечено сооружение водоема. А Чули-бобо вместе с сыном стояли над связанным бараном, ожидая зодчего.

— Дайте свое благословление,— попросил он зодчего и молитвенно сложил ладони.

Зодчий остановился на минуту и дал благословление. Чабаны тут же закололи барана.

— Ну, а теперь в котел его,— приказал Чули-бобо,— велите женщинам нарезать лапшу.

Зодчий тщательно осматривал местность, проверяя уклоны и неровности почвы, снова и снова вымеряя место для сардоба... Отправив учеников осмотреть окрестности, он долго стоял на том месте, где должен был быть сооружен водоем. И снова не сводил пристального взгляда с восхода и с той стороны, куда солнце должно сесть вечером, что делал всегда, собираясь приняться за дело. Взяв у Харунбека компас, он положил его на землю. Заврак, Зульфикар и Гаввас издали смотрели на место, где стоял зодчий, представляя себе купол над новым водоемом. Они наносили на бумагу чертеж дверки и отдушин навёрху. Затем, собравшись вместе, заявили, что купол будет прекрасно виден издали. Две отдушины решили расположить со стороны восхода и захода солнца, а входную дверь слева. Зодчий расспросил Чули-бобо о направлении ветров в разное время года и пришел к выводу, что входную дверь нужно расположить против ветра.

Утром Зульфикар, по просьбе зодчего, дал Чули-бобо заостренный колышек длиной в аршин.

— Мы произвели все расчеты,— сказал зодчий,— вбейте этот колышек у своих ног, тут и будет центр водоема.

— Странные речи вы ведете.

— По-моему, ученик должен беспрекословно выполнять желания учителя. Взгляните хотя бы на господина Гавваса. Он весь так и сияет. У него руки чешутся как можно скорее приступить к делу. А господин зодчий больше всех своих учеников любит вас. И надо, мой друг, быть достойным этой любви.

— Простите!— Зульфикар вспыхнул.— Будь у меня сто жизней, все я отдал бы своему учителю.

— Вот это слова мужчины,— улыбнулся Харунбек.

Глава XXXIII

САРДОБА

Весть о том, что неподалеку от дома Чули-бобо, у колодца в низине, какие-то пришельцы затевают строительство водоема, быстрее птицы облетела все окрестности. К дому Чули-бобо потянулись люди, шли чабаны, подпаски, их семьи. И, услышав от самого Чули-бобо, что это истинная правда, выспрашивали все подробности и не верили своим ушам. К вечеру у колодца стало многолюдно — подвесили несколько котлов, расстелили дастарханы. Вокруг шумно носилась детвора. На войлочных и камышовых подстилках расположились взрослые — Чули-бобо с десятью чабанами, зодчий с шестью мастерами. Здесь шли серьезные разговоры.

Невестки Чули-бобо и молодежь обслуживали гостей. А Чули-бобо заявил, что десять молодцов, да и он одиннадцатый,— в полном распоряжении зодчего, что вот за тем холмом, в местности Караташ, есть каменные глыбы и что их можно раскалывать даже булавой. А отсюда до Караташа всего полторы версты, и камни могут перевезти на арбах сами чабаны.

— В самом Касане есть две печи для обжига,— добавил Чули-бобо,— а отсюда это всего версты три будет. Если послать туда наши арбы, то можно приготовить плоских кирпичей на неделю вперед.

— Так их уже использовали на починку моста,— заметил один из чабанов.

— Нет, они лежат все еще там. Своими глазами видел недавно, когда на базар ездил,— возразил Чули-бобо.

Чули-бобо растерянно воткнул колышек у своих ног, прочитал благодарственную молитву и ударом топорика вбил колышек в землю. Зульфикар взял топорик из рук старика и ударил по колышку еще несколько раз. Затем спросил у зодчего, можно ли вбить гвоздь и протянуть веревку. Но зодчий не успел ответить — вдали показалась группа всадников.

Через минуту пятеро спешившихся конных уже были около арб,— среди них и младший брат бека, а позади, на смирной своей лошадке, подъехал табиб.

Отдав поводья чабанам, приезжие направились к зодчему. Узнав табиба, зодчий пошел к нему навстречу.

— Рад вас видеть,— приветливо сказал он.

— Долгой жизни вам,— ответил табиб.— Как здоровье? Выполняете ли вы мои советы? Пьете ли молоко? Помните, оно вам необходимо. Голова не болит?

Зодчий рассмеялся:

— Все в порядке, дорогой друг. Я здесь почти поправился, степной воздух мне явно на пользу.

— А что я говорил?— обрадовался табиб.— Бог даст, от вашей болезни и следа не останется.

Зодчий поздоровался с приезжими.

— Бек рад и благодарен вам за ваше решение строить водоем,— сказал табиб.— Вот Камбар-ходжа, секретарь господина бека, а это люди, близкие его светлости, уважаемые граждане города Карши.

— Его высочество бек поручил нам вовремя снабжать вас всем необходимым, его высочество велел передать вам привет и пожелание доброго здоровья,— торжественно промолвил секретарь.— Его высочество,— продолжал он,— уже построил мост недалеко от города, и мы называем этот мост «мостом бека».

— Человек, делающий добро, благоустранивающий землю, никогда не будет забыт,— заметил зодчий.

— Когда вы построите здесь водоем и превратите эти места в цветущий благодатный край, мы назовем их Бекабадом,— продолжал Камбар-ходжа.

— Если аллах будет милостив!— добавил табиб.

Зодчий промолчал.

— Да вы, вижу, уже начали,— вмешался в разговор брат бека.— Хочу вас предупредить, что его высочество любит, чтобы работа была завершена в срок.

— Хозяин этих мест Чули-бобо вбил сегодня колышек,— сказал зодчий,— измерительные работы тоже уже начали. А дальше дело пойдет...

Камбар-ходжа хотел было возразить, что хозяин этих мест вовсе не Чули-бобо, а сам бек, но прикусил язык, вовремя вспомнив, что бек предупредил его, что не стоит перечить этому своенравному старцу; он посоветовал своим приближенным разговаривать с зодчим осторожно, ни в коем случае не допускать грубости. «Эти люди,— напутствовал бек,— нетерпимы к малейшей несправедливости, да и сам государь приказывал в свое время быть снисходительными к причудам ученых».

После полудня на арбах из Касана прибыли мастера — уста Абид и уста Худайберган. Выгрузив свой инструмент, они подошли к зодчему и бекским послам:

— Здравствуйте! Бог в помощь!

— Здравствуйте!— ответил зодчий.— Долгой вам жизни!

— Мы очень благодарны вам,— затараторил щедушный уста Абид,— за то, что вы согласились прервать свой путь в Бухару и не сочли возможным отказать в просьбе почтеннейшему и высокочтимому господину беку, благодарим за то, что вы добровольно взялись за это трудное, но благородное дело. Вот уста Худайберган никогда не выезжал из Карши, а я побывал и в Герате, и в Балхе, и в Газне, и в Самарканде. Я повидал медресе, возведенное устасом Кавамом, устасом Исмаилом бинни Тахиром Исфагани, устасом Наджмеддином Бухари... Ваше славное имя чтят и в Хорасане и в Мавераннахре. Добрые дела не забываются...

— Ну это не совсем так,— ответил зодчий.— Приходит время, когда человек начинает тосковать по родному краю. Вот и я возвращаюсь в родную Бухару.

Стоявший поблизости Харунбек негромко кашлянул, словно предупреждал зодчего не проговориться. И зодчий тут же заговорил о другом. Поняв, что уста Абид

любитель высокопарных речей, он сказал, что видел расписанную им, уста Абидом, гостиную в доме бека и полюбовался его красивой и умелой работой. То, что уста Абид готов принять участие в сооружении водоема,— большая удача, которая от души радует его, зодчего. Слова эти попали в цель. Уста Абид был явно доволен, а брат бека и прибывшие вельможи оживились и с облегчением вздохнули. Лишь Чули-бобо и ученики зодчего молча стояли около колышка.

— И разбивку уже сделали. Прекрасно!— проговорил уста Абид, оглядываясь.— Сколько аршин в диаметре круга, устас?

— Мы наметили двадцать. Что вы на это скажете?

— Верно! И я намечал точно столько же! Внутренний диаметр Файзабадского водохранилища тридцать аршин. Мы увеличиваем на десять.

— Верно, верно! Фундамент зальожим на глубине трех аршин, привезем из Караташа мелкую гальку и выложим в один слой, а сверху, конечно, кир...

— Верно, верно, устас.

— Когда фундамент поднимется на пол-аршина от земли, начнем укладку кирпича. Стены водоема должны достигнуть двадцати аршин. Меня уверили, что часть кирпичей готова, остальными нас будет обеспечивать печь-хумдан в Касане...

— Верно, верно, устас.

— Начнем благословясь, да, собственно, благословение уже совершено. И черный баран давно в котле,— заметил зодчий, взглянув на Чули-бобо.— Считайте, что с этого дня мы приступили к работе.

— Об оплате договорились? — спросил уста Аби.— Сколько заплатят мастерам, ученикам, рабочим?

— Об этом будете договариваться с нами,— вставил Камбар-ходжа.

— Мы еще не договаривались,— сказал зодчий,— но, по-видимому, господин секретарь в курсе дела.

— Счет дружбе не помеха, так что договоримся заранее обо всем...

— Прекрасно!— Зодчий повернулся к ученикам:— Берите кончик веревки да начертите на земле

круг. Фундамент, не забудьте, в два аршина. Чули-бобо!

— Я здесь, зодчий.

— Пошлите молодежь в Караташ, пусть начинают дробить камни. А вы, уста Абид, и вы, уста Худайберган, пока подвезут кирпичи да ганч, соберите людей и поработайте серпами и кетменями — нужно скосить на берегу верблюжью колючку, тамариск да камыш и сжечь весь этот хлам. Золу смешаем с песком и приготовим кир. Господин секретарь, после обеда нужно будет заняться доставкой людей из города. Направляйтесь на арбах сюда кирпич, песок и ганч. Надо торопиться. А вот этот проект передайте господину беку. Если у него будут поправки или предложения, мы их учтем.

Зодчий взял из рук Зульфикара лист бумаги с чертежом водсема и протянул Камбару-ходже, который сложил бумагу и сунул себе за пазуху.

Люди взялись за дело. Солнце стояло в зените. Чули-бобо взглянул на небо и громко позвал всех обедать. Люди, оставив работу, собрались к колодцу.

Пожалуй, лишь ученики зодчего по-настоящему понимали, как трудно ему, старому, больному человеку, работать в степи, под беспощадно жарким солнцем с душою, полной горечи и боли. Лицо его осунулось и пожелтело, лишь в глазах горело знакомое им упрямство и поражало то сосредоточенное выражение, появлявшееся всегда, когда зодчий брался за какое-либо дело и забывал о себе. Каждое праздное слово будто ножом резало его по сердцу. Зульфикар, Заврак и Гаввас слишком хорошо знали это и, не вступая с ним в споры, выполняли все его распоряжения. Знали они и то, что ни сочувствие, ни забота не нужны сейчас их учителю. Ему сейчас нужно лишь одно — уйти в себя. И даже когда Бадия попыталась попросить отца побереечь себя, зодчий, ни разу в жизни не повысивший голоса на свою любимицу, вдруг резко прикрикнул на нее: «И ты глупа, и речи твои глупы». Расстроенная Масума-бека посоветовала Зульфикару и Гаввасу не перечить старику. «Такой уж он упрямец. За работой и света белого не видит, слова ему поперек не скажи. То, что всосал человек с молоком матери, кончается только со смертью».

Зодчий утирал пот со лба кончиком чалмы, следил за кладкой фундамента, за окружностью водоема. Он простоял весь день на самом солнцепеке, но в увлечении работой даже не замечал жары, не чувствовал усталости.

Пригодились и арбы Харунбека, на них перевозили камни. Бадия и Масума-бека помогали невесткам Чулибобо готовить обед. Два богатырского вида чабана, обливаясь потом, беспрерывно вытаскивали воду из колодца. На следующее утро арбы, груженные кирпичом, одна за другой подъехали к колодцу. Люди с величайшей осторожностью начали разгружать их.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава XXXIV

УМЕРЕННЫЙ КЛИМАТ

Зодчий, по своему обыкновению, поднялся еще до рассвета и поспешил к месту работы. Зорким взглядом окинул он выложенный фундамент, груды кирпичей. Затем нагнулся, поднял плоский кирпич и постучал по нему топориком. Приглядевшись внимательно, заметил след пальцев на кирпиче и задумался: не кирпич, а мрамор. «Хвала отцу моему, труженик, сделавший этот кирпич». Потом поднялся на Караташскую возвышенность, что в стороне восхода, и отсюда осмотрел обломки скалы. Он видел, с каким рвением и старанием работают чабаны: ясно, водоем нужен им, а не господину беку. И они прекрасно это понимают. С холма он оглядел окрестности — пологий спуск тянулся вплоть до самого колышка, вбитого в землю. Вот и хорошо, дождевые и талые воды по весне будут скапливаться именно здесь. Предположения Чули-бобо оказались верны. Если вырыть достаточно глубокий водоем, то воды здесь будет постоянно в избытке.

Чули-бобо давно наблюдал за зодчим, внимательно оглядывающим окрестности. Он тоже поднялся еще до рассвета и обошел отары. Два огромных волкодава Кашлак и Арслан, с бурыми загривками, покорно следовали за своим хозяином. Чули-бобо присматривал за овцами, поил коров, но к зодчему не приближался, боясь ему помешать.

Стоя на холме над степью, бескрайней, безбрежной, зодчий любовался голубым куполом неба, опрокинутым над бурой землей, похожим на огромный водоем. Мед-

ленно аел край небосвода. Среди этих просторов домишки Чули-бобо и его сыновей казались крошечными черными точками, а чуть поодаль — такими же точками казались лошади и арбы, груды кирпича. И все они по сравнению с этой расстилавшейся без края и конца степью занимали место чуть побольше ладони. Его внимательный хозяйский глаз видел все: и цепь холмов, и зеленые пастбища, и извилистый путь ручьев, спадающих вниз, и заросли камыша, и овраги у подножья Караташа, и глыбы скал, а еще дальше руины крепостных стен, за которыми некогда жили люди. Но и в этих камышовых и тамарисковых зарослях, на вид безжизненных, идет своя жизнь — там таятся барсы, тигры, а если и нет там хищников, то все равно степь живет — куда ни глянешь, повсюду отары овец и ягнят, козлов и баранов. Нет, степь живая, и сейчас за незнакомым человеком, взобравшимся на холм, незаметно наблюдают звери и птицы. Зодчий жадно впитал в себя всю эту красоту, неповторимую игру красок, какой, пожалуй, не сыскать нигде. Пройдут годы, и краски эти потускнеют. Обветшают кирпичные здания, потеряет блеск изразцовая облицовка, но красоту земли, бескрайних степей, где зеленеющих, где пустынных, которые обегают две реки, не разрушат ни ветер, ни ураганы, ни пламя. Здесь будут водоемы, здесь будут возвышаться крепости. Такая красота вечна.

И вдруг он увидел вдали караван верблюдов, услышал звон колокольчиков.

«Караван с юга, он направляется в Бухару», — подумалось зодчему. Не сходя с места, он подсчитал: сорок верблюдов... На них ящики кубической формы — каджава, полные товаров. Зодчий долго глядел вслед каравану — он идет в родную его Бухару. Возможно, это караван из Хорасана? И снова он вспомнил сына, своего дорогого мальчика, так рано покинувшего этот мир. Его сын был в группе хуруфитов, хотел бороться против тимуритов. А дочь его Бадия ходит в юношеской одежде, не расстаётся с кинжалом. Странно, что именно у него такие дети. Будь он из семьи полководца или военачальника, ничего удивительного тут не было бы, но ведь сам-то он смиренный и тихий человек, в жизни не державший в руке сабли, весь свой век проведенный среди книг и чертежей, строивший здания, преданный одному лишь

созиданию, а выросли неожиданно для себя смелых и отважных бойцов. Сейчас зодчий был подобен Синдбаду Мореходу, плывущему на обломках судна по бурному морю, — и не может он пристать ни к одному берегу — в той стороне Герат, в другой — Бухара, а он носится среди бушующих волн, не в силах совладать со стихией.

Солнце расплывалось над горизонтом. Зодчий медленно спустился с холма и подошел к колодцу, где готовили место для фундамента. Подошел и Чули-бобо. Женщины уже приготовили пищу и расстилали дастарханы. И еще через полчаса люди, подкрепившись, приступили к работе.

А уже на третий день из города в помощь зодчему бек прислал еще пятнадцать человек. Напротив домиков Чули-бобо разбили несколько шатров. Глухую и мертвую степь оживили людские голоса. А на четвертый день из города прибыл и сам бек. Учтиво поговорив с зодчим, обошел место работ, вытащил из-за пазухи проект, посланный ему зодчим, развернул его и важно заявил:

— Мы считаем, что все здесь правильно.

Зульфикар, Заврак и Гаввас попросили зодчего самолично заложить два ряда кирпичей, что он и сделал ловко, быстро, красиво, просто глаз не оторвешь. За зодчим взялись класть кирпичи уста Абид и Зульфикар. Им навстречу двинулись Гаввас и уста Худайберган, а Заврак и сам зодчий, сменяя друг друга, то клали кирпич, то мешали раствор. Картина была поистине великолепной, однако бек не слишком долго любовался ею, спешные дела призывали его в город.

Караван, который зодчий увидел нынче поутру с холма, приблизился лишь к полудню и, свернув с торной дороги на Бухару, направился к месту стройки. Остановившись неподалеку всего на несколько минут и выгрузив несколько человек с поклажей, он двинулся дальше. Один из прибывших — плотный человек средних лет, оставив свой скарб, вдруг бросился к зодчему с широко открытыми объятиями и тут же кончиком поясного платка утер набежавшие на глаза слезы.

— Господи, да уж не Хасанбек ли это? — радостно воскликнул зодчий. — Да каким это счастливым ветром вас сюда занесло? Господи боже мой, все ли живы-здоровы, дорогой мой Хасанбек?

— Благодарствуйте, зодчий, благодарствуйте, все у нас в порядке, все здоровы.

Подошли еще трое путников — двое из них тоже обняли зодчего, а к третьему зодчий бросился сам и крепко прижал его к груди. Это был Абуали — друг Низамеддина, с которым они вместе участвовали в Ферганском походе. Двое других — мастер Хасанбек и гончар Абуталиб — стояли рядом и растроганно глядели, как горячо обнимает зодчий друга своего сына.

— Вот счастливый день! — повторял зодчий. — Да будет благословен этот час. Как же случилось, что вы оказались здесь? Какие добрые духи занесли сюда этот караван?

Подошли и ученики. Они только диву давались. Чули-бобо, Заврак, Гаввас и Зульфикар радостно пожимали руки уста Хасанбеку и гончару Абуталибу, обнимали их как родных и все удивлялись, каким это чудом они проведали об их местопребывании и как очутились здесь, в этих забытых богом местах.

Только что явившийся из Караташа с полной арбой камней Харунбек так и застыл, растерянно глядя на старых знакомцев, и радостно заулыбался им.

— Говорят, язык и до Мекки доведет. Вот мы и выехали с караваном в Бухару, а в Карши разыскали дом старого своего друга, мастера Абида. Его дети и рассказали нам, что господин зодчий из Герата здесь с семьей и что находится сейчас в Ходжа Мубораке. И как птенцы летят за своей матерью, так и мы полетели сюда. А несколько дней назад с караваном, идущим в Самарканд, отбыли из Герата и господин Джафар Табризи и несколько каллиграфов. А еще за неделю до этого старый мастер Джорджи тоже отправился в Самарканд к своим скитальцам-сородичам христианам. Очень много доброго говорил о вас. Все вспоминал вашу доброту.

Дорогих гостей зодчий пригласил в свой шатер и велел Бадие приготовить дастархан и занести поклажу гостей в шатер. В шатер также приглашены были Чули-бобо и Харунбек, остальные отправились продолжать работу...

А теперь послушайте гератские новости: вскоре после того, как неугодный государю Наджмеддин Бухари был изгнан из столицы, медресе Мирзо было закончено. Из-

вестный читателю Ахмад Чалаби неоднократно добивался встречи с Байсункуром-мирзой, желая торжественно отметить окончание работ и получить в дар золототканый халат.

Исчезновение зодчего было ему на руку. Теперь-то он считал себя главным создателем и творцом этого великолепного здания. Пользуясь своей властью, он отдавал приказания мастерам, каменотесам, плотникам и резчикам по камню, торопил их; желая завоевать общее доверие и уважение, сам давал понемногу денег мастерам и ученикам, сулил им золотые горы, намекал на то, что о каждом замолвит доброе слово в разговоре с Байсункуром-мирзой, который, как уверял Ахмад Чалаби, относится к нему уважительно и считается с его мнением. Короче, по обыкновению болтал все, что придет на язык... Но перед сдачей своего детища мастера и рабочие ходили печальные и унылые, точно у каждого из них в доме был покойник. И праздник им был не в праздник. Самых знающих и умелых из них давно уволили, а оставшимся не по душе было то, что помыкает ими невежественный человек. Многие люто ненавидели Ахмада Чалаби и добрым словом поминали зодчего, что, конечно, стало известно самозванцу. Когда придворные или сам Байсункур-мирза заглядывали на стройку, интересуясь ходом работ, он никого не подпускал к ним близко и отчитывался сам, будто он и был здесь главным, будто он был своим человеком при дворе, «верным псом его величества». И люди ненавидели его за низость, корыстолюбие, за подлость и знали, что при случае он и родного отца не пощадит.

Находились смельчаки, которые в глаза насмеялись над ним и говорили ему: «Лучше мертвый лев, чем живая мышь».

О зодчем Ахмад Чалаби распускал слухи, будто этот человек враждебен двору, что он один из главарей хуруфитов. Но никто его не слушал, более того, эти наветы не могли стереть добрую память людей о зодчем.

Тогда, не помня себя от злобы, Чалаби распространил гнусную новость, будто Наджмеддин Бухари, прибыв в свой родной город, предался изменным страстям, будто несчастная его жена не смеет от стыда поднять глаз, а благосчастивые люди решили умертвить бес-

стыдника, забросав его камнями, однако он, прихватив с собою дочь, бежал в неизвестном направлении.

Весть эта стараниями Чалаби быстро распространилась по городу, и кое-кто из легковверных людей, поверив этому, проклял зодчего, «вступившего на путь разврата».

Не напрасно, добавлял Чалаби, зодчий якшался с христианином Джорджи... Да и отец зодчего был шиитом и сарбадаром. Конечно же, этого вероотступника разыщут и лишат жизни. Проникла эта весть и во дворец и несказанно удивила не только Байсункура-мирзу и Гаухаршодбегим, но даже Шахруха. «Пасть так низко!» — изумился государь. Он хотел даже известить об этом своего сына Мирзу Улугбека, но, пораздумав, решил, что ведь, кроме слухов, иных доказательств нет и что не следует винить человека, не зная всей правды.

Новость эта дошла и до друзей зодчего — Абуталиба, мастеров Хасанбека и Хусанбека. Дошла она и до мастера Джорджи, который, махнув рукой, ответил:

— Все это — наветы. Это придумали враги зодчего, люди подлые и коварные, но короток век клеветы.

Устад Кавам и мавляна Табризи старались не выходить на улицу, они благодарили бога, что зодчего Наджмеддина нет в Герате, иначе он не вынес бы этого и сердце его разорвалось бы. Но месяца через полтора слухи эти, не имевшие под собою никакой почвы, сами собою улеглись. А устату Каваму было поручено участвовать в торжественной сдаче строительства медресе Мирзо. Устад Кавам вместе с преподавателями медресе Мусало и Алия встретил у ворот нового здания Байсункура-мирзу и вознес горячую молитву аллаху, воздав должное создателям медресе и вдохновителям строительства. В своей торжественной речи царевич Байсункур сказал много добрых слов о светлых умах и прославленных ученых Хорасана. Он перечислил всех и ни словом, разумеется, не упомянул Ахмада Чалаби. Обиженный Чалаби обратился к одному из вельмож из свиты царевича, но вельможа насмешливо заметил, что за труды распорядитель работ получил сполна, а лезть в ученые и надеяться получить такую же славу, как настоящие зодчие, Ахмаду Чалаби он просто не советует. «За что царевичу благодарить вас? — продолжал он. — Ни для кого не секрет, что вы самый обыкновенный человек и ни к зодчеству, ни к науке отношения не имеете. К тому же

вам заплатили, так почему же вы чего-то требуете и чем-то недовольны?»

И гончар Абуталиб, слышавший этот разговор, удовлетворенно отметил про себя, что и придворные ни в грош не ставят этого завистника и клеветника.

После завершения медресе Мирзо гончару дело нашлось, а вот Ахмада Чалаби никто на работу не пригласил. И распорядителем работы на строительство новой бани в Герате пригласили другого человека.

На Кандахарском базаре начали строить новый торговый ряд. И тут мастера и рабочие, договорившись между собой, и близко не подпустили Ахмада Чалаби. Устад Кавам, начавший строительство нового медресе в окрестностях столицы, тоже пригласил распорядителем работ не Ахмада, а дельного и славного юношу, недавно окончившего медресе. Очутившись не у дел, Ахмад Чалаби слоняется теперь по городу и, словно скорпион, не знает, в кого бы вонзить свое ядовитое жало. Случилось так, что на базаре он повстречал гончара Абуталиба.

Они окинули друг друга холодным взглядом, но Ахмаду Чалаби не терпелось излить на любого свою злобу, а тут как раз попался один из людей, близких зодчему.

— Эй, гончар,— крикнул он,— вы, наверное, помните, что для изразцовой облицовки я дал вам сверх нормы пятьдесят фунтов свинцового порошка лазурита, зеленых и черных красок? Что вы с ними сделали?

— Вы забыли еще и о коричневой краске, которую дали тоже сверх нормы,— ответил гончар.

— Верно! Хорошо, что вспомнили.

— Но вы ошиблись в счете, господин,— все до крошки пошло в дело.

— Да имейте совесть! Я же вижу, что посуда, которую вы мастерите сейчас, окрашена моими красками.

— А вы что же, совсем обнищали, Ахмад Чалаби?

— Некрасиво брать чужое. Да, я нуждаюсь, ну что же?

— Неужели это правда? На самом деле нуждаетесь?

— Правда.

— Я хочу удостовериться, действительно ли вы так нуждаетесь. Ведь я никогда не верил вам на слово. Но если сейчас вы говорите правду, то и ответ вам будет правдивым.

— Правда, истинная правда. Если я вру, то пусть покарает меня дух моего отца! Пусть шарият покарает.

— Хорошо, я вам верю,— сказал гончар и тут только заметил, что хитренькие глазки Чалаби совсем потускнели и поблекли.

— Да будет истиной правдой то, что вы в презрении и унижении! Да покарает вас дух отца! Да покарает вас шарият. Вы ведь не человек, а просто гадина!

— Как вы смеете меня оскорблять?!— завопил Чалаби.

— Да, господин, я вас оскорбил, но это и есть правда! Краски, которые вы дали мне, сверкают сейчас на изразцах порталов и куполов. А чтобы они ярче сверкали, я не пожалел их, а еще и своих добавил. Я-то боюсь бога и на чужое не зарюсь. А вы бесстыдно запустили руку не только в казну, но и в карман бедняков и нищих. В тот день, когда вам не удастся ухватить хоть гроша от чужой доли, вы всю ночь глаза не сомкнете.

— Замолчите, проклятый!

— А я сейчас как схвачу тебя за глотку и дам разок по морде! Я-то клеветой не занимаюсь. Пусть тебя, подлеца, покарает дух твоего отца! Ты оклеветал самого святого человека, зодчего. Ты, негодяй, стал причиной его изгнания! И не жить мне на свете, если я сейчас не схвачу тебя за горло и не воткну нож в твое жирное брюхо. Прежде чем покинуть этот мир, я хоть совершу благое дело!

Гончар Абуталиб уже потянулся к Ахмаду Чалаби, но тот вдруг громко вскрикнул и пустился наутек.

— Спасите, мусульмане, спасите! Этот сумасшедший гончар хочет меня убить!

И Ахмад Чалаби на глазах у людей кинулся вон из ворот базара.

— Здорово вы его, гончар!— одобрительно сказал наблюдавший за этой сценой Али-водонос.— Но если бы вы надавали ему тумачков, то было бы еще лучше. И мне бы удалось раза два наподдать ему. Но и так неплохо получилось, хотя у меня очень чесались руки.

— Я, оказывается, еще и сумасшедший! Это ведь настоящий жулик! Но не нам его бояться. Он ни на что уже не способен, этот негодяй!

— Народ давным-давно не верит ни чиновникам, ни должностным лицам,— заметил Али-водонос.— Да и как прикажете им верить? Когда человека обманывают раз, второй, третий, он в конце концов теряет веру и отворачивается от лжецов. Только побаиваются их, конечно,— у каждого ведь семья, дети,— иначе всех злодеев давно бы порубили саблями, да и государя заодно сменили бы. Но главное то, что все эти вельможи, все эти чиновники не чувствуют, не понимают, какую ненависть и гнев разбудили они в народе. Знай они это, вели бы себя иначе, ручаюсь вам.

— Эти слова — не ваши слова, будьте осторожны! Прошу вас, будьте осторожны!

— Вы правы, гончар,— осторожность никогда не мешает. Но ведь терпение уже истощилось!

— Говорите все, что угодно, только царский двор не задевайте. Боюсь, как бы вам не пострадать.

— И то правда!

— Помните об этом, братец, вы человек бедный, пришлый. Не дай бог, еще пострадаете за вашу смелость.

— Верно говорите, гончар! Но хочу сказать вам, что если вельможи не уймутся, то у людей наверняка лопнет терпение.

Устами водоноса вешала сама истина, чувствовалось, что кто-то внушил ему все эти мысли. И гончар, отправившись домой, все думал и думал о его словах, ему становилось страшно — не стоит шутить с властью государя, на этом деле недолго и голову потерять. Взять хотя бы такого прославленного человека, как зодчий: дунули, и след его простыл.

Лишили же власти и Сулейманбека, а уж как перед ним все дрожали. И в то же время повесили Низамеддина и его товарищей, храбро сражавшихся за государя. Ох, до чего же сложна и запутанна жизнь, неисповедимы пути господни, перемешаны людские судьбы. Что делать и где искать правду?

От Китая до Халеба, до Египта и Стамбула и далее, до Индии, Золотой Орды и реки Иртыш, простираются владения Тимурхана. Но эта необъятная держава стоя-

ла сейчас на пороге неминуемого своего распада. Такого огромного государства не существовало вот уже восемь сотен лет по мусульманскому исчислению. Ни Дарий, ни Искандар, ни Чингисхан, ни Мамун, ни Джамшид, ни Махмуд Газневи — никто из великих этих завоевателей не сумел объединить под единой властью такого количества земель, не смог создать столь обширного государства. А хуруфиты? Не вестники ли они близкого распада господства тимуридов?

Гоцзару Абуталибу трудно было понять то, что происходило вокруг, и это мучило и томило его. Надо, непременно надо поговорить с кем-нибудь, пусть кто-нибудь знающий растолкует ему то, чего не в силах постигнуть он сам. Поэтому в среду он отправился к мастеру Хасанбеку.

Там было тихо и мрачно. Печаль по сыну Шадманбеку, не вернувшемуся из Ферганского сражения и зарытого в чужой земле его другом Низамеддином, все еще витала в доме. А самого Низамеддина, похоронившего друга в дальней стороне, лишили жизни в родном городе. Тяжка, ох и тяжка горечь невозвратимых утрат.

Абуталиб рассказал хозяйину о своей беседе с Аливодоносом, и Хасанбек одобрил и поддержал все слова Али. Добавил, что в Герате действительно становится все больше недовольных, что поэты и ученые покидают Хорасан и стремятся в Мавераннахр, в Самарканд и Бухару под покровительство Мирзы Улугбека.

— Ходят слухи о том, что Улугбек собирается строить новые медресе в Бухаре, Самарканде и Гиждуване. Так что работа для нас найдется и руки наши пригодятся всегда.

— А тем временем Сулейманбек и Ахмад Чалаби скатились, как говорится, на самое дно жизни.

— Я знал, рано или поздно для них такой день наступит.

Долго еще сидели они беседуя, не раз добрым словом помянули зодчего Наджмеддина. Ведь без него Герат словно осиротел.

Прошло еще несколько дней, и по городу пошли разговоры, что недобрые слухи о зодчем распространял Ахмад Чалаби, теперь уже об этом знали все, и имя зодчего Наджмеддина Бухари снова произносилось с уважением и ставилось рядом с именами Табризи и

«властителя слова» Лутфи, устада Кавама и мавляны Шарафиддина Али Язди...

Окруженный презрением и отвергнутый двором, Сулейманбек поспешил убраться в Шираз под крылышко Ибрагима Султана. Распродав все свое имущество, собрался было уехать и Ахмад Чалаби, но неожиданно его разбил паралич и у него отнялась не только нога и рука, но и язык. Он пролежал три месяца, и его лечили все табибы, которые только нашлись в Герате. Наконец больной поднялся, но это был уже не прежний Чалаби: тощий, с желтым лицом и потухшим взглядом. Однако работа ему нашлась. Охотившийся за хуруфитами Мухаммад Аргун поручил ему сидеть ежедневно на людных улицах города и на базаре, слушать, что говорят люди, и следить за подозрительными, такими, например, как Али-водонос, замечать, с кем встречаются и беседуют подозреваемые, куда ходят и кто, кроме учащих, посещает медресе Алиа.

Так каждый день Ахмад Чалаби давал отчет людям Мухаммада Аргуна.

Вскоре и Абуталиб заметил за собой слезку: какие-то незнакомые люди ходили за ним по базару, по всем улицам. Гончар рассказал об этом своему сыну Абуали, а затем Хасанбеку и Хусанбеку. Как раз в эти самые дни стало известно, что двое учащих медресе были схвачены и брошены в крепость Ихтиериддин. И в скором времени их казнили.

Старый мастер Джорджи не мог опомниться, заметив слезку за собой, и решил переехать в Самарканд, — слава богу, хоть деньги на переезд у него нашлись. Уезжая, он предупредил своих друзей, чтобы те вели себя поосторожнее, так как Ахмад Чалаби наверняка выдаст еще не одного человека, близкого Наджмеддину Бухари.

И наконец, мастер Хасанбек также заметил за собой слезку и сообщил об этом своему младшему брату. Не миновала такая же участь и каллиграфа Джафара Табризи, мастера Ходжу Мухаммада и даже Ходжу Юсуфа Андугани.

Однажды, распродав свою посуду по лавкам, гончар Абуталиб неожиданно встретил водоноса Али, и тот сказал, что ему нужен небольшой кувшин, и что если дома у гончара есть готовый, то он пойдет вместе с ним

за этим самым кувшином. Али пошел с гончаром и действительно купил кувшин, а по дороге под большим секретом сообщил ему, что он, гончар, находится под подозрением, что за ним следят государевы соглядатаи, а коль скоро сын гончара Абуали был вместе с Низамеддином в Ферганском походе, то и юношу подозревают в связи с хуруфитами, а значит, и за ним следят. Водонос посоветовал сыну гончара, да и гончару не выходить поздно из дома, не задерживаться на улице до темна и быть осторожным в разговорах: «Ведь и вы были близки с зодчим».

— Последователи великого Фазлуллаха, вольнолюбивые борцы-хуруфиты, за себя постоят, но если будут схвачены и казнены люди невинные, такие, как вы, то это весьма прискорбно. И посему мне поручено передать вам, что за вами установлена слежка и что вы должны быть сугубо осторожны. А кувшин, конечно, лишь предлог, чтобы встретиться с вами и сообщить об этом, не навлекая подозрений.

— Господи, когда же это все кончится?— воскликнул гончар.— Последнее терпение иссякло...

— Кончится тогда, когда придет конец тимуридам.

— Да неужто все тимуриды тираны?

— Конечно, все.

— А я-то думал, что вы обыкновенный водонос,— заметил гончар,— а вы, оказывается, еще и провидец.

— Да, гончар, я теперь о многом знаю, многое понял. И скажу вам, что испытал я на своем веку всякое. И все равно ищу правду.

— Слыхали, какое наплели про зодчего?— спросил гончар.— Что ваши товарищи говорят по этому поводу?

— Говорят, что все это гнусная клевета. Но ложь разоблачена, и никто уже не верит ей.

— А как зодчий, здоров ли он?

— Здоров,— улыбнулся водонос,— только уж очень много вопросов вы мне задаете. Не спрашивайте ни о чем, ничего я не знаю. Конечно, вы человек честный, душа у вас светлая, в том я уверен. Ну, прощайте.

— Прощайте,— растерянно сказал гончар.— Что же делать? Надо ведь что-то делать.

И семья гончара позвала на совет братьев Хасанбека и Хусанбека.

Узнав о слежке, Хасанбек возмутился. «Если бы наш

Шадманбек вернулся живым из сражения, значит, и его ждала бы эта печальная участь...» — промолвил он. И они решили отправиться в дальний путь, покинуть родной город. Недаром же сказал мудрый Лутфи, что, если подвергаешься гонению в родном краю, уезжай на чужбину. Но, отправляясь на розыск зодчего, они сочли благоразумным оставить в городе свои семьи, будто, мол, уезжают в поисках работы, на строительство медресе, которое затеял возвести Улугбек-мирза. Мавляна Табризи и Андугани еще прежде уехали в Самарканд, а в след за ними двинулись гончар и мастера. Они пристали к каравану, идущему в Бухару, и, добравшись до Карши, повстречали старого своего друга уста Абида, который и помог им отыскать зодчего, занятого сооружением водоема в степи. Вот так и встретились старые, добрые друзья.

Глава XXXV

ПОД ГОЛУБЫМ КУПОЛОМ ЕЩЕ КУПОЛ

Неоглядная, бескрайняя, безмолвная степь, плоские, молчаливые холмы, заросли колючек, каменистые взгорья и равнины, равнины, покрытые скудной травой, — таковы и были владения Чули-бобо, находящиеся далеко от Ходжа Муборака. Центр этих владений — колодец и несколько домиков для людей.

Никогда еще эти забытые богом места не видели такого скопления народа. Здесь испокон веков обитали лишь чабаны, да и то потому, что вблизи имелся колодец. Весь день они пасли скот под палящим солнцем и к вечеру пригоняли его сюда. И вот теперь за какие-то две или три недели каменный водоем уже возвысился на три аршина над землей, был виден издалека.

Ходжа-табиб, наведывавшийся сюда каждую неделю, обычно останавливал свою лошадку у обочины дороги и, не слезая с седла, подолгу глядел на подымавшийся купол. Кругом точно муравьи копошились люди, и табиб думал, на что только не способны они, эти труженики. Купол был еще без верха и напоминал не прикрытую тибетейкой большую голову.

Но нынче он неторопливо подъехал к зодчему, клавшему кирпич на куполе, и громко приветствовал его:

— Бог в помощь, зодчий! Не знать вам усталости!
— Приветствую вас, мулла Абдуласад-ходжа!
— Быстро же вы поднялись вверх! Хвала вам!
— Ничего удивительного, работаем не покладая рук.
— И вам хвала, уста Абид и уста Худайберган. И вам, уста Хасанбек и Хусанбек, и вам, Абу.

— Спасибо,— раздалось со всех сторон.

— Вижу, дела у вас идут споро. Слава аллаху, и сын господина бека поднялся на ноги!

— Вот и хорошо,— сказал зодчий.

— Его светлость просил передать вам привет.

— Благодарим!

— Хочет прибыть сюда сам к завершению работ. Сказал, что сейчас чересчур занят делами, но осведомлен обо всем через Камбара-ходжу. А еще сказал, что если будет угодно аллаху, то в день завершения работ приедет вознаградить вас всех и **привлечит** в Карши, где собирается устроить пир и пожаловать вам златотканый халат. Он уже его приготовил.

— Ну, это уже лишнее,— заметил зодчий.— В этом необходимости нет... Если господин бек останется доволен, то это и есть лучшая награда мне,— добавил он со скрытой насмешкой в голосе.

Зодчий понимал, что добрый Ходжа-таиб преувеличивает и явно приукрашивает слова бека.

— Кладку мы делаем хорошую, прочную,— добавил он,— ведь сюда будут приходить люди и пить воду. Так пусть же они поминают нас в своих молитвах. Вот это и есть самая высокая награда за наш труд.

— Да ниспошлет вам господь всяких благ,— сказал таиб.

— Сюда прибыли дорогие для меня люди — гончар Абуталиб с сыном, мои добрые друзья Хасанбек и Хусанбек,— продолжал зодчий.— И это для меня огромная радость, больше того, счастье. Я не ошибся в них. Это благородные и верные люди.

— Счастлив человек, имеющий таких друзей. Я и прежде много хорошего слышал о вас, ведь слава ваша достигла и нашей глухомани, а вот теперь бог привел увидеть вас, познакомиться и насладиться не только беседой с вами, но и вашим добрым расположением. И я счастлив чрезвычайно.

— Благодарю вас, таиб.

Уста Абуталиб с сыном, Хасанбек и Хусанбек, не пожелав отдохнуть после изнурительного пути, стали рядом с зодчим и сразу же принялись за работу. Они рассказали обо всем, что произошло в Герате со времени отъезда зодчего, и решили после завершения работ ехать вместе с зодчим в Бухару, найти там место для жилья, а осенью привезти свои семьи. Они уверяли, что климат Мавераннахра много благодатнее климата Хорасана.

Чули-бобо частенько говаривал о том, что стоит овце увидеть другую пасущуюся овцу, и она тут же начинает с аппетитом щипать траву. Так и зодчий, распределив работы между людьми, не мог сидеть сложа руки, а работал наравне со всеми. И, видя, как он, повязав лоб скрученным в жгут платком, кладет кирпичи на самом верху купола, люди трудились без отдыха, осторожно переносили кирпичи, складывали их горкой и, стоя на лесах, передавали из рук в руки, предварительно окунув в тазы с водой, отчего простые кирпичи, насыщаясь влагой, становятся еще крепче. Одни приготавливали раствор ганча, и наполнив им ведра, подавали мастерам, стоявшим наготове с мастерком в руках, другие подравнивали ломаный кирпич и подавали его для наклонных переходов и впадин. Молодые рабочие лопатами и кетменями углубляли впадину водоема, у двери сооружали ступени, а несколько человек разравнивали русло ручья до самой вершины Караташа.

Местные женщины ходили в пестрых платьях, надев их одно на другое, навешивали на шею тяжелые ожерелья. А Бадия, в легком платье, сапожках и платочке на голове, вместе с матерью помогала готовить еду. Чули-бобо с чабанами не жалели баранов — надо же хорошенько накормить работников, да еще таких усердных. Жены и дочери чабанов, то есть вся женская половина населения степи, вели свое происхождение от племени кунград, и все они были очарованы озорной, ловкой, доброй на язык красавицей Бадией, хоть и родившейся в Герате, но происходившей из бухарского племени мангиб, и до смешного старались подражать и ее походке и ее манере говорить. Они знали о Бадие все: и то, что предки ее матери Масумы-бека были родом из Шаша, что на берегу Сайхуна, и происходили они из узбекского племени, и о том, что на семью зодчего обрушилось

страшное горе — их единственный сын был казнен в Герате. Харунбек посоветовал Зульфикару и Завраку не говорить об этом ни с кем, но, так или иначе, судьба зодчего не была здесь ни для кого тайной. Сам зодчий был на редкость обаятельный человек, на удивление стойкий и сильный духом, и поэтому все здешние уважали его, а уж если он удостаивал кого своим особым вниманием, тот чувствовал себя на седьмом небе. Работал он на самом важном и трудном участке, и работал удивительно ловко. И это тоже вдохновляло работающих. Сооружение, рассчитанное на полтора месяца, быстро двигалось к концу, хотя не прошло еще и месяца. Водоем был почти готов и лишь на самом верху купола оставался просвет аршинов в пять. Этим трудным делом занимался сам зодчий. Помогали ему только ученики, работавшие на лесах с внутренней стороны купола. Другие же мастера работали внизу.

Когда купол был почти закончен и водоем сооружен, как-то вечером из дальних джейлау и далеких степей прибыли певцы — бахши. Чули-бобо пригласил и своих друзей чабанов из Джумабазара, Карагульбазара, Акелшурча, Замука и Джейнава. Приехали чабаны и из Кайкудука, Шуркудука, Раимсуфа и Олачабоба и привезли с собой своих певцов — бахши. И каждый гость прихватил с собой овцу или барана в качестве гостинца.

Весть о том, что неподалеку от Ходжа Муборака, у колодца Чули-бобо, сооружается огромный водоем, дошла и до чабанов Кызылкумов и до самых глубин пустыни Карнабчул. И приглашение Чули-бобо каким-то образом дошло до тех мест, куда не так-то просто добраться и пешему.

Итак, в среду с самого раннего утра со всех четырех концов начали съезжаться чабаны, прихватив с собой кто что мог. Огромная степь заполнилась людьми, стало шумно и многолюдно, как на знаменитом самаркандском базаре. Чули-бобо приветливо здоровался с приезжими, тепло пожимал руки одним, обнимал других, расспрашивал о житье-бытье, представлял каждого чабана зодчему и, глядя, как зодчий протягивает им руку, умилялся до слез. Он с увлечением рассказывал о том, что лет восемьдесят назад, когда он сам был еще десятилетним мальчишкой, его деды Юлчи-чабан и Элчи-чабан собирались построить здесь водоем и как не хватило у них

на это сил. А наместники Кебакхана, жившие в Кеше, не то что о водоеме, даже о колодце не помышляли.

Молодые люди и подростки, приехавшие вместе с отцами и дедами, решили покухарить, а женщины расстлали ковры и войлок прямо на траве и приготавливали дастарханы с различными яствами и сладостями.

Для самых пожилых гостей разостлали два ярко-красных ковра, а рядом с ними по кругу войлок и паласы. Мужчины вырыли очаги и поставили на них два огромных котла, в которых варились две упитанных телки и несколько баранов.

Обычно, устав после тяжелого рабочего дня, люди приходили сюда вечером поесть и тут же шли отдыхать. И тогда всей степью смело заведовали сверчки и кузнечики, их звонкое пенне разливалось далеко окрест. Но сегодня никто даже не слышал их и не до отдыха было людям. Все расселось в кружок около купола водоема, старики, молодежь, девушки и женщины, дети. Бескрайнюю степь оглашали радостный говор и смех.

На почетном месте, на красном такавмутском ковре, сидели зодчий, его гератские друзья, Ходжа-табиб, уста Абид, уста Худайберган, старейшины чабанов и певцы — бахши. Как хозяин и главный устроитель торжества, Чули-бобо встречал гостей и отдавал распоряжения. Два кувшина мусалласа, привезенные из Ташкудука и Шуркудука, поставили возле зодчего. Буза, айран и кумыс были расставлены на дастарханах. Подали лепешки, замешанные на молоке и сале, и еще тонкие лепешки из пресного теста для супа, на огромных блюдах аппетитными горками лежало жареное и отварное мясо, была еще и лапша на мясном бульоне и шурпа в глиняных чашках.

На втором красном туркменском ковре разместилось несколько старых женщин, Масума-бека, Бадия и кто-то из молодых, а напротив них Зульфикар, Гаввас, Заврак, Харунбек и Абуали, а также с десятков чабанов богатырского телосложения, тех самых, что крушили глыбы в Караташе. Старцы произнесли молитву, и лишь после этого присутствующие принялись за угощение. Молодежь, почтительно ждавшая, когда начнут есть старики, потянулась к кумысу, и вскоре громкий говор, смех, шутки слились в общий веселый гомон. Эти люди умели трудиться, но умели и наслаждаться отдыхом.

Взгляды молодых чабанов, прибывших из дальних и ближних мест, то и дело останавливались на Бадие. А она, нарядившись в лучшее свое платье, чудом уцелевшее после бурана в Халаче, убрав волосы в две толстые длинные косы, была настоящей царицей этого степного пира. Взгляды юношей немного смущали ее и явно были не по душе Зульфикару. Еще вчера, когда младший сын Чули-бобо, красивый, статный юноша, не отходил от Бадии, Зульфикар хмурился и бледнел. Ведь ради нее он забыл родителей, а они, его старики, с нетерпением ждали сына в Бухаре. А теперь Бадия — единственное его счастье, единственная его отрада — улыбалась шуткам чабанов и хохотала вместе с ними. Неужто она такая? — с тревогой думал Зульфикар, и в душу его закрадывалось смятение. Неужто, чуть завидев юношу получше и покрасивее его, готова увлечься им? Откуда только такое легкомыслие?

Зульфикар старался не показывать своей ревности, но сердце его точила боль, и он молча сидел среди своих товарищей, не смея поднять глаз на Бадью, не желая видеть ее оживленного веселого лица. И все равно видел, как она радостно взволнована тем, что все до единого молодые мужчины не отрывают от нее глаз, от нее — единственной дочери прославленного зодчего, да к тому же еще такой красавицы.

Выпив по пиале мусалласа, старцы принялись за мясо. Перед зодчим поставили фарфоровое блюдо с вареной бараниной и бараньей головой. По принятому здесь обычаю, зодчий отрезал для себя правое ухо, а левое протянул Чули-бобо и, подняв блюдо, подал его сидевшим рядом. Он тоже с удовольствием выпил мусаллас и с не меньшим удовольствием лакомился мясом и печенкой. Чули-бобо как гостеприимный хозяин предлагал зодчему отведать то или другое блюдо, а гости почтительно взирали на них и подчинялись безмолвным указаниям распорядителя пира — старика Чули-бобо. Гератские гости замечали, с каким уважением относятся к ним здесь, в этом забытом богом и людьми краю чабанов. И вспоминалось им, что в Герате достоинство человека ценилось слишком дешево, вернее, совсем не ценилось и никому не было дела, жив ли ты или умер. Даже раздавались голоса, что слишком много народу развелось на белом свете и поэтому, мол, никого не интересу

судьба отдельного человека. Люди таили зло друг на друга, проклинали друг друга, боялись, не верили, и это считалось явным свидетельством близкого конца света. А в краю чабанов царили добрые отношения, чуткость и внимание, уважение друг к другу. Мир в этих местах словно бы рождался заново. Во время своего пребывания здесь гератцы испытывали это на себе. И хотя жили они тут в простоте, а порою и тесноте, но жизнь эта не омрачалась ни коварством, ни хитростью, ни зазнайством, ни клеветой. Никто здесь и не помышлял завладеть чужой долей. Пусть здешние жители на первый взгляд могли показаться грубыми, но под этими толстыми, ватными, пропотевшими халатами и бязевыми платьями были чистые, словно хрусталь, словно родниковая вода, сердца.

Вскоре среди пирующих послышались голоса: «Пусть Эльтузар-бахши прочитает что-нибудь из «Алпамыша». Чули-бобо повернулся к бахши в огромном малахее из кунуцы, подпоясанному золоченым поясом:

— Просим вас, Эльтузар-шаир. Народ просит!

— Что ж, я готов.

Элтузар подозвал к себе своих учеников и вытащил из бархатного футляра домбру. Минуту он сидел молча, перебирая струны. Воцарилась тишина. И Эльтузар-шаир затянул певучим голосом:

— «...Алпамышхан, едучи по стране Қалмак, по пустыне Чилбир, увидел: развалились тут на земле овцы, девяносто отар. Эти девяносто отар овец были овцами Байсары. Пастухом этих девяносто отар был болтливейший и наиболее заносчивый среди чабанов Қайкубаткал — Қайкубат-лысый. Глядя на Қайкубата, Алпамыш спросил, не появлялся ли в этих местах Элибай.

Ассалам-салам-алейкум, э, чабан!

Замечаю, рваный носите чапан.

Замечаю, сыром обожрались вы,

Если тучны, словно матерый кабан.

Не прикочевал ли бай один сюда?

Пусть его мольбы достигнут райских врат!

Тысяч сорок стад имеет,— говорят!¹

Элтузар-бахши пел об Алпамыше, справедливом и

¹ «Алпамыш», Ташкент, 1974, стр. 92. Перевод Л. Пеньковского.

храбром богатыре, о том, как был он предан своей возлюбленной Барчин-ой, о его любви к народу и ненависти к врагам. И люди, сидевшие кругом и слушавшие его, замерли от восторга и восхищения. А на глаза Наджмеддина Бухари навернулись слезы, когда бахши запел о судьбе Байсары, вынужденного покинуть свой родной край и уехать на чужбину. Он подумал и о своей судьбе, столь схожей с этой. Его мальчик, его Низамеддин был совсем как этот Алпамыш, жаждущий счастья для своего народа.

Так и сидел он, глубоко задумавшись, сердце его болело и ныло, и слезы лились из глаз. И люди, сидевшие рядом, и его ученики поняли, о чем скорбит его душа.

А бахши все пел о борьбе правды и лжи, изобличал тиранов-правителей, прославлял справедливость, веру народа в счастье и добро. После песен Эльтузара, а за ним и Хуррама-бахши двое юношей, гревших свои бубны на огне костра, вошли в круг и по знаку Чули-бобо ударили по туго натянутой и прогретой коже. В середину круга степенно выступили двое молодых чабанов, слегка пританцовывая, они спокойно обошли круг, а затем так же спокойно сплясали какой-то диковинный танец. Их сменили еще двое чабанов побойчее, и танец их под веселое брэнчанье бубнов развеял тяжкие мысли зодчего. Он глубоко вздохнул и, поддаваясь общему веселью, захлопал в ладоши в такт музыке. Всею душой он разделял радость, торжество этих людей, празднующих завершение строительства столь необходимого им водоема.

Радостная и счастливая Бадия сидела среди женщин, ей нравились танцы чабанов, но казались слишком сдержанными и медленными. Она ожидала, что вот-вот сейчас в середину ворвется юноша и птицей полетит по кругу. Но охотника не нашлось. Заврак подмигнул Бадие. «Ну-ка, госпожа, покажите, как танцуют наши гератцы»,— словно говорил его взгляд. Он-то знал, что девушка все равно не выдержит и ворвется в круг.

— Что это вы делаете мне знаки?— озорно спросила Бадия.

— Выходите в круг! Если уже не здесь, то где же еще и танцевать!— ответил Заврак.

Зульфикар тоже с улыбкой глядел на нее, забыв свою недавнюю досаду. Он знал, что Бадия любит танцевать под дутар и бубен и танцует превосходно. Улыбки Зуль-

фикара и Заврака еще больше подзадорили Бадию. Она оглядывала людей, которые громко переговаривались и смеялись. Но на сердце ее еще было тяжело — еще жила скорбная память по брату. И только с разрешения Масумы-бека она вышла в круг. Вначале, как то принято, она оправила на себе плагье и сделала знак бубнистам, играйте, мол, быстрее, раскинула руки и поплыла. Танцевавшие юноши тут же отошли в сторону, чтобы не мешать ей. Шум, говор и смех стихли, все невольно хлопали в такт музыке и смотрели только на дочь зодчего, а она прекрасной птицей летала по кругу. Еще трое бубнистов присоединились к музыкантам. На всю степь зазвучали их бубны. Раскрасневшаяся от волнения Бадиа обошла круг. Впервые после всего пережитого за последние месяцы она чувствовала себя легко и свободно. И танцевала она сейчас не на чьей-то свадьбе и не по чьему-то велению, а по своей воле, для этих простых и добрых тружеников, празднующих свою радость. Чабаны, прибывшие из дальних мест, как зачарованные глядели на танец этой прелестной девушки. А она держалась смело и прямо, то летела на самых кончиках пальцев, то плавно и грациозно скользила точно по воздуху, то лукаво улыбалась, то словно птица широко раскидывала руки-крылья и приподымала плечи, то сгибалась в почтительнейшем поклоне, одаряя кого-то мимолетным ласковым взглядом, то гневно вскидывала голову, а затем смущенно опускала глаза. Танцевала она с такой страстью, с таким внутренним волнением, что зрители были совсем ошеломлены. А зодчий, и Масума-бека, и Харунбек, и гератские мастера счастливо и гордо улыбались. Бубны гремели так громко, так гулко, что, казалось, вот-вот лопнут от ударов сильных рук, и под их перестук Бадиа, похожая на всплывшую в небе звездочку, вдруг низко согнулась, кланяясь женщинам, замерла на миг и выбежала из круга.

Восторженные крики сотрясли небо и землю. Все танцевавшие после Бадин и юноши и девушки казались вялыми, все это было уже не то. Танцы продолжались еще долго, но говорили только о ее пляске, о пляске Бадин. Гости ели, пили, смеялись и веселились допоздна.

В полночь Чули-бобо прочитал благодарственную молитву, и гости разошлись на отдых. Степь может вместить всех, всем здесь найдется ночлег. А в мыслях

у каждого была Бадия, ее чудесный танец, шаловливая улыбка, кокетливые движения. Когда закончился пир, Бадия со своими друзьями Харунбеком, Завраком, Гаввасом и Зульфикаром пошла прогуляться вокруг купола. Веселой гурьбой они направились к водоему, но тут Заврак потихоньку потянул за рукав Гавваса и Харунбека, и все трое незаметно зашагали в сторону. Через минуту Зульфикар обнаружил их исчезновение, но промолчал. Увлеченная разговором, Бадия и вовсе ничего не заметила. Они уже подошли к дверце водоема, и тут Бадия воскликнула: --

— Глядите, глядите-ка, небо полно звезд... Кажется, протянул бы руку, достал любую. Совсем, совсем близко. Так, наверное, бывает только в степи. Под небесным куполом еще купол...

— Да,— сказал Зульфикар,— под бархатным куполом небес, усеянным золотыми монетами, еще один золотой купол. Среди одного мира другой мир...

— Как вы это прекрасно сказали,— промолвила Бадия.

— А вы прекрасно танцевали,— подхватил Зульфикар, когда они подошли к самой дверце водоема, и взял руки Бадии в свои.

— Вам понравилось?

— Очень...— Зульфикар хотел было притянуть Бадью к себе, но та выскользнула из его объятий и со смехом убежала.

— Где вы?

— Не знаю.

-- Все это проделки господина Нишапури, кто же, кроме него, придумает такое. Ах, негодники! Вы только поглядите,— сказала Бадия, озираясь по сторонам, ища своих попутчиков.— Ушли, нарочно оставив нас вдвоем!

— Да неужто?

— Пойдемте скорее! Найдем этих негодников!

Обогнув водоем, Бадия и Зульфикар быстро перешли на другую сторону и, увидев своих приятелей, шагавших поодаль, быстро нагнали их.

— На такие проделки способен один лишь господин Нишапури!— заявила запыхавшаяся от быстрой ходьбы Бадия. Она вместе с остальными пошла рядом, нарочно не выпуская из своей руки руку Зульфикара — пусть видят, коли так.

— Да я не виноват,— улыбнулся Заврак,— это вот господин Гаввас Мухаммад предложил уйти...

— Зачем же лгать? Ведь это вы предложили,— вознегодовал Гаввас.

— Я слишком хорошо знаю господина Гавваса, он человек скромный и такого ребячества себе никогда не позволит. К тому же здесь, говорят, водятся волки. Кто же бросает ночью друга в одиночестве и спокойно отправляется восвояси?

— Простите, госпожа, во-первых, никто вас в одиночестве не покидал,— оправдывался Заврак,— с вами был господин Зульфикар Шаши. А во-вторых, как вам известно, я не способен бросить человека одного в степи и, если вы помните, сопровождаю вас от самого Герата. А эта степь ничем по красоте не уступает долине у подножья Кухисиёха. Вы, надеюсь, помните, госпожа, тот веселый праздник. Лишь бы сейчас все кончилось добром. Никакой волк не сумеет похитить вас, и, по-моему, волки должны вас остерегаться. А потом, поглядите сами, сколько волков вокруг вас вьется,— он кивнул на своих спутников.

— Молодчина!— засмеялась Бадия.— Одолеет-таки в споре. Нет, с господином Нишапури не стоит вступать в пререкания. Уж очень он остер на язык. В последние дни вы были почему-то на редкость молчаливы, а сейчас, слава богу, у вас прорезался голос.

Помирившись после этой веселой дружеской ссоры, они пошли домой — каждый к своему ночлегу.

Светало... Рассвет в степи — такого не увидишь, пожалуй, и во сне. Воздух чист и прохладен, солнце выпускает одну за другой свои еще не жаркие стрелы-лучи, а от блеяния овец и лая собак рассвет становится словно бы еще прозрачнее и прекраснее.

На следующий день к вечеру гости, простившись с Чули-бобо, начали разъезжаться по своим пастбищам. Зодчий же, вместе с мастерами, засучив рукава снова принялся за работу. И, глядя на них, чабаны тоже взялись за дело — оставалась уже самая малость.

Через три дня, к субботе, все работы были завершены. Выложили кирпичом и самый верх купола. В воскресенье ожидали приезда бека. И впрямь, к середине дня на большой дороге появились трое конных. Сидевшие у водоема несколько удивились: неужели

бека сопровождают только двое всадников? Но оказалось, что сам бек и не подумал приехать — это был его младший брат и секретарь Камбар-ходжа. За ними на своей кобыле плелся табиб.

Чули-бобо удивленно взглянул на секретаря:

— Что случилось, почему же не приехал господин бек?

— Мы сами произведем расчет,— холодно ответил Камбар-ходжа, переглянувшись с братом бека.— Его высочество занят неотложными делами.

Ходжа-табиб с низко опущенной головой отошел в сторону.

Зодчий почуял что-то неладное и, помолчав с минуту, взглянул на гордо стоявшего перед ним Камбар-ходжу и вежливо сказал:

— Пожалуйста, начинайте расчет.

Камбар-ходжа присел на камень, вынул из-за пазухи бумагу, расправил ее и начал читать:

— «Зодчий Наджмеддин Бухари работал ровно тридцать два дня; по договоренности за каждый день положено две таньги. Итого шестьдесят четыре таньги».— Он вынул из мешочка серебряные монеты и отсчитал ровно шестьдесят четыре.

— Уста Абид,— продолжал секретарь,— вам положено тридцать две таньги. Считайте.

— Но ведь господин бек обещал расплачиваться золотыми монетами. А вы расплачиваетесь серебром.

— Я выполняю данный мне приказ. К чему все эти мелочные пререкания? Будьте довольны и этим,— хмуро пробурчал Камбар-ходжа.

Уста Абид удивленно посмотрел вокруг, но, встретив холодные взгляды спутников секретаря, молча взял деньги.

— Уста Худайберган, и вам тридцать две таньги.

Уста Худайберган протянул руку за деньгами.

— Ученикам господина зодчего по десять таньга. Примите их как дар его светлости. Вообще же мы не имеем обыкновения платить ученикам да подмастерьям.

Гаввас, взявший деньги, хотел было бросить их в лицо секретарю, но, заметив строгий взгляд зодчего, отошел в сторону. Зульфикар и Заврак тоже получили по десять таньга.

— Вот и конечно,— заключил Камбар-ходжа. Он поднялся и отряхнул полу халата.

— Что же,— начал зодчий,— мы весьма тронуты щедростью бека! Если бы он нам и этого не дал, мы тоже не были бы в обиде.

— Ничего больше не хотите ему передать?

— Нет.

— Значит, расчет произведен полностью.

Камбар-ходжа вместе с братом бека направился к водоему. Они вошли во внутреннее помещение. Водоем уже наполнился ледяной водой. Пройдясь по кругу, они полюбовались куполом и, осмотрев сооружение, шепотом высказали свой восторг, затем вышли и сели на коней.

— А вы едете?— спросил секретарь у Хаджи-табиба.

Услышав в ответ, что лично он, табиб, прибудет в город к вечеру, когда будет попрохладнее, люди бека умчались.

— Что же произошло? Как это понимать?— спросил удивленный и растерянный уста Абид.

— Я предчувствовал, что так оно и получится,— заметил зодчий.

— Да, нехорошо получилось,— протянул Ходжа-табиб.— Но когда из Герата дошла весть...

— А мы ведь ничего и не скрывали от бека,— сказал зодчий.— Ведь тогда, во время завтрака, я сообщил ему, что моего сына казнили, что мы высланы из Герата и едем в Бухару. А бек тогда сказал: «Ничего, обойдется».

Все помолчали.

— Не печальтесь,— сказал Чули-бобо,— мы сами доплатим то, чего недодал бек. Аллах с ним...

— Не расстраивайтесь,— шепнул Харунбек зодчему,— и у меня и у Гавваса есть деньги, как-нибудь уж не пропадем.

Зодчий засмеялся:

— Дорогие мои, да я нисколько и не печалюсь. Водоем мы построили не для бека, а для здешнего трудового люда, для простых чабанов. Он нужен и путникам, и животным, и даже птицам. Мы совершили благое дело, а благие дела не нуждаются в вознаграждении. Я доволен тем, что мы сделали здесь, и ни на кого не жалуюсь.

Уста Абид и уста Худайберган, которые удрученно молчали, явно повеселели после слов зодчего.

— Вот эти деньги поделите между собой,— продолжал зодчий, протягивая им свою долю.— Даю от всей души! Вам должны были заплатить золотыми монетами, но из-за меня и вам не заплатили как следует.

— Нет, зодчий, не надо, мы не возьмем,— сказал уста Абид.

— Возьмите, прошу вас, иначе я обижусь.

Гаввас, Зульфикар и Заврак тоже отдали свою долю уста Абиду и уста Худайбергану.

Чули-бобо вынес новую меховую шубу и набросил ее на плечи зодчего.

— Пусть это будет памятью обо мне, зодчий,— сказал старик.— Сейчас, конечно, в ней жарковато, но зато вы будете довольны в холодные дни. От прострела спасает.

— Благодарю вас,— растроганно произнес зодчий.

В свою очередь сыновья Чули-бобо принесли каракулевые шапки и недели их на головы учеников, а также уста Абида, уста Худайбергана, затем Харунбека, Хасанбека и Хусанбека, Абуталиба и Абуали; Масуме-бека и Бадие подарили безрукавки из красного бархата на лисьем меху.

Харунбек и ученики до вечера готовили и грузили арбы. И по вечернему холодку, сердечно простившись с чабанами и мастерами из Касана, они отправились в путь. Чули-бобо и табиб проводили зодчего до самого кишлака Ходжа Муборак. Тут они тепло простились, и у всех на глаза навернулись слезы.

Ночью того же дня маленький караван прибыл в Каравулбазар, и путники устроились на ночлег в караван-сараяе.

А на следующее утро, сгорая от нетерпения, они покатали в Бухару.

Глава XXXVI

ОТРАВЛЕННЫЙ КИЖАЛ

«Хорошо, когда владыки умирают,— часто говорил зодчий.— От этого, по-моему, народ только выигрывает. Вот Шахрух, слишком долго засиделся он на троне — никому не стало лучше. Ничего он не сделал для государства, созданного его отцом, а лишь безжалостно карал талантливых прославленных людей, кото-

рые пришлось ему не по душе. Только и знает пировать да распутничать. Охотно выслушивает наговоры и сплетни, посылает в изгнание честных государственных деятелей, всячески унижает их».

Зодчий, с которым бек поступил просто подло, снова и снова вспоминал все, что произошло. Здесь он ничего и не ожидал за свой труд, ибо с самого начала решил сделать доброе дело для чабанов. Но каков бек? Ни слова благодарности, ни разу даже не приехал сказать «бог в помощь» — вот что угнетало зодчего и острой болью отдавалось в сердце. Как-никак, а человек не камень. Лишь потому, что зодчий считался изгнанником, бек не пожелал даже свидеться с ним. Не зря говорят в народе: «Кого наказывает аллах, того и святой толкает своим посохом». Он невольно подумал сейчас о тех, кто, как и он, скитался по свету. Вот хотя бы великий Фирдоуси. Вместо золота, обещанного ему Махмудом Газневи, ему доставили серебряные монеты. И когда верблюды, груженный этими монетами, входил в одни ворота, из других выносили гроб великого поэта. Мир всегда был таков. Откуда же ждать справедливости? Всегда оскорблялось и унижалось достоинство человека. Но того, что случилось в Герате, этого зодчий никогда не забудет. Да такое и нельзя забыть. Злобные и грязные сплетни о зодчем разгневали Султана Ибрагима, достигли ушей Шахруха. Слова зодчего о том, что «здания строятся для народа», Ахмад Чалаби постарался чуть ли не в тот же день передать царевичу. А как-то на пиру в доме устада Кавама зодчий, обратившись к другу, сказал: «Мусалло — творение устада Кавама — будет украшать Герат до скончания века. Будущие поколения низко поклонятся вам». И эти слова Ахмад Чалаби тоже передал царевичу, а тот — государю.

«Будущие поколения должны кланяться и благодарить не устада Кавама, а вас, ваше величество, — должно быть, нашептывал доносчик, — ибо Мусалло — это ваше творение. Так почему же нужно воздавать хвалу каким-то Кавамам и Бухари?»

Слова эти передали государю вечером, и у Шахруха, уже и без того раздраженного чем-то, болезненно забилась на виске жила. Он стиснул зубы, он разгневался на обоих зодчих, на всех зодчих мира. Особый же гнев вызывал в нем Наджмеддин Бухари.

— Я доверяю им, а эти негодяи уже и государя ни во что не ставят,— злобно проговорил он.

А позже, перед самым праздником хайит, всем именитым людям, по обычаю, были преподнесены подарки—златотканые халаты. Те, чьи имена были внесены в государев список, с поклоном подходили к визирю, надевали халаты либо получали золотые монеты, либо другие дары и весело возвращались на свои места. Пир длился до рассвета. На эти торжества были приглашены все знатные люди Герата, и лишь Наджмеддин не удостоился государевой милости. Зная, что все его друзья и товарищи по работе пируют во дворце, до утра пролежал зодчий без сна.

Дивились этому и Бадия с Масумой-бека. Им все казалось, что кто-то из вельмож либо ошибся, либо не выполнил государев приказ. Ведь даже такое ничтожество, как Ахмад Чалаби, и тот был приглашен во дворец! И почему Байсункур-мирза, видя, что зодчего нет на пиру, не прислал за ним своего человека? Нет, все это не так-то просто.

А в сердце зодчего ныла и ныла рана. То было прямое оскорбление, то был «отравленный государев кишжал», вонзенный прямо в сердце.

Целую неделю зодчий Бухари не выходил из дома, он понимал, что все это подстроили его недруги. Но держался он стойко, хотя и был глубоко оскорблен...

Начинало светать, когда зодчий, осмотрев в последний раз водоем, остановился и долгим взглядом окинул степь. Он вспоминал все эти уже давние теперь события и думал, что плохо, когда один и тот же государь долго задерживается на троне. Лучше, когда государи меняются чаще. «Все смертны в этом мире, нехорошо и грешно желать смерти ближнему, но все же лучше, когда умирают государи, а не бедняки»,— заключил свои мысли зодчий.

Глава XXXVII

БУХАРА

Много неожиданностей ждет путника в дальней дороге, это хорошо знал мастер Нусрат — отец Зульфичара, сам не раз совершавший дальние путешествия из

Бухары в столицу. Однако ж в своем последнем послании сын сообщал, что они вместе с зодчим переезжают в Бухару и что придут очень скоро. И вот прошло уже полтора месяца, а от них никаких вестей. Уста Нусрат следил за всеми воротами города, в какие входили караваны; несколько караванов уже вошло в Бухару, а от сына и зодчего Наджмеддина все не было вестей. Уста Нусрата и его семью охватило беспокойство. Но вот как-то вечером по узким извилистым улицам Бухары прогромыхали три арбы.

Зодчий заявил, что поедет прямо в свою старую махаллю Эски Намазгох, что он хочет повидаться с родственниками, но Зульфикар повез их к своему дому. Харунбек одобрил его действия: «Ведь вы покинули свой дом больше двадцати лет назад. Кто встретит вас сейчас там с распростертыми объятиями? Лучше уж остановимся у господина Зульфикара Шаши. Ведь ученик — это все равно что родной сын». И зодчий согласился с его доводами. С Масумой-бека они уже не раз говорили о том, что их дочь, отвергшая красавца Худододбека, сына устада Кавама, пренебрегшая многими юношами, их непокорная и своевольная Бадия, явно благоволила к Зульфикару и ради него усмиряла непокорный и дерзкий свой нрав.

Зодчему нравилось и то, что Харунбек, человек прямолинейный и порядочный, тепло отзывался о Зульфикаре.

Каждый из учеников зодчего обладал своими достоинствами, но Зульфикар был сдержаннее и немногословнее других, держал данное слово да и собою был хорош — стройный, сильный, статный.

Путники въехали в город через Каршинские ворота, и зодчий попросил на минуту остановиться. Он сошел с арбы и, опустившись на колени, прикоснулся пальцами к родной земле и потер их кончиками голову, затем, повернувшись в сторону Мекки, прочитал молитву. Одному из сторожей, стоявших у ворот, он протянул золотую монету, второму — серебряную. Удивленные такой щедростью, сторожа низко поклонились, решив, что в город приехал знатный вельможа, и стояли согнувшись, пока арбы не исчезли из виду. Как бы ни был сдержан человек, но, въехав в родной город, он не может остаться спокойным, сердце его сжимается

от предчувствия, его охватывает волнение или тоска — сразу даже и не разобрать.

Арбы остановились на узкой улочке у ворот дома уста Нусрата.

Увидав сразу столько народу и растерявшись от неожиданности и радости, отец Зульфикара бросился обнимать всех подряд, а затем отошел в сторону и глядел, как мать, жена его, Малохатбану, рыдая, прижимает к груди сына. Затем, оторвавшись от сына, она шепнула мужу: «Пригласите дорогих гостей в дом» — и, бросившись первая во двор, быстро положила в совок гармалу¹, поднесла огонек и стала окуривать входивших во двор против дурного глаза и прочих бед. Всех она обошла со своим совком, начиная с зодчего, и только тогда, чуть успокоившись, приказала младшим детям подать тазы и кувшины и принести непочатые бруски ароматного мыла. Харунбеку и ученикам, разгружавшим арбы, поднесли в глиняных чашках кислое молоко, в которое наскоро накрошили луку,—так обычно встречают людей, проделавших долгий путь.

Взрослые дочери уста Нусрата принесли кислого молока еще и от соседей, и уста Нусрат, разлив его по чашкам, настоял на том, чтобы выпили все.

Глядя на разгружавших арбы учеников, зодчий улыбнулся.

— Песчаный буран под Халачем здорово разорил нас,—сказал он хозяину дома.— Смерч пролетел прямо над нами и унес все, что у нас было. Слава богу, хоть сами остались живы. Как говорят, огню свое, воде свое. На все воля божья.

— Так вот почему вы так задержались,—промолвил уста Нусрат.— Слава аллаху, что сберег вас.

— Задержались мы еще и по другой причине,—улыбнулся зодчий.— Строили водоем в степи для чабанов.

— Ах, вот как,—уста Нусрат удивленно взглянул на зодчего. А тот начал рассказывать, как было дело.

За беседой они допоздна засиделись за дастарханом, и только в полночь уста Нусрат спохватился — ведь гостям нужно отдохнуть. Лучшую комнату в доме отвели зодчему с женой и дочерью. Заврака, Гавваса и

¹ Гармала — растение, употреблявшееся для ритуального окуривания и против сглаза.

Харунбека устроили в комнате поменьше. И для Абу-талиба с сыном, Хусанбека и Хасанбека нашлась комната.

Наутро, после трапезы, зодчий вместе с дочерью и уста Нусратом отправился в махаллу Эски Намазгох, в старый свой дом. Масума-бека осталась дома с женой и дочерьми уста Нусрата, мужчины, во главе с Зульфикаром, пошли осматривать город и в первую очередь знаменитые бухарские базары.

По дороге зодчий рассказал о своих планах—он не намерен участвовать ни в торжествах, ни в празднествах, да и вообще будет сторониться всех высокопоставленных лиц, потому что они до смерти ему надоели; что остаток жизни своей он хочет провести в покое, пусть даже в бедности, но ни за что не будет больше браться за большие работы, а предпочитает набрасывать чертежи мостов, бань и сам же будет распорядителем работ на таких небольших строительствах и что, конечно, о его приезде в Бухару ни в коем случае нельзя ставить в известность должностных лиц.

— В квартале Деггарон продается хороший дом. Не купить ли его вам, зодчий?— предложил уста Нусрат.

— Вот для Хусанбека и Хасанбека надо бы купить,— ответил зодчий.— А свой дом я, уезжая из Бухары, оставил дяде. Родному дяде. У него, конечно, есть сыновья, и, надо полагать, они живут там. Правда, рядом у них свой дом и двор. Пойдемте посмотрим. Ведь столько лет прошло, небось все так изменилось, что и не узнаешь. Увижу своих племянников,— может, продадут мне старый дом. Я бы им дал приличную сумму.

— Дело в том, что я видел ваш дом, господин зодчий,— нерешительно протянул уста Нусрат. Бадия и зодчий вопросительно взглянули на него, ожидая дальнейших объяснений.— Не слишком-то похож он на ваш гератский. Маленький, комнатунки темные. Купим вам хороший дом с двором, я уже присмотрел. Расположение прекрасное, двор просторный, много цветов, отделка ганчевая, над резьбой потолков сам полгода потрудился. Да там неподалеку еще один дом продается. Вот уже месяц я придерживаю его для вас. И о цене договорились. Разрешите, я сам за него заплачу, а с вами как-нибудь уж рассчитаемся.

— Я очень вам благодарен,— сказал зодчий,— но мы сперва посмотрим в Намазгохе мой старый дом.

Пока они пробирались по узким улочкам, зодчий успел рассказать отцу Зульфикара о том, какие трудности и опасности подстерегали их на пути в Бухару.

— Как знать, быть может, нам лучше было ехать с большим караваном, а не на своих арбах. Как знать,— добавил он.

Махалля Эски Намазгох находилась далеко от центра города, и состояла она из узких извилистых улочек, утыканных низенькими и высокими крышами. Домишки, точно пчелиные соты, лепились один к другому. Через всю махаллю протекал арык, был здесь и искусственный водоем — хауз. Так были узки эти улицы, что туда не могла въехать даже арба, а могли пройти лишь конь да ослик. Здесь и находился дом отца зодчего, уста Шамсуддина. За узенькой, украшенной резьбой калиткой лежал небольшой дворик, где притулился хилый домишко о двух комнатах, с айваном — террасой — и надстройкой — балаханой. Зодчий оглянулся на дочь, и лицо его расцвело радостной улыбкой. И было в этой улыбке столько счастья, столько гордости, что Бадия даже замерла — вот так радовался отец прежде — искренне и простосердечно, совсем как ребенок.

— Смотри хорошенько, дочка,— сказал зодчий,— вот здесь я вырос.

— До чего же узкая улочка,— откликнулась Бадия.

— В городе есть улицы и поуже этой.

— Да здесь, отец, людям и не пройти. Видать, одни муравьи ползают?— засмеялась Бадия.— Да и, видно, не метут здесь вовсе.

Она огляделась и сморщила носик. Зодчий понял, что Бадие, привыкшей к широким и благоустроенным гератским улицам, здесь многое не по душе.

— Если бы ты видела все моими глазами,— вздохнул отец.

Зодчий толкнул калитку, она поддалась, они втроем вошли во двор.

Во дворе ни души. Мертвая тишина. Зодчий посмотрел на террасу — подпиравшие ее четыре деревянные колонны показались ему такими бесконечно дорогими, что у него даже слезы выступили на глазах. Вспомнилось ему, как в детстве сидел он здесь в кругу родных,

слушал интересные разговоры, мечтал. А вот и гвоздь. Ну конечно же тот самый гвоздь! Возвращаясь из медресе, он, мальчик, вешал на него сумочку с книгами. Да и двор вымощен все теми же плоскими квадратными кирпичами. На ступеньках террасы один кирпич, как и тогда, расколот и сложен из двух половинок, а одна из колонн, подпиравших террасу, испещрена цифрами, Это он записал когда-то даты своего учения в медресе; как ни странно, цифры до сих пор не стерлись, их пошадило время. А вот посреди двора и старое тутовое дерево, только стало оно выше да ветвистее. Зодчий вошел в комнату, заглянул в сарайчик, в каморку, взошел на ступеньки балаханы. Все, буквально все, как было прежде.

Бадия осталась стоять посреди двора, около старого тутовника, и с удивлением поглядывала на отца.

— Смотрите-ка,— обратилась она к отцу Зульфикара.— Сразу видно, отец попал в родные места. Все осматривает, все узнает.

— Нет для человека ничего дороже, чем тот дом, где он родился и вырос,— отозвался уста Нусрат.

— Все осмотрели?— обратилась Бадия к отцу.— Налюбовались?

— Нет, дочка, не налюбовался. Слишком уж много воспоминаний. Вот посмотри, этот желобок я сделал двадцать лет назад, а кажется, будто только вчера. Видно, семья дяди хорошо следит за домом. Чувствуется, что за домом приглядывают.

Маленькая дверца, ведущая в соседний двор, вдруг распахнулась. Во двор вбежал мальчик, но, увидев посторонних, замер на месте.

— Эй, кто вы такие?— набравшись храбрости, крикнул он.

— А ты кто таков?— спросила Бадия.

— Я Абдулвахид,— растерянно ответил мальчуган.

— А я — Бадия.

— Это мой двор,— заявил мальчик.

— Нет, мой!

— Еще чего...— воинственно воскликнул мальчик.

— А ты, наверное, внук дедушки Джамалиддина, верно ведь?

Мальчик смутился.

— Я сейчас деда позову!— крикнул он и кинулся к дверце.

И тут же во двор вбежала старуха и, остановившись как вкопанная, уставилась на Бадию и уста Нусрата. Затем перевела взгляд на зодчего.

— Господи, да ведь это же мулла Наджмеддин!

— Узнали, Назминиса-биби? Ну как вы живете, все ли здоровы, как дети?

— О господи! Все здоровы, все живы, вот только глаза у меня что-то стали плоховаты, не сразу признала вас. Вот радость-то! А как Масума-бека, сын, дочка? Все ли у вас благополучно? Добро пожаловать!—добавила она, спохватившись.— Проходите сюда, на террасу.

— Вот моя дочь — Бадия!

— Господи, красавица-то какая, ненаглядная ты моя,— старуха обняла Бадию.— Сейчас кликну всех. О господи, господи! Абдулвахиджан!— закричала старуха.— Зови скорее отца!

И, не дожидаясь, пока мальчик исполнит ее приказание, сама направилась к дверце.

— Это жена моего дяди,— пояснил зодчий дочери.— Другими словами, твоя бабушка Назминиса.

— Я уже догадалась,— сухо ответила Бадия.

— Хотя тебе Бухара и кажется захолустным городишком,— строго проговорил зодчий,— но ты еще ничего здесь по-настоящему не видела. Бухара — великий город. Его и сравнить нельзя с Гератом. Вот таких махалля здесь около тысячи. Правда, Самарканд еще лучше.

— Расхваливайте, расхваливайте,— улыбнулась Бадия.— Я же знаю, что Мавераннахр для вас земной рай. И даже спорить не собираюсь, все равно переспорите.

— Что верно, то верно!

Прошло не более часа, и во двор уже начали стекаться родственники зодчего. Первым пришел дядя Джамалиддин с сыновьями, потом соседи, юноши и девушки из махалли. И каждый радостно ахал: подумать только, их родич — знаменитый зодчий Наджмеддин Бухари, уехавший отсюда двадцать лет назад, снова вернулся на родину. Ведь родился-то он здесь, в их махалле Эски Намазгох и прославился в Герате, понастроил столько замечательных зданий. Им справедливо гордились и родственники, и соседи, весь город. И гордился им также правитель Бухары Шах Малик-тархан,

зная, что Наджмеддин Бухари состоит в Герате на службе у самого государя. И уж коли уроженец Бухары в почете и уважении в столице, то тимуриды, само собой, будут благосклонны и к муфтию Ходже Мухаммаду Порсо и к Шаху Малику-тархану. Собравшиеся во дворе Джамалиддина соседи с восторгом смотрели на зодчего. Одно смущало их радость — почему же этот человек, слава которого гремит по всему Хорасану и Мавераннахру, прибыл в Бухару без карнаев и сурнаев¹, и даже торжественной встречи ему не устроили, словно он простой смертный. Как же это так? Почему хотя бы сотник его не встретил? Уж тот ли это Наджмеддин Бухари?

Зодчий видел, что люди удивлены, и решил объясниться начистоту.

— Дорогие мои! — начал он. — Я и впрямь ваш земляк Наджмеддин Бухари. И родился я в вашей махалле. Горе заставило меня покинуть Герат: сын мой Низамеддин казнен. С тех пор Герат опостылел мне, и я решил вернуться на родину. Вот моя дочь Бадия. Жена моя находится в доме моего друга уста Нусрата. А я с тремя своими учениками, которых люблю, как родных своих сыновей, и с пятью друзьями приехал сюда. Знаю, что виноват перед вами, ни разу я не навестил вас, а значит, не мог быть вам чем-нибудь полезным.

— Не говорите так, мой дорогой брат! — воскликнул дядя Джамалиддин, со слезами на глазах обнимая зодчего. — Зачем вы так говорите? Вы совершили великие дела, вы построили здания, которые простоят века и века, и мы все, ваши родственники, весь наш род, гордимся вами. Войдите же в свой дом!

Зодчий, уста Нусрат, дядя Джамалиддин и прочие старики поднялись на террасу. После того как была прочитана благодарственная молитва, Бадия вместе с Назминисой-биби удалились в соседний двор побеседовать с родственницами и соседками. Все с восхищением разглядывали красавицу Бадию, приехавшую, шутила ли, из самого Герата. Все обступили ее — молодые женщины, кудрявые девочки, державшие на руках младших братишек или сестреночек, соседская детвора... А за накрытым столом вели неторопливую беседу старики. Дядя Джамалиддин заявил, что дом принадлежал зод-

¹ Название народных музыкальных духовых инструментов.

чему, он и должен в нем жить. А у Джамалиддина с семьей есть рядом просторный дом.

— И ни о какой плате даже не думайте. Разве человек должен платить за свой собственный дом, где он родился и вырос? Не обижайте нас,— сказал он.

Зодчий был растроган до слез. Тут же за столом решили, что облюбованный уста Нусратом дом будет куплен для Хасанбека, Хусанбека и гончара Абуталиба, а зодчий даст часть денег, вырученных за продажу своего гератского дома. Сам же он переедет сюда и остаток своей жизни проведет в молитвах и покое.

Предложение это пришлось по душе всем, кроме Бадии, но она ни слова не сказала против.

А на следующий день зодчий с семьей уже переехал в свой старенький бухарский дом. Гаввасу, Завраку и Харунбеку отвели комнаты на балахане — верхней пристройке. И на той же неделе просторный дом с двором в махалле Деггарон был куплен для Хасанбека и Хусанбека и тут же по соседству, поближе к площади, дом для Абуталиба. Половину денег за обе эти покупки дал, как и было обещано, зодчий. Стоит ли говорить, как радовались братья Хасанбек и Хусанбек и гончар Абуталиб. Решено было, что все они будут работать здесь на стройке, а когда обживутся, то осенью перевезут из Герата свои семьи.

Харунбека, намеривавшегося немедленно отправиться обратно в Герат, зодчий уговорил погостить с недельку-другую в Бухаре — помочь провести свадьбу Бадии и Зульфикара. Харунбек тут же дал свое согласие.

Ежедневно он навещался в караван-сарай, встречался с ремесленниками и прочим людом, передавал им приветы от гератских друзей и вел с ними переговоры о делах, о которых, по его собственным словам, знает лишь только господь бог. Однако Харунбек все же признался зодчему, что хочет доставить в Герат кое-каких людей — не купцов и не торговцев, а тех, кто готов бороться против тирании.

— Нас, конечно, мало,— пояснил он,— куда меньше, чем войска у государя, но нас поддержит весь угнетенный народ. Приверженцы истины будут бороться и отомстят и за Фазлуллаха, за все невинные жертвы. И за вашего Низамеддина тоже,— добавил он.— Час отмщения близок. На нашей стороне многие учащиеся медресе

и ремесленники. И до тех пор, пока мы не раздавим гада Шахруха и его пашенка Ибрагима Султана, мы не прекратим борьбы.

Зодчий внимательно выслушал все эти пылкие речи.

Но даже если им удастся убрать Шахруха, то все равно на его место взойдет другой тимурид, и он будет так же безжалостен к народу, думал он. Все равно, пусть идут и бьются против несправедливости. Зодчему виделись сказочные богатыри, готовые жертвовать своей жизнью ради правого дела. Ах, будь их в Хорасане и Мавераннахре больше — тогда народ узнал бы спокойную, счастливую жизнь. А уж о людях науки и искусства и говорить нечего. Однако зодчий промолчал и лишь напутствовал Харунбека словами: «Идите и будьте осторожны, брат мой, и да поможет вам бог».

На следующей неделе отпраздновали свадьбу Бадии. Наконец-то два любящих сердца соединились навеки и прекрасная дочь зодчего вошла невесткой в семью уста Нусрата.

Сразу же после свадьбы Харунбек отправился в Герат.

— Если вы не возьмете от меня то, что я вам должен,— сказал зодчий, протягивая Харунбеку мешочек с золотыми монетами,— вы смертельно обидите старого человека.

И Харунбеку пришлось взять деньги.

Все последние дни Гаввас Мухаммад ходил сам не свой и наконец набрался духу и признался зодчему, что тоже хочет вернуться в Герат к своей семье. «Если, конечно, зодчий не сочтет это за обиду»,— добавил он.

Зодчий ответил, что, напротив, он будет рад, ибо сам не собирается уже строить больших, как прежде, зданий, и пусть его ученики не губят своего таланта, пусть выйдут в люди, а сам он жаждет одного лишь — покоя. Он сердечно поблагодарил Гавваса за то, что тот не оставил их в самые тяжкие дни и стал ему родным сыном. Зодчий благославил Гавваса, и тот вместе с Харунбеком отбыл в Герат.

Предложил зодчий и Завраку тоже вернуться в Герат, но тот даже обиделся.

— Некуда мне ехать,— заявил он,— я буду там, где вы. Нет у меня родителей, и вырос я сиротой, вы

же сами знаете. Не беспокойтесь, мешать вам не буду. Устроюсь на жилье где-нибудь в другом месте.

— Да разве дело в жилье?— возразил зодчий.— Живите, ради бога, здесь. Это ваш дом. Но я не желаю навлекать на вас неприятностей. Вы молоды, а я уже не возьмусь теперь за большие дела. Остаток дней своих я хочу провести в бедности, безвестности и молитвах. Мне опостытели мирские дела. На мое счастье, у меня есть кров над головой. Да и таково было повеление государя, ведь сказал же Байсункур-мирза: «Если не в Мекку, то живите тихо в своей Бухаре и не вмешивайтесь в политику и дела государственные». А если я буду вести прежнюю жизнь, если не отряхну от ног прах своих суетных забот, то навлеку на себя гнев божий и погрязну в грехах. Вы благородный юноша и жалеете меня, старика. Но не закрывайте себе путь, не губите свое будущее. Дни мои, овеянные славой, канули в вечность, и близка ночь. А вам не следует упускать время, возвращайтесь-ка в Герат. Творите, держайте.

— А может, учитель, я просто вам в тягость?

— Ничуть! Об этом и речи быть не может, но, если вы не уедете, душа моя не будет знать покоя. Вот она, правда.

— Тогда я никуда не уеду!— решительно заявил Заврак.

— Не мучайте вы его зря,— вмешалась в разговор Масума-бека, залившись слезами.— Никуда Заврак не уедет. Я нарекла его сыном, и не может он, не хочет обречь нас на одиночество.

На том разговор и закончился. В свое время не пришлось Завраку пройти «испытания подземельем», его, сироту, голодного и раздетого, пожалел зодчий и оставил жить у себя. А вот теперь Заврак выдержал испытание потруднее. И выдержал с честью.

Ранним утром Харунбек, тщательно подготовившись к дальнему пути, присоединился к большому каравану. Зодчий, уста Нусрат, Зульфикар и Заврак пришли проводить его и Гавваса Мухаммада. Зодчий горячо обнял обоих.

— Счастливой дороги,— промолвил он,— пусть бережет вас господь на всем пути до самого Герата. Передайте от меня привет уважаемому зодчему Каваму и всем, кто еще помнит меня или спросит обо мне. Как

прибудете, не забудьте сообщить об этом нам. Если придется проходить мимо крепости Ихтиёридин, воздайте молитву по усопшему сыну моему Низамеддину. Если поедете той же дорогой, взгляните еще раз на водоем. Да не забудьте передать от меня низкий поклон Чули-бобо.

Когда караван вышел за ворота Бухары и скрылся в дорожной пыли, зодчий печально побрел к старому своему дому.

Тихо текли дни, похожие один на другой. Теперь зодчий сделался заправским домоседом и проводил целые дни в молитвах. Иногда по пятницам, вместе со стариками из махалли, ходил он в мечеть Намазгох. Но свадеб и погребальных церемоний избегал, зато не жалел времени на советы мастерам, обращавшимся к нему за помощью. Если же его приглашали на торжество или на пир должностные лица либо чиновники, он, сказавшись больным, отказывался и оставался дома.

— Чем лежать без толку да тосковать, пошли бы лучше в гости,— говорила Масума-бека.— Ведь не можете вы отменить все праздники и торжества.

— Никуда я не пойду,— отвечал зодчий,— пусть посылают нукеров и потащат меня насильно. Зачем мне идти, если я не хочу их видеть? Все эти люди мне отвратительны. Только пьют, жрут да толстеют — настоящие черви. Нет от них никакой пользы народу, и не останется от них и следа.

— «От них, от них», от кого это от них?— сердилась Масума-бека.— Так и умрете, твердя одно и то же. А их много, и они останутся жить. Их и прежде было много и всегда будет много. Вы злитесь, а им на это наплевать. Сердиться можно на умных людей, на образованных, они поймут, а этих вы ничем не проймете. Время-то сейчас ихнее.

— Стало быть, ты хочешь, чтобы я склонил перед ними голову, покорился им? Нет, не покорюсь. Так и умру, а перед ними головы не склоню. Разве они сумели меня оценить? Они убили моего сына! Они изгнали меня! Они... Вот до чего довели они меня: мы стелем, а они разваливаются на самых почетных местах! Мы выращиваем пшеницу, печем хлеб, а они жрут его. Мы трудимся, а почести достаются им. Подлецы!

— Если вы всё так хорошо знаете, зачем же вы их сторонитесь, лучше присоединяйтесь к ним!

— Вот глупая! А я еще стараюсь ей втолковать, как и что. Да ну их, оставим этот разговор, где моя тыква-ка, лучше заложу насвай¹!

Так и проходили дни, неотличимо похожие один на другой. Иногда стариков навещала Бадия. Завтрак жил на балахане, работал вместе с Зульфикаром под началом уста Нусрата на стройке во дворе богатого бая и заработанное отдавал в дом. Он сам приносил с рынка продукты, а иногда просил Бадью передать старикам деньги.

Через год Бадия родила сына. Трудно описать радость обеих семей. Мальчика в честь зодчего нарекли Мемор, что значит зодчий. И дед, прошептав на ухо младенцу молитву «азан», пожелал ему много счастья и здоровья.

Так и жил зодчий Наджмеддин в забвении и тишине, проводя все дни в своем старом доме, порою тоскуя, порою вспоминая о прошлом. Но тут гончар Абуталиб, побывавший в Самарканде, привез оттуда страшную весть: по приказу государя христианский квартал Дахаи Насарон в Самарканде стерт с лица земли. Убиты все — от младенцев до стариков. В последнее время зодчий прихварывал, а узнав эту ужасную новость, совсем занедужил.

— Почему? За что? — только и смог спросить он, бессильно откидываясь на подушку.

Оказалось, что кто-то распространил слух, что иноверцы, следуя мерзким своим обычаям, впали в смертный грех... Поэтому-то и был издан приказ об их поголовном уничтожении.

Глава XXXVIII

ЗОДЧИИ И АСТРОНОМ

Правителю Мавераннахра, его высочеству Улугбеку-мирзе устроили в Бухаре торжественную встречу. И вот уже третий день царевич пировал в старой цитадели в

¹ *Насвай* — особо приготовленный табак, который закладывают под язык.

самом центре города. И этот пир тоже давали в его честь.

Справа от его высочества восседали правитель Бухары Шах Малик-тархан и шейх Ходжа Мухаммал Порсо, слева — самаркандский военачальник Амир Давуд Барлас и прочие знатные вельможи. Улугбек-мирза впервые посетил Бухару — второй по величине и значению город Мавераннахра. Прибыл он сюда под охраной тысячи нукеров из войск Амира Давуда Барласа через Каттакурган, Янгирабад, Карману, Ташрабад, Бустан, Гиждуван и Вавкент. Вся знать Бухары во главе с Шахом Маликом-тарханом и Ходжой Мухаммадом Порсо встретила его высочество в Гиждуване. По уверению старожилов, даже самого Амира Тимура не встречали в Бухаре с такой пышностью. Правда, Тимур пробыл в Бухаре всего два дня и стремительно ушел со своим войском куда-то далеко в пески.

Улугбек явился на пятничную молитву в мечеть Калан, а затем началось посещение святых мест: мавзолея Чашман Аюб, мечети Намазгох, мавзолея Сайфиддина Бахарзи и Буенкулихана — и всюду царевич читал молитвы. Город очистили от грязи и мусора, улицы полили и подмели — на базарах было особенно многолюдно. Повсюду громоздились груды товаров.

Люди принарядились, у всех было праздничное настроение. Курильщикам опиума было строжайше запрещено появляться на улицах, а иноверцам приближаться к мечети Калан и к цитадели. Во всех медресе, на всех базарах глашатаи объявили о том, что скандалисты и бунтари будут сурово наказаны. С утра до вечера толпился народ на прекрасно благоустроенном Шабском базаре, здесь круглые сутки зорко следили за порядком есаулы и миршабы¹. Порою Шах Малик-тархан возил Улугбека в пригородный сад Баги-насим, где также устраивались пышные пиры.

И вот в один из таких дней перед неприметной калиткой дома зодчего в махалле Намазгох осадил своих коней какие-то нарядно одетые всадники. Это были посланцы Шаха Малика-тархана. Увидев конных, дети, игравшие на узкой улочке, бросились врассыпную. Старики, сидевшие у калиток, удивленно поднялись и низ-

¹ *Миршаб* — начальник ночного дозора, стражник.

ко поклонились незнакомцам. А те, рассылая кругом притворно любезные улыбки, осторожно постучали ручьятками нагаек в калитку зодчего. Со двора отозвался женский голос.

— Мы к господину зодчему Наджмеддину Бухари,— крикнул один из молодых вельмож.— Позовите его, у нас важное дело.

— Какое может быть важное дело, когда он болен,— послышалось в ответ.

— Матушка, не бойтесь нас, мы к вам с доброй вестью.

— А мы ничего и не боимся, нам уже давно надое-ло бояться,— ответил все тот же женский голос.— Ка-литка отперта, входите!

Приехавшие вошли во двор.

— Мир этому дому!— приветствовали они зодчего.

— Мир вам,— ответил зодчий, однако с постели, посланной во дворе на глиняном возвышении, не встал.

— А мы за вами!

Зодчий улыбнулся.

— Я уже не первый день жду, когда наконец вы меня заберете,— проговорил он.

— Значит, вы согласны с нами ехать? Собирайтесь!

— Прямо в тюрьму?

— В цитадель,— удивленно сказал один из вель-мож,— на пир к правителю.

— На пир не пойду,— спокойно ответил зодчий.— Вот в тюрьму другое дело, тут я вынужден отпра-виться!

— О господи, да уж не юродивый ли этот зод-чий?

— Нет, ну керы; я в своем уме. Только вот приболел немного. Недуг мой называется кабус, но если при-мните насиле...

— Да поймите же вы наконец, мы явились к вам с доброй вестью,— сказал один из пришельцев, мужчи-на средних лет с ястребиным носом.— Возможно, с ва-ми хочет побеседовать его высочество Улугбек-мирза. А может, хотят сообщить вам нечто важное. Откуда нам-то знать?

— Отправляйтесь к его высочеству и передайте, что я не приду.

Вельможи с недоумением переглянулись.

— Выслушайте нас, господин зодчий, вас, несомненно, ждет удача и радость. Поднимайтесь!

Как раз в эту минуту во двор вошел Зульфикар и, увидав нарядных вельмож, в изумлении замер на месте.

— Я говорю им,— пояснил с улыбкой зодчий Зульфикару,— что не пойду на пир. Вот если в тюрьму, то пожалуйста.

— Что, в сущности, происходит?— спокойно спросил Зульфикар. Он знал, что в городе идут пиры и торжества в честь Улугбека.

— Вы его сын?

— Сын.

— Так объясните же ему, пусть он идет с нами,— снова заговорил человек с ястребиным носом.— Нас послал сюда его высочество Шах Малик-тархан. А ваш отец не желает идти во имя своей же выгоды.

— Отец пойдет,— все так же спокойно проговорил Зульфикар.— Но, во-первых, ему нужно подать арбу. И потом, пусть за ним приедет какой-нибудь старый человек. А я сам буду сопровождать отца.

Взглянув на зодчего, Зульфикар сразу понял, что старик совсем разволновался. Но он знал, с каким уважением его тесть относится к старым людям.

— Прекрасно!

— Значит, договорились.

Вельможи поспешно удалились.

Еще год назад до Мирзы Улугбека дошла весть о том, что знаменитый зодчий Наджмеддин Бухари, построивший великодушное медресе Мирзо Байсункур, а также многие мосты и водоемы, внезапно покинул Хорасан и проживает ныне в Бухаре. Тогда-то он отправил зодчему послание, где в самых похвальных выражениях упоминал о его заслугах и таланте и приглашал великого мастера к себе в Самарканд. Но зодчий ответил Улугбеку, что он стар и болен и что остаток своей жизни задумал провести в тишине и уединении. Он горячо поблагодарил Улугбека и также вельмож, доставивших ему послание владыки. И вот, пируя в цитадели, Улугбек вспомнил о зодчем, которого он ни разу в жизни не видел и который посмел отказать ему в свое время. И Улугбек высказал Шаху Малику-тархану свое желание повидать зодчего и побеседовать с ним. Об этом прославленном мастере, Наджмеддине Бухари, ему,

Улугбеку, не раз рассказывали его приближенные и помощники Али Кошчи, и Мешхеди, и Самарканди. И сейчас Улугбеку почему-то казалось, что беседа с упрямым и своенравным старцем, подвергшимся гонению, куда важнее всех этих пиров и развлечений. На приеме, устроенном вчера для ученых, астрономов и поэтов Бухары, Мирза Улугбек видел всех, в том числе зодчего Исмаила ибн-Тахира Исфагани, а вот зодчий Наджмеддин Бухари не явился, и Улугбек решил послать личное приглашение Наджмеддину Бухари.

К вечеру зодчий, в сопровождении старого мударриса¹ и нескольких вельмож, вошел вместе с Зульфикаром в ворота цитадели. Пройдя широкий двор, они вошли в просторную залу и увидели Улугбека, сидящего в кресле. Поклонившись правителю, зодчий сел на указанный ему слугами стул, почти рядом с самим Улугбеком. Мударрис и вельможи в залу не вошли, а Зульфикар хоть и вошел вместе с зодчим, но остался стоять у входа. По правую руку от Улугбека сидел Малнк-тархан и еще какой-то человек. Взглянув на него, Зульфикар решил, что это и есть зодчий Исмаил ибн-Тахир Исфагани.

После обычных приветствий и расспросов о здоровье и благополучии Улугбек пригласил зодчего к дастархану и в упор спросил его:

— Я ведь направлял вам послание, приглашал вас к себе в Самарканд, так или нет?..

— Я от души благодарен вам,— ответил зодчий, поднявшись с места.— Ваше драгоценное послание я получил.

— Однако ваш ответ поразил и удивил нас. Я имею в виду ученых. Более того, он поверг нас в раздумье,— сказал Улугбек.

— Но я ведь все написал вам, ваше высочество.

— Как прикажете понимать ваши слова?— улыбнулся Мирза Улугбек. Ему было неловко, что он словно бы допрашивал старика, и поэтому всячески старался смягчить свои вопросы, дать почувствовать тому, что он и сейчас не прочь увезти его с собою в Самарканд.

Прямолинейные, чуть ли не резкие ответы зодчего сердили Шаха Малика-тархана, и он бросал на старика сердитые взгляды. Зато Улугбек ласково разговаривал

¹ *Мударрис* — преподаватель медресе.

с зодчим, восхвалял его дела и в заключение добавил, что коль скоро он завтра отбывает в Самарканд, ему захотелось побеседовать с Наджмеддином Бухари.

— Будем считать, что это беседуют между собой зодчий и астроном,— добавил он.— И выражайтесь яснее, уважаемый зодчий, я не совсем понимаю ваш отказ.

— Еще из Герата я неоднократно писал вам,— хмуро проговорил зодчий.— Я искал защиты у вашего высочества, я обращался лишь к вам одному. Я умолял спасти моего сына... Но вы не ответили мне. И сына моего казнили...

— Но я не получил от вас ни одного послания,— возразил Улугбек, и лицо его сразу стало строгим.

— Это весьма странно,— продолжал зодчий,— государевы чиновники уверили меня, что послания мои будут доставлены лично вам в Самарканд. А ведь сын мой участвовал в Ферганском сражении и был ранен. Вместе с войнами Амира Давуда Барласа он прошел от Герата до Хоканда. И за отвагу был удостоен вашего дара, ваше высочество. Сабля, подаренная вами моему сыну, свято хранится у нас. Но из-за гнусных наветов моего сына послали на казнь; а он был преданным воином вашего высочества и верным сыном Хорасана и Мавераннахра. Можете покарать меня, но я хотел, чтобы вы, ваше высочество, знали эту горькую правду.

— За правду не карают,— глухо отозвался Улугбек. Он понимал, как велико горе отца, этого старого человека, лишившегося единственного сына, и что человек этот отныне ненавидит царский двор и тех, кто близок к нему. Присутствующие затаив дыхание ждали ответа Улугбека. Шах Малик-тархан недовольно хмурился, Улугбек вспомнил о покушении на государя. Вместо того чтобы наказать лишь прямых виновников, казнили десятки людей, запугали народ, угрожали народу. Все это он знал. Он подумал сейчас о младшем своем брате, об Ибрагиме Султানে, о царевиче с «железной дланью». И властитель Самарканда молча смотрел на старика зодчего: казнь единственного сына, что может быть страшнее?

— Вы, ваше высочество,— снова заговорил зодчий,— в своем послании, если помните, просили меня взять с собою в Самарканд старого грузинского мастера

Джорджи, гончара Абуталиба, мастеров Хасанбека и Хусанбека.

— Как же, помню!— ответил Мирза Улугбек.

— Джорджи был великолепным, редкостным мастером своего дела. Его убили вместе со всеми христианами в махалле Дахаи Насарон в Самарканде.

— В Дахаи Насарон распространялась зловерная клевета о нашем государстве. Там творились греховные дела, а это могло коснуться и нашего народа. Вот мы и вынуждены были очистить от них нашу столицу Самарканд...

Улугбеку вспомнилось, как в ту пору ему донесли «о грехопадении Лу и Ли». Каждую неделю иноверцы, мол, устраивают пляски, где мужчины и женщины танцуют в обнимку. Каждый год один день в месяц навруз они посвящают любви, когда каждая женщина, независимо от того, замужем она или нет, может избрать себе любого мужчину... Рассказ о некоем Лу, женившемся на своей родной сестре Ли, возмутил весь двор. Дошло это и до ушей Улугбека.

— Все это вымысел,— заявил зодчий.— Такого не было, да и быть не могло...

Когда придворные достали якобы неопровержимые доказательства, Улугбек поверил, что христиане махалли Дахаи Насарон предаются делам, противным богу. Он был разгневан и в гневе своем забыл о мастере Джорджи. «Как?— воскликнул тогда он.— В Самарканде, в великом городе, творятся такие дела!» И не колеблясь, приложил печать к приказу об истреблении всех христиан.

Воцарилось молчание. Никто из присутствующих не решался его нарушить. Шах Малик-тархан и Ходжа Мухаммад Порсо с удивлением поглядывали на Улугбека. Почему он не прикажет прогнать этого дерзкого старикашку?

Но Улугбек продолжал молчать, грустно потупив взгляд.

Старый грузинский мастер Джорджи, тот, что трудился на постройке медресе Мирзо Байсункур и восхищал зодчего своей сметливостью, талантом и огромным опытом, после отъезда Наджмеддина Бухари неоднократно обращался к властям с просьбой отпустить его в Самарканд, где, по слухам, находилось много его со-

отечественников. Наконец разрешение было получено, и он вместе с женой и сыном, после изнурительного пути, обосновался в Самарканде в христианском квартале, где жили грузины и карабахские пленники. «Если уж и жить на чужбине,— думал старый мастер,— то хоть среди своих». А главное, сбылась его мечта — уйти из-под неусыпного надзора Ибрагима Султана под покровительство славившегося своим благородством и любовью к людям науки и искусства Мирзы Улугбека. Да и многие мастера, поэты и зодчие начали покидать Хорасан, бросали Герат. Властям было не очень-то по душе это массовое переселение. И хотя нелегко был путь в Мавераннахр, хотя путников ждали все мытарства дальней дороги, они готовы были стерпеть их и словно мотыльки летели на огонек Самарканда. А после того, что случилось с Наджмеддином Бухари, разрешения уехать запросили многие и многие. И теперь не одни лишь придворные, но и сам Шахрух задумался над тем, почему это ученый люд покидает Хорасан и устремляется в Мавераннахр? Уж не повинен ли в этом повелитель Самарканда — старший его сын Мухаммад Тарагай? И Шахрух, решив проверить свои подозрения, время от времени призывал к себе высоких должностных лиц, принадлежащих к самаркандскому двору,— почти все это были сплошь его люди, которыми он позаботился окружить сына. Шахрух вообще любил всюду иметь своих людей, дабы всегда быть в курсе всего происходящего. Осторожность никогда не помешает, считал он, а уж расправиться с теми, кто ему изменит, дело несложное. Куда сложнее приструнить или совсем убрать этих ученых, которые только вносят смуту и грозят поколебать веру простого люда в могущество власти тимуридов, ту веру, что завоевана была не так-то легко и не так-то просто. Только теперь Шахрух и его приближенные поняли, что совершили ошибку, выслав из Хорасана зодчего Наджмеддина. Лучше было бы повременить, а потом тихо, без шума убрать его... Но никто как-то не подумал о последствиях... Проморгали! Вот оно, единственное правильное слово,— проморгали. А все это Ибрагим Султан со своей вечной спешкой, не терпелось ему отделаться от зодчего, которого он ненавидел.

Погруженный в свои думы, Мирза Улугбек заставил

себя улыбнуться и взглянул на зодчего. Об этой трагедии христианского квартала ему уже напоминали дважды. Его ученик и близкий друг Али Кошчи тоже сказал ему об этом. Сказал резко, прямо в лицо.

— Пусть господь нас простит,— начал Улугбек,— мы беседуем сейчас с вами как зодчий с астрономом. И я очень сожалею о казни вашего сына. Но, видать, такова воля аллаха. Я молю всевышнего ниспослать вам силы, терпение и смирение... Вот рядом с вами сидит господин Исмаил ибн-Тахир Исфагани. И мы надеемся, что вы, господин зодчий, уважите нашу просьбу. Господин Исфагани давно мечтает работать под вашим началом. Если вы, конечно, согласитесь на это. Я надеюсь в скором времени увидеть вас в Самарканде, ознакомиться с вашими проектами. Господин Исфагани тоже, очевидно, приедет в Самарканд...

А теперь мы просим позволения у уважаемого нашего читателя напомнить ему две-три страницы истории.

Как известно, в девятьсот девяносто пятом году по христианскому летосчислению в Хорасане и Мавераннахре происходили важные политические события: нападение саманидов на империю караханидов потрясло основы государства и привело к его упадку. В ту пору самым крупным городом в Мавераннахре считалась Бухара, а в Хорезме — Кат. Именно они дали миру гениев — Абу-Райхана Бируни, Абу Али Ибн Сину и великолепного Наршахи. А еще задолго до того, во времена Сиявуша и его тестя Афрасиаба, простроивших Кухиндуз, на этой земле была создана священная книга огнепоклонников «Авеста». Подобно звездам вокруг луны, под сиянием Бухары сверкали в ту эпоху города Самарканд, Кеш, Накшаб, Гурганч, Кат, Газна и Исфаган. В 1220 году по христианскому летосчислению на Бухару напали монголы. Военачальник Бухары Инанчхан Огиль, покинув город Хаджиб, бежал в Ургенч. Чингисхан с сыном Тули вошел в Бухару. Но четверста бухарских воинов, накрепко закрыв ворота цитадели, отважно сражались с врагом целых двенадцать дней. Чингисхан начисто разграбил город, захватил богатую добычу — золото, серебро, драгоценности — и

отправился дальше, оставив в Бухаре своего наместника и отряд войск. Опыященный успехом, не помня себя от радости, что Мухаммад Хорезмшах, мнивший себя вторым Александром Македонским, бежал, а шейхи и духовенство безропотно вручили завоевателю все двенадцать ключей от ворот Бухары, Чингисхан двинулся на Самарканд. Но наместник, оставленный Чингисханом в Бухаре, чувствуя свою безнаказанность, бесчинствовал как ночной тать, грабил жителей города, вместе со своими воинами насилывал женщин — словом, зверствовал так, что люди, не выдержав, убили его.

Когда до Чингисхана дошла эта весть, он тут же вернулся в Бухару. Не потрудившись даже слезть с коня, въехал он верхом в мечеть Джаме и, схватив за бороду имама, — стащил его с алтаря.

— Как вы посмели убить моего человека? — заорал он.

— Мы отдали вам ключи от города, — ответил имам, — в надежде предотвратить кровопролитие и сохранить город. Но ты и твой наместник грабили Бухару, насилывали наших жен и дочерей. — И имам плюнул в лицо Чингисхану.

Имаму отрубили голову. И вслед за этим отрубили головы еще сотне молящихся здесь же стариков бухарцев и сбросили их тела в колодец. На сей раз войска Чингисхана разрушили всю Бухару, предали город на поток и разграбление, и лишь Минораи Калан выстоял — его не смогли стереть с лица земли ни алебарды, ни копья, ни секиры... А уже много позднее начались распри и войны между потомками Чингисхана — каждый из них претендовал на трон. И империя, созданная Чингисханом, распалась на множество отдельных владений.

Особенно ожесточенную борьбу вели между собою двоюродные братья во время царствования Гуюкхана. Правитель монголов в Иране Хулокухан с большим войском двинулся на Мавераннахр, захватил Кеш, Накшаб, а затем и Бухару. Он начисто разграбил эти города, разрушил все здания, сжег библиотеки. Много еще пролилось крови. А позже другие монгольские правители, Чалай и Каран, сыновья Ангухана, вошли в Бухару с десятитысячным войском и зверствовали

здесь в течение трёх лет. Они опустошили все вокруг, Как писал историк Рашид аль-Иддин, в городе на целых семь лет прекратилась всякая жизнь.

Один за другим были убиты Кабак-хан и Казан-хан, и власть в Междуречье перешла к Казаганхану. В свою очередь, и Казаганхана уничтожил воинственный хан Туглик Тимур, и монгольское господство, длившееся сто пятьдесят лет, кончилось. Не было в истории Бухары более черных, более страшных годин. Насилие, грабежи, нищета, разрушения. Не было построено ни одного здания, не было прорыто ни одного арыка. Только Минораи Калан, свидетель всех бед, обрушившихся на древний город,— стоял среди руин нерушимо, хотя кругом бушевали пожары, лилась кровь.

Измученные грабежами и насилием жители Бухары, узнав, что Улугбек намерен строить в Бухаре медресе, пожелали участвовать в этом благородном, богоугодном деле. Медресе, задуманное Улугбеком, должно было стать первым зданием — зданием строящимся, а не разрушаемым. А теперь, дорогой читатель, вернемся вновь к нашим героям...

Зодчий покинул великолепный дворец цитатели, где беседовал с Мирзой Улугбеком. У самых ворот к нему бросился поджидавший его здесь встревоженный Заврак. Но лицо Наджмеддина Бухари было просветленным и задумчивым. Да и Зульфикар, шагавший рядом, казался веселым и довольным.

Глава XXXIX

ВОСКРЕСЕНИЕ

И все же, отрешившись от мирских забот, зодчий Наджмеддин Бухари все свои дни проводил в полутемных комнатах старого дома, где он родился, где вырос и где был счастлив. Отныне он жил воспоминаниями о былых днях, о встреченных на своем пути хороших и дурных людях, и вновь проходила перед умственным его взором давно отлетевшая молодость. Так он и не подымался с постели и все вспоминал, вспоминал. Не раз встревоженная Масума-бека советовала мужу

выйти на улицу, повидаться с людьми. Но зодчий неизменно отвечал, что нечего ему там делать, не обезьянье же представление там дают, а если, мол, тебе не сидится дома, шла бы сама...

«Дочь замужем,— думал он,— ученики при деле, а за свою жизнь я достаточно настроил и медресе, и мечетей, и бань, и водоемов. И долгов у меня ни перед кем нет. Повидал я в жизни всякое — и хорошее и дурное. Кому какое дело — буду ли я лежать у себя в доме или бродить по улицам». Порою он сердился на жену и ворчал: всем был нужен, когда деньги зарабатывал, а теперь он никчемный старик. Так пусть снесут его на кладбище и бросят в яму, раз он уж никому не нужен.

Тогда Масума-бека принималась плакать и, забыв свою недавнюю досаду, всячески старалась успокоить мужа:

— Нехорошо говорите, отец, я ведь и живу только вами. Кому я нужна без вас. Вот вы сидите без толку, а ведь вас почитает вся Бухара. И в Самарканде, и в Ташкенте, и в Шахрисябзе нет человека, которому не было бы знакомо ваше имя. При одном упоминании о зодчем Наджмеддине Бухари люди готовы ставить угощения даже для вашей тени.

Тут зодчий смягчился, вздыхал и говорил жене:

— А не пройтись ли мне и впрямь по городу? На обратном пути, кстати, и насвай куплю.

— Вот и хорошо,— оживлялась Масума-бека,— людей повидаете, с кем-нибудь поговорите. А я здесь вытряхну одеяла да подмету.

Зодчий надевал на босу ногу кавуши и шел на улицу.

А в иные дни и пуховые подушки казались ему жесткими точно каменья. Он вздыхал, выходил во двор и часами глядел на муравьев, ползающих меж кирпичами или просто по земле. В такие минуты он говорил жене:

— Осталось мне лишь одно — любоваться муравьиной жизнью да потирать свои затекшие ноги. Прибрал бы меня господь, освободил бы от мук мирских.

Масума-бека пугалась и укоряла мужа:

— Господь сам знает, кого призвать к себе. Не грешите, не навлекайте на себя его гнев.

И в один из таких безрадостных дней в дом зодчего Наджмеддина явились гости — Исмаил ибн-Тахир Исфагани со своим учеником. Чернобородому, высокому,

Исфгани было лет пятьдесят пять, он славился своим привлекательным нравом, ученостью и добротой.

— Мир вам, уважаемый господин зодчий,— начал он, входя во двор и протягивая зодчему подарки. Он вел себя так радушно, так сердечно, словно зодчий был его старым другом, с которым он просто давно не виделся. А между тем зодчий встретил его всего второй раз в жизни.— Как ваше здоровье?— рокотал Исфгани.— Что-то вас нигде не видно, или вам не нравится климат Бухары?

— Да нет, климат тут ни при чем. Просто болен я.

Масума-бека расстелила дастархан, ученик Исфгани, молоденький юноша, проворно принес чай из кухни и разлил в пиалы. А Исфгани, наслышанный о том, что зодчий не любит излишних церемоний, сразу же приступил к делу.

— Я пришел к вам, господин зодчий, потому, что мне известно намерение его высочества Мирзы Улугбека построить в Бухаре медресе. В этом благородном деле я могу считать себя лишь вашим учеником. Ведь вы знаете, что со времен монголов в нашем городе вообще не строили больших зданий, а тем более медресе. В тот день, прослышав, что вы будете у его высочества, я первый пришел в цитадель. И представьте, не господин тархан, а сам Мирза Улугбек позвал меня к себе. И сообщил мне, что вы прибыли из Герата в плохом состоянии, что у вас тяжкое горе, и велел тархану и Ходже Мухаммаду Порсо делать все, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить ваши страдания. Он сказал, что надеется на то, что вы возглавите строительство медресе в Бухаре и Самарканде. В тот день вы, господин зодчий, еще не ведали об этих его словах...— Все это Исфгани произнес одним духом, волнуясь, а зодчий спокойно слушал его.

— Я не верю словам правителей,— вдруг проговорил он, глядя на Исфгани.— Все это ложь и обман. Скажите мне, господин Исфгани, откуда вы сами родом?

— Из Бухары. Я родился здесь. И отец мой, Тахир Ходжа, бухарец, а дед из Исфгана.

— Так, так,— зодчий пристально поглядел на гостя.— Вы хотите, чтобы мы с вами вместе строили медресе. Его высочество Мирза Улугбек сказал мне об этом. А знаете ли вы, что я стар и не могу уже создавать нечто прекрасное. И, работая вместе со мною, вы только про-

играете. Начинайте без меня. Самостоятельно! А я поклялся, что не заложу для государей ни одного кирпича. Вот все, что я могу сказать вам.

— Но ведь мы, господин зодчий, будем класть кирпичи не для государей, а для народа, для граждан Бухары!

— Да вы говорите такие слова, за которые могут за просто голову отсечь,— увидился зодчий.

— Я, уважаемый зодчий, всю свою жизнь строю для народа. Государи — это лишь, так сказать, повод. К тому же его высочество Улугбек не просто правитель, он ученый, астроном и за такие слова не позарится на мою голову. Более того, Мирза Улугбек печется о развитии науки, о том, чтобы дети бухарцев учились в медресе. Если бы Мирза Улугбек был только государем, он не простил бы вам упоминания о трагедии в христианском квартале. А он, как вы изволили и сами заметить, глубоко задумался над вашими словами.

Зодчий молча глядел на Исфагани. Наконец он сказал, чтобы Исфагани не торопил его с ответом, так как он пока еще болен, и просил дать ему недельку на размышление. Исмаил Исфагани остался доволен беседой, пожелал зодчему здоровья и тут же откланялся.

О посещении Исфагани в тот же вечер узнали Заврак и Зульфикар. В один голос оба советовали зодчему принять предложение.

— Видно, вам очень хочется, чтобы я был при деле, не так ли?— улыбнулся зодчий.

— Не совсем так,— ответил Зульфикар.— Ведь уже сто лет в Бухаре ничего не строят. А те здания, что были здесь, как вам известно, монголы обратили в руины. Но время монголов давно прошло и теперь, коль правители решили строить здания для граждан Бухары, кто не откликнется на их зов?

— Верно, даже те немногие здания, что уцелили, разрушает ныне трава кавар¹. И никому до этого нет дела.

— А что скажете вы, господин Нишапури?— спросил зодчий, взглянув на Заврака.

¹ *Кавар* — трава, губительно действующая на исторические памятники. Она известна в Европе под названием Каперса Спиннозы (Прим. ред.).

По опыту Заврак знал, что такой взгляд старика не сулит ничего доброго, но он смело посмотрел прямо в лицо учителю:

— Думаю, что Зульфикар прав. Мое мнение совпадает с его.

— Что ж,— заключил зодчий,— я рад, что вы так смело говорите об этом, но, дорогие мои, дайте мне подумать.

А это означало, что сердце упрямого старика все же дрогнуло и что он готов пойти на уступку.

Оставшись вдвоем с женой, хлопотавшей по дому, зодчий передал ей беседу с зятем и Завраком, сообщил, какой совет они ему дали, надеясь снова привлечь его к любимому делу.

— Ну что ты на это скажешь?— спросил он жену.

— Скажу, что ученики ваши правы,— ответила Масума-бека.— Все мы смертны в этом мире. Умрут и шахи, умрут и бедняки. Все там будем. Они причинили нам горе, убили нашего сына. Но народ... ведь народ не сделал нам зла. Так зачем же вам забирать с собою в могилу столько талантов, столько знаний? Не так просто они вам достались. И вы обязаны вернуть их людям.

— Вот уж не думал, что ты у меня такая мудрая. Видно, жизнь научила тебя уму-разуму.

— Много мнить о себе стали, старик! Один только вы умник, а все прочие глупцы и невежды. Но я рада, что вы сейчас советуетесь со мной. Хоть мы и не сильны в ваших геометриях, да зато смыслим в людях, в жизни.

— Верно, жена, ты права.

Масума-бека улыбнулась.

— Была у меня толстая тетрадь,— проговорил зодчий,— не знаешь, куда я ее дел?

— У нас много ваших тетрадей, я не знаю, какая вам нужна.

— Ну, в такой толстой обложке, я еще чертил в ней, когда мы попали в буран в Халаче. Помнишь, в Калифской степи мне представлялись контуры здания. Я зарисовал их — свод, арки, боковые башни...

— Сейчас пошу и найду,— обрадовалась Масума-бека,— а лучше принесу все ваши тетради, их там всего с десяток, выберете себе, какую нужно.

И впрямь, зодчий, пересмотрев все свои тетради, выбрал одну, ту, в которой зарисовал своды и арки, померещившиеся ему в столбах пыли, поднятой бураном. И уже на следующий день он побывал там, где работали Хасанбек и Хусанбек, побеседовал с ними. И они тоже всей душой были за то, чтобы строить медресе в Бухаре. Зодчий пробыл здесь недолго, чтобы не отвлекать мастеров от работы в доме бая, и в тот же день наведаясь к Абуталибу. Не мог же он не поделиться своими мыслями с верным гоңчаром.

И здесь, в Бухаре, Абуталиб вместе с сыном мастерил для продажи глиняную посуду. Порасспросив их сначала о делах, зодчий поделился с ними новостью. И Абуталиб, известный своей прямолинейностью, не задумываясь ответил:

— Вы обязаны сделать это для своего родного города, для Бухары.

Уста Нусрат, к которому тоже заглянул зодчий, вместе с сыном были на работе. Мать и сестры Зульфикара, поняв, что зодчий хочет поговорить с дочерью, оставили их одних.

— Отец,— сказала Бадия,— я очень, очень рада, что вы беретесь за это дело. Ведь от Улугбека мы ничего худого не видели.

— Все они одинаковы — тимуриды,— возразил зодчий.— И нечего ждать от них милости.

Бадия промолчала.

«И все же я возьмусь за это дело,— думал зодчий.— В Бухаре я родился и вырос, в Бухаре я стал человеком. Я ведь еще ничего не сделал для своего родного города. И я, конечно, в долгу перед ним... Сильные мира сего жаждали моей смерти. Ведь я отец Низамеддина и, следовательно, тоже имею отношение к хуруфитам. Но дело не только в этом: они не желают, чтобы где-либо появились здания, подобные герацким, а быть может, и еще лучше. Но им не удалось уничтожить меня. Если Мирза Улугбек поручает мне такое дело, значит, опасность миновала, он не допустит моей гибели. Я нужен ему, а значит, угроза смерти снята с моей семьи. Я могу свободно работать. И я буду работать. На предварительные наброски уйдет месяц-другой. Ведь я давно раздумываю над своим последним созданием. И пусть моя лебединая

песнь будет спета именно здесь, в Бухаре. Скажу Исмаилу Исфагани, что согласен».

Посидев недолго у дочери, зодчий отправился домой. Всю эту неделю он сидел над проектом, раздумывал, набрасывал, зачеркивал и вновь чертил. На широком низеньком столике вновь появились линейки и карандаши, циркули и угольники и длинные тростниковые перья всех размеров. Тут же рядом неизменно лежали книги Туси и Пифагора, стопки китайской бумаги. Не желая мешать и отвлекать зодчего, Заврак редко появлялся в доме, он ждал, когда учитель его позовет. Масумабека, приготовив ему еду и быстро прибрал в доме, уходила к соседкам, совала ребятишкам леденцы и сласти, чтобы они не слишком шумели под окнами, либо уводила их прогуляться на соседние улицы. Она знала, как нужна была сейчас ее мужу тишина, что он терпеть не мог шума и гама, крика и гомона.

Прошло несколько недель, и зодчий пожелал видеть своих учеников. Как-то вечером Заврак сбегал за Зульфикаром, и до полуночи из комнаты слышались громкие голоса.

Порою зодчий до рассвета просиживал над своими бумагами.

Масумабека беспокоилась о его здоровье, но она и ученики знали, что коль скоро старик углублен в работу, все равно ничем его не отвлечешь.

В иные дни он даже в мечеть не ходил и забывал о литничной молитве. Жена твердила, что старик опять заболит.

Прошла еще долгая неделя, и Исмаил Исфагани, не дождавшись зова зодчего, явился к нему сам. Зодчий встретил его широкой улыбкой, не поднимаясь, правда, из-за низенького столика на террасе, заваленного чертежами и бумагой. На отдельных листах, на обрывках бумаги гость разглядел эскизы порталов, сводов, башен.

— Ну, берете меня в помощники?— радостно засмеялся Исфагани.

— Беру.— Зодчий пригласил Исфагани на террасу.— Я тут набросал кое-что. В предыдущий ваш приход вы все же сумели заронить искру в мое старое сердце.

— Вот и прекрасно, зодчий. Значит, недаром мне привиделся сегодня ночью хороший сон. Я так и знал, что все будет славно, не зря ведь говорят люди, мужской сон всегда сбывается, а женский никогда. Я бесконечно рад, что вы наконец решились.

— Ну-ка гляньте сюда,— сказал зодчий.— Мне видится медресе Улугбека непохожее на другие. Оно должно быть достойно имени великого ученого-астронома, именно ученого и астронома,— добавил он.— Оно должно быть прекраснее и величественнее всех других зданий. Для орнамента и порталов, по моему мнению, нужно больше изразцов и желтой краски. К счастью, наш мастер по изразцам Абуталиб тоже живет здесь, в Бухаре.

— Прекрасно, зодчий, прекрасно!

— Ну, раз так, то придется подождать еще недели две, завершу свои наброски, и тогда обсудим их вместе.

Исфгани снова улыбнулся, до того он был доволен.

— И тогда вы, господин Исфгани, а также мои ученики Заврак Нишапури и Зульфикар Шаши можете мне. Нужно подготовить три или хотя бы два варианта проекта, чтобы у их высочества был выбор. Если оправдаются наши надежды, то с этими чертежами придется съездить в Самарканд. И это делаете вы, господин Исфгани. А потом возьмемся за дело.

— С огромной радостью!— воскликнул Исфгани.

— И еще я хочу предупредить вас, что я не особенно жалую людей, которые во всем и всегда соглашаются со мной. Спорьте, деритесь, ведь мы собираемся строить здание, которое простоят века,— добавил зодчий.

— Разумеется, разумеется,— пробормотал Исфгани, краснея.

Масума-бека, заметившая, как сурово разговаривает зодчий с гостем, просто зашла от обиды за него. Но конец беседы успокоил ее.

— Могу ли я готовиться к поездке на следующей неделе?— спросил Исфгани.

— Конечно, можете,— с этими словами зодчий протянул гостю пиалу чая.— Если вы не возражаете, то

неплохо было бы вместе пойти в махаллю Деггарон, осмотреть площадь около Индийского дворца. Ведь именно она отведена под строительство,

— Превосходно! — согласился Исфагани. — Но увы! Мне никак не удастся ни поспорить с вами, ни подраться.

Они оба рассмеялись.

— Что ж, пойдёмте, — предложил Исфагани.

Они вышли на улицу. Чуть позади них шел Заврак Нишапури. До сих пор он помнил, как однажды в Герате они отправились осматривать место строительства медресе Мирзо и он, Заврак, считая, что ни тетради, ни измерительные приборы не понадобятся, не прихватил их с собой, за что была ему от учителя хорошая взбучка, поэтому на сей раз он аккуратно уложил в сумку даже шнуры для измерения и повесил на плечо аршин.

Миновав узкие извилистые улочки, путники вышли на площадь у цитадели, прошли мимо Минораи Калан, Джаме-мечети и вошли в махаллю Деггарон. С возвышенности, стоя у стен Индийского дворца, они тщательно осмотрели площадь и лавки, расположенные вокруг нее. Затем обошли весь участок, предназначенный для строительства, внимательно приглядываясь к неровностям почвы.

— Если бы господин тархан назначил смотрителем работ деятельного и честного человека, мы бы значительно выиграли во времени, — обратился зодчий к Исфагани. — Он уже сейчас бы занялся делом, подобрал бы людей, да мало ли что еще нужно...

— Смотритель работ уже назначен, — отозвался Исфагани. — Он шагает рядом с вами. — И добавил с улыбкой: — Но обладает ли он перечисленными вами достоинствами, не смею утверждать точно.

Зодчий рассмеялся.

— Вот как, значит, вы возьметесь сразу за два дела?

— Ну, во-первых, вы — зодчий, вы здесь глава всему, — ответил Исфагани, — а я лишь ваш помощник. И кроме того, буду распоряжаться денежными суммами, то есть выполнять обязанности смотрителя, распорядителя работ — это уж как вам угодно. Такова личная просьба его высочества,

— Так это же просто изумительно!— воскликнул зодчий.— В Герате нас чуть не до смерти измучил смотритель работ, невежественный и низкий человек. Одно у него было на уме — нажива, а до строительства ему и дела не было, верно я говорю, Заврак Нишапури?

— Не стоит даже вспоминать, устэд, хватили мы с ним горя. Храни нас господь от такого склочника и клеветника...

Через некоторое время пришло письмо из Герата. Устэд Кавам писал, что, узнав от Гавваса Мухаммада о благополучном прибытии зодчего в Бухару, о свадьбе его дочери, был этому весьма рад. Он поздравлял зодчего с новой работой, одобрил его намерение строить медресе Улугбека, желал ему сил и здоровья, благополучия и всяческих благ.

Еще не успели отослать чертежи в Самарканд, а весть о строительстве медресе Улугбека уже дошла до Герата. Это очень удивило зодчего.

— Да нет, устэд,— объяснял Заврак Нишапури,— просто устэд Кавам понял, что двое ученых — вы и их высочество — всегда сумеют договориться. Он знал, что вы найдете общий язык, что двое таких людей всегда поймут друг друга!

— Быть может, быть может,— задумчиво протянул зодчий.— Во всяком случае, я понимаю, что поступил правильно, согласившись на предложение его высочества. Вот и господин Кавам одобряет мое решение...

— Еще бы,— подхватил Заврак,— ведь мы не террасу во дворе купца взялись строить, а медресе в Бухаре.

Зодчий промолчал. Он всегда умолкал, когда его что-то волновало или удивляло. Ученики уже знали: когда их учитель сидит вот так, будто погруженный в дрему, то он отдыхает телом и душой, нисходит на него радость и спокойствие.

Через неделю Исмаил Исфагани отправился в Самарканд с тремя вариантами проекта медресе. Первый принадлежал зодчему, второй сделали зодчий вместе с Исфагани, а третий подготовили Заврак и Зульфикар под руководством своего учителя.

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ

Исмаил Исфгани вернулся из Самарканда и, не заезжая домой, проехал прямо к зодчему. Заврак, встретивший гостя у калитки, привязал к колышку взмыленного коня и пригласил Исмаила Исфгани во двор. Калитка дома зодчего была так узка, что конь не мог в нее пройти. Зодчий вышел навстречу Исфгани и крепко пожал ему руку:

— Добро пожаловать, живы, здоровы?

— Благодарю,— ответил Исфгани.— А как поживаете вы, уstad, бодры ли? Я привез приятную весть — казна для нас открыта, его высочество приложили печать к проекту...

— Поздравляю!— взволнованно проговорил Заврак.

— Значит, можно закладывать фундамент,— сказал Исфгани.

— Да,— вздохнул зодчий.

— Взгляните-ка сюда,— Исфгани развернул бумагу и разложил ее на низеньком столике.— Вот печать Улугбека. А из трех вариантов выбран, конечно, ваш. И сам Улугбек, и с десяток зодчих, рассмотревших проекты, с первого же взгляда выбрали именно этот. Я и слова промолвить не успел, как его высочество указал на ваш вариант: «Это создал Наджмеддин Бухари. По множеству прямых линий, изобилию изразцов и майоликовых плит на порталах, сводах и куполах можно сразу же угадать руку Наджмеддина Бухари. И как это прекрасно — ничем не повторяет медресе Герата, а сохраняет особенности самаркандских строений». Они тщательно рассмотрели и другие варианты и в проекте ваших учеников одобрили строение двойных худжр, а в моем то, что ханак находится рядом с воротами. «Если господин зодчий одобрит наши пожелания и примет эти незначительные поправки, мы утверждаем проект,— сказал Улугбек.— Денег дадим, сколько потребуется». Теперь нам остается только найти побольше мастеров и дружно приняться за дело...

— Прекрасно,— промолвил зодчий,— перенесем проекты худжр и ханак в этот чертеж. Так наверняка будет лучше.— Он взглянул на Исфгани:— Ну, поезжайте

отдохните, вы проделали немалый путь! Завтра, когда снова приедете сюда, не забудьте захватить, если можно, все книги по астрономии, какие только у вас найдутся. Особенно обяжете, если найдете книги Бируни и Руми. Мне сейчас необходимо перечесть их. Во время бурана в Халаче у меня пропали эти книги, а в них есть кое-что, что нам сейчас очень и очень понадобится. В словах его высочества есть мудрость: обилие изразцов и мозаики, прямые линии — это то, о чем я много думал. И еще узоры гирих — геометрические узоры. Своды алтаря, лазуритовая мозаика орнаментированы утренними звездами.

— Мирза Улугбек улыбнулся, разглядев этот орнамент,— подтвердил Исфагани.— «Зодчий понял наш замысел»— вот его подлинные слова.

— В народе говорят, что плохой торговец доплачивает из своего кармана,— проговорил зодчий.— Так вот и вы, господин Исфагани, поездку в Самарканд оплатили из своих средств. А у меня нет ни гроша, чтобы разделить с вами расходы.

— Для доброго дела я и жизнь готов отдать,— ответил Исфагани,— так что не нужно говорить о расходах.

— Кто спорит, человек прекрасен. Ни пышные цветы из лучших садов мира, ни искрометные водопады, ни сверкающие изумруды не идут ни в какое сравнение с красотой человека. Но есть в нем наряду с бесценным сердцем и дурное — «злая кишка», как говорят люди, и «бесчувственный ноготь». Но наш долг всегда прислушиваться к голосу сердца. Сердце и разум — вот что делает человека прекрасным.

Разные слухи ходили об Исмаиле Исфагани. Немало наслушался о нем зодчий и дурного и хорошего. Он с отвращением и ужасом вспоминал Чалаби, гератского распорядителя работ, который как мог изводил зодчего, недоплачивал рабочим и мастерам, а дай ему волю, так вообще бы приспособил медресе под притон разврата. Аллах, оградил и самого зодчего и его создание — медресе от этого сквернавца. Наученный горьким опытом, Наджмеддин Бухари поначалу настроенно от-

неся и к Исмаилу Исфагани. Но, по счастью, Исфагани оказался честным и добропорядочным человеком.

«Можно достичь любой точки, которой достигает человеческий взгляд»,— говаривал астроном Улугбек, и зодчий старался вникнуть в смысл этих мудрых слов.

«На арках и порталах,— думал он,— изображу небесный свод. Стало быть, руки мои могут дотянуться до звезд. Стало быть, созданное мною будет жить и, подобно звездам, сверкать века и тысячелетия, сверкать вечно!»

Кончились дни тягостного затворничества, забыто было уныние и печаль. Мало-помалу зодчий возвращался к жизни. Мирза Улугбек и зодчий Исфагани своим теплым участием вновь зажгли в нем начавший было меркнуть огонь творчества. Как радовались его ученики, а больше всех радовалась Бадия, и она тоже воспрянула духом и стала почти такой же, как раньше,— лукавой и озорной дочкой зодчего. После трагической казни брата она чувствовала, знала, что теперь для отца — она единственная привязанность, не только любимая дочь, но и советчица и друг. Знала она и о том, что самым прославленным зодчим в Хорасане считался уstad Кавам, но понимала, что отец ее, зодчий Наджмеддин Бухари, превосходил его своим умением. А слава его не прельщала. Ведь в Хорасане он был чужаком, бухарцем, да еще после казни сына считалось, будто он связан с хуруфитами. Лишь поэтому не столь ярко сияла звезда зодчего Наджмеддина на небосклоне государства тимуридов. Бадия жалела несправедливо обойденного отца, была с ним неизменно ласкова, старалась, как могла и умела, оградить его от неприятностей и напастей. Словом, старалась делать все, что приходилось отцу по душе, и воздерживалась от всего, что было бы ему неприятно.

Бадия целый день ластилась к мужу, узнав о том, что его шашские родственники прислали в Бухару письмо, приглашая мастера Нусрата приехать погостить в Шаш¹.

¹ Во II и I веке до нашей эры Ташкент и окрестные земли вокруг него назывались Чач. В VIII веке, в период арабских завоеваний, Шаш стал крупным торговым центром с развитыми кустарными промыслами. Иранцы называли его также Биикент. Город был окружен высокими стенами, внутренняя часть называлась Рабади-

А вечером, когда они остались одни, Бадия ласково попросила его:

— Возьмите и меня тоже с собою в Шаш, ну, пожалуйста, возьмите.

— Но ведь приглашен не я, а отец,— ответил Зульфикар, нежно обнимая ее.

Бадия выскользнула из его объятий.

— Вы же поедете с ним! Попросите взять меня тоже,— протянула она таким печальным и нежным голоском, что сердце Зульфикара дрогнуло. Ну как ей отказать? Ведь так говорила она с ним еще там, в Хорасане, на празднике весны у подножия Кухисийха.

— Как скорбен и печален был наш путь из Герата в Бухару,— продолжала Бадия.— А теперь из Бухары в Шаш путь наш будет радостным и счастливым. Мне очень хочется поехать. Ведь родные мамы тоже есть в Шаше. Ах, мне просто не терпится увидеть этот древний город.

Старый дед и дядя Зульфикара приглашали родственников побывать у них. Особенно же им хотелось повидаться с уста Нусратом, в чьем доме в махалле Укчи они жили.

Масума-бека хотя и родилась в Бухаре, но ее дальние родственники жили в Шаше. Она почему-то твердо верила, что там, в махалле Шаршин, найдутся родичи и кто-нибудь из них непременно вспомнит и узнает ее. Ей давно хотелось найти кого-нибудь из них и сообщить, что она, мол, жива и здорова. А кроме того, Шаш считался одним из крупных пограничных резиденций Мирзы Улугбека на востоке и находился как раз на скрещении путей из Астрабада и Мавераннахра в знаменитые места паломничества Султанам.

Узнав о желании невестки ехать вместе с ними, уста Нусрат улыбнулся.

— В последние годы,— промолвил он,— наш родной город стал для нас слишком далеким. Мы никак не могли добраться до него — несколько раз он переходил

дадил, а внешняя часть — Рабади-харидж. В XI—XII вв. карахиды стали называть город Ташкентом. В XIII веке Хорезмшах, после него монголы, а также в 1214 году Кучлихан разрушили Ташкент. К XIV веку вновь город стал восстанавливаться и обратился в важную экономическую и стратегическую опору Тимура и тимуридов.

в руки Барака Углона, даштикипчакского хана. И вот теперь мы собрались поехать туда. И если наша любимая невестка выразила желание ехать вместе с нами к нашим родственникам, то мы можем только радоваться этому.

Услыхав речь уста Нусрата, зодчий усмехнулся: ведь говорят же, что когда выданная замуж дочь собирается навестить своих родителей, то даже венник в доме трясется от страха, как бы она и его не прихватила с собой. А уж наша Бадия... Хорошо, если она не перевезет сюда весь Шаш со всеми родственниками и знакомыми.

— И перселит,— подхватил Заврак.— Человеку, избавившему Хорасан от Караилана, перед которым годами тряслись от страха люди, ничего не стоит перевезти в Бухару целый город! Моя госпожа легко справится с этим делом.

Масума-бека расхохоталась.

Вносившая чай Бадия поняла, что разговор шел о ней, и испугалась, как бы Заврак не испортил все дело.

— Отец,— попросила она,— позвольте и мне поехать в Ташкент. А господин Нишапури — вечное препятствие на моем пути, вы же сами знаете.

— Господин Нишапури ничего дурного не сказал, наоборот, заступился за тебя,— улыбнулся зодчий.

— Моя госпожа вечно ищет во мне дурное,— покраснел Заврак.— А здесь ведь не Герат, а Бухара. Хорасан, где вы, моя госпожа, могли нарядиться юношей и скакать на коне куда угодно, остался далеко-далеко.

Бадия хотела ответить ему, да постеснялась свекра. И все же вполголоса бросила Завраку:

— А мне разрешили поехать. И вообще мы с Зульфикаром теперь люди самостоятельные. Вот выдаст вас мой отец замуж, вы тоже получите самостоятельность, господин Нишапури.

Все рассмеялись. Завраку ничего не оставалось, как присоединиться к общему веселью.

— О достоинстве шашских жителей еще Фирдоуси сказал: «Шашский стрелок из своего лука попадает прямо в глаз оленя». Это поистине великий город,— заметил зодчий, желая перевести разговор на другую тему.

Через неделю Бадия и Зульфикар, вместе с большим караваном, отправились в Шаш. Пробыли они там два месяца и уже к осени вернулись в Бухару. А вместе с ними приехали погостить и трое дядьев, и Каракыз — дочь старшего дяди уста Кудрата, прелестная смуглая девушка уже на выданье, которая успела от души привязаться к Бадие. Дядья, целых двадцать лет не выдавшие уста Нусрата, волновались и радовались, всячески расхваливали Бадию, привезшую их сюда.

Не прошло и недели, как Заврак, встретив Бадию, которая пришла проведать отца, отвел ее в сторону и, забыв на сей раз свои шуточки, принялся расспрашивать о Каракыз.

— Ого, господин Нишапури, что я слышу?— расхохоталась Бадия.— Оказывается, и камень тоже может издавать звуки. Не вы ли говорили, что женитесь только в своем родном городе Нишапуре. Что одни только си-неокне нишапурские девушки умницы и красавицы. А черноглазые тюркские, вроде меня, просто глупышки? Каракыз с младшим дядей скоро возвращается в Ташкент. Там ее замуж выдадут.

— Ну что вы так расшебетались, госпожа,— улыбнулся Заврак.— Я хотел поговорить с вами, как с родной сестрой, а вы... Я и вправду женюсь в Нишапуре. Здесь я чужак, бесприютный странник. Всю свою любовь и преданность я отдал своему учителю. Зачем же мне жениться? К тому же у мужчины, который собирается жениться, хоть что-нибудь должно быть за душой. А у меня, кроме старой куртки, ничего нет. Господь обрек меня на бедность и одиночество. Ну ничего, проживу на этом свете и так. Авось в раю меня удостоит своим вниманием прелестная перн или гурня.

— Ах вы плут,— расхохоталась Бадия.— Известный плут Нишапури! Если вы пожелаете жениться, неужто отец будет ставить вам препятствия? Но ведь вы и сами до сих пор не проявляли ни малейшей охоты обзавестись семьей. Так что я впервые слышу стон вашей души.

— Не проявлял охоты! Охота у меня есть. Но что поделаешь? Сколько лет я страдал, вздыхал, а вы так и не вышли за меня замуж! Хоть вроде я не хуже других...

— Эй, Нишапури, не лукавьте со мной!

— Да я и не лукавлю, я говорю то, что есть. Я ведь обделен судьбой. Как же, выйдете вы замуж за одноглазого! Никому я не нужен, кроме своего учителя. И как собака подохну вот на этом пороге.

— Господи, да разве дело в красоте?

— Господь как раз и обделил меня тем, что нравятся девушкам,— красотой, отнял у меня счастье. И удел мой — страдания. Ну кто за меня пойдет? А эта ташкентская хоть и черная изюминка, а очень бы подошла мне...

— Во все она не черная изюминка, а черная жемчужинка,— возразила Бадия.— Во всей Бухаре нет девушки лучше. А уж как умна, какая озорница,— уже серьезно проговорила Бадия.— В общем, условимся так, Я поговорю с мамой, пусть отец просит ее за вас. Попробуем удачи!

Бадия степенно вышла со двора, а Заврак глядел и глядел ей вслед, словно все его надежды, вся его жизнь зависела теперь от нее одной.

Глава ХLI

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

В тот год в Бухаре выпало мало дождей, да и осень выдалась сухая. А уже в середине месяца акраб¹ ударил лютый мороз. Мелкий снег, выпавший в ночь на пятницу, к утру покрыл колючими снежинками все крыши, серебристым покровом устлал обочины дорог. Резкий пронизывающий ветер без помех разгуливал по узким извилистым улочкам. Кое-как одетые, бесприютные бедняки укрывались под крышами базарных рядов и под сводами. Старики, обычно греющиеся на солнышке у калиток, дети, играющие на улицах, сидели сейчас у сандалов в домах. Базары обезлюдели, без необходимости никто не решался выходить из дома. Мороз загнал под крыши и учащихся медресе, и странников, заполняющих караван-сарай. Многие в Бухаре не пережили этот холодный месяц. Еле теплящаяся жизнь стариков отлета-

¹ *Акраб* — название восьмого месяца солнечного года, соответствующего периоду с 22 октября по 24 ноября.

ла, словно осенние листья с ветвей. То там, то здесь на узеньких улочках можно было видеть стоящих у калиток, подпоясанных платками людей, встречающих, по обычаю, тех, кто пришел проститься или помянуть усопшего. В народе говорили, что этот год — год змеи и поэтому умирает столько людей. Об этом же пели и странствующие дервиши — каландары в своих псалмах-песнопениях о дне Страшного суда. И в суфийских радениях также упоминалось о годе змеи — страшном, черном годе. Один лишь Минораи Калан — память о могуществе караханидов — непоколебимо вздымал в небеса свои купола в самом сердце Бухары. Ему не страшен был ни зменный год, ни злые морозы. Горделиво и величаво возвышался он над городом, словно призывая бухарцев следовать его примеру и не сдаваться.

В один из таких холодных дней зодчий, вместе с двумя своими учениками, измерял площадь у Индийского дворца, где были вбиты колышки для строительства. По совету мастеров и господина Исфагани для нового медресе выбрали место неподалеку от махалли Деггарон, и строители, страстно любившие свой город, высказывали желание, чтобы новое медресе гармонировало с цитаделью, Минораи Калан и Джаме-мечетью. После долгих совещаний и споров наконец решено было расположить новое здание так, чтобы фасад его был обращен к солнцу, и тогда ветер с западной стороны будет его продувать. Уже в который раз зодчий измерял и прикидывал расположение здания, взбирался на соседние крыши домов, зорко всматривался в порталы и ворота Минораи Калан и цитадели. Тут же на крыше находились его измерительные приборы и линейки с нанесенными цифрами. Зодчий тщательно выверял все свои расчеты. А сойдя вниз, осматривал каменные глыбы, которые вот уже целую неделю возили с Карнабских гор на арбах, и строго приказывал Завраку и Зульфикару, чтобы глыбы эти не складывали в кучу, а выстраивали в ряд — неподалеку от будущего фундамента.

Хотя он был тепло одет, его била дрожь. Он не замечал, что у учеников посинели уши и носы. А уж напоминания Заврака о теплом сандале и вовсе пропускал мимо ушей.

Была пятница. Люди, как и положено, отдыхали от трудов праведных, навещали больных и родственников,

только один упрямый старик все гонял своих учеников по площади в махалле Деггарон и сам всюду поспевал за ними, не замечая мороза. Не замечал он и недоуменных взглядов прохожих, не видел, как Заврак и Зульфикар пританцовывают от холода на месте. Все его мысли были заняты сейчас только фундаментом здания, который должны были начать закладывать не сегодня-завтра.

— Интересно бы узнать, сколько раз вы намерены жить на этом свете?— ворчала утрами Масума-бека, видя, как зодчий, торопливо одевшись и вооружившись своими инструментами, направляется к калитке.— Сегодня же пятница, старики молятся, сидят дома да поминуют бога!

— Ах ты господи,— отвечал зодчий,— ну почему у тебя вечно язык чешется?

— Да постройте вы свое медресе, постройте, никуда оно не денется. Осыплют вас золотом с ног до головы... Что же теперь, и правды сказать нельзя? Ну что я буду делать, если вы свалитесь где-нибудь на улице в эдакий мороз?

— Ты, видно, хочешь сказать, что я подохну на улице как собака? Забываешь, что строю я не для того, чтобы меня осыпали золотом. Глупая женщина, вот ты кто! Ты же прекрасно знаешь, что не из корысти я хлопочу, не ради богатства. О всемогущий! Зачем ты дал женщине язык? Ну зачем господь обделил женщин умом?

— Делайте как знаете,— обиделась Масума-бека.— Разве вам втолкуешь. Вы ведь и Платон и Аристотель. Все науки превзошли. Даже его святейшество Ходжа Мухаммад Порсо не хлопочет так.

— Ну и ладно. Если бы ты не настрадалась так за последнее время, дал бы я сейчас тебе черенком вот этого топорика по голове...

— Ну и идите и делайте что вам угодно,— окончательно рассердилась Масума-бека. Зря старик злится, она же желает ему добра. Не дай бог, снова прицепится к нему кабус. Ведь так легко в этот лютый мороз простудиться и заболеть, а чего ради? Вот так же, не щадя себя, трудился он и в Герате. И что же? Кто это оценил?

Масума-бека, как умела, старалась, оградить своего старика от беды, но, наткнувшись на такое упрямство, в конце концов улыбнулась и скрылась в доме. А зодчий нерешительно потоптался у калитки. Не пойти ли ему

вслед за женой, не объяснить ли, для чего он хлопочёт и беспокоится?

«Все равно не поймет,— решил он,— бесполезно и втолковывать». Он махнул рукой и вышел на улицу. Ведь в махалле Деггарон его ждали ученики. По дороге вспомнились слова жены: «Сколько раз вы намерены жить на этом свете?»

«Трижды! Поняла? Трижды! Построю вот это медресе — и это будет моя вторая жизнь. А после я вновь и вновь буду возрождаться. А ты как была так и останешься глупой женщиной». Со следующего дня начались страшные морозы. Старожили не могли припомнить точно — тридцать или более лет назад бывали такие, когда птицы замерзали на лету. Редко когда в Бухаре случались такие зимы. Люди сидели у себя дома, а Зульфикар, у которого до боли леденели ноги, вспомнил, как несколько лет назад в Герате зодчий запер его на всю ночь в подвале, где пол был полит водой. Вспомнил, и ему сразу стало теплее. Он уже не чувствовал холода и бодро следовал за своим учителем. Но сам зодчий, шагавший по открытой, заснеженной площадке, то и дело снимал с головы шапку, почесывал шею и вытаскивал из-за уха тростниковое перо. Зульфикар попросил его не снимать шапку на морозе, но зодчий небрежно бросил: «Да, да, верно...» — и снова снимал. Зульфикар беспокоился о нем, вспомнив, как Амир Тимур простудил голову в Даштикипчакской степи и умер. Но вот наконец они пришли во временно нанятое помещение, где их уже ждали мастера. Один из мастеров-бухарцев сказал, что не плохо было бы отложить начало работ до весны. Земля, мол, вся промерзла. Как же в таких условиях делать раствор ганча и кира? Зодчий ничего не ответил, а лишь с минуту задумчиво глядел на мастера. Заврак, испугавшись, как бы зодчий не вспылит и не наговорит лишнего, поспешил вмешаться в разговор.

— Земля промерзла всего на четыре пальца, — сказал он, — а там дальше она мягкая. А кроме того, господин распорядитель работ сообщил, что в Самарканде определили сроки начала и завершения строительства и просили господина зодчего поторопиться. Не нам сдаваться перед морозом, лучше сделаем все, что решил господин зодчий. Глаз — пуглив, рука — отважна!

В Бухаре Зульфикар и Заврак получили звание са-

Мостоятельных мастеров — «уста». Теперь они имели право заводить собственное дело. Звание это они получили с согласия и одобрения зодчего, уста Нусрата и Исмаила Исфагани. Но ни Заврак, ни Зулфикар не собирались покидать своего учителя и решили остаться его учениками.

После прибытия в Бухару Заврак стал прибавлять к имени зодчего титул «хазрат», что означало «светлость». Будь это в его власти, он дал бы своему учителю еще более высокий титул. Своим друзьям он доверительно сообщил, что титул «ваша светлость» никак не пристал царевичам или Ходже Мухаммаду Порсо, а подходит только их зодчему — достойнейшему из людей...

Итак, зодчий продолжал совещаться с мастерами, давал пояснения, разложив чертежи на низком столике.

Утром следующего дня начали копать землю под фундамент. Все делалось по чертежам Наджмеддина Бухари. Более трехсот рабочих — все крепкие, здоровые молодые люди — копали землю. Ими руководили мастера. Земляные работы разделили на одиннадцать участков, и одиннадцать мастеров работали со своими людьми. Зодчий и распорядитель работ стояли на досках, брошенных на землю, там, где рыли фундамент под фасад ворот и боковых башен. Рядом раскалывали глыбы, доставляемые на арбах, а чуть подалее осторожно, чтобы не побить, сгружали с арб плоские квадратные кирпичи и аккуратно укладывали их на ровной площадке. У всех, кроме зодчего и распорядителя работ, были заняты руки. Люди уже знали о том, что зодчий не терпит бездельников, трудились не щадя сил. И делали они это не потому, что боялись потерять работу, а потому, что уважали этого взыскательного, умевшего привлекать к себе людей старика. Наемные рабочие, прибывавшие отовсюду, с уважением внимали каждому слову прославленного мастера и, наслышавшись о его таланте, учености и доброте, величали его не иначе как «вашей светлостью Наджмеддином Бухари».

Вечером, простившись с Исмаилом Исфагани, уста Нусратом и Зулфикаром, зодчий, в сопровождении Заврака, отправился домой. Всю дорогу думал он о словах мастера, предложившего отложить начало работ до весны. Заврак, уже давно знавший о том, что зодчий бывает молчалив и немногословен после трудового дня, не

удивлялся тому, что уstad по дороге не проронил ни слова. Так бывало всегда. А на самом деле сейчас зодчий в душе горячо спорил сам с собой. «Не лучше ли и впрямь отложить до весны? Может, и лучше. Для вас лучше! Но для меня нет. Для меня приходит весна, когда я работаю, и эту весну я сам создаю себе. А та весна, что еще будет, пусть она ждет меня».

По всей Бухаре началось строительство, но самым большим и величественным зданием должно было стать медресе Улугбека. По просьбе зодчего в работе приняли участие и Хасанбек с Хусанбеком и мастер Абуталиб. Рядом с зодчим неизменно находились Зульфикар, Заврак и Исмаил Исфагани.

Объяснив, чем новое медресе будет отличаться от всех прочих построенных им зданий, зодчий попросил Абуталиба и его сына начать обжиг майоликовых плит.

Были вызваны из Касана уста Абид и уста Худайберган, строившие вместе с зодчим водоем в степи. Узнав о строительстве медресе Улугбека, из Карши прибыл и плотник Абдулазиз Намангани. А мастера из Ташкента Кудрат, Исмаи и Хикмат, которых пригласили Бадия и Зульфикар, тоже работали вместе со всеми. В десяти хумданах на окраине города обжигались кирпичи. Из Уба и Карнаба везли песок и камни. Лучших каменотесов, резчиков и мастеров по ганчу привлек Исмаил Исфагани к работе на строительстве медресе. Здесь и платили больше, чем на других стройках. А наемные рабочие — мардикеры все шли и шли отовсюду.

Когда фундамент был заложен и началась кладка кирпичей, из Герата приехал Гаввас Мухаммад. Услышав о грандиозном строительстве, он не мог усидеть в родном городе и снова, набив свой неизменный мешочек золотом, отправился в Бухару. Всю дорогу перед его взором стоял гордый образ зодчего Наджмеддина. «Неужто вы поверили тому, что я превратился в болтливого и никчемного старца? — казалось, вопрошал он Гавваса. — Настоящее медресе я построю только теперь».

Зодчий тепло встретил Гавваса и тут же принял его на работу.

— И я, и Масума-бека знали, что вам не усидеть в Герате, что, узнав о строительстве, вы поспешите сюда. Вы проделали долгий путь, чтобы быть рядом с нами.

И я благодарен вам за это,— сказал зодчий, обнимая Гавваса.

Гаввас Мухаммад рассказал последние гератские новости: разбитый параличом Ахмад Чалаби переехал на окраину города. Кроме всего прочего, он заразился поганой болезнью: глаза, губы, нос покрылись язвами и люди, знакомые и незнакомые, пугливо шарахались от него. А недавно он, по слухам, умер...

Так постепенно в Бухаре, вокруг зодчего, собрались все его старые друзья — гератские, ташкентские, самаркандские.

— Рассыпанные жемчужины собраны воедино,— заявила как-то Бадия.

Той же зимой пришел в Бухару караван из Хорасана. И вместе с караваном присхал Харунбек. Прослышав о том, что зодчий Наджмеддин снова строит, он и его друзья Талаба, Фармон-каль и Али-водонос, прибывшие вместе с ним, были счастливы, что могут потрудиться на строительстве. Во время пребывания в Бухаре они, словно заправские мардикеры, трудились на стройке, выражая тем свою преданность зодчему. Пусть старик почувствует, что у него есть настоящие верные друзья. Но, кроме членов семьи зодчего, их никто не знал, да и не должен был знать.

— Вы — наша надежная опора,— сказал как-то Харунбек зодчему, оставшись с ним наедине.— И хотя вы не держите обнаженного меча, вы — с нами. И мы гордимся всем, что вы делаете для людей, для народа. До вас, очевидно, не дошел слух о том, что Фазлуллах Астрабади и Саид Имамиддин казнены. Мир-Касым Анвар сослан. Не легко приходится нам. Но мы знаем, что вы — верный наш друг, а друзья должны встречаться. Вот мы, прибыв в Бухару по делу, решили повидать и вас, порадоваться вашему благополучию, убедиться в том, что вы здоровы, что вы в безопасности, и, наконец, почерпнуть вдохновение в ваших великолепных трудах. Мы любим свой народ, и мы вернемся в Хорасан — продолжать свое дело, свою борьбу.

Зодчий был растроган до слез.

— Я счастлив, что повидал вас,— сказал он,— вы и впрямь мне близкие и родные люди. Я молю бога о вашем благополучии, как молил бы его о благополучии родного сына.

Вскоре после того, как зодчий расстался с Харунбеком и его друзьями, пришла страшная весть о том, что многие хуруфиты схвачены и казнены. Среди них Харунбек, Абдулрашидхан Хирави, носивший кличку Талаба, хуруфиты, известные под кличками Сарканда, Итиком, Кульмухаммадхан, Аллабердихан, а также Али-водонос, Фармон-каль и Парфи-сутак. Целую неделю глашатаи оповещали жителей Герата о том, что Харун-ткач, поднявший мятеж в Маймане, казнен вместе со своими приспешниками. Все эти печальные новости зодчий узнал из письма отца Гавваса Мухаммада. Он снова пал духом, ходил угрюмый и все молился о душах своих верных друзей.

Весною в Бухару прибыл зодчий Кавам вместе с сыном, прослышав, что Наджмеддин Бухари строит необычное и великолепное здание медресе. Полный месяц уstad Кавам гостил у Наджмеддина Бухари, а затем отправился дальше, в Самарканд. Увидев восочно строящееся здание медресе и ознакомившись хорошенько с чертежами, он пришел в восторг и был окончательно покорен. А он-то считал, что после казни сына Наджмеддин Бухари окончательно падет духом, удалится от дел, утратит интерес к жизни. И теперь, увидев перед собою деятельного, увлеченного своей работой человека, уstad Кавам не только удивлялся, но и радовался за старого своего друга, восхищался неудержимым полетом его фантазии. Он просил у бога дать ему здоровья и сил. Один лишь Худододбек ходил мрачнее тучи. Он недавно вступил в брак с дочерью одного влиятельного вельможи, но, увидев, как счастливы Бадия и Зульфикар, люто завидовал им, хотя еще в Герате решил похвастаться перед Бадией своей удачной женитьбой. Он торопил отца с отъездом в Самарканд, твердил, что Бухара, мол, ему не по душе.

А летом гостями зодчего были Ходжа Юсуф Андугани и Джафар Табризи. Вдоволь налюбовавшись строительством нового медресе, они также отбыли в Самарканд.

Работа кипела, кирпичные стены поднимались все выше и выше. Теперь никто бы не узнал зодчего, даже сам он не вспоминал о тех днях, когда жил затворником в маленьком своем домике, охал да стонал с утра до вечера, не хотел никого видеть. Сейчас он успевал по-

всюду — и туда, где делался раствор ганча, и туда, где шла кладка кирпичей. Появлялся он среди арбакешей, сгружающих камни и кирпичи, и среди плотников. Умно и умело зодчий руководил строительством, вникал во все мелочи, умел вовремя дать совет, подбодрить уставших. На глазах у людей создавалось новое прекрасное медресе, и не удивительно, что каждый трудился с подъемом, а всех словно бы подхватило вдохновение.

Никогда еще зодчий не вкладывал в свою работу столько энтузиазма, чем удивлял даже своих близких. Он заражал всех своей энергией, и люди чувствовали, что участвуют в нужном и благородном деле.

Нередко Бадия, приготовив еду, бежала на стройку, чтобы накормить отца, свекра и мужа. Появление молодой красивой и стройной женщины среди такого многолюдного мужского общества кое-кому казалось верхом неприличия — ведь в Бухаре царили иные нравы.

В Герате женщина пользовалась большей свободой, и, когда там Бадия заходила на стройку, никто не обращал на это особого внимания. Зульфикар старался втолковать матери и сестрам, что гератские женщины привыкли не таясь ходить по улицам, что они не прячут лица и что со временем все образуется: Бадия привыкнет к бухарским обычаям. А пока что она ходила к медресе открыто, не прячась, при всех задавала отцу множество вопросов, радовалась, что на главных арках будут сиять звезды из майоликовых плит и что по желанию Улугбека в медресе будут учиться не только юноши, но и девушки.

Слава, вновь окружившая ее отца, возвращала Бадие ее прежние привычки. Она не слишком-то прислушивалась к советам свекрови и сестер Зульфикара, а на их удивленные возгласы отвечала, что во время нападения монголов на Самарканд среди воинов, защищавших город, было много женщин, бившихся с врагом бок о бок с мужчинами, что Сараймулькханым и Гаухаршодбегим управляли государством — так отчего же она не может отнести еду родному отцу, хоть чем-то ему помочь? Ведь бывала же она и прежде на всех его стройках. Родные Зульфикара молчали, но жили в постоянной тревоге и молили бога, чтобы Бадия поскорее поняла разницу между Бухарой и Гератом и сделалась, как и полагается женщине, настоящей домоседкой.

А тем временем в махалле Деггарон в самом сердце города, неподалеку от Минораи Калан, все выше поднималось здание нового медресе неповторимой красоты. Зодчий словно бы уже видел украшенные порталы, майоликовую облицовку и лазуритовые украшения.

В самый разгар работ состоялась помолвка Заврака с Каракыз — тут уж постарались и зодчий и уста Нусрат, и в самое ближайшее время должны были, не откладывая, сыграть свадьбу. Больше всех радовалась Бадия — наконец-то Заврак, которого она любила, как родного брата, найдет свое счастье,

Глава XLII

МЕСТЬ ЗМЕИ

Недаром говорится, что змея мстит человеку за убийство своего сородича.

Как-то в четверг к полдню Бадия напекла тонких лепешек с маслом и заторопилась на стройку. Когда она свернула на одну из узких улочек, ее остановил какой-то придурковатый с виду мальчишка и сказал, что Зульфикар ждет ее вон в том дворе, и указал на ближайшую калитку. Бадия удивленно поглядела на мальчика, но, услышав имя Зульфикара, все же подошла к калитке. И тут чьи-то сильные руки зажали ей рот и втащили во двор. Блюдо полетело на землю, лепешки рассыпались в темном проходе. Охваченная ужасом Бадия успела разглядеть какого-то незнакомого человека и его страшное уродливое лицо. Человек втащил Бадию в дом, закрыл на замок дверь комнаты и выхватил из-за голенища нож. Бадия невольно попятилась к двери. Мелькнула мысль, что дверь, очевидно, выходит во двор. Но она тут же сообразила, что вокруг нее глухие стены и лишь узенькое отверстие заменяет окно.

— Попалась? — прохрипел незнакомец, поигрывая ножом и подпирая спиной дверь. — Не узнала? А я ох как давно охочусь за тобой. Сколько денег просадил, чтобы добраться сюда. Еще там, в Герате, у горы Кухисиёх, я хотел было увезти тебя, да мой дружок все дело испортил. Ты его убила. Второй раз я собирался

похитить тебя в песках, да тут мне помешали охотники. Теперь я здесь, в Бухаре. Жаль, твой отец поторопился выдать тебя замуж. Я люблю тебя давно, тебе еще и тринадцати не было, когда ты мне приглянулась. Пленила меня своей красотой, голосом, озорством. А у меня, бедняка, ни богатства, ни денег, я ведь сын гератского банщика. Да что уж теперь! Попалась, так будешь моей, хоть на день, да моей. Поутешись меня. Сколько раз я из-за тебя был на волосок от смерти. А ну, иди-ка сюда!

— Не подходи!— крикнула Бадия и, словно дикая кошка, приготовилась к прыжку.

— Ты что, не в своем, что ли, уме? Или ничего не поняла?

Бадия молчала, широко открытыми глазами глядя на своего палача.

— Тебя здесь все равно никто не услышит, кричи не кричи.

— Подлец!

— Мсли, мели языком сколько угодно.

— Можешь убить меня!..

— Лучше соглашайся по-хорошему. Все равно я получу все, что мне надо, а имя твое будет опозорено, ты не сможешь жить на свете. А отец твой умрет от такого удара. Будет покончено и с дурацким медресе, которое затеял строить этот безбожник Улугбек. Люди разбегутся, хумданы для кирпичей остынут... Лучше добром соглашайся.

— Сгинь, мерзавец!

— Советую подумать хорошенько.

Незнакомец вышел, собрал валявшиеся под ногами лепешки на поднос и кинул к ногам Бадии. Затем запер дверь и ушел.

«Что произошло?— в отчаянии думала Бадия.— Мне поставили капкан, и я, как несмышленная, попала в него. В тот раз, в крепости мне помог кинжал. У горы Кухисиёх тоже меня выручил верный кинжал. А теперь его нет. Если этот негодяй убьет меня, что будет с Зульфикаром? С отцом? Неужели этого гада послал Ахмад Чалаби? Он ведь и об Улугбеке сказал, безбожник? Значит, это наш враг. Они что-то затевают. А ведь мне, глупой, советовали не ходить одной, твердили, здесь, мол, не Герат. Что же я натворила?»

Бадия оглядела комнату, кирпичные толстые стены. Через маленькое отверстие в стене выглянула во двор. Ни души. А дверь крепкая, прочно сбита из широких досок.

Подергав замок, Бадия снова обошла комнату, ища хоть что-нибудь, что могло бы послужить ей защитой. Но, кроме циновки и войлока, в комнате не было ровно ничего. Она провела ладонью по стенам — точно гранитные. Нет у нее и кинжала, который она носила за подкладкой безрукавки. Ни ее мальчишеских нарядов, ни кинжала, с которым она прежде не расставалась, Зульфикар не одобрял. А ей не хотелось огорчать мужа... Охваченная ужасом Бадия еще раз обошла свою сырую темницу, с силой надавливая на каждый кирпич. Потом наскребла под войлоком горсть земли и сложила в угол. Снова подошла к отверстию в стене и ощупала его вокруг. Стерев в кровь кончики пальцев, обломав все ногти, она с неестественной силой выломала кусок кирпича рядом с оконцем. Она ждала, что вот-вот появится ее палач с ножом... Она неожиданно ударит его в висок.

Дверь скрипнула, и незнакомец, держа нож, снова вошел в комнату. Бадия отвела руку с кирпичом за спину.

— Ну, надумала? Решайся, и через часок я тебя выпущу.

Бадия молчала.

— Ну, хватит, поди сюда. Ничего с тобой не случится, не маленькая. Смирись с судьбой. Ведь и я пришел в этот мир не без надежд на счастье. Сколько я гонялся за тобой, сколько мук принял, должна же быть и награда. Сделай меня на миг владыкой мира, Бадия!

— Не подходи!

— Ах, так? Ну и подыхай здесь!— Он снова запер дверь и вышел.

Зульфикар клал кирпичи и то и дело поглядывал на улицу. Он знал, что Бадия вот-вот должна принести лепешки, она еще с утра обещала их испечь. Он предупредил об этом отца, зодчего, Заврака и Гавваса — пообещаем, дескать, вместе и на славу. Время перевалило за полдень, а Бадия все не шла. Проголодавшийся Заврак

издали делал Зульфикару знаки, показывая на живот — подвело, мол, кишки, когда же обед прибудет?

— Потерпи, сейчас Бадия придет,— крикнул Зульфикар, а сам не отрывал взгляда от улицы. Но ни Бадия, ни сестры не появились.

Зульфикар удивленно поглядывал на отца.

— Ну что ты так беспокоишься, взял бы да сбегал домой,— посоветовал уста Нусрат.

Сам он тоже клал кирпичи и делал это так проворно и ловко, что ученики, подававшие ему кирпичи, не поспевали за ним.

Зульфикар бросился домой. Дома Бадии не оказалось.

— Куда же она могла деться?— встревожилась мать.— Завернула целый поднос лепешек и ушла. Уже давно.

— Может, к Масуме-бека заглянула по дороге? Сейчас побегу туда,— сказал Зульфикар, стараясь скрыть от матери свою тревогу. Но и у Масумы-бека Бадии тоже не было.

— В полдень она испекла лепешки и вышла из дома,— объяснил теще Зульфикар.— А на стройке ее нет. Я думал, может, к вам забежала.

— Господи,— заволновалась Масума-бека,— куда же она могла деться?

— Может, она у ваших соседей?— с надеждой спросил Зульфикар.

— Да не водится за ней таких привычек, не могла же она, зная, что вы ждете еду, рассиживаться в гостях. О господи, что же случилось?

— Ну я бегу!— крикнул Зульфикар и выскочил на улицу.

— Буду ждать вестей,— крикнула ему велед встревоженная Масума-бека.

Зульфикар обошел все улицы, прилегающие к дому, к стройке, к махалле Намазгох. Бадии не было нигде. Он снова вернулся на стройку. Бадия и сюда не приходила. Зульфикар снова бросился в город, снова забежал домой.

— Нет?— в ужасе закричала его мать,— Господи, куда же она могла деться? Ну зачем ей понадобилось идти одной? Я же говорила, говорила, о всевышней!

— Еду ведь могли отнести сестры!— в отчаянии крикнул Зульфикар.

— Погоди, может, еще придет.

— Да куда она могла пойти? Она ведь и города толком не знает!— У Зульфикара кружилась голова, дрожали губы. Он присел на краешке террасы.— Ну куда, куда она могла деваться?

Он тут же вскочил и снова бросился к медресе. Работы продолжались. Стоявший на стене зодчий вопрошительно глянул на Зульфикара.

— Нашлась?

Зульфикар отрицательно покачал головой.

До самого вечера Зульфикар носился по городу, пробежал по всем улицам, заглядывал во все дворы. Бадия исчезла.

Исмаил Исфгани, видя волнение зодчего, попросил разрешение отлучиться, вскочил на коня и отправился прямо в приемную правителя. Зная, что должностных лиц, прибывших с важными делами, принимают без проволочек, он коротко изложил суть дела. Один из чиновников тут же приказал шестерым нукерам, всегда стоявшим наготове, скакать к городским воротам и задерживать всех подозрительных людей. Нукеры бросились исполнять приказ.

— Особенно следите за воротами Шейх Джалал и Мозори Шариф,— крикнул им вдогонку чиновник и рассказал Исфгани, что уже были случаи похищения девушек, что такое бухарцы совершить не могут и это дело рук разбойников из пустыни. От имени его светлости тархана он приказал есаулам обыскать все дворы махалли Деггарон, Суфиён, Заргарон, Равгангарон и Намазгох и во что бы то ни стало найти дочь зодчего.

— Нет нужды обращаться за помощью к его светлости,— сказал чиновник Исмаилу Исфгани.— Мы сами найдем ее.

Исфгани отправился к зодчему.

Всю ночь Зульфикар бегал от одних городских ворот к другим. Вместе с людьми есаула он побывал в самых подозрительных притонах и домах. Бадии нигде не было.

На следующий день зодчий на работу не вышел. Он слег. У него так заболело сердце, что он не мог даже подняться с постели. Однако, когда ему сообщили, что

на стройке работы идут кое-как, что по городу ползут неприятные слухи, он пересилил себя и, несмотря на мольбы жены и Заврака, явился на работу. Люди от души жалели его, а зодчий неустанно трудился наравне со всеми.

Сейчас он вместе с уста Нусратом, Абидом, Худайберганом и учениками работал как одержимый, сам клал кирпичи над входом, ханакой и сводом алтаря. Все молчали.

...Вечером того же дня дверь в комнату, где находилась измученная страхом Бадия, снова отворилась. И снова вошел ее палач с ножом в одной руке и с чашкой в другой. Он поставил чашку поближе к Бадие и поглядел на нее:

— Ну? Обдумала все?

Бадия не шелохнулась.

— Только напрасно себя мучаешь.

— Не подходи!— снова закричала Бадия.— Можешь убить меня, но ничего не добьешься.— Она с ненавистью смотрела на этого зверя, который, казалось, кинется на нее и загрызет.

Бадью мучила нестерпимая жажда, губы пересохли и потрескались.

«Что я наделала, что я наделала?— непрерывно корила она себя.— Зачем не раздумывая кинулась в эту пропасть? Лишилась рассудка? Неужто мне суждено умереть здесь позорной смертью?»

— Здесь и сгниешь!— крикнул ее палач, как бы в подтверждение ее мыслей.— Вот вода, выпей.

Он снова запер дверь и исчез.

Бадия потянулась было к чашке, но тут же отдернула руку. Страшная мысль пронзила ее: в воде снотворное! Она быстро выплеснула воду на пол.

В середине ночи дверь снова отворилась. Со свечой в руке, крадущимися шагами вошел все тот же страшный незнакомец.

— Ага, воду вылила!— Он оглядел Бадью с головы до ног. И хотя Бадью бил озноб, он понимал, что она не боится ножа и готова к смерти.

— Ну и подыхай как собака!— заорал незнакомец и, с силой захлопнув дверь, запер ее.

На рассвете он появился снова. В который раз повторилась все та же сцена. Заходил он еще дважды, угрожал, уговаривал.

— Уступи!— требовал он.

Но Бадия отрицательно качала головой.

— Уступи!— снова орал незнакомец.

— Выпусти меня!— наконец с трудом произнесла Бадия.

— Ты убила моего товарища!

— Я защищалась. Все равно ты ничего не добьешься. Убей меня! Если решил убить, чего же тянешь?

— Мне жаль твоей молодой жизни, глупая! И помни, твои родители не переживут твоей смерти.

Бадия молчала.

— Ну что же, пеняй тогда на себя.

Незнакомец ушел, но через минуту подкрался к отверстию в стене и сказал:

— Слушай, если хочешь, я увезу тебя из Бухары. Я соврал тебе, я не сын банщика, я человек богатый, мой отец вельможа. А здесь ночью к тебе заберутся крысы и джинны.

Бадия не отвечала. Послышалось шарканье шагов. Злодей ушел со двора.

Едва заглохли его шаги, Бадия без сил опустилась на пол. Боясь лишиться последних сил, она подобрала с пола тонкую лепешку и с трудом сжевала ее. Так она просидела до рассвета.

...Уже второй день Зульфикар носился по городу и вконец выбился из сил. Утром он снова выбежал из дома и направился к воротам Морози Шариф и Шейх Джалал. На углу одной из улочек какой-то придурковатый с виду мальчишка вдруг остановил его и показал на запертую дверь во дворе.

— Нечистая сила, нечистая сила,— бормотал он, бессмысленно тараща глаза.

Зульфикар отмахнулся было от него и пошел дальше. Но вдруг остановился:

— Где? Где нечистая сила?

— Вон там,— мальчишка поднялся с камня, на котором сидел, подошел к калитке и приложил ухо.— Здесь!

Зульфикар подошел и прислушался. Он едва уловил доносящийся откуда-то слабый голос: «Помогите, люди! Помогите!»

Зульфикар толкнул калитку, но она была заперта. Он вскарабкался на забор, оттуда на крышу и спрыгнул во двор. Откуда-то снова донесся голос: «Помогите!» Зульфикар кинулся к двери и увидел тяжелый замок. Откуда только взялась у него сила, воистину нечеловеческая сила, но он налетел на дверь, вышиб ее вместе с косяком и очутился в темном проходе. Из-за внутренней двери был слышен слабый женский голос. Зульфикар схватил выломленную дверь и начал ею бить по следующей двери, ведущей в комнату. Тут требовался бы топор, но не бежать же за ним домой. Он колотил и колотил по двери, пока не вышиб ее, и шагнул в полутемное помещение. Напротив него, прислонившись к кирпичной стене, стояла Бадия с осколком кирпича в руке.

Зульфикар огляделся. На полу валялся поднос и вокруг него рассыпанные лепешки.

— Что случилось?— Зульфикар подошел к жене.

Бадия молча глядела на мужа. Зульфикар легко поднял ее на руки, и только тут она, обессилив, выронила осколок кирпича. Так с Бадией на руках Зульфикар отправился домой. По дороге, кроме того же придурковатого мальчика и какой-то женщины, он никого не встретил. Зульфикар внес Бадью в их комнату и положил на постель. Она попросила пить. Напившись, Бадия успела лишь сказать: «Это люди Чалаби»— и потеряла сознание.

Оставив у постели Бадии мать и сестер, Зульфикар кинулся к табибу. Затем побежал на стройку сообщить зодчему и своему отцу, что Бадия нашлась, а оттуда кинулся в махаллю Намазгох, торопясь сообщить Масумебека счастливую весть.

Все родные и близкие собрались в доме Зульфикара.

Узнав от Исмаила Исфагани, что Бадью нашли в пустом доме, есаулы бросились туда, но никого не обнаружили. Начали искать хозяев...

Лишь к полудню к Бадие вернулось сознание и она подробно рассказала Зульфикару о том, что с нею произошло. Похититель сам сообщил ей, что по приказу Ахмада Чалаби приехал из Хорасана, чтобы обесчес-

тить дочь Наджмеддина Бухари и тем самым навлечь на него горе. Зодчий не перенес бы позора, и строительство медресе приостановилось бы надолго.

От правителя города тут же последовал приказ задержать человека с прилюснутым носом, со шрамом на подбородке и в красном чапане, в какие бы ворота он ни пытался ускользнуть. Было приказано тщательно обыскивать все караваны, выезжающие из города.

Был с пристрастием допрошен мальчишка, бродивший обычно по той улице, где он и остановил Зульфикара. Выяснив также, что хозяин дома живет и работает в Галаосиё, послали и за ним. Целую неделю шли розыски, но человек со шрамом как в воду канул.

Через несколько дней, прослышав о строительстве медресе, приехал в Бухару Ходжа-табиб, что было весьма кстати. Зодчий просил его заняться здоровьем Бадии. И Ходжа-табиб стал навещать больную дважды в день...

...Возмущенный и встревоженный Шах Малик-тархан не счел возможным скрыть от Улугбека происки Хорасана. Он сообщил в Самарканд о том, что Хорасан вновь сует свой нос в дела Мавераннахра и ведет себя враждебно. Похищение дочери зодчего, строящего медресе по личной просьбе Улугбека-мирзы, было не единственным злодеянием хорасанцев. Настораживало и внушало опасение все возрастающее влияние его светлости Ходжи Мухаммада Порсо и улема¹.

Бухарские вельможи и чиновники склонны были прислушиваться не к приказам правителя города, а к словам шейх-уль-ислама.

Мирза Улугбек сразу понял, что здесь не обошлось без козней его младшего брата Ибрагима Султана, хотя тот находился далеко от Бухары.

— Благодарение богу, на сей раз обошлось, спас аллах,— обратился зодчий к Ходже-табибу, сидевшему у постели Бадии.— А ведь она могла стать жертвой распрей двух царевичей. Они дерутся за трон, за власть, плетут свои интриги, а страдает от этого народ.

— Что верно, то верно,— согласился табиб.— Деды и прадеды каршинского бека, который сам родом из Кеша, были воинами. И сам бек на стороне Ибрагима Султана. Они ведь считают, что границы государства

¹ Улем — верхушка мусульманского духовенства.

можно расширить, а укрепить его не с помощью просвещения и развития наук, а лишь мечом и саблей. Твердят, что вокруг столько земель и богатств, которые можно прибрать к рукам, а Мирза Улугбек, мол, считает в небе звезды. Помните, как меня в тот раз огорошила наглость и несправедливость бека? Как позорно расплатился он за сделанное ему добро! По дороге сюда я заглянул к Чули-бобо, снова полюбовался вашим водоемом. Во всей степи нет ни одного чабана, который не поминал бы вас в своих молитвах.

— А ты запомни, Бухара не Герат, дочь моя,— обратился зодчий к Бадие.— Тут женщине нельзя свободно разгуливать по улицам. Здешние нравы мне давно известны. Сколько раз я тебя предупреждал.

— Я ведь не думала, что есть еще люди, замышляющие против нас зло,— ответила Бадия.— А оказывается, Чалаби жив. А ведь говорили, что умер...

— Ах, не Чалаби, так другие,— досадливо поморщился зодчий.— Конечно, они могли бы просто убить меня. Но этого им мало. Они жаждут моих страданий, моего позора, мечтают обречь меня на медленное умирание. А потом скажут, разве это был зодчий? Это был просто заурядный старик. Вот взялся строить в Бухаре медресе, да оказалось, кишка тонка. А в Герате работал он под надзором устада Кавама да еще с помощью Ахмада Чалаби. Вот каким путем они надеются посеять слух, что мы, мол, люди сомнительные и что Улугбек-мирза зря возлагает на нас надежды. Борьба, конечно, еще не закончена, и пока я жив, она не затихнет. Поэтому прошу тебя, доченька, будь осторожна, не выходи одна на улицу, береги себя. От этого зависят моя жизнь и моя честь.

Бадия кивнула.

А на следующий день, оставшись в комнате одна, она поспешно сшила футляр для своего небольшого кинжала и прикрепила его к подкладке нарядной бархатной безрукавки. Ей казалось, что никто этого не заметил. И впрямь, в семье уста Нусрата никто ничего не заметил. Один лишь Зульфикар догадался, да и тот скрыл от жены свою догадку.

— А если бы у тебя не было кирпича и бандит ударил бы тебя кулаком?— сказал Зульфикар Бадие ночью, когда они остались вдвоем.

— Тогда ты нашел бы мой труп,— ответила Бадия.
— А ведь и в Герате в тебя влюблялись юноши.
— Вот один из них,— улыбнулась Бадия мужу. Зульфикар привлек ее к себе и стал покрывать нежными поцелуями ее глаза, шею, руки...

Глава XLIII

ЕЩЕ НЕМНОГО ИСТОРИИ

Сколько минуло лет...

Путихли грабежи, разбой, набеги. Наконец-то Бухара могла насладиться спокойной жизнью и поэтому казалось, будто годы летят со сказочной быстротой. У зодчего было уже двое внуков и даже один правнук. Старший сын Бадии Меморбек стал зодчим, как и его дед. Он женился, и у него был маленький сынишка, названный в честь дяди Низамедином. Внушке же дали имя бабушки, которой было без года девяносто. Зодчий состарился и ходил с трудом. Все его друзья, кроме Хусанбека, были живы и здоровы.

Жил он в своей родной Бухаре, жил в славе и почете. Нередко, укутав зодчего в златотканый халат и усадив на арбу, его везли на пышные торжества. Людей, жаждущих общения с ним, ждущих его совета,— великое множество. Старость зодчего была окружена уважением и почетом. И сам правитель Бухары, и жители города всячески старались сделать что-нибудь приятное своему великому земляку. Переживший много горя и страданий, мудрый и талантливый зодчий вновь вошел в силу в годы правления Улугбека и при его покровительстве. Медресе Улугбека, которое создал зодчий, стало красою не только города, но и края, стало самым многолюдным местом. Учащиеся медресе знали и почитали Наджмеддина Бухари, который состарился в трудах.

Каждую пятницу, опираясь на палку, зодчий медленно брел к Джаме-мечети. Люди выходили из своих домов, желая приветствовать его, и, по старинному обычаю Востока, стлали ему под ноги коврики и домотканые паласы, выносили младенцев, чтобы он взглянул на них или коснулся, дабы дети их тоже дожили до таких лет, дабы век их был столь же долгим.

Наджмеддин Бухари с благодарностью поминал в

своих молитвах Улугбека, поддерживающего в стране мир, не допуская войны и распрей. Он считал Улугбека самым справедливым из всех тимуридов. Это он, Улугбек,— государь и астроном — поощрял искусства и науки и сам был выдающимся астрономом. С глубоким почтением Наджмеддин Бухари относился к этому тимуриду. Книги Улугбека, его знаменитая таблица «Зиджи Курагани» бережно хранились в доме зодчего. И все родные и близкие зодчего — и Бадиа, и Зульфикар, и Заврак, и Гаввас, и Хасанбек, и Абуталиб, жили мирно и счастливо, считая, что Самарканд и Бухара самые процветающие и прекрасные города во всей вселенной...

Но не все знали о том, что именно в эти годы в Мавераннахре и его столице Самарканде происходят тайные события. И здесь, уважаемый читатель, нам придется перелистать еще несколько страниц истории.

...Отношения между Улугбеком и даштикипчакским ханом Баракханом Углоном постепенно обострялись. Баракхан стремился к самостоятельности, претендовал на город Сигнак — важный торговый центр, а также на территорию вдоль реки Сырдарья. Он считал свои притязания законными потому, что город Сигнак когда-то принадлежал деду Баракхана, был благоустроен и развит им.

В ответ на эти притязания Улугбек предпринял поход на кочевников Даштикипчака, живших вдоль Сырдарьи. К войску Улугбека примкнули и нукеры его младшего брата Мухаммада Джуки. Но поход этот закончился неудачно. Баракхан разгромил войско Улугбека. Это событие едва не привело к потере Улугбеком самаркандского трона, и господства в Мавераннахре. Под влиянием духовенства, давно плетущего интриги против владыки-астронома, в городе началось недовольство. Фанатики требовали закрыть ворота столицы и не пускать в нее потерпевшего поражение Улугбека. Это позорное поражение так его потрясло, что никогда более, до самой смерти своего отца Шахруха, он не вел войн и оставлял без ответного удара кипчакские набеги.

После смерти Шахруха в Хорасане и Мавераннахре началась оголтелая борьба за власть. Вдова Шахруха, Гаухаршодбегим, обладавшая не женской силой характера, считала, что трон тимуридов должен перейти к внуку ее Аллаудавле, хотя по обычаю трон отца всегда на-

следует старший сын. А старшим был как раз Улугбек. Поэтому Гаухаршодбегим не решалась выступать открыто, а втайне плела сеть интриг.

Улугбек не скрывал своего желания объединить Хорасан с Мавераннахром. Наступила трудная година. Разгневавшись на Улугбека, Гаухаршодбегим назначила Абдуллатифа, сына Улугбека, предводителем войск. Теперь кровопролитное столкновение между отцом и сыном стало неизбежным... Против Улугбека выступили также Аллаудава и Абулкасым Бабур (второй сын царевича Байсункура). Аллаудава захватил Мешхед, а Абулкасым Бабур — Мазандаран. Помимо того, Аллаудава разбил наголову войска Абдуллатифа, а самого предводителя кинул в гератскую крепость Ихтиёриддин. Желая спасти сына от гибели, Улугбек пошел на мировую, и Аллаудава принял его предложение, ибо знал, что его не знающий удержу и не признающий ничьих советов брат, Абулкасым Бабур, вот-вот захватит Герат. Согласно заключенному соглашению, Абдуллатифа отпускали к отцу в Самарканд. В ответ на это Улугбек отказался от своих притязаний на Хорасан.

Однако в 1448 году, ссылаясь на то, что был нарушен один из пунктов соглашения, Улугбек вместе с Абдуллатифом снова повел свои войска в поход. В Тарнабе, в четырнадцати фарсангах от Герата, воинство Аллаудава было разбито, и Улугбек, вместе с сыном, вошел в Герат. Однако окончательному завоеванию Хорасана помешал мятеж амиров, а также нападение на Мавераннахр кочевников-узбеков под водительством Абдулхаирхана.

Походу Улугбека на Хорасан суждено было стать роковой минутой в жизни правителя Самарканда и началом вражды между Улугбеком и его тщеславным сыном Абдуллатифом. Страницы летописи глясят, что в битве при Тарнабе Улугбек несправедливо приписал славу победителя не Абдуллатифу, благодаря которому и была, в сущности, одержана победа, а второму своему сыну, Абдулазису. Во времена правления своего деда Шахруха Абдуллатиф привык к поклонению. Не последнюю роль в этой распре между отцом и сыном сыграли черные силы — религиозное духовенство.

Назначив Абдуллатифа правителем Герата, Улугбек объявил, что этот город, как и во времена Тимура, будет лишь одной из провинций государства. Не помня себя от

ярости, Абдуллатиф примыкает к врагам своего отца и коварно выжидает удобной минуты для начала военных действий. В своих владениях Абдуллатиф отменил налог «тамга», взимаемый с купцов и торговцев, несмотря на то что Улугбек считал его доходной статьей казны, ибо путь торговых караванов, следующих в Индию, лежал через Балх. И теперь Улугбеку, стремящемуся сохранить единство государства, не оставалось ничего иного, как пойти войной на своего предателя сына.

Оставив наместником в Самарканде второго сына, Абдулазиза, Улугбек снова идет походом на Хорасан. Однако оставленный наместником Абдулазиз навлек на себя недовольство семей амиров, состоящих в войсках Улугбека, так как с его соизволения в городе царил произвол и насилие. В столице начались волнения, и разгневанные амиры договорились выдать Улугбека Абдуллатифу.

Таким образом, Улугбек, находящийся на берегу Джайхуна, где сосредоточены войска для борьбы с Абдуллатифом, вынужден вернуться в Самарканд, чтобы навести порядок в столице, и, назначив наместником Мираншаха, вновь выступает в поход. А в это время Абдуллатиф, захватив Термез, затем Шахрисябз, направляется к Самарканду. В один из осенних дней у кишлака Дамашк близ Самарканда происходит кровавая битва, из которой Абдуллатиф выходит победителем. Самаркандский Амир Мираншах закрывает перед Улугбеком ворота города. Но так как Улугбек лишен возможности войти и в Шахрухию, он вынужден сдаться на милость Абдуллатифа.

Сам оставаясь якобы в стороне, вероломный Абдуллатиф устраивает тайный суд над отцом, и 27 октября 1449 года по христианскому летосчислению с его согласия Улугбека убили. А еще через несколько дней Абдуллатиф умерщвляет не только родного своего брата Абдулазиза, но и преданных Улугбеку амиров и захватывает трон тимуридов. За недолгое правление этого отцеубийцы и братоубийцы огромную силу приобретает так называемый черный дервишизм. Религиозные фанатики поддерживали новую власть и нашли себе прочную опору в лице реакционной группы официального мусульманского духовенства.

Правителя-отцеубийцу люто ненавидит и народ и

знать. Видя это, Абдуллатиф жестоко мстит и карает за малейшую провинность всех без разбора. При дворе зреет заговор и в мае 1450 года совершается дворцовый переворот. Неподалеку от Багинава, у городского рва, Абдуллатифа лишают жизни.

Из записей историка Мирхонда мы узнаем, что мстители, нимало не таясь, привозят голову Абдуллатифа в Самарканд и выставляют ее на Регистане. Власть переходит к сыну Ибрагима Султана Абдулле Мирзо...

Вот какими событиями было отмечено это сорокалетие.

Зодчий не забывал тяжкие годы страданий, но покой, почет и благоденствие сделали свое дело — Наджмеддин Бухари не роптал, он видел, что не зря прожил жизнь, что создал великие творения и окружен ныне детьми, внуками и правнуками. Он был стар, готовился проститься с этой жизнью и перейти в мир иной. Но...

Глава XLIV

НАПАДЕНИЕ АБУСАИДА

Весть о том, что тимурид Абусаид-мирза, внук Мираншаха, с огромным воинством движется на Бухару, потрясла город. Воспользовавшись враждой между Улугбеком и Абдуллатифом, Абусаид-мирза, войдя в сговор с Абулхаирханом, правителем Даштикипчака, начал готовиться к походу на Самарканд. Его тайно поддерживали шейх-уль-ислам Ходжа Мухаммад Порсо и Ходжа Ахрар, вместе со своими приверженцами в Самарканде. В пятницу все ворота Бухары были накрепко заперты и отряд нукеров и воинов вышел за пределы города. В Самарканд к Улугбеку были срочно отправлены гонцы.

Старый Шах Малик-тархан слишком хорошо знал нрав молодого тимурида. Абусаид-мирза отличался энергией, редкостной настойчивостью и предприимчивостью. Малик-тархан понимал, что Абусаид-мирза вошел в сговор с влиятельными вельможами двора и нападение на Бухару совершит внезапно и стремительно. Мучимый дурными предчувствиями, опасаясь, что Абусаид-мирза одержит в бою победу, Малик-тархан ломал голову над тем, как избежать позора, особенно позора перед Улугбеком.

Ходжа Мухаммад Порсо настаивал на том, чтобы открыть ворота города Абусаиду. Но это было бы прямым предательством, и правитель Бухары, старый воин, не мог согласиться на такой шаг даже во избежание кровопролития и спасения жизни мирных граждан. Шах Малик-тархан видел, что шейх-уль-ислам открыто выступает против «вероотступника» Улугбека. Понимал он также, что предательство приверженцев ислама в тяжкие для его величества дни отнюдь не случайность. Смута в Хорасане и Мавераннахре, беспрерывные стычки между царевичами Аллаудаулой, Абулкасымом Бабуром, Абдуллатифом, Абдулазизом, Абдуллой, приготовления Абусаида-мирзы к походу — все это доводило Шаха Малика-тархана до отчаяния. А уж кому, как не ему, испытанному воину, было не знать, какие беды ждут Бухару, если ее захватит молодой тщеславный царевич, — повторится то, что было при нашествии монголов, — разрушение, кровь и насилие, грабежи и смерть. Будет растоптана политика Улугбека-мирзы, государство распадется, поголовно истребят верных людей, ученых, поэтов. Поэтому, решив не впустить Абусаида-мирзу в город, Шах Малик-тархан усиленно готовился к отпору.

Он призвал всех граждан города от мала до велика вооружиться и стать на защиту Бухары. Но тархан еще не ведал о том, что Абулхайрхан, уже захватив город Яссы — крепость против кипчаков на берегу Сайхуна, двинулся на Самарканд.

В воскресенье, в трех фарсангах от Каршинских ворот Бухары произошло столкновение войск царевича с бухарцами, и в этой короткой стычке бухарцы были разбиты наголову. Раненному в бою Шаху Малику-тархану с небольшим конным отрядом удалось скрыться в городе. Тут же был издан указ усилить оборону крепостных стен, а особенно Каршинских. Самаркандских и Мозор-Шарифских ворот. Среди конных, вошедших в город вместе с раненым Маликом-тарханом, был и Заврак Нишапури.

Испросив разрешения сотника, он помчался с печальной вестью в махаллю Деггарон, ему предстояло сообщить зодчему и уста Нусрату о гибели в бою Зульфикара и их внука Меморбека.

Заплакала в голос, запричитала старая мать Зуль-

фикара, застыл словно каменное изваяние старик зодчий, матери Зульфикара вторила Масума-бека.

Побледневшая как полотно Бадия стремительно вбежала в дом, сорвала с гвоздя халат мужа, накинула его на себя, натянула его сапоги и, подоткнув под шапку косы, перепоясалась широким ремнем. Острый кинжал Бадия сунула за голенище, а дамасскую саблю Низамеддина взяла в руки.

— Не надо отговаривать меня,— сказала она родным.— Не плачьте, мама, я отомщу за сына и мужа.

Она вскочила на коня Заврака, которого тот успел напоить.

— Вы, Нишапури, пойдете пешком. Не могу я явиться на службу к тархану без коня.

Она огрела плетью коня и поскакала к Каршинским воротам.

Вслед за нею, выхватив саблю, по узким улочкам бросился бегом и Заврак Нишапури.

Улицы были пустынные. Люди, узнав о том, что раненый тархан находится в городе, притаились в своих домах. И еще сильнее перепугались жители, услышав весть о том, что город окружен врагом. Бухара, казалось, вымерла, и лишь у ворот и на стенах толпились войны, готовясь к обороне. А в самом сердце города хмуро и горделиво возвышался Минораи Калан. Затаились в новом медресе и преподаватели и учащиеся, сейчас им и мышиная нора показалась бы раем,

Полководец всмотрелся в подскакавшую на коне Бадию. За ней подоспел и Заврак Нишапури.

— Кто ты?— спросил старый полководец.

— Бадиуззаман,— ответила Бадия.

— А где ты был до сих пор, Бадиуззаман?

— Сейчас не время спрашивать об этом, господин начальник.

Стерев кровь с рассеченного лба, полководец кивнул Завраку:

— Поди, братец, возьми себе коня.

Но тут к полководцу подскакал воин и что-то шепнул ему на ухо. Старый воин вздрогнул и провел ладонями по лицу: его светлость господин тархан покинул сей мир!

Началась подготовка к обороне. На ворота и крепостные стены втаскивали смолу, каменные глыбы, кормили и поили коней.

К вечеру прискакавший конный сообщил, что ворота Шейх Джалал открыты и враг просочился в город.

— Спаси и помилуй аллах! Значит, среди нас есть предатель! Кто приказал открыть ворота?

И вместе со своими воинами он поскакал туда. Но враг уже затопил улицы города, и битва началась среди домов.

Словно одержимая, Бадия врезалась в ряды неприятелей, рубя направо и налево. Лиц она не различала. Вот кто-то грузно упал почти под ноги ее коня, а Бадия уже снова занесла острую дамасскую саблю, и еще один враг, словно кланяясь, плюхнулся на землю. Какой-то конный сзади занес саблю над головой Бадии, но Заврак поверг его молниеносным ударом и тут же свалился сам, сраженный вражеской саблей. Бадия ничего не видела. Она рубила врагов, попадавших под взмах ее сабли. Казалось, будто какая-то неистовая, какая-то сверхъестественная сила вселилась в нее, она метала вокруг огненные взгляды, словно дикая кошка, и рубила, рубила каждого, подвернувшегося под ее руку. Она не чувствовала, что конь под нею устал, еле держится на ногах, она видела перед собой только врага, и каждый удар ее сабли поражал намеченную цель. О, если бы можно было прыгнуть им на грудь, впиться зубами им в глотку. Вражеские солдаты стали с опаской поглядывать на этого одержимого, который действовал ловко, умело. Страх вселялся в их сердца. Этот одержимый только что погубил разом четверых.

И старый полководец, храбро сражавшийся позади Бадии, подумал: «Вот как наши бьются, не щадя жизни, а ведь нас предали, открыли ворота...»

Уклоняясь от сабель, полководец врезался в самую гущу неприятеля, он подбадривал своих воинов, хотя и понимал, что придется отступить — слишком уж велико было численное преимущество нападающих.

А воин, назвавшийся Бадиуззаманом, и вовсе не думал об опасности, не думал о том, что в любую минуту сабля врага может снести ему голову, он действовал стремительно и проворно, преследуя неприятеля и сам первый нападая на них, был дерзок до безумия и в конце концов вверг в ужас людей Абусаида. Еще трое вражеских воинов, ворвавшихся в узкую улочку, были опрокинуты храбрым бухарцем, остальные, повернув коней,

в страхе поскакали к широкой улице, туда, где были их собратья. Бадия бросилась вслед за ними. Выскочив на площадь напротив медресе, она вновь кинулась в бой, вместе с подоспевшими бухарскими воинами. Но битва на площади у самого медресе Улугбека была недолгой. Воины Абусаида наводнили всю площадь и порубили бухарцев.

Глядя на полководца, упавшего наземь, глядя, как изо рта у него хлынула кровь, Бадия подумала: «А ведь только что расспрашивал меня...» Но в этот миг кто-то нанес ей сильный удар по руке. Сабля отлетела в сторону. Она нагнулась, надеясь выхватить из-за голенища кинжал, но не успела, кто-то сильным ударом опрокинул ее коня, и она вместе с конем рухнула на землю. Пока она выпрастывала ногу из стремени, четверо врагов окружили ее и, навалившись, скрутили ей руки. Бадью связали и, накинув на шею аркан, поволокли по улицам Бухары.

Ее длинные косы упали из-под шапки и разметались по плечам. Но она даже не заметила этого. Враги были потрясены: как? Женщина! Обладает нечеловеческой силой, сражается, словно закаленный в боях воин! Не иначе как дочь Шаха Малика-тархана...

Битва закончилась. Воины Абусаида-мирзы ворвались в ворота города и окончательно захватили Бухару.

...От Бадии, так стремительно ускокавшей из дома, все не было вестей, и зодчий, не выдержав, взял свой посох и отправился в центр города, к цитадели. Он наклонялся над телами, заполнившими площадь, взглядывался в каждое лицо. Бадии среди них не оказалось. Ему все чудилось, что его отважная дочь лежит где-то здесь, сраженная вражеской саблей.

Остановить ее, не пустить в этот ад он не мог. Слишком хорошо он знал неукротимый нрав дочери — она шла мстить за мужа, за сына, за свой поруганный народ. Опираясь на посох, старик брел к цитадели. Кругом скакали всадники, рядом вели пленных со связанными руками, среди них было много чиновников и должностных лиц. Никто не обращал внимания на зодчего. Очевидно, его принимали за старого слепца. Но глаза его были широко открыты. Он видел все — и руины, которые будут здесь завтра на месте зданий, и людей, которых убили

и убьют. Но страшнее всего было то, что кто-то открыл ворота врагу.

Кто же это сделал, по чьему приказу распахнулись ворота Шейх Джалал?

Огромное войско Абусаида все равно ворвалось бы в Бухару, но открыть ворота врагу? Открыть, не получив на то указа Улугбека?.. Предательство! Коварное и низкое предательство.

Быть может, Улугбек, понимая, сколь опасен сейчас Абусаид, его двоюродный племянник, сумевший собрать такое многочисленное войско, и сам назначил бы его наместником в Бухаре, надеясь предотвратить кровопролитие. Однако спесивый и коварный внук Мираншаха вряд ли захотел бы покориться Улугбеку. Он мечтает о троне Амира Тимура. Это уже давно не было тайной и для Улугбека и для преданных ему царедворцев.

Но государь-астроном видел и другое: в Хорасане все большее влияние приобретают Аллаудаула, Абулкасым и Абдулла, а на другом берегу Сайхуна бряцали оружием правители Даштикипчака Барак Углон и Абулхайрхан.

Вместе с уста Нусратом, который пошел следом за зодчим, они направились к Шейх-Джалалским воротам города. И здесь они тщательно обыскали все вокруг. Бадий нигде не было. Тогда они двинулись к медресе Улугбека — именно здесь произошла самая жестокая схватка. Отыскав среди убитых Заврака Нишапури, зодчий вынул из кармана платок и со слезами крепко подвезал нижнюю челюсть покойному.

Старики побрели дальше, к Каршинским воротам. Пройдя мимо повергнутых наземь воинов, мимо котлов с остывшей смолой, они вышли за пределы города. И здесь, среди множества трупов, усеяших поле, они отыскали Зульфикара и Меморбека.

— О аллах, зачем я только дожил до этого дня, — рыдал зодчий, прижимая к груди тело внука. — Неужто я так много грешил в этом мире? За что же ты отнял у меня сразу всех? О небо! О несправедливая судьба! За что карает меня господь?

Уста Нусрат, положив голову Зульфикара себе на колени, молча гладил его лоб, щеки, будто сын его мирно спал после долгого пути.

Взгляд несчастного отца был неподвижен, он словно застыл в своем несказанном горе.

Ночью бухарцы, по указу нового правителя, при свете факелов собрали трупы погибших и похоронили их за крепостным валом. Раненые воины были размещены во дворах чиновников, взятых под стражу.

Зодчий и уста Нусрат отыскиали арбу, положили на нее тела Зульфикара и Меморбека, увезли домой. По дороге они подобрали и труп Заврака Нишапури.

Убрав покойников, они зажгли свечи и просидели так до утра. И на рассвете похоронили их без саванов, в одних одеждах. А к вечеру стало известно, что в этом бою погибли также Абуали и Гаввас Мухаммад.

Люди рассказывали о какой-то женщине, которая, переодевшись в мужское платье, отважно сражалась с врагами на площади около медресе. Говорили, что ей удалось выбраться из города, а может быть, она спряталась где-нибудь во дворе. О ней уже ходили легенды: словно тигрица набрасывалась она на врагов и рубила их саблей, опрокидывала с коней.

А нукеры Абусаида до сих пор дивились — где это женщина могла так научиться владеть саблей? Либо она дочь тархана, либо одна из невесток Улугбека. И все с нетерпением ждали, когда будет точно известно, кто она на самом деле.

К вечеру того же дня по указу шейх-уль-ислама Хаджи Мухаммада Порсо были открыты Самаркандские и Каршинские ворота... Сам Ходжа Мухаммад Порсо с конными улемами выехал из Каршинских ворот встретить Султана Абусаида. Нукеры подвели к Абусаиду белого коня, усадили на него, и так на белом коне победитель Султан Абусаид въехал в город. Первым делом он направился в цитадель, уселся там на древний трон, стоявший на просторном дворе.

Когда был захвачен весь город и когда, как выражались воины Абусаида, «все успокоились и прикусили язычок», в главном дворце цитадели был устроен пышный пир для знати, и на этом пиру Абусаид-мирза с Ходжой Мухаммадом Порсо, сидевшие рядом на самом почетном месте, переговорили обо всем... А наутро Султан Абусаид-мирза встретился с духовенством и знатными гражданами города.

И Абусаиду-мирзе также доложили о том, что среди сражавшихся бухарцев была женщина, которая бесстрашно, как истый воин, сражалась в бою и уложила не одного воина. Утром Абусаид приказал привести к нему эту женщину. Бадю, которую заперли в есаульской, посадили на арбу и привезли в цитадель. Ей развязали руки и дали попить воды, а затем, обутую в сапоги и перепоясанную широким ремнем, в мужской одежде и с копной густых растрепанных волос, ввели к Абусаиду-мирзе. Пленницу подвели поближе к владыке, а он пристально смотрел на нее — женщина средних лет, стройная, с тонкой талией и полной грудью. Руки ее были окровавлены, но лицо холеное и белое, скрасивыми, распахнутыми точно ласточкины крылья бровями. Абусаиду тоже пришла мысль, что она, должно быть, из знатной семьи, а может, даже дочь или внучка Улугбека. В свою очередь Бадия взглянула на Абусаида: ну точь-в-точь тот самый бандит, который запер ее когда-то в пустой комнате заброшенного дома. То же мясистое лицо, те же выпученные глаза. Если бы не корона и не золотой ремень, она готова была поклясться, что это он и есть.

Помолчав минуту, Абусаид спросил:

— Чья ты жена? Почему ты вмешиваешься в дела мужчин?

— Защищать страну от врагов не только мужское дело, — дерзко ответила Бадия. — Я дочь зодчего Наджмеддина Бухари.

— Сын зодчего должен стать зодчим, — проговорил Абусаид, — а дочь — мужней женой. Зачем ты взяла саблю в руки?

— Твои воины убили моего сына. Я — мать. И если бы я могла, я порубила бы подряд всех царевичей и продажных вельмож.

— Уведите эту драчливую курицу и оторвите ей голову! — крикнул нукерам взбешенный Абусаид.

Нукеры схватили Бадю, скрутили ей руки и поволокли к выходу.

Ее вновь бросили на арбу, вывезли из цитадели и ввели в пустой двор. Один из нукеров выхватил саблю и в мгновение ока отсек ей голову. Жестокое воины Абусаида убили самую прекрасную на свете женщину. Они убили сраженную горем мать, сердце которой раз-

рывалось от мук и боли. О, сколь несчастливой оказалась твоя доля, Бадия!

Старики похоронили Бадию рядом с Зульфикаром и Меморбеком. А через два дня отошла в мир иной и Масума-бека...

В те дни вся Бухара хоронила и оплакивала покойников.

Среди народа прошел слух, что Абусаид принес городу беду...

А Ходжа Мухаммад Порсо, которому бухарцы дали кличку «старый ворон», благоденствовал по-прежнему. Он пришелся ко двору новому хозяину города и стал ближайшим его советчиком.

А вскоре прибывший из Самарканда вельможа привез весть о том, что Улугбек-мирза признал Султана Абусаида, считает его подлинным тимуридом и что он все равно собирался в самое ближайшее время отозвать Шаха Малика-тархана в Самарканд и назначить на его место Абусаида.

На торжественном приеме в цитадели прибывшему с этой радостной вестью вельможе вручили золоточный халат и с почестями проводили в Самарканд.

— Вы идете правильным путем,— сказал Ходжа Мухаммад Порсо, без которого Абусаид теперь не мог и шагу ступить.— Одним выстрелом вы убьете двух зайцев. Народ поуспокоится, а Улугбеку будет не до нас. Содного бока его зажимают в тиски Абухаирхан и Барак Углон, с другого — сыновья. Его не интересуется Бухара, он считает, что хоть здесь по крайней мере тишь и гладь. А вы тем временем соберетесь с силами и в один прекрасный день двинетесь на Самарканд, предъявите свое законное право на трон деда.

Абусаид ласково улыбнулся шейх-уль-исламу. Этот человек умел выразить все его затаенные мысли четкими и недвусмысленными словами.

Прошел год. Бухара, казалось, и впрямь поуспокоилась.

Каждый четверг Наджмеддин Бухари вместе со своим малолетним правнуком Низамеддином приходил на кладбище навестить дорогие ему могилы. Он долго сидел здесь, читал коран, тоскуя и оплакивая своих родных, которые покинули сей мир, оставив его, осиротевшего и беспомощного старика.

А потом зодчий брел на другое кладбище, отведенное для чужеземцев, и читал молитву у могилы Заврака, Гавваса, Абуали и всех остальных своих усопших, верных и любимых друзей. А по пятницам зодчий неизменно посещал мечеть и там молился о спасении их душ. Так проходили день за днем — в тоске и печали. Уже совсем одряхлевший зодчий так и жил в своей махалле Намазгох, лишившись почти всех своих родных и близких. В Бухаре не затевалось никаких новых строек, и почти все мастера разбрелись в поисках заработка по городам и селениям. Да и кому нужен был старый зодчий, который дожил до ста лет, кому нужны были его знания и советы?

Вельможи, чиновники и придворные, зная о том, что родные Наджмеддина Бухари погибли в битве против Абусаида, сторонились его. Они боялись сейчас даже взглянуть в сторону некогда прославленного зодчего, который теперь был похож на юродивого.

В одну из пятниц, держа за руку правнука и опираясь на посох, зодчий пришел в мечеть. Прочитав молитву, он уже направлялся домой, но у калитки мечети его остановил поджидавший зодчего служка и сообщил, что их святѣйшая милость Ходжа Мухаммад Порсо, исполнявший нынче обязанности имама, приглашает зодчего в молельню, что рядом салтарем.

Наказав правнуку дожидаться его здесь, на улице, зодчий, постукивая посохом, побрел за служкой по просторному, выложенному квадратным кирпичом двору мечети. Пройдя в молельню, что находилась под куполом, он увидел четырех мужчин, перебиравших четки. Они мирно сидели на расстеленном ковре, и среди них был Ходжа Мухаммад Порсо!

— Здравствуйте,— сказал зодчий, входя в полутемную молельню.

— Здравствуйте,— отозвался Мухаммад Порсо, приглашая зодчего присесть.

С трудом согнув непослушные колени, зодчий опустился у самого входа и сложил ладони для молитвы...

— Ну как, живы-здоровы, зодчий?— громко спросил Мухаммад Порсо, почему-то решив, что Наджмеддин Бухари плохо слышит.

— Благодарю! Как видите, все еще существую на белом свете.

— Я пригласил вас к себе для того, чтобы сообщить вам следующее,— продолжал Мухаммад Порсо.— Завтра или послезавтра вы должны явиться сюда в приличной одежде, и по возможности в новой. Я намерен повести вас в цитадель, где вы предстанете пред очами его высочества Султана Абусаида-мирзы. Его высочество, слава аллаху, весьма ценит людей науки и искусства.

— У меня нет никакого дела к его высочеству, господин,— сдержанно ответил зодчий.— Я предстану теперь лишь пред очами Мункера и Накира — ангелов, что снимают первый свой допрос на том свете.

— Советую воздержаться от еретических речей, зодчий.

— Я дожил до глубокой старости и не совершал предательства,— продолжал зодчий,— жить мне осталось немного. И никто, даже вы не можете теперь сделать меня предателем.

Наступило молчание.

—Повторяю, забудьте еретические речи!— побледнев, воскликнул Мухаммад Порсо.— Видно, вас одолевает дьявол!

— Я говорю правду и только правду.— Зодчий бросил хмурый взгляд на Мухаммада Порсо.— Вот вы совершили предательство, вы предали своего государя, вы открыли ворота Бухары врагу. И как в день Страшного суда вы взглянете в лицо Улугбека?

— Деяния Улугбека противны исламу. Он вероотступник!— крикнул Мухаммад Порсо.

— Деяния Улугбека противны фанатикам и предателям,— отвечивал зодчий, поднимаясь с колен. И, гневно постукивая посохом, пошел через двор Джаме-мечети.

Поджидавший его у входа Низамеддин взял прадеда за руку и повел домой.

С того дня зодчий не ходил больше в мечеть, теперь он молился дома. Прихожане-фанатики могли напасть на него, избить или даже убить. Но Мухаммад Порсо решил: не стоит, скоро сам подойдет как собака...

ЭПИЛОГ

Хотя ты открыл лавку жемчужин,
По сути эти жемчужины рассеял
в народе.

Навои

Зодчему уже перевалило за сотню лет, а он все еще бродил по улицам своей родной Бухары. Опираясь о посох, он медленно шел по извилистым и узким улочкам своей махалли, затем выходил на площадь и направлялся к своему детищу — медресе Улугбека. Усы и борода зодчего были седыми как лунь, брови нависали над глазами, и под желтой, даже коричневой, словно кирпич после обжига, кожей явственно проступали ребра. Одет он был в белую, распахнутую на груди рубаху и белые штаны, на голове носил старенькую светло-желтую чалму и на ногах неизменные кавуши.

Рано утром он выбирался из своего дома. Обогнув Минораи Калан, он останавливался в тени под высокими стенами Масжиди Калай и долго стоял здесь. Видно было, что ему нет дела ни до кого и ни до чего. Затем, пройдя через многолюдный базар под огромными куполами Токи Заргарона и под крытыми базарными рядами, выходил к водоему Ташхауз. Здесь останавливался передохнуть, глядя на чуть подернутую рябью воду, наполнявшую до самых краев этот огромный хауз. Иногда он пил из чашки водоноса, который поил его из милости, надеясь угодить этим аллаху. Старик не обращал внимания и на мальчишек, бежавших за ним следом. Опираясь о посох, он продолжал свой путь. Увидав древнего старца, иные люди останавливали повозки запряженные осликами, и покорно ждали, пока он пройдет, зато другие, нетерпеливые, проезжали, проходили мимо, задевали и толкали его,

но и это не трогало старого зодчего. Встречавшиеся на его пути арбакешы и носильщики порою останавливались, уступая ему дорогу.

Прислонившись к резной стене медресе Улугбека, он мутными глазами глядел на солнце, пока глаза не начали слезиться и их не затягивала темная пелена. Тогда ему чудилось, будто над куполом медресе просла разрушительница зданий трава кавар и нужно как можно скорее уничтожить ее. Стебли травы, подобно змеям, свисали с каменных стен. Он не глядел на людей проходивших мимо, хотя многие бухарцы знали своего знаменитого земляка и до сих пор женщины все еще выбегали из своих калиток, чтобы положить ему под ноги коврик, но зодчий переходил на середину улицы и брел прямо по пыли, бормоча, что не следует оказывать ему почестей.

Зато приезжие из других городов принимали его за нищего или юродивого. А бывало, что женщины, сидящие у калиток, низко кланялись старику и объясняли детям: «Этот дедушка отец отца твоего папы...» — на что зодчий с улыбкой прикасался к головам и плечам малышей.

Не раз, когда он проходил под стенами медресе, целая орава мальчишек, запускавших змей на площади, швыряла в него комья грязи или глины, тоже принимая его за юродивого, бродившего по базарам. Если здесь случался кто-либо из взрослых, мальчишек с руганью разгоняли. Зодчий не сердился на сорванцов, а лишь улыбался и шел дальше.

— Нельзя обижать детей, — говорил он своим заступникам. — Они гонят несчастного старика, зажившего на этом свете. А ведь они правы, так оно и есть, я осколок своего времени.

Иногда во двор зодчего, где рос старый тутовник, забегали полакомиться ягодами мальчишки. Старик сидел на краешке террасы и, хотя еле различал их, испытывал глубокую волнующую радость, слыша лишь приглушенный щебет.

— Сколько бы ни истребляли, сколько бы ни губили царевичи людей, но истребить мой народ нельзя. Отруби ветви от этого старого дерева, они отрастут вновь и расцветут пышным цветом. И никогда вам не удастся покончить с зодчим.

Устроившись на террасе и прислонившись к колонне, подолгу глядел он на диких горлинок, ворковавших на карнизах. Колонну эту поставили еще в дни его детства, и даже гвоздь в ней был на прежнем месте — тот самый гвоздь, на который он вешал тюбетейку и чалму.

Гвоздь этот вбили еще тогда, когда родившемуся в племени шахризьябских барласов Тимуру было всего три года. А в Междуречье властвовал тогда Кебакхан. Всех их давно уже нет.

Нет и царствовавшего сорок лет Шахруха-мирзы. Нет и Улугбека. Окончили свои дни и Джахангир, и Мираншах, Суюрготмыш и Барак Углон.

Нет больше и оголтело сражавшихся друг с другом братьев Аллаудаулы, Абдуллатифа и Мухаммада Джуки. Ушли из этого мира тимуриды, помышлявшие о господстве над всей вселенной, мечтавшие стать опорой небесного свода, а колонна на покривившейся террасе зодчего все стоит, и стоит прочно. И гвоздь, вбитый еще во времена Кебакхана, служит верно, и на него можно смело повесить и чалму и колпак... Вот и Абусаид-мирза помышляет теперь о троне Самарканда. Но и он умрет. Умрут и палач и лекарь, как говорят в народе. Нет человека, который жил бы вечно, которому было бы даровано бессмертие.

Так зачем же унижать, терзать и оскорблять друг друга? Зачем обманывать и завидовать друг другу в бренном этом мире?

И снова наступила пятница.

Постукивая посохом, зодчий вновь вышел на улицу. По небу Бухары медленно проплывали пухлые белые облака. Сильный юго-западный ветер вздымал столбы пыли.

Осень нынче пришла рано, и люди раньше обычного срока надели бешметы, обули ичиги и кавуши. Уже накрапывал дождь, и прибывшие на базар из дальних кишлаков дехкане, накрыв свои товары в хлебном и фруктовом рядах, прятались под крышу. А если дождь припускал сильно, торговцы и ремесленники, ювелиры и продавцы тюбетеек в крытых торговых рядах, затянув вход в лавки камышовыми циновками, тоже расходились по домам — все равно покупателей будет мало.

Зодчий долго ходил вокруг медресе. Одет он был,

как и всегда, в старенькую рубашку, на ногах — кавуши. Он не чувствовал холодного пронизывающего ветра, и ему все время мерещилось, что где-то здесь, рядом, появляется то Ходжа Мухаммад Порсо со своей холеной бородкой и в огромной, точно котел, чалме, то вдруг — Ахмад Чалаби. Зодчий брел к Минораи Калан, *останавливался, словно поджидая кого-то, снова шагал по каменным дорожкам.

Учащиеся медресе, обычно заполнявшие весь огромный двор и стоявшие у ворот, не обращали никакого внимания на старика. А медресе, в котором они учились, было создано именно вот этим старцем, этим талантливим зодчим.

Даже уличные собаки — обитатели площади возле медресе — привыкли к нему и продолжали спокойно дремать, когда он проходил мимо.

Небо почернело, снова стал накрапывать дождь. Засверкала молния, и загредел гром. Начался ливень.

Зодчий укрылся под аркой у ворот медресе. Помутневшими слабыми глазами глядел он на мрачные тучи, заволакивающие небо. Прислонившись к кирпичной стене, так и стоял он с посохом в руках, и, казалось, взывал к всевышнему: «Господи, ты забрал моих детей, моих близких, родных и друзей. Ты забрал моих учеников». Он не замечал ни дождя, ни ветра, он обращался к творцу мироздания, чей облик прозревал сейчас на небе.

— Я стар,— говорил он,— мне чужда мирская суета. Всю свою жизнь я провел в труде. Ни на что я не жалуюсь, ничего не прошу. Так возьми же меня, несчастного раба своего, слишком загостился я в этом мире.

— Нет!— послышался зодчему далекий и громкий голос.— Какой же ты несчастный? Ты слишком много сделал для людей. Не в моих силах отнять у тебя жизнь!

— Но ты ведь взял баловней судьбы, твоих рабов, сильных мира сего Ходжу Мухаммада Порсо, Ходжу Убайдуллу Ахрара, Хасана Аттара Чархи, кои всю жизнь поклонялись тебе, так неужто у тебя нет сил, о всемогущий, отнять жизнь у меня, грешника?

— Они всю жизнь помышляли о рае, они денно и ночью били поклоны так, что стерся даже камень.

Были они рабами корыстными и тщеславными. Нет!
Я не могу лишить тебя жизни!

— О всевышний! Ты взял жизнь у Амира Тимура, у Александра Македонского, у Дария, Чингиса и Кутейбы, кои могуществом своим и славой военной потрясали мир! Так отчего же ты не можешь взять жизнь у безвестного старца, у несчастного и слабого человека?

— Те, кого ты упомянул,— все разрушали. А то, что сотворил ты, будет веками жить на земле. Я создал безводные степи, а ты построил в степях водоемы. Я создал реки, а ты перебросил через них мосты. Я создал землю и воду, а ты сделал из них кирпичи и строил здания. Я дал тебе разум, а ты раскрыл тайны мира, совладал с тем, на что не хватило сил моих. Я не могу отнять у тебя жизнь. Ты останешься в этом мире навечно.

И, слушая эти слова, зодчий приник к каменной стене медресе и замер. И вот уже не одно столетие под дождем и снегом, ветром и буранами, не подвластные ни землетрясениям, ни пожарам, гордо и несокрушимо высятся воздвигнутые им здания. И у одного из них, прислонившись к каменной стене, стоит живой зодчий Наджмеддин Бухари.

*Ташкент
1971—1974*

ОТ АВТОРА

С давних пор меня влечет древнее зодчество — непревзойденное искусство тех, кто своими руками и своей мыслью возвел великие памятники архитектуры.

И так как с самого детства мне полюбилось благородное искусство мастеров мозаики, ремесло гончаров, ремесло тех, кто расписывает посуду, так как я привык с ранних лет восхищаться и уважать их скромный труд, к которому были причастны кое-кто из моих предков, да и отец мой тоже, — в душе моей уже давно зрел замысел написать роман об этих народных умельцах.

Но естественно, что всего перечисленного выше было еще недостаточно для осуществления моего заветного намерения.

Одновременно с изучением археологических памятников, созданных зодчими минувших веков и неизменно вызывающих восхищение наших современников, мне пришлось усердно штудировать все существующие исторические источники, относящиеся к той эпохе.

В процессе работы над этой книгой бесценную помощь мне оказали труды историков прошлого — Абдураззак Самарканди, Хафиза Аbru, а также академика И. Ю. Крачковского, академика Вахида Захидова, академика В. А. Абдуллаева, профессора Г. А. Пугаченковой, кандидатов наук доцента П. Захидова и Н. Норкулова, которым я премного благодарен за их советы.

Помимо этого, немалую помощь оказали мне инженер-реставратор И. Мухсинов, проживающий в г. Бухаре, и многие другие зодчье-реставраторы. Выражаю им всем сердечную благодарность за искреннее желание помочь автору этой книги.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	161
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	301
ЭПИЛОГ	400
ОТ АВТОРА	405

МИРМУХСИН
(МИРМУХСИН МИРСАИДОВ)

ЗОДЧИЙ

Роман

*Перевод с узбекского
Печатается по изданию: Москва,
«Советский писатель», 1978.*

Редактор *И. Заленская*
Художник *С. Латыпов*
Художественный редактор *А. Пономарев*
Технический редактор *Э. Саидов*
Корректор *Л. Лебедева*

ИБ № 1213

Сдано в набор 18. 01. 79. Подписано в печать 19.07.79
Формат 84 × 108¹/₁₆. Бумага типографская № 2 школьная
гарнитура высокая печать. Усл. печ. л. 21,42. - Уч. изд.
л. 22,06 + 0,49 вкл. Тираж 120 000. Заказ № 1220 Цена
1 р 60 к.

Издательство литературы и искусства имени Гафура
Гуляма. Ташкент, 700129, ул. Навои, 30.

Полиграфкомбинат Ташкентского производственного полиграфического объединения «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ташкент, ул. Навои, 30,

Мирмухсин.

Зодчий: Роман. Пер. с узб. Н. Владимировой.—Т.: Изд. лит. и искусства, 1979.—408 с.

Новый роман Мирмухсина «Зодчий» обращен к историческому прошлому узбекского народа. Действие происходит в XV веке, в годы расцвета литературы, искусства, зодчества в Средней Азии. Автор вводит нас в общественно-политическую атмосферу, царившую в те времена в Мавераннахре и Хорасане — территории, расположенной между крупнейшими в Средней Азии реками Амударьей и Сырдарьей.

В романе много конкретных исторических лиц. Книга посвящена судьбе народных мастеров, их таланту, самоотверженному труду.

ББК 84Уз7
Уз2